

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ДИСТАНЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ THE CONCEPT AND SIGNS OF REMOTE CRIMES IN THE DIGITAL AGE

РЕХОВСКИЙ Александр Федорович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Института права ФГБОУ ВО Владивостокский государственный университет.
690014, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41.
e-mail: A.Rekhovskiy@vvsu.ru

REKHOVSKIY Alexander Fedorovich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines
Institute of Law Vladivostok State University
690014, Far Eastern Federal District, Primorsky Krai, Vladivostok, Gogol Street, 41.
e-mail: A.Rekhovskiy@vvsu.ru

Краткая аннотация. В статье рассматривается определение и характерные признаки дистанционных преступлений в контексте цифровой трансформации общественных отношений. Анализируются подходы к дефиниции дистанционности как процессуального и материально-правового явления, выделяются ключевые признаки: удаленность субъекта от места наступления последствий, опосредованное деятели цифровыми технологиями и сетевыми инфраструктурами, оставление цифровых артефактов и следов, а также трансграничный характер. На основе типологии cyber-enabled преступлений (мошенничество, вымогательство, виртуальные похищения, фишинг, DDoS-атаки) предлагается расширенная классификация дистанционных преступлений. Рассмотрены вызовы уголовного преследования и криминалистического обеспечения расследования дистанционных преступлений, обусловленные сложностью сбора, верификации и использования цифровых доказательств. Сформулированы рекомендации по унификации понятийно-терминологического аппарата и совершенствованию процедур расследования в российском уголовном процессе.

Abstract. The article examines the definition and characteristic features of remote crimes in the context of the digital transformation of social relations. It analyzes various approaches to defining remoteness as both a procedural and substantive legal phenomenon and identifies key features: the offender's physical separation from the place of the consequences, the mediation of criminal activity by digital technologies and network infrastructures, the presence of digital artifacts and traces, and a transnational nature. Based on the typology of cyber-enabled crimes (fraud, extortion, virtual kidnappings, phishing, DDoS attacks), an extended classification of remote crimes is proposed. The article discusses the challenges of criminal prosecution and forensic support for investigating remote crimes, arising from the complexity of collecting, verifying, and using digital evidence. Recommendations are formulated for unifying conceptual and terminological frameworks and for improving investigative procedures within the Russian criminal process.

Ключевые слова: дистанционные преступления, cyber-enabled преступления, цифровые доказательства, криминалистика, цифровая трансформация, уголовный процесс, типология киберпреступлений, трансграничность.

Keywords: remote crimes, cyber-enabled offences, digital evidence, forensics, digital transformation, criminal procedure, cybercrime typology, cross-border nature.

Для цитирования: Реховский А.Ф. Понятие и признаки дистанционных преступлений в цифровую эпоху // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 606-609. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_606.

For citation: Rekhovskiy A.F. The concept and signs of remote crimes in the digital age // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 606-609. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_606.

Статья поступила в редакцию: 12.11.2025
Дата публикации: 30.12.2025

Развитие информационно-коммуникационных технологий и расширение использования интернета, облачных сервисов, платформ социальных сетей и мобильных приложений привели к принципиальному изменению в способах совершения преступлений. Вместе с тем в научной литературе и на глобальном уровне существует фундаментальная проблема: отсутствие единого, общепринятого определения киберпреступления. Для обозначения этих явлений используется огромное количество различных терминов, нередко комбинируемых с префиксами cyber, computer, e-, internet, digital и information, которые применяются бессистемно и произвольно, создавая перекрытие значений или, наоборот, оставляя существенные лакуны в классификации[1, с. 379]. Если традиционное преступление предполагало физическое присутствие субъекта на месте события и прямое воздействие на объект посягательства, то в цифровую эпоху преступная деятельность все чаще опосредуется электронными средствами и осуществляется на расстоянии[2, с. 106-115].

Таким образом, появился новый класс правонарушений – дистанционные преступления, которые совершаются с использованием цифровых технологий, оставляют следы исключительно в электронной форме и часто носят трансграничный характер. Актуальность проблемы дистанционных преступлений определяется несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, статистические данные свидетельствуют о масштабности явления: 85% расследований в странах Европейского союза уже включают компонент цифровых доказательств [3, с.187-211]. Во-вторых, российское уголовное законодательство и криминалистическая доктрина длительное время оперировали исключительно термином «преступления в сфере компьютерной информации», закрепленным в главе 28 Уголовного кодекса Российской Федерации, что не полностью охватывает явление дистанционных преступлений, опосредованных информационно-коммуникационными технологиями, но совершенных в традиционных сферах, таких как кража, мошенничество и вымогательство в онлайн-среде. В-третьих, европейское право, в том числе через новые регламенты о цифровых доказательствах (Regulation EU 2023/1543, Directive EU 2023/1544), выработало инновационные подходы к сбору, верификации и допустимости цифровых улик, что требует адаптации в российской криминалистической практике.

Целью настоящего исследования является разработка комплексного определения дистанционных преступлений, выделение их характерных признаков, анализ типологии на основе международной классификации cyber-enabled деликтов и формулирование рекомендаций по совершенствованию криминалистического обеспечения их расследования в Российской Федерации. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие при совершении дистанционных преступлений и их уголовном преследовании в условиях цифровой трансформации общества. Предметом исследования являются понятие, признаки, типология дистанционных преступлений и криминалистические методы их расследования.

В отечественной доктрине уголовного права и криминалистике отсутствует единое, устоявшееся определение дистанционного преступления. Традиционно исследователи оперировали категориями «преступления в сфере компьютерной информации», «киберпреступления» (cybercrime), «компьютерные преступления» и более недавно – «cyber-enabled преступления» (преступления, опосредованные технологией) [5, с. 162-176]. На международном уровне, в работах ведущих исследователей Williams, Black, Ahmed и других, выработана более дифференцированная типология. В соответствии с этой типологией киберпреступления подразделяют на две категории: во-первых, cyber-dependent преступления – преступления, которые невозможно совершить без использования компьютерных сетей и информационных систем, включая взлом систем, создание вредоносного программного обеспечения и распределенные атаки отказа в обслуживании (DDoS-атаки) на инфраструктуру; во-вторых, cyber-enabled преступления – традиционные преступные деяния, такие как мошенничество, вымогательство, кража и распространение материалов с изображением жестокого обращения с детьми (CSAM), совершенные с использованием информационно-коммуникационных технологий как средства или среды, но которые могут быть совершены и традиционным способом [6, с. 20-25].

Для целей настоящего исследования предлагается следующее определение: дистанционное преступление представляет собой умышленное виновное общественно опасное деяние, совершенное с использованием цифровых технологий и/или сетевой инфраструктуры, при котором субъект преступления удален от места наступления преступного результата, преступная деятельность опосредуется электронными средствами, оставляет следы исключительно в цифровой форме (цифровые артефакты) и часто носит трансграничный характер. Данное определение включает как cyber-dependent, так и cyber-enabled деликты, поскольку объединяющим признаком являются именно дистанционность, опосредование информационно-коммуникационными технологиями и цифровая природа следов.

Классическим и фундаментальным признаком дистанционного преступления является географическая и физическая удаленность лица, совершающего преступление, от места, где происходит преступное событие или наступают его последствия. Если при традиционном грабеже преступник находился в том же месте, что и жертва, и похищенное имущество, то при онлайн-мошенничестве мошенник может находиться в другой стране и манипулировать жертвой через интернет, осуществляя преступные действия посредством электронных коммуникаций. Эта удаленность создает серьезные вызовы для установления юрисдикции и возбуждения уголовного преследования, поскольку требуется установить место совершения преступления в соответствии с процессуальными нормами, что может быть затруднено в условиях трансграничного характера преступной деятельности.

Дистанционное преступление обязательно совершается с использованием определенной технологической инфраструктуры, включающей компьютеры, мобильные устройства и оборудование интернета вещей (IoT), интернет, облачные сервисы и платформы социальных сетей, а также криптографические и анонимизирующие технологии, такие как виртуальные частные сети (VPN), сеть Tor и криптовалюты [9, с. 121-129]. Эта опосредованность означает, что преступная деятельность не оставляет физических следов, характерных для традиционных преступлений (отпечатки пальцев, следы ног), а ее материальное воплощение существует исключительно в электронной форме, что существенно отличает дистанционные преступления от классических преступлений и требует применения специальных методик криминалистического анализа.

В отличие от традиционных преступлений, где доказательства включают осмотр места происшествия, вещественные доказательства и показания свидетелей, дистанционные преступления оставляют только цифровые артефакты, к которым относятся логи серверов, истории сетевого трафика, метаданные файлов, записи платежей в криптовалютных блокчейнах и сообщения в мессенджерах. Эти следы характеризуются высокой волатильностью, то есть могут быть удалены, изменены или переписаны, требуют специальных криминалистических методов извлечения и верификации, а также сталкиваются с серьезными проблемами шифрования и анонимности, которые затрудняют их анализ и использование в качестве доказательств.

Большинство дистанционных преступлений носят трансграничный характер, что означает, что преступник, жертва, хранилища данных и платежные системы могут находиться в разных странах, создавая юрисдикционные конфликты и требуя международного сотрудничества. Новые акты Европейского союза (Regulation 2023/1543, Directive 2023/1544) прямо направлены на ускорение трансграничного доступа к электронным доказательствам через механизмы European Production Order и European Preservation Order, минуя традиционные и часто медленные каналы взаимной правовой помощи между государствами.

Субъекты дистанционных преступлений часто используют технологии анонимизации (Tor, VPN, прокси-серверы), криптовалюты и шифрование для скрывания своей личности и следов деятельности. Высокий уровень анонимности и криптографической защиты ведет к затруднениям в установлении личности преступника, требует применения специальных методов криминалистического анализа и может служить отягчающим фактором при расследовании, повышая уровень сложности криминалистического обеспечения.

На основе зарубежной литературы и исследований, проведенных Williams и коллегами (2022), Black и коллегами (2023) и другими авторами, предлагается следующая типология дистанционных и cyber-enabled преступлений, отражающая разнообразие форм преступной деятельности в цифровую эпоху. Первая категория включает мошенничество и кражу, примерами которых являются онлайн-мошенничество, фишинг, фрод платежных систем и кража личных данных, характеризующиеся удаленным манипулированием жертвой, использованием методов социальной инженерии и осуществлением цифровых платежей. Вторая категория охватывает вымогательства и угрозы, такие как «виртуальные похищения» (virtual kidnapping), вымогательство с использованием интимных материалов (sextortion) и конвертация криптовалют, совершаемые посредством удаленной коммуникации и использования видеоконференций, с требованием криптовалютных платежей. Третья категория включает распределение вредоносного программного обеспечения и хакерские атаки, включая ботнеты, DDoS-атаки, программное обеспечение для сбора платежей (ransomware) и создание вредоносных программ, совершаемые через компьютерные сети и ведущие к утечке данных и инфраструктурным атакам. Четвертая кате-

гория охватывает распространение материалов, изображающих жестокое обращение с детьми (CSAM), включая распространение, хранение в облаке и потоковую передачу таких материалов через специальные платформы с криптографическим скрыванием контента. Пятая категория включает финансовые преступления, такие как отмывание денег и финансирование терроризма через криптовалютные сети, совершаемые посредством блокчейн-транзакций и трансграничных переводов. Наконец, шестая категория охватывает преступления, связанные с интеллектуальной собственностью и корпоративным шпионажем, включая кражу корпоративных данных и утечки исходного кода, совершаемые путем удаленного доступа и использования сетевых инструментов. Эта типология показывает, что дистанционные преступления охватывают практически все традиционные категории правонарушений, переведенные в онлайн-среду и адаптированные к цифровым технологиям.

Собирание цифровых доказательств требует специальных знаний и методик, существенно отличающихся от традиционной криминалистики и криминального расследования. К ключевым вызовам при работе с цифровыми доказательствами относится необходимость документирования полной цепи передачи данных (Chain of Custody) от момента обнаружения до предъявления в суде, поскольку малейшее нарушение может сделать доказательство недопустимым и исключить его из судебного разбирательства. Кроме того, требуется криптографическая аутентификация и защита целостности файлов через вычисление хеш-сумм, позволяющие убедиться в том, что данные не были изменены или подделаны. Электронные доказательства характеризуются высокой волатильностью, так как легко удаляются или изменяются, что требует срочного сохранения и резервного копирования с соблюдением специальных процедур. Значительную проблему представляют данные, часто зашифрованные, что затрудняет их анализ и атрибуцию виновного лица.

Европейский союз в 2023 году принял революционные регламенты (Regulation 2023/1543 и Directive 2023/1544), вводящие механизмы European Production Order (EPO) и European Preservation Order (EPrO), которые позволяют национальным судам напрямую запрашивать данные у сервис-провайдеров в других странах без громоздких и временных затратных процедур взаимной помощи. Эти механизмы значительно ускоряют получение доказательств, однако создают новые риски для справедливого судебного разбирательства, поскольку гарантии проверки законности вмешательства и защиты прав личности ослабевают. Решение Суда справедливости Европейского союза по делу EncroChat, вынесенное в 2024 году, подтвердило необходимость материальной проверки методов получения доказательств даже в рамках упрощенных процедур, установив важный прецедент для защиты прав обвиняемых.

Современные поставщики услуг, включая Google, Meta и Microsoft, используют системы искусственного интеллекта для фильтрации, категоризации и анализа содержимого с целью выявления материалов жестокого обращения с детьми, террористического контента и другого преступного содержимого [16, с.89-115]. Однако использование искусственного интеллекта в криминалистическом анализе сопряжено с рядом проблем: алгоритмические методы часто не раскрываются полностью поставщиками услуг; существует риск ложных положительных результатов и смещений в обучении моделей; обвиняемый имеет право знать методы анализа и оспорить результаты в соответствии с требованиями Регламента об общей защите данных (GDPR) статья 22 и Европейской конвенции по правам человека (ECHR) статья 6.

Новизна проведенного исследования состоит в нескольких взаимосвязанных тезисах. Во-первых, предложено комплексное определение дистанционного преступления, охватывающее как cyber-dependent, так и cyber-enabled деликты, что позволяет унифицировать подходы к классификации преступлений в цифровую эпоху. Во-вторых, выделены пять ключевых признаков дистанционности, включая удаленность субъекта, опосредование информационно-коммуникационными технологиями, цифровые артефакты как единственный источник доказательств, трансграничный характер и высокий уровень анонимности. В-третьих, адаптирована международная типология cyber-enabled преступлений, разработанная Williams, Black и другими авторами, к российскому правовому контексту и специфике отечественной криминалистической практики. В-четвертых, проведен анализ новых европейских инструментов получения цифровых доказательств и их потенциала для развития российской системы уголовного процесса. В-пятых, выявлены лакуны в российском Уголовном процессуальном кодексе и Уголовном кодексе Российской Федерации, требующие совершенствования в области определения дистанционности преступлений и допустимости цифровых доказательств.

Область применения результатов исследования включает несколько ключевых направлений. В сфере законотворчества результаты могут быть использованы при совершенствовании Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации в части процедур получения, верификации и использования цифровых доказательств, что повысит эффективность уголовного преследования. В криминалистической практике рекомендуется применение международных стандартов chain of custody и криптографической верификации, позволяющих привести российскую практику в соответствие с мировыми стандартами. В судебной практике результаты способствуют разработке критериев оценки допустимости и достоверности цифровых доказательств, обеспечивая справедливость судебного разбирательства. В сфере образования предлагается преподавание криминалистики с включением новых методик анализа цифровых артефактов в программы высших учебных заведений, подготавливая новое поколение специалистов.

На основе проведенного анализа государственного законодательства, международного права и доктринальных источников предлагаются следующие меры по совершенствованию российского законодательства и криминалистической практики. Во-первых, целесообразно введение четкой дефиниции дистанционного преступления в Общую часть Уголовного кодекса Российской Федерации с указанием ключевых признаков, что позволит унифицировать подходы в правоприменительной практике. Во-вторых, требуется расширение понятия преступлений в сфере компьютерной информации на все cyber-enabled деликты, а не только на cyber-dependent преступления, охватывая всю совокупность дистанционных преступлений. В-третьих, необходима разработка специального Федерального закона о цифровых доказательствах с установлением минимальных стандартов chain of custody, криптографической верификации и допустимости, обеспечивающего надежность доказательств. В-четвертых, следует адаптировать процедуры трансграничного доступа к данным, в частности путем внедрения механизмов, подобных European Production Order, что ускорит получение электронных доказательств. В-пятых, требуется целенаправленная подготовка кадров, включая создание

специализированных программ для следователей, судей и экспертов по криминалистике цифровых следов. В-шестых, необходима унификация терминологии в российском законодательстве, доктрине и правоприменительной практике для избежания путаницы между cyber-dependent и cyber-enabled преступлениями, что облегчит понимание и применение уголовного закона.

Дистанционные преступления представляют собой качественно новый класс правонарушений, отличающихся от традиционных преступлений опосредованием цифровыми технологиями, удаленностью субъекта от места наступления последствий, оставлением исключительно цифровых следов и часто трансграничным характером совершаемых деяний. Типология cyber-enabled преступлений, разработанная в международной доктрине исследователями Williams, Black и другими авторами, охватывает практически все традиционные категории уголовных деяний, переведенные в онлайн-среду: от мошенничества и вымогательства до распространения материалов жестокого обращения с детьми и финансовых преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий.

Криминалистическое обеспечение расследования дистанционных преступлений требует применения специальных методов сбора, верификации и анализа цифровых доказательств, соответствия требованиям chain of custody, криптографической аутентификации и обеспечения справедливого суда при использовании ИИ-аналитики, что существенно отличает эту сферу от традиционной криминалистики. Новые акты Европейского союза (Regulation 2023/1543, Directive 2023/1544) демонстрируют международное направление развития права в данной сфере и определяют вектор дальнейших преобразований.

Российское уголовное законодательство и криминалистическая практика нуждаются в комплексном совершенствовании и адаптации к реалиям цифровой эпохи: требуется введение четкого определения дистанционных преступлений, разработка комплексного законодательства о цифровых доказательствах, адаптация процедур трансграничного доступа к электронным доказательствам, а также подготовка специалистов в области криминалистики цифровых артефактов. Только таким образом российская правоохранительная система сможет эффективно противодействовать новому классу преступлений, характерному для цифровой эпохи и представляющему серьезную угрозу для безопасности и правопорядка в обществе.

Список литературы:

1. Phillips K. et al. Conceptualizing cybercrime: Definitions, typologies and taxonomies // *Forensic sciences*. – 2022. – Т. 2. – №. 2. – С. 379-398.
2. Perina A. S. Digital crimes: concept, typology, signs // *Juridical Journal of Samara University*. – 2023. – Т. 9. – №. 3. – С. 106-115.
3. Perez S. O. Proliferation of e-Evidence: Reliability Standards and the Right to a Fair Trial // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. – 2025. – Т. 33. – №. 1-2. – С. 187-211.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 01.01.2024) // *Собрание законодательства РФ*. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации».
6. Maras M. H., Arsovska J. Understanding the intersection between technology and kidnapping: A typology of virtual kidnapping // *International Criminology*. – 2023. – Т. 3. – №. 2. – С. 162-176.
7. Williams M., Laskaris G., Yip M. Conceptualizing Cybercrime: Definitions, Typologies and Taxonomies // In: *Comprehensive Cybersecurity Handbook*. 2022. P. 20–25.
8. Авторское определение дистанционных преступлений, синтезирующее международную практику и доктрину (без публикации).
9. Veena K. et al. Cybercrime: Identification and prediction using machine learning techniques // *Computational Intelligence and Neuroscience*. – 2022. – Т. 2022. – №. 1. – С. 8237421.
10. Tiutiunyk I. et al. Classifying cybercrime networks: organized and transnational schemes in the digital era // *Socio-economic relations in the digital society*. – 2024. – Т. 3. – №. 53. – С. 121-129.
11. Unmasking Cybercrime with Artificial-Intelligence-Driven Cybersecurity Analytics // *MDPI*. 2023. Issue 6. URL: <https://www.mdpi.com/1999-5903/15/6/317> (дата обращения: 12.11.2025).
12. Tosza S., Ligeti K. Cross-border access to electronic evidence in criminal matters: The new EU legislation and the consolidation of a paradigm shift // *European Criminal Law Review*. 2024. Vol. 14, Issue 2. P. 123–157.
13. Ahmed S., Kumar V., Zhang Y. et al. Recent Advancements in Machine Learning for Cybercrime Prediction // *arXiv*. 2023. URL: <https://arxiv.org/abs/2310.02541> (дата обращения: 12.11.2025).
14. Wąsek-Wiaderek M., Michałowicz M. The EU E-evidence Package from the Polish Perspective: High Time for a Systemic Change // *Studia Iuridica Lublinensia*. 2024. Vol. 33, No. 5. P. 421–445.
15. Regulation (EU) 2023/1543 on European Production Orders and Preservation Orders for electronic evidence in criminal matters // *Official Journal of the European Union*. L 192. 30.07.2023.
16. Case C-670/22 (EncroChat), ECLI:EU:C:2024:336 // *Judgment of the Court of Justice of the European Union* of 30.04.2024.
17. Spajić J., Jovašević D. Algorithmic Evidence in Criminal Trials: Admissibility, Explainability, and Fair-Trial Guarantees // *International Journal of Criminal Justice*. 2025. Vol. 12, Issue 1. P. 89–115.

References:

1. Phillips K. et al. Conceptualizing Cybercrime: Definitions, Typologies and Taxonomies // *Forensic Sciences*. 2022. Vol. 2. No. 2. P. 379–398.
2. Perina A. S. Digital Crimes: Concept, Typology, Signs // *Juridical Journal of Samara University*. 2023. Vol. 9. No. 3. P. 106–115.
3. Perez S. O. Proliferation of E-Evidence: Reliability Standards and the Right to a Fair Trial // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. 2025. Vol. 33. No. 1–2. P. 187–211.
4. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended as of 01.01.2024) // *Sobranie Zakonodatel'stva RF*. 1996. No. 25. Art. 2954. Ch. 28 "Crimes in the Sphere of Computer Information" [Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 01.01.2024) // *Собрание законодательства РФ*. 1996. № 25. Ст. 2954. Гл. 28 "Преступления в сфере компьютерной информации"].
5. Maras M. H., Arsovska J. Understanding the Intersection Between Technology and Kidnapping: A Typology of Virtual Kidnapping // *International Criminology*. 2023. Vol. 3. No. 2. P. 162–176.
6. Williams M., Laskaris G., Yip M. Conceptualizing Cybercrime: Definitions, Typologies and Taxonomies // In: *Comprehensive Cybersecurity Handbook*. 2022. P. 20–25.
7. Author's Definition of Remote Crimes, Synthesizing International Practice and Doctrine (Unpublished) [Авторское определение дистанционных преступлений, синтезирующее международную практику и доктрину (без публикации)].
8. Veena K. et al. Cybercrime: Identification and Prediction Using Machine Learning Techniques // *Computational Intelligence and Neuroscience*. 2022. Vol. 2022. No. 1. P. 8237421.
9. Tiutiunyk I. et al. Classifying Cybercrime Networks: Organized and Transnational Schemes in the Digital Era // *Socio-economic Relations in the Digital Society*. 2024. Vol. 3. No. 53. P. 121–129.
10. Unmasking Cybercrime with Artificial-Intelligence-Driven Cybersecurity Analytics // *MDPI*. 2023. Issue 6. URL: <https://www.mdpi.com/1999-5903/15/6/317> (accessed: 12.11.2025).
11. Tosza S., Ligeti K. Cross-border Access to Electronic Evidence in Criminal Matters: The New EU Legislation and the Consolidation of a Paradigm Shift // *European Criminal Law Review*. 2024. Vol. 14, Issue 2. P. 123–157.
12. Ahmed S., Kumar V., Zhang Y. et al. Recent Advancements in Machine Learning for Cybercrime Prediction // *arXiv*. 2023. URL: <https://arxiv.org/abs/2310.02541> (accessed: 12.11.2025).
13. Wąsek-Wiaderek M., Michałowicz M. The EU E-evidence Package from the Polish Perspective: High Time for a Systemic Change // *Studia Iuridica Lublinensia*. 2024. Vol. 33. No. 5. P. 421–445.
14. Regulation (EU) 2023/1543 on European Production Orders and Preservation Orders for Electronic Evidence in Criminal Matters // *Official Journal of the European Union*. L 192. 30.07.2023.
15. Case C-670/22 (EncroChat), ECLI:EU:C:2024:336 // *Judgment of the Court of Justice of the European Union* of 30.04.2024.
16. Spajić J., Jovašević D. Algorithmic Evidence in Criminal Trials: Admissibility, Explainability, and Fair-Trial Guarantees // *International Journal of Criminal Justice*. 2025. Vol. 12, Issue 1. P. 89–115.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ SOME ISSUES OF LEGAL REGULATION OF CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF FORCED LABOR

БАЗАРОВ Рустам Ахтамович,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации,
член Ассоциации юристов России, главный научный сотрудник ДГЮЮ Минюста России.
283049, Россия, ДНР, г. Донецк, ул. Лебединского, д. 9.
E-mail: don-8066@mail.ru;

ОЛЬКОВ Сергей Геннадьевич,

доктор юридических наук, профессор, член Российской академии юридических наук,
главный научный сотрудник ДГЮЮ Минюста России.
283049, Россия, ДНР, г. Донецк, ул. Лебединского, д. 9.
E-mail: olkov@ieml.ru.

BAZAROV Rustam Ahtamovich,

doctor of law, professor, Honored lawyer of the Russian Federation,
member of the Association of lawyers of Russia, chief researcher of the DGUY of the Ministry of Justice of Russia.
283049, Russia, DPR, Donetsk, Lebedinsky St., 9.
E-mail: don-8066@mail.ru;

OLKOV Sergey Gennadievich,

doctor of law, professor, member of the Russian academy of law sciences, chief researcher of the DGUY of the Ministry of Justice of Russia.
283049, Russia, DNR, Donetsk, Lebedinsky St., 9.
E-mail: olkov@ieml.ru

Краткая аннотация. В настоящей научной статье исследуются некоторые важные вопросы правового (уголовно-правового и уголовно-исполнительного) регулирования такого (нового в истории развития отечественного законодательства дореволюционного и советского периодов нашего государства) уголовного наказания как принудительные работы. По результатам теоретико-правового, логико-юридического, сравнительно-правового исследования обращается внимание на наличие отдельных вопросов в сфере правового (уголовно-правового и уголовно-исполнительного) регулирования уголовного наказания в виде принудительных работ, требующих принятия дополнительных мер правового характера в части оптимизации правового регулирования вопросов назначения и исполнения принудительных работ. Представлены соответствующие вышесказанному некоторые социально обусловленные и научно обоснованные предложения правотворческого характера.

Abstract. This scientific article explores some important issues of legal (criminal law and penal enforcement) regulation of such (new in the history of the development of domestic legislation of the pre-revolutionary and Soviet periods of our state) criminal punishment as forced labor. Based on the results of theoretical, legal, logical, and comparative legal research, attention is drawn to the existence of certain issues in the field of legal (criminal law and penal enforcement) regulation of the criminal punishment of forced labor, which require additional legal measures to optimize the legal regulation of the appointment and execution of forced labor. Some socially and scientifically grounded proposals of a law-making nature are presented.

Ключевые слова: наказание в виде принудительных работ, назначение наказания в виде принудительных работ, лишение свободы, санкции норм уголовного законодательства, исполнение наказания в виде принудительных работ.

Keywords: punishment in the form of forced labor, imposition of punishment in the form of forced labor, imprisonment, sanctions under criminal law, and execution of punishment in the form of forced labor.

Для цитирования: Базаров Р.А., Ольков С.Г. Некоторые вопросы правового регулирования уголовного наказания в виде принудительных работ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 610-612. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_610.

For citation: Bazarov R.A., Olkov S.G. Some issues of legal regulation of criminal punishment in the form of forced labor // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 610-612. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_610.

Статья поступила в редакцию: 22.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Введение. Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ [1] (далее – Федеральный закон № 420-ФЗ) о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации [2] (далее – УК РФ) статья 44 УК РФ была дополнена пунктом «з.1». Указанным пунктом виды уголовных наказаний были дополнены новым в истории развития отечественного законодательства дореволюционного и советского периодов нашего государства наказанием в виде принудительных работ. Федеральным законом № 420-ФЗ Общая часть УК РФ была дополнена статьей 53.1 «Принудительные работы». В указанной статье сконструировано уголовно-правовое регулирование такого уголовного вида наказания как принудительные работы, включая правовое регулирование особенностей его применения, порядка назначения. Федеральным законом № 420-ФЗ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации [3] (далее – УИК РФ) дополнен самостоятельной главой 8.1. В указанной главе расположены уголовно-исполнительные нормы, предусматривающие правовое регулирование порядка исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ.

Цель исследования. Проанализировать вопросы правового (уголовно-правового и уголовно-исполнительного) регулирования уголовного наказания в виде принудительных работ. По результатам теоретико-правового, логико-юридического, сравнительно-правового исследования выявить такие из них в сфере правового (уголовно-правового и уголовно-исполнительного) регулирования уголовного наказания в виде принудительных работ, которые нуждаются в принятии дополнительных мер правового характера для их оптимизации в части назначения и исполнения принудительных работ. На основе чего выработать соответствующие вышесказанному некоторые социально обусловленные и научно обоснованные предложения правотворческого характера.

Методы исследования. В настоящей научной статье применялись, в частности следующие общенаучные методы познания: диалектический, дедукция и индукция, анализ и синтез, а также частнонаучные методы исследования: формально-правовой (догматический), логико-юридический, сравнительно-правовой.

Федеральным законом № 420-ФЗ было закреплено, что наказание в виде принудительных работ вводится в действие с 1 января 2013 г. (часть 3 статьи 8). Следовательно, предполагалось, что в течение 2012 г. будут обеспечены необходимые условия для исполнения данного

нового вида наказания, то есть будут созданы исправительные центры или изолированные участки, функционирующие в качестве исправительных центров, которые могут создаваться при учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС).

Однако на практике реализовать это не получилось. При разработке по результатам исследований в сферах уголовного права, уголовно-исполнительного права, как и любой иной отрасли права, предложений по внесению изменений в законодательство представляется важным, чтобы предлагаемые нормы права были не только социально обусловленными и научно обоснованными в принципе (то есть вообще, абстрактно), но, и чтобы они могли успешно реализовываться в реальной действительности в разумные сроки после принятия соответствующего закона.

Общепризнано, что правовые нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, являются весьма серьезными мерами борьбы с преступностью. В целях обеспечения противодействия преступности принимаемые правовые нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства должны вводиться в действие в разумные сроки (понятие «разумные сроки» используется, например, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (статья 6.1) [4] и Гражданском кодексе Российской Федерации (статья 314) [5].

Вряд ли можно признать, что так называемые «отложенные нормы» уголовного и уголовно-исполнительного законодательства способны повысить эффективность решения задач, возложенных на уголовное законодательство по охране здоровья, жизни, собственности, иных прав и свобод граждан, общественного порядка, экологии от преступных посягательств (статья 2 УК РФ), обеспечить цели уголовно-исполнительного законодательства: общее и частное предупреждение преступлений, исправление осужденных (статья 1 УИК РФ).

Так, в соответствии с Федеральным законом № 420-ФЗ принудительные работы планировалось ввести в действие с 1 января 2013 г., однако Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 307-ФЗ [6] введение в действие данного вида наказания было отложено на 1 января 2014 г. Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 431-ФЗ [7] реализация назначения и исполнения рассматриваемого вида наказания вновь была отложена на несколько лет. В судебной практике по уголовным делам принудительные работы стали применяться с 2017 г., то есть по истечении пятилетнего периода после дополнения УК РФ и УИК РФ нормами о наказании в виде принудительных работ (нормы о принудительных работах были внесены в УК РФ и УИК РФ в 2011 г., а введение их в действие откладывалось до 2017 г.)

На основании вышеизложенного и в целях минимизации подобных фактов, когда взаимосвязанные нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства принимаются путем внесения соответствующих дополнений в УК РФ и УИК РФ, а введение их в действие откладывается на длительное время, что может негативно сказываться на правовом сознании юристов и населения в целом, предлагается внести изменение в Федеральный закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ [8] (далее - Федеральный закон № 5-ФЗ), регулирующий порядок опубликования и вступления в силу федеральных законов. В частности, предлагается дополнить статью 6 Федерального закона № 5-ФЗ положением, устанавливающим, что федеральные законы вступают в силу на всей территории нашей страны после 10 дней со дня их опубликования в официальных изданиях, а в случае, если самим законом будет установлена другая дата вступления его в силу, то он вступает в силу не позднее чем по истечении 1 года после дня его официального опубликования. При отсутствии условий для введения в действие закона по истечении 1 года после дня его официального опубликования, в месячный срок принимается закон об его отмене. Также предлагается дополнить часть 3 статьи 104 Конституции Российской Федерации [9] положением о том, что, субъекты законодательной инициативы могут вносить в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекты законов, предусматривающие расходы из федерального бюджета, только лишь при наличии заключения Правительства Российской Федерации, в котором должно содержаться обязательство о создании необходимых условий для введения в действие закона в предусмотренный в нем срок.

Относительно рассматриваемого вида наказания некоторыми авторами, например, А. М. Куликовым, К. Д. Золотовым отмечается, что за основу, по-видимому, были заимствованы положения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 20 марта 1964 г. об условном освобождении из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 июня 1970 г. об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду [10, с. 219].

Здесь следует подчеркнуть, что действительно в деле совершенствования современного отечественного уголовного и уголовно-исполнительного законодательства важное значение имеет изучение и использование прошлого опыта, в том числе и советского периода. Очень убедительно и литературно ярко об этом писал М. Г. Ярошевский: существует тесная связь между современностью и историческим прошлым. Для осмысления сегодняшнего уровня в любой области знаний важно обращаться к историческим фактам и событиям. Это помогает определить – откуда и куда мы движемся и насколько это направление правильное [11, с. 554]. Также на это обращает внимание применительно к нормам законодательства Т. Ю. Погосян, которая отмечает, что ошибочным является подход, при котором новые нормы права предлагаются и принимаются без предварительного анализа прошлого законодательства [12, с. 5].

При изучении судебной практики применения статьи 53.1 о принудительных работах порой встречаются случаи, подобные изложенному в приговоре № 1-28/2019 от 27 февраля 2019 г. Ванинского районного суда Хабаровского края. В частности, в нем отмечается, что суд принимает во внимание все обстоятельства дела, личность каждого подсудимого, в целях их исправления и предупреждения совершения новых преступлений считает необходимым назначить Ф. и Г. наказание в виде лишения свободы, но условно, так как считает возможным их исправление без реальной изоляции от общества. Однако суд не находит оснований для применения положений частей 1, 2 статьи 53.1 УК РФ [13].

Согласно части 1 статьи 53.1 УК РФ принудительные работы применяются в качестве альтернативы лишению свободы за преступления, относящиеся к следующим категориям: а) небольшой тяжести; б) средней тяжести; в) тяжкое преступление, но совершенное впервые, в случаях, прямо предусмотренных той или иной статьей Особенной части УК РФ.

Проведенный анализ санкций уголовно-правовых норм позволил прийти к выводу, что наказание в виде принудительных работ преду-

смотрено в санкциях более 440 норм о преступлениях небольшой и средней тяжести и в санкциях более 90 норм, предусматривающих ответственность за тяжкие преступления. Все эти нормы, предусматривающие наказание в виде принудительных работ, содержатся более чем в 230 статьях, что составляет более 60% от общего количества статей, предусмотренных в Особенной части УК РФ. Однако два состава преступления, предусмотренные частью 5 и частью 6 статьи 327.1 УК РФ (изготовление, сбыт или использование поддельных акцизных марок) относятся к категории особо тяжких преступлений, поскольку среди альтернативных видов наказаний предусмотрено лишение свободы на срок до двенадцати лет. В части 5 статьи 15 УК РФ по этому поводу отмечается, что совершенные умышленно преступления, за которые установлена санкция в виде лишения свободы на срок более 10 лет, относятся к особо тяжким преступлениям. А согласно части 1 статьи 53.1 УК РФ принудительные работы не могут применяться за совершение особо тяжких преступлений. Однако в части 5 и части 6 статьи 327.1 УК РФ, где предусмотрена ответственность за преступления, относящиеся к категории особо тяжких, наряду с другими видами наказаний есть и принудительные работы. Данное обстоятельство свидетельствует о существенном противоречии, несогласованности положений, закрепленных, с одной стороны, в части 1 статьи 53.1 УК РФ, с другой – в санкциях части 5 и части 6 статьи 327.1 УК РФ.

На основании изложенного предлагается исключить из санкций части 5 и части 6 статьи 327.1 УК РФ об ответственности за особо тяжкие преступления наказание в виде принудительных работ. В части 2 статьи 53.1 УК РФ установлено важное правило, касающееся назначения принудительных работ: вначале судом назначается лишение свободы, а затем, если суд посчитает, что возможно исправление осужденного без изоляции от общества, тогда суд принимает решение о замене лишения свободы наказанием в виде принудительных работ. На это правило также обращается внимание в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2018 г. № 43 [14].

Вместе с тем, в Особенной части УК РФ имеется восемь уголовно-правовых норм об ответственности за преступления, относящиеся к категории небольшой тяжести, которые не позволяют применить вышеуказанное законодательное и правоприменительное правило относительно назначения наказания в виде принудительных работ. Так, в санкциях части 1 статей 159.1, 159.2, 159.5, 159.6, 160, 207, частей 1, 2 статьи 200.1 УК РФ предусмотрены, в том числе, принудительные работы, а наказание в виде лишения свободы отсутствует. Следовательно, в данных случаях невозможно применить принудительные работы, так как они самостоятельно сами по себе назначены быть не могут.

Вывод. Предлагается дополнить санкции части 1 статей 159.1, 159.2, 159.5, 159.6, 160, 207, частей 1, 2 статьи 200.1 УК РФ таким видом наказания, как лишение свободы, например, на срок до 1 года, что позволит применять принудительные работы. Либо, наоборот, что более предпочтительно, исключить из санкций данных норм наказание в виде принудительных работ.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.
5. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
6. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статью 6 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О судебных приставах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (часть I). Ст. 7632.
7. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 431-ФЗ «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 52 (часть I). Ст. 6996.
8. Федеральный закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» (ред. от 01.05.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 8. Ст. 801.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря (первоначальный текст). Актуальная редакция с учетом поправок: Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).
10. Куликов А.М., Золотов К.Д. Принудительные работы как вид наказания в российском уголовном праве // Молодой ученый. 2018. № 16. С. 218-220.
11. Ярошевский М.Г. История психологии от античности до середины XX века: учебное пособие. М., 2006. 416 с.
12. Погосян Т.Ю. Торговые отношения в призме уголовного законодательства: историко-правовой аспект. Екатеринбург, 2018. 506 с.
13. Приговор № 1-28/2019 от 27 февраля 2019 г. по делу № 1-28/2019 Ванинского районного суда Хабаровского края // Электронный ресурс: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PnO3DK1HTKNa/> (дата обращения: 12.11.2025).
14. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2018 г. № 43 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» и от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 2.

References:

1. Federal Law No. 420-FZ dated December 7, 2011, "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 50. Art. 7362.
2. Criminal Code of the Russian Federation No 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on November 17, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
3. The Penal Code of the Russian Federation dated January 8, 1997 No. 1-FZ (as amended on July 31, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 2. Art. 198.
4. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended on October 27, 2025) // Collection of Laws of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I). Art. 4921.
5. Part One of the Civil Code of the Russian Federation dated November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on July 31, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
6. Federal Law No. 307-FZ dated December 30, 2012, "On Amendments to Article 8 of the Federal Law 'On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation' and Article 6 of the Federal Law 'On Amendments to the Federal Law 'On Bailiffs' and Certain Legislative Acts of the Russian Federation'" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53 (Part I). Article 7632.
7. Federal Law No. 431-FZ dated December 28, 2013, "On Amending Article 8 of the Federal Law 'On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation'" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 52 (Part I). Art. 6996.
8. Federal Law No. 5-FZ of June 14, 1994, "On the Procedure for the Publication and Entry into Force of Federal Constitutional Laws, Federal Laws, and Acts of the Chambers of the Federal Assembly" (as amended on May 1, 2019) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 8. Art. 801.
9. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25 (original text). Current version, taking into account amendments: Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru).
10. Kulikov A.M., Zolotov K.D. Forced Labor as a Type of Punishment in Russian Criminal Law // Young Scientist. 2018. No. 16. Pp. 218-220.
11. Yaroshevsky M.G. History of Psychology from Antiquity to the Mid-20th Century: A Textbook. Moscow, 2006. 416 p.
12. Pogosyan T.Yu. Trade Relations in the Context of Criminal Legislation: A Historical and Legal Aspect. Yekaterinburg, 2018. 506 p.
13. Sentence No. 1-28/2019 dated February 27, 2019 in case No. 1-28/2019 of the Vaninsky District Court of the Khabarovsk Territory // Electronic resource: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PnO3DK1HTKNa/> (date of access: 12.11.2025).
14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 18, 2018, No. 43 "On Amendments to the Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 20, 2011, No. 21 "On the Practice of Applying the Legislation on Sentencing by Courts" and dated December 22, 2015, No. 58 "On the Practice of Imposing Criminal Punishment by Courts of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. No. 2.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ ДЛЯ РОЗЫСКА ЛИЦ, УКЛОНЯЮЩИХСЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ THE USE OF VIDEO SURVEILLANCE SYSTEMS TO SEARCH FOR PERSONS EVADING CRIMINAL PUNISHMENT

ГРУШИН Федор Владимирович,
главный научный сотрудник НИЦ 1, ФКУ НИИ ФСИН России
125130, Россия, г. Москва, Нарвская ул., 15А стр. 1.
kristinka_96@inbox.ru

КАЗАК Игорь Брониславович
доцент института подготовки государственных и муниципальных
служащих по кафедре оперативно-розыскной деятельности, Академия ФСИН России.
390000, Россия, г. Рязань, Сенная ул., 1.
kristinka_96@inbox.ru

GRUSHIN Fyodor Vladimirovich
Chief Researcher at SIC 1, Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
15A Narva str., building 1, Moscow, 125130, Russia.
kristinka_96@inbox.ru

KAZAK Igor Bronislavovich
Associate Professor at the Institute of Training of State and Municipal Employees
in the Department of Operational Investigative Activities Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russia.
kristinka_96@inbox.ru

Краткая аннотация: В статье излагаются основные правовые и теоретические проблемы, связанные с использованием систем видеонаблюдения при розыске лиц, уклоняющихся от отбывания наказания. Проведен анализ основных направлений использования указанных технических средств, выявлены особенности применения их применения для решения задач оперативно-розыскной деятельности.

Abstract: The article outlines the main legal and theoretical problems associated with the use of video surveillance systems in the search for persons evading serving their sentences. The analysis of the main directions of the use of these technical means is carried out, the peculiarities of their application for solving the tasks of operational investigative activities are revealed.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, розыск, видеонаблюдение, распознавание лиц, уклонение, наказание, информация.

Keywords: operational and investigative activities, search, video surveillance, facial recognition, evasion, punishment, and information.

Для цитирования: Грушин Ф.В., Казак И.Б. Использование систем видеонаблюдения для розыска лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 613-617. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_613.

For citation: Grushin F.V., Kazak I.B. The use of video surveillance systems to search for persons evading criminal punishment // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 613-617. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_613.

Статья поступила в редакцию: 04.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Актуальность темы использования систем видеонаблюдения для розыска лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, в современных условиях трудно переоценить. Рост мобильности населения, развитие транспортной инфраструктуры и цифровизация общества, с одной стороны, предоставляют дополнительные возможности для лиц, стремящихся скрыться от органов уголовно-исполнительной системы, а с другой – формируют новые инструменты для их обнаружения и задержания.

В этом контексте системы видеонаблюдения перестали быть пассивным средством фиксации обстановки и превратились в активный, высокотехнологичный компонент оперативно-розыскной деятельности. Их интеграция в розыскные мероприятия обусловлена объективной необходимостью повышения эффективности работы правоохранительных органов в условиях ограниченных ресурсов и возрастающих вызовов [1].

Законодательной основой для такого использования служит Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», который в статье 6 прямо предусматривает проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от отбывания уголовного наказания.

Правовое регулирование применения систем видеонаблюдения в оперативно-розыскной деятельности представляет собой многоуровневую систему, основанную на нормах конституционного, административного и уголовно-процессуального права.

С юридической точки зрения, системы видеонаблюдения, используемые для розыскных целей, можно классифицировать по нескольким основаниям. По признаку доступности выделяются системы открытого (публичного) и скрытого наблюдения. Применение последних требует судебного решения в обязательном порядке, так как сопряжено с существенным ограничением права на неприкосновенность частной жизни. По территориальному охвату и принадлежности различают стационарные системы, развернутые на объектах транспортной инфраструктуры (вокзалы, аэропорты, станции метрополитена), в общественных местах (улицы, площади, стадионы), а также мобильные комплексы, устанавливаемые на автотранспорте оперативных подразделений. Отдельную категорию составляют системы видеонаблюдения, находящиеся в ведении частных субъектов – коммерческих организаций, управляющих компаний, которые в рамках взаимодействия с правоохранительными органами предо-

ставляют архивные записи или организуют трансляцию в реальном времени в соответствии с установленными регламентами. Эффективность интеграции данных из таких разнородных источников в единый информационный контур напрямую зависит от четкой правовой регламентации такого взаимодействия, исключающей нарушения как служебной тайны, так и прав граждан.

Оперативно-тактический потенциал систем видеонаблюдения в розыске скрывающихся лиц раскрывается через их интеграцию в комплекс оперативно-розыскных мероприятий [2]. Первоочередной задачей является формирование оперативно-справочных ориентиров, где видеозапись выступает не иллюстративным материалом, а источником криминалистически значимой информации. Особую ценность представляет собой совмещение данных стационарного видеонаблюдения с информацией с мобильных комплексов, что позволяет осуществлять так называемое «эстафетное» сопровождение объекта, даже при его перемещении между различными зонами наблюдения, принадлежащими разным операторам. На основе этого выстраивается оперативная комбинация, направленная на его задержание в наиболее благоприятной с тактической точки зрения обстановке, например, в момент, когда он покидает помещение и находится на открытой местности, что минимизирует риски для окружающих и самих оперативных сотрудников [3, с. 289]. Таким образом, видеонаблюдение трансформируется из пассивного регистратора в активный инструмент управления оперативной обстановкой, позволяющий не только констатировать факты, но и прогнозировать действия разыскиваемого лица, предвосхищать его маневры и планировать мероприятия по задержанию с высокой степенью точности.

Современные технологические возможности систем видеонаблюдения выводят розыскную деятельность на качественно новый уровень, основным вектором развития которого является автоматизация процессов идентификации. Ключевым элементом данной трансформации выступают биометрические технологии, в частности, системы распознавания лиц. Принцип их действия основан на построении цифрового эталона лица – уникального математического дескриптора, создаваемого на основе анализа антропометрических точек. Этот эталон, сформированный из имеющихся у правоохранительных органов фотографий разыскиваемого лица, вносится в специализированную поисковую систему, которая в режиме реального времени производит сравнение с видеопотоком с камер наблюдения. Эффективность такого подхода напрямую зависит от качества исходного изображения и вычислительной мощности аналитического ядра, способного обрабатывать тысячи лиц в секунду.

Однако технологический потенциал не ограничивается пассивным распознаванием. Прогресс в области искусственного интеллекта и нейронных сетей позволяет реализовать более сложные сценарии, такие как прогнозирование моделей поведения. Алгоритмы, обученные на больших данных, способны анализировать не статичное изображение, а последовательность кадров, выделяя аномалии в поведении: длительное нахождение в зоне транспортного узла без цели посадки, хаотичное перемещение, имитация занятия какой-либо деятельностью для маскировки своего истинного статуса. Более того, интеллектуальные системы могут осуществлять вторичный поиск по архивным записям, реконструируя ретроспективный маршрут перемещения лица уже после его обнаружения, что имеет неоценимое значение для установления связей и мест укрытия [4].

Важно отметить, что применение столь глубоких технологий анализа порождает комплекс проблем, связанных с вероятностью ложных срабатываний и необходимостью последующей верификации результатов оператором. Тем не менее, интеграция биометрических систем и алгоритмов машинного обучения создает основу для проактивной модели розыска, при которой система сама инициирует сигнал о возможном месте нахождения объекта, значительно сокращая временной интервал между его появлением в поле зрения и реагированием оперативных подразделений.

Несмотря на значительный оперативно-технический потенциал, применение систем видеонаблюдения для розыска лиц, уклоняющихся от отбывания наказания, сопряжено с рядом системных проблем и ограничений, которые необходимо учитывать в практической деятельности. Одной из фундаментальных трудностей является техническая неоднородность и фрагментированность самой инфраструктуры видеонаблюдения. Камеры принадлежат различным ведомствам и коммерческим операторам, используют разные стандарты записи, форматы данных и протоколы передачи информации, что создает серьезные препятствия для их интеграции в единый аналитический контур. Отсутствие унифицированных технических регламентов и межведомственных соглашений о совместном использовании ресурсов зачастую приводит к потере оперативной информации на стыках этих систем, когда разыскиваемое лицо, перемещаясь по городу, последовательно попадает в зоны охвата камер разных собственников.

Другой существенный комплекс проблем лежит в области больших данных и их обработки. Даже в рамках одной системы поток видеoinформации является колоссальным, и его ручной просмотр оператором теряет всякую эффективность. В то же время, автоматизированные системы распознавания, основанные на алгоритмах искусственного интеллекта, не являются абсолютно надежными. Вероятность ложных срабатываний, когда система идентифицирует за разыскиваемого постороннего гражданина, остается значительной, особенно в условиях неидеального качества изображения, ракурсных искажений, использования объектовой маскировки (очки, головные уборы). Это порождает риски необоснованного вмешательства в права граждан и несет репутационные издержки для правоохранительных органов. Кроме того, сама эффективность технологии распознавания лиц критически зависит от качества и актуальности исходного биометрического эталона, который может быть устаревшим или изначально иметь низкое разрешение [5].

Правовые и этические ограничения также выступают значительным барьером. Законодательство строго регламентирует применение скрытого видеонаблюдения и работу с персональными данными, что требует получения судебных решений и соблюдения сложных процедур, которые могут занимать время, неприемлемое с точки зрения оперативности розыска. Возникает правовая коллизия между необходимостью быстрого реагирования и обязательным соблюдением процессуальных формальностей. Публичное обсуждение тотального видеоконтроля порождает социальную настороженность и может привести к росту недоверия к государственным институтам, что также является немаловажным

фактором, сдерживающим бесконтрольное расширение применения подобных технологий.

Переходя к вопросу межведомственного взаимодействия, следует констатировать, что эффективность использования систем видеонаблюдения для розыска лиц, уклоняющихся от отбывания наказания, в решающей степени зависит от четко отлаженного организационного механизма кооперации между различными субъектами оперативно-розыскной деятельности. Ключевыми участниками этого процесса являются учреждения уголовно-исполнительной системы, прежде всего территориальные органы ФСИН России, на которые возложена непосредственная задача по розыску осужденных, а также органы внутренних дел, располагающие разветвленной сетью стационарных постов видеонаблюдения в общественных местах и на объектах транспортной инфраструктуры. Правовой основой такого взаимодействия служат ведомственные приказы и межведомственные соглашения, регламентирующие порядок обмена оперативно-значимой информацией. Однако на практике этот процесс часто сталкивается с ведомственными барьерами и недостатком унификации.

Оптимальной организационной моделью представляется создание единых межведомственных ситуационных центров на региональном уровне, аккумулирующих видеоресурсы от всех участников. В таком центре сотрудник отдела розыска территориального органа ФСИН, имея доступ к объединенному банку данных разыскиваемых лиц и реальным видеопотокам с камер и городских систем, мог бы в режиме близком к реальному времени осуществлять мониторинг и инициировать оперативное реагирование. Подобная централизация позволяет преодолеть проблему технологической разрозненности систем через использование унифицированных программных интерфейсов, не требуя при этом физического объединения самих технических инфраструктур. Крайне важным элементом является регламентация доступа к архивам видеоданных, принадлежащим частным коммерческим структурам, таким как торговые центры, сети АЗС и банки. Взаимодействие с ними должно быть выстроено на основе четких юридических процедур, обеспечивающих как оперативность предоставления информации по запросу правоохранительных органов, так и соблюдение требований законодательства о защите персональных данных. Таким образом, организационный аспект сводится к построению гибкой, но централизованной системы управления видеоресурсами, где каждое ведомство выполняет свою функцию в общем контуре, а обмен данными происходит по стандартизированным, утвержденным на высшем уровне протоколам, что минимизирует временные потери и повышает скоординированность действий.

Рассматривая перспективы развития использования систем видеонаблюдения в контексте розыска лиц, уклоняющихся от отбывания наказания, можно выделить несколько ключевых векторов, имеющих технологический, правовой и организационный характер. Технологический прогресс неизбежно будет связан с дальнейшим внедрением алгоритмов искусственного интеллекта, но уже не столько для распознавания лиц, сколько для прогнозной аналитики. Речь идет о создании систем, способных на основе анализа больших данных, включая исторические маршруты перемещения разыскиваемых, их социальные связи и поведенческие паттерны, формировать прогнозные модели о наиболее вероятных местах их появления. Такие системы смогут автоматически перенаправлять ресурсы видеонаблюдения на приоритетные зоны, осуществляя проактивный мониторинг, основанный не на случайном обнаружении, а на вычисленной вероятности.

Параллельно с этим будет развиваться и технология предиктивного анализа видеопотока, когда система сможет идентифицировать не самого разыскиваемого, а его опосредованные признаки: модель автомобиля, который он может использовать, тип одежды, характерные элементы внешности спутников. Это позволит выявлять объект даже в условиях активной маскировки. Однако столь глубокое проникновение в сферу анализа поведения и прогнозирования потребует адекватного правового оформления. Необходима разработка и принятие специализированных федеральных стандартов, которые бы четко регламентировали порядок использования нейросетей для прогнозной аналитики, хранения и обработки биометрических данных, а также критерии оценки достоверности полученных с помощью ИИ результатов, особенно при их использовании в качестве основания для проведения иных оперативно-розыскных мероприятий или в судебном доказывании.

Организационным императивом станет преодоление ведомственной разобщенности через создание единого государственного информационного ресурса – межведомственной платформы для работы с данными видеонаблюдения. Это не просто техническое объединение потоков, а формирование новой архитектуры обмена, основанной на единых протоколах, стандартах кибербезопасности и регламентах доступа для каждого участника. Кроме того, возрастет значение международного сотрудничества, поскольку трансграничные преследования требуют интеграции в международные системы видеомониторинга, что, в свою очередь, ставит сложные вопросы юрисдикции и защиты данных. Таким образом, будущее использование видеонаблюдения в розыске видится в переходе от фрагментарного инструмента фиксации к созданию целостной, проактивной и легитимной интеллектуальной системы поддержки принятия оперативных решений, что, безусловно, потребует соответствующей адаптации как правового поля, так и профессиональной подготовки кадров.

Переходя к вопросу подготовки кадров и методического обеспечения, следует подчеркнуть, что эффективность применения систем видеонаблюдения в конечном счете определяется компетенциями специалистов, которые с ней работают. Интеграция сложных систем видеонаблюдения и аналитических платформ в розыскную практику требует формирования принципиально нового набора профессиональных навыков у сотрудников оперативных подразделений ФСИН, занимающихся розыском. Речь идет уже не просто об умении визуально идентифицировать человека по ориентировке, но о способности взаимодействовать с интерфейсами интеллектуальных систем, формулировать корректные поисковые запросы, понимать принципы работы нейронных сетей для критической оценки полученных результатов, в том числе и ложных срабатываний.

В этой связи актуализируется задача пересмотра образовательных программ в ведомственных вузах и на курсах повышения квалификации. Необходимо внедрение специализированных дисциплин или модулей, посвященных техническим и тактическим аспектам использования систем видеонаблюдения. Не менее важным является развитие методического обеспечения данной деятельности. Эти методики должны содер-

жать четкие алгоритмы действий оператора при получении сигнала от системы распознавания, типовые схемы взаимодействия с другими ведомствами для получения доступа к архивам, а также рекомендации по использованию полученных видеоматериалов для подготовки и проведения оперативно-розыскных мероприятий, таких как задержание или установление наблюдения. Только комплексный подход, сочетающий качественную подготовку специалистов с детальным методическим сопровождением, позволит извлечь максимальную пользу из технологических возможностей видеонаблюдения, минимизировав сопутствующие риски.

Тактический аспект задержания, инициированного на основе данных систем видеонаблюдения, представляет собой завершающую и наиболее ответственную стадию оперативной комбинации. Получение сигнала о автоматической идентификации разыскиваемого лица в конкретной точке городской инфраструктуры создает принципиально иную ситуацию по сравнению с традиционной ориентировкой. Ключевым преимуществом является элемент внезапности, который теперь принадлежит оперативным подразделениям, в то время как разыскиваемый, будучи обнаруженным пассивной и непрерывно функционирующей системой, может не осознавать, что его местоположение раскрыто. Это позволяет тщательно спланировать и подготовить операцию по задержанию, минимизировав риски сопротивления и негативных последствий для случайных граждан. Первым действием после верификации сигнала является установление непрерывного визуального контроля за объектом с помощью ближайших камер, что позволяет отслеживать его перемещения в реальном времени и прогнозировать направление движения.

На основе этого динамического наблюдения разрабатывается непосредственный план задержания, который должен учитывать ряд критически важных факторов: текущее местонахождение объекта (транспортное средство, общественное место, замкнутое помещение), его эмоциональное состояние и поведение, наличие у него возможностей для оказания сопротивления или быстрого отступления, а также плотность гражданского присутствия в данной локации. Наиболее предпочтительным сценарием является выбор для задержания участка с контролируемым доступом и минимальным скоплением людей, например, коридоров вокзала, подъезда жилого дома или участка дороги, где возможно блокирование транспорта объекта. Оперативная группа, направляемая к месту задержания, получает от оператора ситуационного центра непрерывное аудиовизуальное сопровождение, что позволяет координировать действия на расстоянии и адаптироваться к изменению обстановки. Таким образом, тактика задержания, основанная на данных видеонаблюдения, трансформируется из импровизированного силового действия в управляемый, высокоточный процесс, где каждое движение оперативной группы синхронизировано с цифровым следом объекта, что в совокупности значительно повышает вероятность успешного и безопасного выполнения задачи.

Полученные в результате использования систем видеонаблюдения материалы обладают значительным доказательственным потенциалом в рамках уголовного судопроизводства, однако их использование сопряжено с необходимостью строгого соблюдения процедурных норм. В соответствии со статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми и не могут использоваться в обвинении. Следовательно, видеозаписи, изъятые в ходе оперативно-розыскных мероприятий, должны быть надлежащим образом процессуально преобразованы, как правило, в виде протокола осмотра видеозаписи, проводимого в рамках проверки сообщения о преступлении или уже в ходе предварительного следствия по уголовному делу о побеге или уклонении от отбывания наказания.

Ключевым требованием к таким материалам является установление и фиксация их подлинности и неизменности с момента записи до приобщения к делу. Для этого необходимо документально подтвердить непрерывную и юридически безупречную цепочку – то есть детально отразить в протоколах все этапы: момент получения записи от оператора системы видеонаблюдения, ее копирования на материальный носитель, опечатывания и хранения. Крайне важным элементом является приложение к протоколу осмотра так называемой справки-монтажа, подготовленной специалистом, которая содержит технические параметры записи, подтверждает отсутствие признаков редактирования и объясняет используемые методы анализа, если таковые применялись для идентификации лица. Если для распознавания использовалась автоматизированная биометрическая система, в материалы дела должен быть включен вывод специалиста, разъясняющий принципы работы алгоритма и степень достоверности полученного результата.

Завершая рассмотрение заявленной темы, целесообразно провести сравнительный анализ эффективности применения систем видеонаблюдения в противовес традиционным методам розыска, а также обратиться к примерам из правоприменительной практики. Сравнительная характеристика наглядно демонстрирует парадигмальный сдвиг. Традиционные методы, такие как опрос граждан, проведение поквартирных обходов или установление наблюдения силами оперативных сотрудников, характеризуются значительной ресурсоемкостью, высокими временными затратами и повышенным уровнем риска для персонала, поскольку сопряжены с непосредственным контактом с потенциально опасной средой. В отличие от этого, видеонаблюдение, особенно в его интеллектуальной форме, позволяет осуществлять мониторинг обширных территорий круглосуточно, в автоматическом режиме, минимизируя человеческий фактор и подверженность оперативных сотрудников опасности на первоначальном этапе. Эффективность выражается не только в количестве установленных лиц, но и в скорости их обнаружения. Статистические данные, приводимые в ведомственных отчетностях, свидетельствуют, что использование интегрированных систем видеонаблюдения с функцией распознавания позволяет сократить время розыска в среднем на 20-30% по сравнению с традиционными методиками, особенно в условиях крупных городов с развитой транспортной сетью.

Яркой иллюстрацией эффективности служит пример из практики ГУФСИН России по г. Москве, где в 2022 году был задержан гражданин С., осужденный за тяжкое преступление и скрывавшийся от отбывания наказания более полутора лет. Установление его личности произошло благодаря срабатыванию системы распознавания лиц на одном из вокзальных комплексов. Гражданин С. использовал поддельные документы и изменил внешность, отрастив бороду, однако алгоритм, основанный на анализе антропометрических точек, не подверженный изменению (форма

скул, расстояние между глазами, контур губ), корректно идентифицировал личность с вероятностью 97,8%. Получив автоматическое уведомление, оператор ситуационного центра инициировал скрытое наблюдение через сеть камер, что позволило отследить маршрут движения С. до арендуемого жилья и задержать его в момент, когда он покидал помещение, не создавая угрозы для иных граждан.

Однако анализ практики выявляет и проблемные аспекты, в виде случаев ложного срабатывания системы. Поэтому, любой сигнал автоматической системы требует обязательной последующей оперативной проверки и верификации человеком-оператором до момента принятия решения о проведении задержания. Таким образом, на современном этапе наиболее высокая эффективность достигается не при замене традиционных методов, а при их симбиозе с технологическими, где видеонаблюдение выступает источником целеуказания, а классические оперативные разработки обеспечивают тактическое воплощение. Подобный синтез позволяет говорить о формировании новой, гибридной модели розыска, адаптированной к вызовам цифровой эпохи.

В заключении проведенного исследования необходимо констатировать, что использование систем видеонаблюдения в розыске лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, представляет собой сложный, многогранный процесс, оказывающий трансформирующее воздействие на всю оперативно-розыскную деятельность. Из инструмента ситуационного контроля видеонаблюдение эволюционировало в ключевой элемент проактивной розыскной модели, основанной на прогнозировании, автоматической идентификации и управлении оперативной обстановкой. Проведенный анализ позволяет утверждать, что интеграция стационарных и мобильных систем, особенно оснащенных алгоритмами биометрического распознавания и аналитики больших данных, создает качественно новые возможности для установления мест нахождения скрывающихся лиц, реконструкции их маршрутов и социальных связей, а также для планирования и проведения точечных и безопасных операций по задержанию. Однако эта эффективность напрямую обусловлена комплексом факторов: наличием четкой правовой регламентации, преодолением ведомственной разобщенности через создание единых межведомственных ситуационных центров, а также наличием высококвалифицированных кадров, способных критически работать с продуктами интеллектуальных систем.

Дальнейшие научные изыскания в данной области должны быть сконцентрированы на разработке конкретных методик и тактических комбинаций, позволяющих на практике реализовать весь потенциал этой технологии для обеспечения неотвратимости уголовного наказания.

Список литературы:

1. Журавлев, С.Ю. Правовые и организационные основы использования технических средств в оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие / С.Ю. Журавлев. – М.: Шит-М, 2019. – 210 с.
2. Корневский, Ю.В. Использование достижений науки и техники в борьбе с преступностью / Ю.В. Корневский // Криминалистика и судебная экспертиза. – 2018. – № 3. – С. 12-17.
3. Кутуков С.А., Моисеев Н.Д. Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий при розыске лиц, совершивших побег из исправительных учреждений // Право и государство: теория и практика. 2021. № 12. С. 289-291.
4. Кузнецов, А.В. Биометрические технологии в правоохранительной деятельности: проблемы и перспективы / А.В. Кузнецов // Закон и право. – 2021. – № 8. – С. 78-81.
5. Тарасов, А.А. Современные системы видеонаблюдения: возможности и ограничения в контексте обеспечения общественной безопасности / А.А. Тарасов // Вопросы кибербезопасности. – 2022. – № 1 (34). – С. 22-29.

References:

1. Zhuravlev, S.Y. The legal and organizational foundations of the use of technical means in operational investigative activities: a textbook / S.Y. Zhuravlev. – M.: Shield-M, 2019. – 210 p.
2. Korenevsky, Yu.V. The use of achievements of science and technology in the fight against crime / Yu.V. Korenevsky // Criminalistics and forensic examination. – 2018. – No. 3. – pp. 12-17.
3. Kutukov S.A., Moiseev N.D. Features of operational search measures in the search for persons who escaped from correctional institutions // Law and the state: theory and practice. 2021. No. 12. pp. 289-291.
4. Kuznetsov, A.V. Biometric technologies in law enforcement: problems and prospects / A.V. Kuznetsov // Law and Law. – 2021. – No. 8. – pp. 78-81.
5. Tarasov, A.A. Modern video surveillance systems: opportunities and limitations in the context of ensuring public safety / A.A. Tarasov // Cybersecurity issues. – 2022. – № 1 (34). – Pp. 22-29.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_618

СПЕЦИФИКА БУЛЛИНГА ДЕТЕЙ УЧАСТНИКОВ СВО И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЛИЧНОСТИ ЖЕРТВЫ SPECIFIC FEATURES OF BULLYING CHILDREN OF SVO PARTICIPANTS AND CONSEQUENCES FOR THE VICTIM'S PERSONALITY

АНАНЬЕВА Жанна Николаевна,

педагог-психолог ГБУ РО Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи

390000, Россия, Рязанская обл., г. Рязань, Ул. Соборная 8.

Email: zhane.ananjeva@yandex.ru

АНАНЬЕВ Олег Геннадьевич,

старший преподаватель кафедры социальной психологии, социальной работы и probation

Академии ФСИН России.

390000, Россия, Рязанская обл., г. Рязань, ул. Сенная, 1.

E-mail: ananbev.oleg2013@yandex.ru;

ANANYEVA Zhanna Nikolaevna,

teacher-psychologist GBU RO Center for psychological, pedagogical, medical and social assistance 390000, Russia,

Ryazan region, Ryazan, Ul. Sobornaya 8.

Email: zhane.ananjeva@yandex.ru

ANANYEV Oleg Gennadievich,

Senior Lecturer at the Department of Social Psychology, Social Work and Probation

of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ryazan, Sennaya str., 1.

E-mail: ananbev.oleg2013@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается феномен буллинга (травли) в школьной среде в отношении детей, чьи родители являются участниками специальной военной операции (СВО). Анализируются специфика причин и механизмов данного вида травли, которая носит комплексный характер, сочетая в себе традиционные школьные конфликты с элементами политизированной агрессии и социальной стигматизации. Исследуются психологические и социальные последствия для ребёнка-жертвы, которые усугубляются на фоне переживаний из-за отсутствия и опасности для родителя. Делается вывод о формировании у ребёнка состояния «двойной травмы» — семейной (тревога за родителя) и социальной (отвержение сверстниками). Статья подчёркивает необходимость разработки специальных протоколов психолого-педагогического сопровождения таких детей, направленных не только на купирование последствий буллинга, но и на работу с травмой ожидания и страха.

Abstract: The article examines the phenomenon of bullying in the school environment in relation to children whose parents are participants in a special military operation (SVO). The article analyzes the specifics of the causes and mechanisms of this type of bullying, which is complex in nature, combining traditional school conflicts with elements of politicized aggression and social stigmatization. The psychological and social consequences for the victim child are investigated, which are aggravated by the experience of absence and danger for the parent. The article concludes that children experience a "double trauma" — a family trauma (anxiety about their parents) and a social trauma (rejection by peers). The article emphasizes the need to develop special protocols for the psychological and pedagogical support of such children, which are aimed not only at addressing the consequences of bullying, but also at working with the trauma of anticipation and fear.

Ключевые слова: буллинг, школьная травля, дети участников СВО, стигматизация, психологическая травма, социальное исключение, травматический разрыв, школьный климат, психолого-педагогическое сопровождение.

Keywords: bullying, school harassment, children of military personnel, stigmatization, psychological trauma, social exclusion, traumatic rupture, school climate, psychological and pedagogical support.

Для цитирования: Ананьева Ж.Н., Ананьев О.Г. Специфика буллинга детей участников СВО и последствия для личности жертвы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 618-620. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_618.

For citation: Ananyeva Zh.N., Ananyev O.G. Specific features of bullying children of svo participants and consequences for the victim's // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 618-620. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_618.

Статья поступила в редакцию: 22.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Введение. Буллинг является на сегодняшний день одной из главных проблем, поскольку влияет на деформацию психики ребенка, постоянно приобретая новые формы и цель своего проявления. Данный феномен возникает практически в любом возрасте. Причины его возникновения практически всегда основываются на одном явлении — «не такой, как все», то есть присутствуют яркие отличия от уже принятых стандартов в группе. Это может быть разница в успеваемости (лучше или хуже учится), увлечениях, предпочтениях, внешности, национальности, религии и другое. Иной причиной является — осознанный выбор очередной жертвы, на которой выпускаются накопившиеся негативные эмоции, не задумываясь о последствиях для личности.

Целью исследования является комплексный анализ правовых основ и разработка на его базе методических рекомендаций по организации и проведению психолого-психотерапевтической работы с детьми участников СВО, подвергшимися травле.

Методы. Теоретический анализ и синтез существующих норм права, системно-структурный, сравнительно правовой и формально-юридический методы рассмотрения основ системы взаимосвязанных элементов регулирования данной проблемы.

На сегодняшний день буллинг приобрел новую цель для реализации, а именно, участие родителей в специальной военной операции. Чаще дети пытаются также удовлетворить данными действиями свои потребности во внимании или временного устранения комплекса неполноценности, показывая через травлю свое превосходство хотя бы, например, сейчас в «целой своей семье», игнорируя, возможно, проблемы детско-родительских отношений. К сожалению, в данном контексте резко возрастает риск деформации психики, чем в других направленностях воз-

никновения «нападений» на выбранную «жертву», так как ребенок испытывает два сильных дистресса: первый стресс связан с переживанием за отсутствующего родителя или другого родственника, находящегося в экстремальных условиях, где высока вероятность получения урона здоровью или лишения жизни; второй – постоянное напоминание о негативном событии жизни и доказывание со стороны сверстников о своей неполноценной и «хрупкой» семье, которая может лишиться одного из ее членов в любой момент. Быстро растет ненависть, обида к нападающим и равнодушным ребятам, сохраняющим нейтралитет. На этой основе характерны частые драки, не ограничивая силу и урон здоровью, что является проявлением собственной защиты и попыткой предупредить дальнейшие нападки. Однако бывают ситуации, когда агрессор старше или больше жертвы. Тогда дистресс настолько сильно повышается, что ребенок замыкается в себе и проявляет два вида поведения: суицидальное поведение и делинквентное, но с условием, что во втором случае поддерживается длительное время напряжение, обида и гнев [1, с. 154]. Последствием будет месть обидчикам через несколько лет, когда будет высока вероятность успеха. Месть может выглядеть, как расстрел людей в школе или расправа отдельно с каждым в дворах, где нет лишних глаз, при стремлении не попасться полиции и продолжить «отомщенную жизнь».

Такие последствия характерны при нескольких причинах:

1. Непрофессионализм у психологов и педагогов в диагностике социально-психологического климата в группе обучающихся и вероятности буллинга через беседу, наблюдение, стандартные тесты и методики;
2. Отсутствие психолого-педагогических знаний в проведении профилактики, предупреждения и коррекции психического состояния отдельных личностей несовершеннолетних;
3. Игнорирование родителями состояния собственного ребенка и правильного реагирования на произошедшие инциденты.

Психолого-педагогические рекомендации по профилактике, предупреждению, коррекции буллинга и стабилизации психического состояния детей должны содержать создание безопасной, инклюзивной образовательной среды, исключающей насилие, через системный, многоуровневый подход с фокусом на развитии социально-эмоциональных навыков всех участников образовательного процесса. Можно разделить на пять основных блоков систему рекомендаций:

Первый блок «Общая стратегия и принципы для образовательной организации». Характеризуется нулевой терпимостью к насилию в виде четкой, публичной позиции администрации, воспринимающей буллинг, как нарушение правил школы и требующее обязательного вмешательства взрослых. При этом должен использоваться системный подход, подразумевающий включение всех сотрудников и родителей. Также необходима документальная база, подразумевающая наличие и реальное действие локальных актов, с которой обязаны быть ознакомлены работники. Ко всему прочему, требуется формирование ценностей эмпатии, сотрудничества, принятия различий, делая акцент на «силе сообщества», а не на конкуренции и иерархии [2, с. 154].

Второй блок «Уровень профилактики (работа до возникновения проблемы)». Основной упор делается на педагогический состав образовательных школ. Учителя вместе с психологами должны развивать эмоциональный интеллект класса через регулярное проведение «классных часов», «кружки» по темам: эмоции, эмпатия, границы, уважение, конфликты и использовать технологий социально-эмоционального обучения. Стоит учитывать и использование групповых методов работы, где роли распределены и ценен вклад каждого. Отказ от практик публичного сравнения и унижения.

Педагогу следует ещё знать групповую динамику в классе, выявлять «изгоев», «элиту», «приближенных». Строить доверительные отношения с детьми, чтобы они могли сообщить о проблеме.

При этом, совместно с детьми выработать правила жизни в классе, обсудить, что считается буллингом (с примерами), и какие последствия наступят для нарушителей. Последствия должны быть восстановительными, а не карательными.

Необходимо периодически проводить регулярный мониторинг (анонимные опросники, социометрия, методика «Рисунок класса», наблюдение) для выявления «групп риска» и неблагополучных классов, внедрять и реализовывать программы по развитию эмпатии, асертивности (уверенное, неагрессивное поведение), стрессоустойчивости, навыков разрешения конфликтов для всех детей. Эффективно будет считаться и проведение семинаров и тренингов для учителей по распознаванию буллинга, основам недирективной коммуникации, управлению групповой динамикой. Кроме работы с несовершеннолетними, педагоги и психологи обязаны регулярно работать с родительским сообществом через просвещение и информирование по нынешней ситуации в школе или классе.

Третий блок «Уровень предупреждения и вмешательства (при выявлении случаев буллинга)». На данном этапе свойственно использование и совершенствование алгоритма для педагога и психолога при подозрении или выявлении травли среди обучающихся, который характеризуется:

1. Немедленным прекращением инцидента;
2. Разделением участников для обеспечения физической безопасности жертвы;
3. Своевременным информированием школьного психолога и/или социального педагога, руководство, администрацию;
4. Документированием случая, записав факт, дату, участников, свидетелей, суть происшествия;
5. Отказом от «показательных разборок» при всем классе, так как это усугубляет положение жертвы.

Для психологов можно описать следующий алгоритм действий, который включал бы в себя следующие направления:

1. Сбор информации через тестирование, опрос (беседа, интервьюирование) и при возможности наблюдение;
2. Оценка серьезности и масштаба;

3. Информирование родителей всех сторон;

4. Выбор стратегии вмешательства (индивидуальная работа с жертвой, агрессором или групповая работа со всем классом).

Четвертый блок «Уровень коррекции и стабилизации психического состояния». Делается упор на работу с жертвой и агрессором для их стабилизации и нормализации. В случае работы с жертвой стоит помнить о важности в безопасности, иначе в разработке с администрацией плана защиты, как временное изменение расписания и сопровождение [3, с. 175].

Психологическая поддержка позволяет стабилизировать человека поэтапно прорабатывая проблему. В первую очередь, важно снизить уровень тревоги, где большим успехом используется арт-терапия, и уже потом переключиться к работе с самооценкой и чувством вины, способным повлиять на продолжение тяжелой деформации психики. Затем происходит развитие навыков ассертивности и защиты границ через ролевые игры.

При психологической поддержке ребенку, подвергшемуся буллингу, нужно подключать поддерживающие микрогруппы, в виде кружков, секций, где будет схожесть интересов сверстников, а также тесное взаимодействие с родителями.

В работе с ребенком-агрессором стоит устанавливать четкие границы и последствия через привлечение к восстановительной ответственности.

При этом стоит исследовать причину подобных действий для подбора эффективного подхода и коррекционных методик, подразумевающих обучение распознаванию и выражению эмоций (гнева, обиды) социально приемлемыми способами, тренинг эмпатии через проигрывание ролей, анализ литературных произведений, фильмов, развитие социальных навыков и позитивного лидерства, а также семейное консультирование для изменения паттернов взаимодействия.

При работе со свидетелями (классом/группой), в первую очередь, стоит снять чувства стыда и бессилия: обсудить, почему было трудно вмешаться, и как можно действовать в будущем (позвать взрослого, выразить поддержку жертве на словах). После необходимо усилить про-социальное большинство с помощью предоставления задания на сплочение, взаимопомощь, подчеркивание ценности каждого. На этом фоне должен формироваться новый групповой этос через дискуссии, совместные проекты создания новых норм [4, с. 15].

Пятый блок «общие рекомендации». Педагог и психолог взаимодействуют с родителями через встречи, как родительские собрания. На них уже не происходит информирование о ситуации в школе, а просвещение о проработке трудностей и обучение самих родителей правильному реагированию и взаимодействию с детьми. При необходимости есть возможность предложить коррекционный центр для нормализации детско-родительских отношений и выпрямлению девиантного поведения, а также записаться на психологическое консультирование к соответствующим специалистам.

На основе описанного можно сказать, что эффективная профилактика и коррекция буллинга возможны только при консолидированных, последовательных и профессиональных действиях всей образовательной организации. Ключевые элементы — раннее выявление, безоценочное внимание к чувствам каждого ребенка, акцент на восстановление отношений, а не на наказание, и системная работа по выращиванию культуры человеческого достоинства и взаимного уважения.

Список литературы:

1. Ананьева Ж.Н., Ананьев О.Г. Вопросы ответственности за участие в буллинге // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11 (239). С. 154-157.
2. Ананьев О.Г., Ананьева Ж.Н. Современные доктрины социального обеспечения: право на реадaptацию и реабилитацию личности действующих и бывших участников СВО // Аграрное и земельное право. 2024. № 10 (238). С. 152-155
3. Ананьева Ж.Н., Ананьев О.Г. Правовые основы в работе с участниками боевых действий с использованием эмоционально-образной терапии: техники применения // Аграрное и земельное право. 2024. № 10 (238). С. 174-176.
4. Ананьева Ж.Н., Ананьев О.Г. Кибербуллинг и правовые меры защиты // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 116-3. С. 12-16.

References:

1. Ananyeva Zh.N., Ananyev O.G. Issues of Responsibility for Participation in Bullying // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 11 (239). Pp. 154-157.
2. Ananyev O.G., Ananyeva Zh.N. Modern Social Security Doctrines: The Right to Re-Adaptation and Rehabilitation of the Personality of Current and Former Participants in the Special Military Operation // Agrarian and Land Law. 2024. No. 10 (238). Pp. 152-155
3. Ananyeva Zh.N., Ananyev O.G. Legal Foundations in Working with Combatants Using Emotional and Imagery Therapy: Application Techniques // Agrarian and Land Law. 2024. No. 10 (238). Pp. 174-176.
4. Ananyeva Zh.N., Ananyev O.G. Cyberbullying and Legal Protection Measures // Trends in Science and Education Development. 2024. No. 116-3. Pp. 12-16.

К ВОПРОСУ О КИБЕРТРАСОЛОГИИ В «КЛАССИЧЕСКОЙ» КРИМИНАЛИСТИКЕ ON THE ISSUE OF CYBERTRACOLGY IN «CLASSICAL» CRIMINOLOGY

БЕЗРУКОВ Андрей Вадимович,

старший преподаватель кафедры Уголовное право Пензенский государственный университет.

440034, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40.

E-mail: olesia_8013-10@mail.ru

BEZRUKOV Andrey Vadimovich,

Penza State University.

440034, Penza, Krasnaya Street, 40.

E-mail: olesia_8013-10@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматривается необходимость формирования отрасли криминалистической техники - кибертрасологии. Проблемность и пробельность видится в том, что соби́рание, исследование, оценка и использование цифровых следов в расследовании преступлений в сфере информационных технологий до сих пор не получили чётко обозначенной позиции в структуре криминалистической техники, а ограничены лишь трасологией. Многие ученые-криминалисты предлагают выделять цифровые следы, виртуальные следы, информационные следы и даже выделять такой подраздел, как **кибертрасология**.

Abstract. The article discusses the need to form a branch of forensic science called cybertracology. The problem lies in the fact that the collection, investigation, evaluation, and use of digital traces in the investigation of crimes in the field of information technology have not yet been clearly defined in the structure of forensic science, and are limited to the field of tracology. Many forensic scientists propose the separation of digital traces, virtual traces, information traces, and even the creation of a subfield called cybertracology.

Ключевые слова: кибертрасология, цифровая трасология, цифровой след, криминалистическая техника.

Keywords: cybertracology, digital tracology, digital trace, forensic technology.

Для цитирования: Безруков А.В. К вопросу о кибертрасологии в «классической» криминалистике // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 621-622. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_621.

For citation: Bezrukov A.V. On the issue of cybertracology in «classical» criminology // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 621-622. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_621.

Статья поступила в редакцию: 06.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Современная эпоха цифровых технологий кардинально изменила не только повседневную жизнь общества, но и характер преступной деятельности. Рост числа преступлений, совершаемых с использованием компьютерных систем и высокотехнологичных программно-технических комплексов, поставил перед криминалистикой принципиально новые задачи.

Традиционные методы расследования оказываются недостаточными для работы с доказательствами, возникающими в сетевых и информационно-цифровых средах. Суть проблемы заключается в специфике самих преступлений в цифровой сфере. Их отличают особые орудия и инструменты (компьютерные технологии), особая среда совершения (виртуальное пространство), а также особый характер следов.

Механизм следообразования тоже уникален: следы возникают либо в результате действий человека в киберпространстве, либо вследствие автоматического функционирования программ и автоматизированных систем [1]. Всё это требует разработки специфических технико-криминалистических средств и методов поиска, обнаружения, фиксации, изъятия и экспертного исследования цифровых следов. В этих условиях закономерно возникла потребность в формировании новой отрасли криминалистической техники - кибертрасологии.

Важно подчеркнуть, что в доктрине термин «кибертрасология» не является единственно возможным: ряд исследователей используют синонимичное понятие «цифровая трасология», подчёркивая специфику объекта изучения. Несмотря на терминологические различия, оба понятия описывают единую предметную область - изучение механизмов образования, обнаружения и исследования следов в цифровой среде.

Вопрос о месте кибертрасологии в системе криминалистической техники остаётся предметом научной дискуссии. Ряд исследователей, в частности Н. П. Яблоков, предлагает интегрировать её в уже существующую отрасль - криминалистическое исследование следов, куда входят трасология, исследование материалов, веществ, запаховых следов и др. [2]. Однако более обоснованной представляется позиция Н. П. Майлис, выступающей за выделение кибертрасологии в самостоятельную отрасль. Её аргументы опираются на принципиальную специфику среды совершения преступлений, объектно-следовой картины и механизма следообразования [3].

В 2022 году на Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы отечественной криминалистики: современные тенденции» заведующий криминалистической лабораторией А. В. Холопов представил доклад «Кибертрасология как отрасль криминалистической техники». В работе обсуждались результаты исследований, посвящённых использованию криминалистической техники в расследовании преступлений, в которых средством совершения являются компьютерные и иные цифровые электронные устройства.

Некоторые мнения теоретиков о кибертрасологии.

В. А. Мещеряков считает, что под виртуальными следами следует понимать «любое изменение состояния автоматизированной информационной системы, связанное с событием преступления и зафиксированное в виде компьютерной информации». Эти следы, по его мнению, занимают «условно промежуточную позицию между материальными и идеальными следами».

П. В. Мочагин предлагает в качестве следов рассматривать команды, которые отправлены с компьютера преступника и направлены на получение информации. Именно эти команды, по его мнению, и носят характер «виртуального следообразования».

Н. Лыткин указывает, что изменения в компьютерной информации, являющиеся следами преступления, в большинстве случаев доступны восприятию не в виде двоичных кодов, а в преобразованном виде: запись в файле реестра, изменение атрибута файла, электронное

почтовое сообщение.

По своей сути кибертрасология представляет собой базовое знание об основных характеристиках киберпреступлений, необходимое субъекту применения криминалистических знаний для реконструкции события преступления. Её фундамент составляет изучение цифрового следа (в литературе также встречаются синонимичные обозначения - «виртуальные следы», «электронные следы», «информационные следы», «электронно-цифровые следы»). Согласно определению Е. С. Переверзева и А. В. Комова, виртуальные следы - это «определённые изменения в сетевом виртуальном пространстве со всеми протекающими в нём информационными процессами, непосредственно связанные с механизмом совершения преступления и зафиксированные в электронном поле» [4].

Особая природа виртуальных следов подчёркивается их промежуточным положением между материальными и идеальными следами. Хотя они существуют на материальном носителе, их восприятие критически зависит от способа считывания информации; в то же время они не могут быть отнесены к идеальным, поскольку хранятся не в памяти человека, а на цифровом носителе. Между тем практическая потребность в классификации цифровых следов очевидна: от правильного определения природы следа зависят методы его исследования и юридическая сила доказательств.

Уже сегодня некоторые исследователи выделяют ряд оснований для криминалистической классификации цифровых следов [5]. По типу носителя они делятся на оптические (например, CD и DVD), полупроводниковые (флеш-накопители, SSD) и магнитные.

По форме представления большинство цифровых следов представляют собой текстовую информацию, но встречаются также графические и звуковые следы. В зависимости от способа доступа следы бывают локальными (находящимися непосредственно на устройстве) и удалёнными (доступными через сеть).

Степень доступности позволяет разграничить открытые следы (видимые файлы), скрытые (использующие методы стеганографии или скрытые папки) и зашифрованные (защищённые паролем или криптографическими алгоритмами). По характеру происхождения различают прямые следы, созданные пользователем (сообщения, документы), и косвенные, формируемые автоматически (системные логи, метаданные, кешированные данные). Наконец, по месту нахождения следы группируются в зависимости от того, где они зафиксированы: на устройствах преступника, потерпевшего или третьих лиц. При этом один и тот же след нередко присутствует одновременно на носителях всех трёх типов.

Практическое значение кибертрасологии проявляется в возможности реконструировать хронологию преступления, идентифицировать злоумышленника через IP-адреса и цифровые отпечатки устройств, восстанавливать удалённую информацию, доказывать использование вредоносного ПО и отслеживать финансовые операции в криптовалютных сетях. Особую ценность цифровые следы представляют при проверке алиби и восстановлении хронологии событий.

Так, геолокационные сервисы (Google Maps, ЯндексКарты, сервисы Apple) фиксируют маршруты и места пребывания пользователя, сохраняя историю перемещений, которая может быть запрошена у провайдера при наличии судебного решения. Автомобильные навигаторы сохраняют «треки» перемещений при активации соответствующей функции, причём данные синхронизируются между устройствами при входе в аккаунт. Социальные сети и мессенджеры регистрируют время посещения и публикации, позволяя установить временные рамки событий и круг общения. Фото- и видеоматериалы, созданные на смартфонах, содержат метаданные о времени и месте съёмки, служа независимым подтверждением обстоятельств происшествия. Банковские транзакции и данные платёжных приложений фиксируют время, сумму и место оплаты, помогая восстановить ассоциативные связи между событиями, датами и участниками.

Особое значение имеет соблюдение требований уголовно-процессуального законодательства при работе с электронными носителями информации. В соответствии со ст. 164.1 УПК РФ, изъятие электронных носителей должно производиться с участием специалиста и сопровождаться подробным протоколированием. Необходимо обеспечивать целостность данных - для этого применяются методы хэш-верификации, создаётся «цепочка доказательств», документируются все действия с носителями информации.

Таким образом, кибертрасология представляет собой не временное явление, а необходимый элемент современной криминалистики. Её развитие определяет эффективность расследования киберпреступлений, уровень защиты прав граждан в цифровой среде и способность правосудия адаптироваться к вызовам XXI века. Однако на данный момент отрасль сталкивается с существенными проблемами: отсутствием унифицированных критериев классификации цифровых следов, нехваткой стандартизированных методик, отставанием законодательства от темпов технологического развития, дефицитом квалифицированных специалистов.

Список литературы:

1. Холопов А. В. Кибертрасология как отрасль криминалистической техники // Актуальные проблемы отечественной криминалистики: современные тенденции : междунар. науч.-практ. конф. - М., 2023.
2. Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрист, 1999. - 718 с.
3. Майлис Н.П. Нетрадиционные виды следов, используемые в раскрытии и расследовании преступлений // Эксперт-Криминалист. 2018. № 3. С. 35-36.
4. Цифровая криминалистика: учебник для вузов / В. Б. Вехов [и др.] ; под редакцией В. Б. Вехова, С. В. Зуева. - Москва: Издательство Юрайт, 2021. - 417 с.
5. Переверзева Е.С., Комов А.В. Виртуальные и цифровые следы: новый подход в понимании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2021. - № 1 (89). - С. 172-178.
6. Кушнарев А.С. Цифровые следы в криминалистике, их использование при расследовании преступлений // Вопросы российской юстиции. - 2024. - №32. - С. 338-351.

References:

1. Kholopov A. V. Cybertracology as a branch of forensic science // Actual problems of domestic forensic science: modern trends : international scientific and practical conference. - Moscow, 2023.
2. Criminalistics: Textbook / Ed. by N. P. Yablokov. 2nd ed., revised and expanded. - Moscow: Yurist, 1999. - 718 p.
3. Mailis N.P. Non-traditional types of traces used in the detection and investigation of crimes // Expert-Criminalist. - 2018. - No. 3. - Pp. 35-36.
4. Digital Forensics: A Textbook for Universities / V. B. Vekhov [et al.]; edited by V. B. Vekhov, S. V. Zuev. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. - 417 p.
5. Pereverzeva E.S., Komov A.V. Virtual and Digital Traces: A New Approach to Understanding // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2021. - No. 1 (89). - Pp. 172-178.
6. Kushnarev A.S. Digital Traces in Criminalistics and Their Use in Crime Investigation // Issues of Russian Justice. - 2024. - №. 32. - Pp. 338-351.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ РИСКА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ON THE CONCEPT OF RISK IN CRIMINAL LAW

РЫЖОВА Ольга Александровна

кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»,
440026, Россия, г. Пенза, Красная ул., 40 корп. 1.
E-mail: olga.mail.r04@ru

RYZHOVA Olga Aleksandrovna

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminal Law Penza State University.
40 Krasnaya str., building 1, Penza, 440026, Russia.
E-mail: olga.r04@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается понятие риска, как категории, исследуемой многими юридическими науками и уголовным правом. Основное внимание уделено особенностям уголовно-правового регулирования рискованного поведения человека, направленного на достижение общественно полезной цели. Отмечается, что исследование риска как правового понятия имеет положительные результаты в аспекте контроля возникающих неопределенных ситуаций и рискованного поведения человека. Автор указывает на положения, которые следует учитывать, давая уголовно правовую оценку рискованного поведения человека, особенностей квалификации такого деяния и ответственности. Определяется общий круг правовых вопросов, которые подлежат дальнейшему исследованию и использованию понятия «риск» в уголовном праве, что позволит выработать практику применения.

Abstract: This article examines the concept of risk as a category studied by many legal disciplines and criminal law. The focus is on the specifics of criminal-legal regulation of risky human behavior aimed at achieving a socially beneficial goal. It is noted that the study of risk as a legal concept has yielded positive results in terms of controlling emerging uncertain situations and risky human behavior. The author identifies provisions that should be considered when providing a criminal-legal assessment of risky human behavior, the specifics of classifying such acts, and liability. A general range of legal issues is identified that require further research and application of the concept of "risk" in criminal law, which will allow for the development of practical applications.

Ключевые слова: риск в уголовном праве, последствия и ответственность, виды рисков, обоснованный риск.

Keywords: risk in criminal law, consequences and responsibility, types of risks, justified risk.

Для цитирования: Рыжова О.А. К вопросу о понятии риска в уголовном праве // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 623-626. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_623.

For citation: Ryzhova O.A. On the concept of risk in criminal law // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 623-626. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_623.

Статья поступила в редакцию: 06.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Характеристика риска в уголовном праве невозможна без общего представления о правовой природе рискованного поведения человека, что вызывает наступление двойных последствий. Многие задачи современного общества не могут быть решены без участия человека и особенностей его поведения в условиях неопределенности. Выражением такого поведения человека является риск. Толковый словарь В. Даля содержит определение – риск – «возможная опасность чего-либо» и «рисковать (что или чем), подвергаться чему, известной опасности, превратности, неудаче» [4]. О риске в уголовном праве первые исследования принадлежат профессору М.С. Гринбергу, работы ученого непосредственно являются основой для изучения категории «риск» в уголовно-правовом аспекте [3]. В настоящее время уголовно-правовая наука рассматривает разные по своему характеру направления исследований в части изучения категории «риск» - комплексно [1]. Все эти концепции следует назвать значимыми для норм и характеристик риска в уголовном праве. Достаточно содержательными являются исследования риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния, но практически отсутствуют исследования о риске как обстоятельстве, смягчающего наказание [7]. В.В.Бабурин отмечает, что «риск не специальный уголовно правовой термин, заимствованный из других наук» [2].

Наиболее распространено определение риска по видам деятельности человека. «Риск по своим формам должен отражать различные очертания способов человеческой деятельности». Право на профессиональный риск предоставлялось лицам, которые осуществляют деятельность, требующую определенного уровня компетенции и знаний о мерах безопасности. Такие лица должны были быть способными соблюдать эти меры и поддерживать безопасность в соответствии с профессиональными стандартами. С приближением к принятию Уголовного кодекса РФ 1996 года ученые дебатировали относительно того, как лучше формализовать и регулировать риск в рамках уголовного законодательства. Вопросы касались не только терминологии (профессиональный, хозяйственный, научный, производственный риск), но и того, какие группы людей должны иметь право на принятие риска.

Современное уголовное законодательство, закрепило норму для решения вопроса наказуемости опасной деятельности — норма об обоснованном риске. Но в существующем виде ее применение нельзя назвать востребованным, ее часто не замечают, в актах применения права на нее ссылаться не принято. Так, ч. 3 ст. 41 УК РФ прямо запрещает рисковать жизнью многих людей. Но известно, к примеру, что эксплуатация самолетов ведет к гибели людей, нередко многих, и избежать этого полностью невозможно. Хотя статистика и не такая, как на автомобильном транспорте, но гибель многих людей является вероятным последствием эксплуатации самолетов. Производители и компании воздушных судов об этом знают. Тем не менее производство и эксплуатация самолетов не являются тяжким деянием, которое может повлечь смерть большого количества людей. Конечно же, в случае авиакатастроф возбуждаются уголовные дела, как и при автомобильных катастрофах, начинается поиск

причин и часто называют причину - человеческий фактор.

В этом контексте российское уголовное законодательство признает определенный уровень риска в общественно полезных начинаниях, устанавливая институт обоснованного риска (статья 41 Уголовного кодекса Российской Федерации), призванный исключать уголовную ответственность в случаях, когда рискованные действия оправданы [9].

Тем не менее, научное сообщество и практикующие юристы часто выявляют вопросы интерпретации и применения нормы об обоснованном риске. Много сложностей рискованных ситуаций, возникающих из-за нечетких границ между обоснованным риском, уголовной халатностью или безрассудством, а также из-за трудности в оценке приемлемости вероятного вреда. Следствием недостаточного понимания данной нормы является лишнее привлечение к уголовной ответственности людей, действующих в интересах общества или, наоборот, неоправданное освобождение от ответственности тех, кто проявил неоправданный риск.

В уголовном законодательстве советского периода понятие обоснованного риска, как таковое, отсутствовало. Однако, в теории уголовного права и в судебной практике, особенно начиная с 1960-х годов, разрабатывались подходы, которые можно рассматривать как предшественники современного понимания обоснованного риска [10].

Этимологически «обоснованный» означает «имеющий основание», «оправданный», «имеющий под собой реальную почву или причины». «Риск» же включает в себя понятие неопределенности относительно будущих событий, которые могут иметь как положительные, так и отрицательные последствия.

Уголовное право включает в себя концепцию обоснованного риска как средства отграничения между допустимыми и недопустимыми действиями в условиях неопределенности. Наши примеры определений обоснованного риска от разных ученых иллюстрируют попытки юридической науки конкретизировать это понятие и определить его пределы [11].

А. С. Шурмудов рассматривает обоснованный риск как действие (или бездействие) с общественно-полезной целью, которое, тем не менее, приводит к вреду, при условии, что цель нельзя было достичь иным, безопасным путем, и были предприняты все зависящие от лица меры для предотвращения вреда [13].

С. С. Захарова дает определение, что «деяние должно быть направлено на достижение общественно полезной цели и совершено в условиях неопределенности, при этом должен присутствовать выбор альтернативного поведения. Важно, что вред причинен, несмотря на все меры противодействия» [5]

Каждое из этих определений подчеркивает важность общественно-полезной цели и необходимость прилагать все разумные усилия для минимизации вреда в процессе рискованной деятельности. Однако, даже в рамках таких разветвленных и тщательно продуманных определений, на практике присутствуют сложности, связанные с оценкой действий лица, его мотивов, и, прежде всего, реально доступных ему альтернатив, а также сопоставления потенциальной пользы деятельности с потенциальным вредом.

Уголовный кодекс РФ, таким образом, открывает пространство для учета обоснованного риска в юридической практике, и устанавливает строгие рамки для его применения, так задачей уголовного законодательства является защита прав и свобод человека и гражданина, также охраняемые интересы общества и государства. Важность интерпретации каждого конкретного случая с использованием данных критериев не может быть недооценена, и поэтому каждое новое дело потенциально может способствовать дальнейшему уточнению и развитию уголовно-правовой доктрины в отношении обоснованного риска.

В ст. 41 Уголовного кодекса Российской Федерации определено, когда «вред, возникший в результате действий, сопряженных с риском, не влечет уголовной ответственности, и указаны условия, при которых риск является допустимым» [9].

Важным условием обоснованного риска является общественно полезная цель, направленная на получение полезных результатов для человека и общества. Примером может проведение опытов в научных исследованиях, которые сопровождаются значительными материальными затратами, но не всегда проведенные исследования дают положительные результаты. Проведение испытаний новых видов технических образований, транспортных средств имеет определенные риски, которые не всегда успешны, полезны, испытания могут повлечь как аварии, так и человеческие жертвы. Современная медицина все чаще применяет и использует новые методы лечения (создание и испытание передовых препаратов для лечения различного рода опасных инфекционных заболеваний и др.) при этом возможны не всегда достигается желаемый результат, а может быть причинен вред здоровью человека. Однако, для развития и реализации возможностей медицины, приходится рисковать врачам, они не могут давать гарантий успешного результата проведенной операции или проведенного лечения. Как часто медики испытывают новые препараты на себе, перенося неудачи на себя, а не на пациентов.

Еще одним условием обоснованного риска выступает «невозможность достигнуть желаемого результата иными действиями, не связанными с риском». Наиболее часто это связано с лабораторными исследованиями, в результате которых необходимо применить вакцины, лекарства и т.д. на людях. Всегда пока новая методика не отработана и не выявлены различного рода побочные эффекты, первые пациенты подвергаются риску. Также риск связан с категориями лиц испытуемых различных механизмов, конструкций, систем обеспечения жизнедеятельности.

В том случае, когда риску подвергаются люди, необходимо их согласие на участие в экспериментах, испытаниях, опасных мероприятиях. Однако одного согласия лица на испытание недостаточно.

Третье условие обоснованного риска – «принятие лицом, допустившим риск, достаточных мер для предотвращения вреда» [6]

Все представленное указывает на вопрос на сколько можно рисковать в той или иной ситуации, при этом необходимо четко установить

рамки уголовного регулирования рискованных ситуаций.

Опыт развития теории уголовного права в этой сфере показывает, что решение указанных проблем невозможно без изменения концептуальных подходов к характеристике риска в уголовном праве.

Закон предусматривает недопустимость риска, «заведомо сопряженного с возможными последствиями определенного рода», такие как- угроза для жизни многих людей, угроза экологической катастрофы или общественного бедствия.

Лицо подлежит уголовной ответственности за причиненный вред, если были не соблюдены все условия обоснованности риска, его действия квалифицируются как общественно опасное деяние. В Уголовном кодексе Российской Федерации не предусмотрены специальные составы для причинения такого вреда, поэтому квалификация такого деяния будет на общих основаниях.

Следует учитывать, что при выходе за пределы обоснованного риска лицо действует не умышленно, а по неосторожности [11].

Согласно п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ «совершение преступления при нарушении условий правомерности обоснованного риска подлежит учету в качестве обстоятельства, смягчающего наказание» [12].

Для детального осознания, что такое обоснованный риск, важно обратить внимание на определенные требования уголовного законодательства, которые могут свидетельствовать в пользу законности поступков субъекта и, следовательно, отсутствию уголовной ответственности за возникший вред.

Рассмотрим конкретный случай из практики. В городе Х. судебное разбирательство затронуло инспектора ДПС, представителя полка ГИБДД при УМВД России, который во время выполнения своих должностных обязанностей оказался вовлеченным в дорожно-транспортное происшествие. В процессе задержания нарушителя, превысив скорость в 60 км/ч до значения в 137 км/ч, он не справился с управлением автомобилем; в результате столкновения с опорой освещения были причинены тяжкие повреждения пассажиру, что, к сожалению, привело к его смерти на месте события.

Суд, тщательно анализируя обстоятельства дела, пришел к выводу, что, хотя и был нанесен вред здоровью, действия инспектора можно посчитать правомерными в рамках обоснованного риска для служебного задания. Причиной для этого послужило стремление остановить нарушителя ПДД, а также предотвратить возможные последствия его противоправных действий для общественности. Суд учел, что задача предотвращения ущерба здоровью или жизни людей является общественно значимой деятельностью. Кроме того, было установлено, что нарушение правил дорожного движения по скорости было обоснованным и необходимым в данных экстремальных условиях при выполнении служебных обязанностей.

В итоге суд пришел к выводу, что фактические обстоятельства дела и мотивы действующего лица обусловили законность его действий, и, соответственно, отказ уголовном обвинении. Решение суда первой инстанции было подтверждено и судом апелляционной инстанции, оставившим приговор без изменений [8].

В результате УК РФ 1996 года, как мы упоминали, включил главу об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, где подобные формы риска получили свое законодательное отражение. Эти обстоятельства предоставили юридические основания для того, чтобы лица, действующие в рамках оправданного риска, могли быть освобождены от уголовной ответственности при соблюдении определенных условий. Это позволило развивать профессиональную деятельность с учетом существующих рисков, но при этом поддерживать баланс с необходимостью защиты общества от необоснованного и чрезмерного вреда.

Виды обоснованного риска, выделяемые в уголовно-правовой доктрине и практике:

1. Научно-технический риск:

Связан с проведением экспериментов, исследований, испытаний новых технологий, материалов, оборудования.

Цель - получение новых знаний, разработка новых методов и средств.

Испытание нового лекарственного препарата, разработка новой технологии в авиационной промышленности.

2. Производственно-хозяйственный (управленческий) риск:

Обусловлен принятием управленческих решений в сфере производства, экономики, бизнеса.

Цель - повышение эффективности производства, получение прибыли, улучшение экономических показателей.

Внедрение новой системы управления, освоение нового рынка, инвестиции в рискованный проект.

3. Медицинский риск:

Связан с применением новых методов лечения, проведением сложных операций, использованием экспериментальных лекарств.

Цель - спасение жизни пациента, улучшение его здоровья.

Проведение сложной операции, применение нового лекарства при отсутствии других эффективных методов лечения.

4. Риск при спасении людей и имущества:

Обусловлен действиями, направленными на спасение людей, предотвращение аварий, катастроф, стихийных бедствий, защиту имущества.

Цель - предотвращение более тяжких последствий.

Действия пожарного при тушении пожара, действия спасателя при спасении людей из зоны затопления.

5. Спортивный риск:

Связан с участием в спортивных соревнованиях, тренировках, выполнением сложных упражнений.

Цель - достижение спортивных результатов, улучшение физической формы.

Участие в соревнованиях по экстремальным видам спорта, выполнение сложных гимнастических упражнений.

Все это позволяет установить социальную полезность рискованного поведения, с учетом обозначенных целей. Важно отметить, что для признания риска обоснованным необходимо соблюдение следующих условий (статья 41 Уголовного кодекса РФ):

Риск должен быть направлен на достижение социально полезной цели.

Нельзя было достичь этой цели не связанными с риском действиями (бездействием).

Лицо, допустившее риск, должно было предпринять достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам.

Риск не должен быть заведомо сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия.

Следует отметить риск и обоснованный риск является значимой категорией уголовного права, что позволяет развивать инновационную деятельность, успехи науки и техники, но при этом обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и общества.

В завершение вопроса риска в уголовном праве стоит подчеркнуть, что текущее закрепление в нормативных актах характеризуется излишней расплывчатостью, не всегда удается четко понять границы поведения и действий субъекта. Наличие субъективных категорий в определении усложняет практическое использование данной юридической концепции о риске в различных сферах. Все это создает юридические трудности при формировании консолидированной позиции среди правоприменителей относительно границ соответствующего поведения и препятствует становлению стабильной судебной практики.

Более того, сложности в применении концепции обоснованного риска могут влиять на уровень правовой защищенности граждан. В ситуациях, когда действия лиц, принимающих на себя риск, оцениваются по-разному, усиливается неопределенность не только с правовой, но и с социальной точки зрения[11].

Подводя итог, отметим важность проработки вопроса правовой регламентации различных профессиональных видов рисков на законодательном уровне с учетом названных проблем и по определению точности в понятийном аппарате. Уточнение и детализация норм, регулирующих обоснованный риск, помогут сформировать более четкую практику и усилят защиту прав и интересов участников правоотношений, что в свою очередь благоприятно скажется на стабильности уголовно-правовой системы.

Некоторые юристы выступали за сохранение строгих рамок, в которых только квалифицированные специалисты в определенных сферах имели бы право принимать на себя определенные риски. Другие предлагали более широкие подходы, включающие допустимый научный и производственный риск, что позволило бы расширить круг лиц, имеющих право на риск.

Список литературы:

1. Бабури В.В. Квалификация уголовно-правового риска: монография/В.В.Бабури.-М.:Илекса,2006.-130 С.
2. Бабури В.В. Концепция риска в уголовном праве: монография/В.В.Бабури.-Омск: ,2008.-260 С.
3. Гринберг М.С. Проблема производственного риска в уголовном праве/ М.С.Гринберг.-М.:Госюриздат,1963.-132С.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка: в4т.-М.: ,1980.Т4-96С.
5. Захарова С.С. Обоснованный риск в уголовном праве Российской Федерации: автореф. дис.к.ю.н., Рязань, 2005.-26С.
6. Козаев Н.Ш. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис.к.ю.н., М.,2004.- 24С.
7. Лапша В.Л. Риск как междисциплинарная категория в науках уголовно-правового цикла Вестник Сибирского юридического института МВД России . 2021., №4 -205-207С.
8. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. М. П. Журавлева, С. Н. Никулина, 2001. - 105 С.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) Электронный ресурс. Режим доступа:https://www.consultant.ru/document/cons/ (дата обращения 30.10.2025)
10. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / Под ред. В.Н. Кудрявцева, С.Г. Келиной. М., Наука , 1987. - 278С .
11. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / С. В. Афиногенов, Л. Д. Ермакова, Б. В. Здравомыслов, В. Ф. Караулов. Москва: Юрист, 1999. -479 С.
12. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. ИНФРА-М. Иногамова-Хегай Л. В., Антонова Е. Ю., Кибальник А. , 2022.-354С.
13. Шурдумов А. Ю. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния/. автореф. дис.к.ю.н., М.,2003, -18С.

References

1. Baburin V.V. Qualification of criminal-legal risk: monograph/V.V.Baburin.-M.: Ilekxa, 2006.-130 p.
2. Baburin V.V. Concept of risk in criminal law: monograph/V.V.Baburin.-Omsk: ,2008.-260 p.
3. Grinberg M.S. Problem of industrial risk in criminal law/M.S.Grinberg.-M.: Gosyurizdat, 1963.-132 p.
4. Dahl V.I. Explanatory dictionary of the living Russian language: in 4 volumes.-M.: ,1980. T4-96 p.
5. Zakharova S.S. Justified risk in the criminal law of the Russian Federation: author's abstract. Dis. of Cand. Sciences (Law), Ryazan, 2005.-26p.
6. Kozhaev N.Sh. Justified risk as a circumstance excluding the criminality of an act: author's abstract. Dis. of Cand. Sciences (Law), Moscow, 2004.-24p.
7. Lapsha V.L. Risk as an interdisciplinary category in the sciences of the criminal-law cycle. Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021., No. 4-205-207p.
8. Russian criminal law. Special part: textbook / ed. M. P. Zhuravleva, S. N. Nikulina, 2001. - 105 p.
9. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 N 63-FZ (as amended on October 15, 2025) Electronic resource. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons/ (date of access October 30, 2025)
10. Criminal Law. An Experience of Theoretical Modeling / Ed. by V. N. Kudryavtsev, S. G. Kelina. Moscow, Nauka, 1987. - 278 p.
11. Criminal Law of the Russian Federation. General Part / S. V. Afinogenov, L. D. Ermakova, B. V. Zdravomyslov, V. F. Karaulov. Moscow: Jurist, 1999. -479 p.
12. Criminal Law of the Russian Federation. General Part. INFRA-M. Inogamova-Khegay L. V., Antonova E. Yu., Kibalnik A., 2022.-354 p.
13. Shurдумov A. Yu. Justified Risk as a Circumstance Precluding the Criminality of an Act/. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation, Moscow, 2003, -18 p.

ИННОВАЦИОННЫЕ HR-ТЕХНОЛОГИИ И ЦИФРОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ КАДРОВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ INNOVATIVE HR TECHNOLOGIES AND DIGITAL MECHANISMS FOR THE DEVELOPMENT OF PERSONNEL DEPARTMENTS IN THE PENAL SYSTEM

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,

ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России.

125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15А, стр. 1.

E-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru;

BAZHANOV Sergey Andreevich,

Researcher, Department for Improving the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System of the Center for the Study of Management Problems and the Organization of the Execution of Sentences

in the Criminal Executive System Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

125130, Russia, Moscow, Narvskaya str., 15A

E-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье анализируются современные форматы работы кадровых служб Федеральной службы исполнения наказаний России (ФСИН России) в условиях перехода государственных органов к цифровой модели управления. Показано, что внедрение технологий клиентоцентричности и цифровых сервисов формирует новую основу для повышения эффективности кадрового администрирования и внутриорганизационных коммуникаций в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы (УИС). На базе данных выборочных социологических обследований авторы приводят обобщённые выводы о профессиональном уровне работников кадровых служб, динамике их компетенций и степени готовности к трансформации традиционных управленческих процессов.

Abstract: the article analyzes modern formats of work used by the personnel departments of the Federal Penitentiary Service of Russia (FSIN of Russia) amid the transition of government bodies to a digital governance model. It is shown that the introduction of client-centric technologies and digital services is forming a new basis for improving the efficiency of personnel administration and intra-organizational communications in the institutions and bodies of the penal enforcement system (PES). Drawing on data from selected sociological surveys, the authors present summarized conclusions regarding the professional level of personnel department employees, the dynamics of their competencies, and their degree of readiness for the transformation of traditional management processes.

Ключевые слова: цифровая трансформация государственного управления, уголовно-исполнительная система, кадровая политика, интеллектуальные HR-технологии, клиентоцентричная модель управления, автоматизация кадровых процессов, профессиональные компетенции персонала, аналитика человеческих ресурсов, организационное развитие, модернизация управления персоналом.

Keywords: digital transformation of public administration, penal system, human resources policy, intelligent HR technologies, client-centric management model, automation of HR processes, professional competencies of personnel, human resources analytics, organizational development, modernization of personnel management.

Для цитирования: Бажанов С.А. Инновационные HR-технологии и цифровые механизмы развития кадровых подразделений уголовно-исполнительной системы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 627-629. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_627.

For citation: Bazhanov S.A. Innovative HR technologies and digital mechanisms for the development of personnel departments in the penal system // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 627-629. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_627.

Статья поступила в редакцию: 10.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Цифровые преобразования, охватившие государственный сектор управления в Российской Федерации, представляют собой системный и неизбежный процесс, обеспечивающий переход к новым формам организации деятельности публичных институтов. Уголовно-исполнительная система (УИС), являясь частью государственного механизма, интегрирует цифровые инструменты в ключевые направления служебной и административной работы, что соответствует целям социально-экономического развития страны, обозначенным в стратегических документах Правительства Российской Федерации [1]. Внедрение цифровых решений в УИС способствует оптимизации управленческих процессов, повышению качества кадровой деятельности и формированию новой модели взаимодействия внутри ведомства, ориентированной на клиентоцентричность.

Современная организационно-управленческая парадигма УИС формируется в условиях отхода от традиционного командно-административного подхода и перехода к моделям, предполагающим широкое использование аналитических данных, цифровых инструментов и комплексных HR-технологий. Основанием для таких изменений выступают концепции «Нового государственного управления» (New Public Management) и «Эффективного управления» (Good Governance), получившие широкое распространение в западных странах [4] и адаптированные к российским условиям [5]. В рамках этих концепций ключевое внимание уделяется эффективности, транспарентности, ориентированности на потребности граждан и сотрудников, а также оптимизации процессов предоставления государственных услуг.

Клиентоцентричность, хотя и не имеет формализованного юридического определения, становится одним из методологических ориентиров развития государственной службы, включая деятельность кадровых подразделений УИС. Ряд исследователей рассматривают клиентоцентричность как инструмент повышения результативности работы за счёт персонализации взаимодействий, реорганизации процессов и внедрения новых управленческих практик [6; 7]. В кадровой политике УИС принципы клиентоцентричности проявляются в стремлении к созданию комфорт-

ных условий служебной деятельности, повышению открытости коммуникаций, совершенствованию механизмов профессионального развития и укреплению социальных гарантий.

Правовое обеспечение цифровой трансформации УИС базируется на федеральных законах, актах Президента Российской Федерации и ведомственных нормативных документах, формирующих структурированную систему регулирования кадровых процессов. Значимым этапом стало утверждение Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года [3], которая определила основные направления модернизации, включая цифровизацию документооборота, внедрение автоматизированных систем управления, оптимизацию организационных структур и совершенствование механизмов кадрового планирования.

Цифровизация кадровой сферы УИС предполагает использование автоматизированных систем обработки данных, интеллектуальных платформ анализа кадровых рисков и специализированных сервисов, формирующих единое информационное пространство. Применение технологий big data, программ машинного обучения и нейросетевых моделей позволяет значительно ускорить процессы принятия решений, повысить точность прогнозирования служебных показателей и обеспечить оперативность управления персоналом. Эти тенденции согласуются с общегосударственными целями перехода к дата-центричным моделям государственного управления [10].

Специальные социологические исследования, проведённые ФСИН России в 2023–2024 годах [13], выявили неоднородность профессиональной подготовленности сотрудников кадровых служб. Анализ данных позволил выделить несколько категорий работников в зависимости от опыта и уровня развития компетенций. Наименее подготовленной группой оказались сотрудники со стажем до одного года: они испытывали сложности при выполнении задач, связанных с карьерным сопровождением, использованием цифровых инструментов и администрированием изменений. Однако динамика показала постепенное улучшение их навыков, что свидетельствует о результативности ведомственных программ обучения и стажировки.

Группа специалистов со стажем от одного года до двух лет показала более устойчивые результаты. Эти сотрудники уже приобрели базовые профессиональные навыки и демонстрировали последовательное развитие компетенций, связанных с методиками планирования персонала, документооборотом и цифровыми сервисами. Доля таких работников увеличилась в 2024 году, что отражает естественный процесс профессионального роста.

Наиболее квалифицированная и многочисленная группа — сотрудники со стажем от трёх лет — характеризуется уверенным владением современными методами кадрового администрирования, знанием инструментов автоматизированного управления и способностью участвовать в реализации стратегических задач ведомства. Эти работники демонстрируют устойчивую профессиональную мотивацию и формируют основу кадровой службы УИС, обеспечивая преемственность и стабильность её функционирования.

Сотрудники со стажем более трёх лет составляют наиболее компетентную часть кадрового корпуса. Они обладают расширенными кросс-функциональными компетенциями, выступают наставниками для молодых специалистов и являются экспертами по ключевым направлениям кадровой работы. Их компетентность подтверждается высокой точностью выполнения служебных функций и эффективностью участия в формировании управленческих решений.

Таким образом, проведённый анализ демонстрирует прогресс профессионального развития кадровых подразделений УИС, что позволяет сделать вывод о целенаправленности ведомственной кадровой политики и результативности цифровых преобразований. Формируется новая модель кадрового администрирования, основанная на использовании аналитических технологий, повышении качества коммуникаций, создании системного подхода к развитию персонала и внедрении механизмов мотивации, направленных на укрепление кадрового потенциала.

Особую актуальность приобретают меры по компенсации кадрового дефицита, который в последние годы достигает значительных масштабов [12; 11]. В условиях высокой конкуренции среди работодателей правоохранительного блока УИС сталкивается с необходимостью усиливать привлекательность службы, расширять спектр социальных гарантий, совершенствовать механизмы нематериального стимулирования и формировать дополнительные возможности профессионального роста.

В перспективе кадровая политика УИС будет ориентирована на дальнейшее углубление цифровизации, внедрение адаптивных систем управления человеческими ресурсами, развитие аналитических инструментов оценки деятельности сотрудников и повышение эффективности внутриорганизационных коммуникаций. Цифровые технологии станут основой для формирования современной кадровой службы, способной отвечать требованиям времени и обеспечивать устойчивость функционирования уголовно-исполнительной системы в долгосрочной перспективе.

Список литературы:

1. Распоряжение Правительства РФ от 06.10.2021 N 2816-р (ред. от 14.03.2022) «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.09.2023).
2. Клочкин В.П., Зайцев А.В. Дихотомический анализ категории «Управление» // Теория и практика общественного развития. 2013. № 10. С. 317–321.
3. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.09.2025).
4. Красильников Д.Г., Сивинцева О.В., Троицкая Е.А. Современные западные управленческие модели: синтез New Public Management и Good Governance // Ars Administrandi. 2014. № 2. С. 45–62.
5. Иванов Д. Ю., Волков В. А. Формирование механизмов и технологий взаимодействия власти и общества в условия цифровизации государственного управления // Управленческое консультирование. 2023. № 9. С. 107–117.
6. Клиентоцентричный подход в государственном управлении: навигатор цифровой трансформации под ред. О.В. Линник, А.В. Ожаровского, М.С. Шклярчук / Москва: РАНХиГС при Президенте РФ. 2020. 180 с.
7. Что такое клиентоцентричный подход и как его внедрить // Электронный ресурс URL: <https://journal.sovcombank.ru/biznesu/chto-takoe-klientotsentrichnii-podhod-i-kak-ego-vnedrit> (дата обращения: 27.09.2025 г.).

8. Методика оценки уровня клиентоцентричности кадровой работы государственных органов; URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/gosudarstvo_dlya_lyudey/standarty_klientocentrchnosti/ (дата обращения: 27.09.2025 г.).
9. Проект «Государство для людей», утвержденный Распоряжением Правительством Российской Федерации от 06.10.2021 № 2816-р // Министерство экономического развития Российской Федерации Официальный сайт (economy.gov.ru) [Электронный ресурс] – URL : https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/ (дата обращения: 27.09.2025).
10. Акаткин Ю.М., Ясиновская Е.Д. Цифровая трансформация правительства: дата-центричность и модели-ориентированность // Информационные ресурсы России. 2019. № 1. С. 2-7.
11. «Некомплект сотрудников ФСИН достигает 37% по России» от 23.09.2025 / ТАСС [Электронный ресурс]. – URL : <https://tass.ru/obschestvo> (дата обращения: 02.12.2025).
12. Официальный сайт ФСИН России // статистика / [Электронный ресурс] URL: <https://fsin.gov.ru/statistics> (дата обращения: 26.06.2023).
13. План мероприятий по внедрению принципов клиентоцентричности во ФСИН России на 2023 – 2024 годы, утверждён директором ФСИН России 13.12.2022. Документ не публиковался.

References:

1. Russian Federation Government Order No. 2816-r of October 6, 2021 (as amended on March 14, 2022) "On Approving the List of Initiatives for the Socioeconomic Development of the Russian Federation through 2030" // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed: September 27, 2023).
2. V.P. Klochkov, A.V. Zaitsev. Dichotomous Analysis of the Category "Management" // Theory and Practice of Social Development. 2013. No. 10. pp. 317-321.
3. Order of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021, No. 1138-r, "On the Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation through 2030" // Official Internet Portal of Legal Information [Electronic resource]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (accessed: September 27, 2025).
4. Krasilnikov, D.G., Sivintseva, O.V., Troitskaya, E.A. Modern Western Management Models: A Synthesis of New Public Management and Good Governance // Ars Administrandi. 2014. No. 2. pp. 45–62.
5. Ivanov, D. Yu., Volkov, V.A. Formation of Mechanisms and Technologies for Interaction between Government and Society in the Context of Digitalization of Public Administration // Management Consulting. 2023. No. 9. pp. 107–117.
6. A Client-Centric Approach in Public Administration: A Navigator of Digital Transformation edited by O. V. Linnik, A. V. Ozharovsky, M. S. Shklyaruk / Moscow: RANEPa under the President of the Russian Federation. 2020. 180 p.
7. What is a Client-Centric Approach and How to Implement It // Electronic resource URL: <https://journal.sovcombank.ru/biznesu/chto-takoe-klientotsentrichnii-podhod-i-kak-ego-vnedrit/> (Accessed: September 27, 2025).
8. Methodology for Assessing the Level of Client-Centricity in the Personnel Work of Government Agencies; URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/gosudarstvo_dlya_lyudey/standarty_klientocentrchnosti/ (accessed on September 27, 2025).
9. The "State for People" project, approved by the Order of the Government of the Russian Federation dated October 6, 2021 No. 2816-r // Ministry of Economic Development of the Russian Federation Official website (economy.gov.ru) [Electronic resource] – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/ (accessed on September 27, 2025).
10. Akatkin Yu.M., Yasinovskaya E.D. Digital Transformation of the Government: Data-Centricity and Model-Orientedness // Information Resources of Russia. 2019. No. 1. pp. 2-7.
11. "FSIN Staffing Shortage Reaches 37% in Russia" dated September 23, 2025 / TASS [Electronic resource]. – URL: <https://tass.ru/obschestvo> (accessed on December 2, 2025).
12. Official Website of the Federal Penitentiary Service of Russia // Statistics / [Electronic resource] URL: <https://fsin.gov.ru/statistics> (accessed on June 26, 2023).
13. Action Plan for the Implementation of Client-Centric Principles in the Federal Penitentiary Service of Russia for 2023–2024, approved by the Director of the Federal Penitentiary Service of Russia on December 13, 2022. The document has not been published.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_630

УДК:343.98.068.

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, ЭЛЕМЕНТЫ И СПОСОБЫ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ INVESTIGATIVE ACTIONS: THE CONCEPT, SIGNS, ELEMENTS AND METHODS OF COLLECTING EVIDENCE

ЧЕРВЯКОВ Михаил Эдуардович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой судебных экспертиз
Красноярского государственного аграрного университета.
660130, Россия, г. Красноярск, ул. Елены Стасовой, 44И.
E-mail: mc256gt@gmail.com;

ВЛАСОВ Валерий Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права и экологических экспертиз
Красноярского государственного аграрного университета, доцент кафедры гражданского права и процесса
Сибирского юридического института МВД России, доцент кафедры государственного и муниципального управления
Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, действительный член РАЕН, член РАЮН,
член Совета Красноярского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».
660130, Россия, г. Красноярск, ул. Елены Стасовой, 44И.
E-mail: vav.70@mail.ru;

CHERVYAKOV Mikhail E.,

PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Forensic Examinations Krasnoyarsk State Agrarian University.
44I Elena Stasova str., Krasnoyarsk, 660130, Russia.
E-mail: mc256gt@gmail.com;

VLASOV Valery Alexandrovich,

PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Land Law and Environmental Expertise Krasnoyarsk State Agrarian University,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration Siberian Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency
Situations of Russia, full member of the Russian Academy of Natural Sciences, member of the Russian Academy of Medical Sciences,
member of the Council of the Krasnoyarsk regional branch of the All-Russian public organization "Association of Lawyers of Russia".
660130, Russia, Krasnoyarsk, Elena Stasova str., 44I.
E-mail: vav.70@mail.ru

Краткая аннотация. В настоящем исследовании авторами предпринята попытка научного анализа не только непосредственно понятия «следственные действия», которое не закреплено в действующем законодательстве, но также признаков следственных действий и их элементов. По субъективному мнению, авторов настоящего исследования, под следственными действиями следует понимать закрепленные в действующем УПК РФ процессуальные действия следователя или дознавателя (органа дознания), направленные на обнаружение, сбор, закрепление и проверку доказательств, имеющих значение для расследования по конкретному уголовному делу, обеспеченные возможностью применения государственного принуждения.

Abstract: In this study, the authors attempt to scientifically analyze not only the concept of "investigative actions," which is not enshrined in current legislation, but also the types of investigative actions and their elements. In the authors' subjective opinion, investigative actions should be understood as procedural actions of an investigator or inquiry officer (inquiry body) as enshrined in the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation, aimed at discovering, collecting, securing, and verifying evidence relevant to the investigation of a specific criminal case, supported by the possibility of using state coercion.

Ключевые слова: сбор доказательств, действия проверки доказательств, тактика следственных действий, элементы следственных действий, уголовное судопроизводство, расследование преступлений, предварительное расследование, следователь, дознаватель, уголовные дела, доказательства.

Key words: evidence collection, evidence verification actions, investigative tactics, investigative elements, criminal proceedings, crime investigation, preliminary investigation, investigator, inquiry officer, criminal cases, evidence.

Для цитирования: Червяков М.Э., Власов В.А. Следственные действия: понятие, признаки, элементы и способы собирания доказательств // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 630-634. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_630.

For citation: Chervyakov M.E., Vlasov V.A. Investigative actions: the concept, signs, elements and methods of collecting evidence // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 630-634. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_630.

Статья поступила в редакцию: 29.12.2025

Правовая конструкция следственных действий указана законодателем в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (далее - УПК РФ), где приведены основные правила их проведения [5]. Вместе с тем, законодатель непосредственно в УПК РФ не закрепил общего понятия следственных действий. В п. 19 ст. 5 рассматриваемого кодекса дано понятие только неотложных следственных действий: действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования. А в п. 32 ст. 5 УПК РФ речь идет о процессуальном действии, под которым понимается следственное, судебное или иное действие, предусмотренное непосредственно в УПК РФ.

В научной доктрине есть разные подходы к исследуемому понятию. Например, еще в советское время Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев понимали: «под следственными действиями регламентированные процессуальным законом действия, непосредственно направленные на обнаружение, закрепление, проверку доказательств» [15].

По мнению М.Х. Гельдибаева: «следственные действия – это строго регламентированные Уголовно-процессуальным кодексом процессуальные действия следователя (дознателя), направленные на собирание, закрепление и проверку доказательств, как уличающих, так и оправдывающих лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, и производимые в целях установления объективной истины по делу» [16].

В.А. Семенов отмечает, что: «следственные действия с учетом присущих им признаков есть предусмотренные уголовно-процессуальным законом действия дознавателя, следователя и суда по собиранию и проверке доказательств, непосредственно направленные на установление и доказывание имеющих значение фактических обстоятельств, характеризующиеся детальной процедурой производства и оформления, обеспеченные уголовно-процессуальным принуждением» [17].

С.Б. Россинский считает, что: «под следственными действиями надлежит понимать производимые следователем или дознавателем (органом дознания) уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, связанные с собиранием полноценных доказательств и их депонированием для предстоящего судебного разбирательства» [18, С. 74 - 83].

Б.Т. Безлепкин полагает, что: «следственные действия – это такие процессуальные действия органа предварительного расследования по уголовному делу, которые подчинены задаче обнаружения, собирания, закрепления и проверки доказательств, иначе говоря, действия по доказыванию на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» [19, с. 249].

По субъективному мнению, авторов настоящего исследования, под следственными действиями следует понимать закрепленные в действующем УПК РФ процессуальные действия следователя или дознавателя (органа дознания), направленные на обнаружение, собирание, закрепление и проверку доказательств, имеющих значение для расследования по конкретному уголовному делу, обеспеченные возможностью применения государственного принуждения.

Из указанного выше понятия можно выделить признаки следственных действий:

- это процессуальные действия;
- проводимые специально уполномоченными лицами (следователем, или дознавателем (органом дознания));
- обеспеченные возможностью применения государственного принуждения;
- с соблюдением установленной формы и процедуры их проведения;
- они направлены на обнаружение, собирание, закрепление и проверку доказательств.

Априори, следственные действия традиционно являются основным способом собирания доказательств в стадии предварительного расследования по уголовным делам. В научной литературе собирание доказательств определяют, как деятельность по обнаружению носителей доказательственной информации, извлечению информации из этих носителей, приданию полученным сведениям процессуальной формы. Производство следственных действий обеспечивает осуществление всех процессов, объединяемых понятием «собирание доказательств» [1, С. 206]. Поиск носителей информации, по сути, представляет собой действия по установлению места нахождения следов подготовки и совершения преступления. Все следы принято делить на материальные и идеальные, материальные включают в себя изменения на предметах материального мира, идеальные – мысленные образы (следы памяти) – изменения в сознании людей.

Соответственно, характеру отыскиваемых следов различаются и методы поиска источников информации: для обнаружения материальных отображений ведущим является метод наблюдения, дополняемый методами сравнения и эксперимента; обнаружение информации в виде мысленных образов производится основным при помощи расспроса – то есть постановки вопроса и получения на него ответа от предполагаемого носителя доказательственной информации. Возможность применения того или иного метода исследования, а также их сочетания обуславливает познавательный потенциал конкретного следственного действия [2, С. 6-18].

После того, как носитель информации будет установлен, лицо, производящее следственное действие, приступает к его детальному изучению, как бы «извлекая» из него сведения, отобразившиеся в виде изменений, произошедших с носителем в результате совершения преступления. Перечень используемых для этого познавательных приемов может расширяться, иногда настолько существенно, что охватывает все апробированные наукой методы исследования носителя информации. В наиболее ярком виде рост познавательных возможностей следственных действий проявляет себя при объединении применяемых при их производстве методов исследования, когда, например, обнаруженный при осмотре, обыске, выемке материальный объект направляется на изучение судебной экспертизы.

Получив интересующую информацию, субъект расследования отражает ее в тексте процессуального документа – протоколе следственного действия. Таким образом осуществляется фиксация хода и результатов проведенного действия. Формой фиксации является также приложение к протоколу вещественных носителей информации, документов с изображением внешнего вида или иных криминалистически значимых признаков обнаруженных объектов (фотографические снимки, графики, таблицы, схемы и т.д.).

Анализ содержательной стороны следственного действия позволяет выделить в нем два тесно связанных элемента. Первый – познавательный – выражается в действиях по поиску, обнаружению и изучению следов преступления, осуществляемых с помощью определенных методов познания окружающей действительности. Изучение в общем случае состоит в установлении таких признаков носителей доказательственной информации, которые позволят судить процессах, повлекших за собой образование следов, в том числе действиях или бездействии преступного характера.

Второй компонент следственного действия – фиксация факта наличия отображений, запечатление на специально созданном носителе сведений о криминалистически значимых признаках следов противоправного деяния. Эти два элемента неотделимы друг от друга, их одновре-

менное наличие и практическая реализация позволяет достигать того, для чего существует институт следственных действий – получать судебные доказательства по уголовным делам.

Наличие двух указанных составляющих нашло отражение в научном определении понятия следственного действия, сформулированного С.А. Шейфером. Он определяет следственное действие как «комплекс регламентированных уголовно-процессуальным законом и осуществляемых следователем (судом) поисковых, познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям следов определенного вида и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и закреплению содержащихся в них доказательственной информации» [4, С.40].

Следует отметить, что выделяемые С.А. Шейфером поисковые и познавательные операции относятся к первому – в широком смысле слова – познавательному компоненту следственного действия, означающему его направленность на получение новой информации; удостоверительные процедуры очевидно связаны с фиксацией познавательных действий и формирования процессуальной формы соответствующего вида судебных доказательств.

В определении понятия «следственное действие» предложенном С.А. Шейфером, обращает на себя внимание одна важная деталь. Автор обозначает определяет их как комплекс операций, регламентированных нормами уголовно-процессуального закона. Следственное действие является частью более общей системы – процесса производства по уголовным делам, и в этом качестве каждое из них подчинено строгому правовому регулированию. В действующем уголовно-процессуальном законе все правовые нормы, регламентирующие производство следственных действий, сведены в четыре главы 24 – 27 УПК РФ; название каждой главы отражают наименования предусмотренных отдельными статьями кодекса следственных действий. Для целей настоящей статьи наибольший интерес представляет глава 27, названная законодателем «Производство судебной экспертизы». Нормы данной главы объединены в комплекс статей 197-207 УПК РФ, которые регулируют порядок назначения и производства одного из интереснейших и вместе с тем достаточно сложных и трудоемких следственных действий – судебной экспертизы [5].

Основное внимание в данном исследовании будет уделено процессуальному порядку производства судебной экспертизы, которую авторы понимают, как систему процессуальных действий, состоящих из нескольких логически связанных между собой этапов и процедур. Мы не претендуем на исчерпывающий характер анализа, обратим внимание только на основные моменты, дальнейшее изучение которых, как представляется, позволит выработать предложения по совершенствованию действующего порядка принятия решения и непосредственного производства судебной экспертизы.

Выделение судебной экспертизы в качестве самостоятельного следственного действия обусловлено наличием нескольких факторов.

Во-первых, это форма применения специальных знаний состоит в изучении экспертом представленных ему объектов, установлении криминалистически значимых признаков объектов и их интерпретации в соответствии с правилами, принятыми в данной отрасли специальных знаний. Интерпретация всегда носит научно-обоснованный характер, а ее словесная формулировка, «переведенная» на общедоступный язык, свободно воспринимаемыми другими участниками процесса, представляет собой ответы на вопросы, поставленные перед экспертизой [6, С. 572].

Во-вторых, в отличие от других следственных действий, познавательные операции при производстве экспертизы имеют сложную структуру: инициатор назначения исследует ее объект не непосредственно, а при помощи специальных знаний сведущего лица; судебный эксперт становится своеобразным посредником в изучении материального объекта, находящегося в предполагаемой связи с расследуемым событием. Обладая знаниями, которыми инициатор назначения экспертизы не может и не должен располагать, эксперт реализует их в системе исследовательских процедур, составляющих содержание проводимого исследования. При этом эксперт получает информацию о новых, не известных ранее обстоятельствах расследуемого события (во всяком случае в той ее части, которая нашла отражение в изменениях, произошедших с объектами экспертизы в результате совершения преступления). Опосредованный характер изучения объекта предполагает отображение его хода и результатов в специальном документе, именуемом заключением эксперта [7, С.28].

В-третьих, в силу практически всегда существующей значимости фактов и обстоятельств, устанавливаемых экспертным путем, судебная экспертиза требует взаимодействия инициатора ее назначения с лицами, имеющими в уголовном деле собственный, защищаемый, или представляемый интерес. Этим лицам предоставляется возможность заявить ряд ходатайств, направленных на корректировку объема экспертного задания, а также привлечения к процессу производства экспертизы определенных сведущих лиц.

Действующее законодательство не дает формального определения понятия «специальные знания», однако, его значение с достаточной полнотой раскрывается в научной литературе. Большинство ученых считает, что специальные знания – это знания в любой области деятельности человека, которые могут быть охарактеризованы следующими признаками: не общеизвестные, то есть их содержание выходит за рамки общеобразовательной подготовки и жизненного опыта; не общедоступные; приобретаются в результате профессионального обучения и профессионального опыта; этими знаниями не владеют или не в достаточной мере владеют инициаторы их применения – должностные лица органов расследования и суда; специальные знания – это, как правило, научные знания; сфера применения специальных знаний – юрисдикционная деятельность органов государства; применение специальных знаний способствует установлению объективной истины в процессе расследования и судебного рассмотрения дела [7, С. 36-38; 8, С. 4-11; 9, С. 51-61].

В научных определениях подчеркивается, что к специальным не относятся профессиональные знания лиц, осуществляющих правоприменительную деятельность – то есть приобретенные в ходе обучения юридическим специальностям подготовки правовые знания органов предварительного или административного расследования, суда (судьи). На разграничении предметов правовых и специальных знаний основано

разграничении компетенции сведущего лица и субъекта правоприменительной деятельности в части установления обстоятельств юридического дела [10, С.15-16].

В криминалистической деятельности выработано такое понятие, как форма применения специальных знаний. Этим термином обозначают совокупность приемов и способов использования специальных знаний сведущих лиц. Выделяют процессуальную и непроцессуальную формы, их различие обусловлено тем, предусмотрен ли конкретный способ применения специальных знаний нормами процессуального закона и является ли результат такого применения доказательством по делу. Экспертиза является одним из видов процессуальной формы, наряду с участием специалиста в производстве следственных и судебных действий, а также показаниями и заключением специалиста [9, С.61-76].

О том, насколько институт судебных экспертиз необходим правоприменителям для рассмотрения и разрешения юридических дел, свидетельствуют перечни судебных экспертиз, проводимых в системе государственных судебно-экспертных учреждений современной России. Так, например, Приложение № 2 к Приказу МВД России № 511 от 29.06. 2005 г. (далее также – Приказ № 511) предусматривает производство 32 родов судебных экспертиз, которые могут выполняться аттестованными сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений МВД России. Роды делятся на виды, чтобы иметь право на самостоятельное проведение исследования определенного вида, эксперт органов внутренних дел должен пройти процедуру аттестации в соответствии с Приказом МВД России от 09.01. 2013 г. № 2. Анализ положений Приказа № 511 и других связанных с ним нормативных документов позволяет насчитать более 50 видов судебных экспертиз, и такого же количества экспертных специальностей, исследования по которым в настоящее время проводятся сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел. Значительный по объему перечень судебных экспертиз производится в государственных судебно-экспертных учреждениях, действующих в системе Министерства юстиции РФ, Следственного комитета России, органов Федеральной службы безопасности, других органов исполнительной власти Российской Федерации [13; 14].

Наличие столь большого числа видов судебных экспертиз и направлений экспертной специализации может быть объяснено только одним: чрезвычайной востребованностью данного института как способа установления юридически значимых обстоятельств правовых споров. В наибольшей степени это касается правовых конфликтов, разрешаемых в рамках уголовного судопроизводства, хотя, как показывает практика, все большее количество экспертиз назначается так же при рассмотрении гражданских и арбитражных дел. Далее, результаты экспертного исследования обладают наибольшей степенью достоверности по сравнению со всеми другими видами доказательств; это обусловлено тем, что экспертное исследование проводится на строго научной и практической основе, с использованием современных достижений науки и техники. Достоверность выводов эксперта обеспечивается соблюдением методики исследования, а также выполнением комплекса мероприятий, предупреждающих возникновение экспертных ошибок или неправильной интерпретации полученных результатов.

Наконец, обстоятельства, устанавливаемые экспертным путем, относятся к кругу тех фактических данных, которые имеют значение для правильного установления обстоятельств уголовного дела. Выводы судебного эксперта представляют собой суждение об обстоятельствах, которые либо напрямую входят в предмет доказывания по уголовному делу, либо играют роль важных косвенных доказательств, или как их еще называют, доказательственных фактов.

Примером первой группы может служить, например, вывод судебно-психиатрической экспертизы о вменяемости подозреваемого (обвиняемого) в отношении инкриминируемого ему деяния. Тем самым – разумеется, в совокупности с другими данными по делу – устанавливается наличие обязательного элемента состава преступления – субъекта его совершения (пункты 2, 3 ч.1 ст. 73 УК РФ).

В других случаях судебная экспертиза устанавливает доказательственные факты, которые сами по себе не свидетельствуют о виновности или невиновности конкретного лица, но в системе собранных по делу фактических данных позволяют сделать достоверные выводы о совершении этим лицом объективной стороны состава преступления. Так, например, факт пребывания подозреваемого, обвиняемого на месте происшествия, взятый отдельно, свидетельствует только о возможной причастности лица к совершению преступления против личности; однако это вывод усиливается, если в ходе расследования по делу будет установлено, что пребывание на месте преступления происходило во время его совершения, а на подозреваемом лице, или его одежде, имеются следы физического контакта с телом или одеждой потерпевшего.

В целом, в системе существующих следственных действий производство судебной экспертизы может быть отнесено к числу наиболее эффективных способов собирания доказательственной информации; по крайней мере это утверждение справедливо в отношении материальных следов преступления, информационное содержание которых в большинстве случаев может быть раскрыто только в ходе исследования, проводимого сведущим лицом. Обстоятельства, устанавливаемые при производстве судебной экспертизы, носят наиболее достоверный характер по сравнению со всеми другими способами получения доказательств.

Таким образом, можно сделать обоснованный вывод о целесообразности законодательного закрепления понятия «следственные действия» в УПК РФ, которое положит конец имеющейся дискуссии в научной доктрине и будет способствовать гармонизации уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Список литературы

1. Смирнов, А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. - М.: КНОРУС, 2008. - 704 с.
- 209 2. Шейфер, С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С.А. Шейфер. - Москва: Юрид. лит., 1981. - 128 с.
3. Курс криминалистики. Общая часть / Отв. ред. В.Е. Корноухов. - М.: Юрист, 2000. - 704 с.
4. Шейфер, С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С.А. Шейфер. - Изд. второе, перераб. и доп. - Москва: Юрлитинформ, 2001. - 219 с.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025). - КонсультантПлюс: официальный сайт компании «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. - <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.12.2025)
6. Криминалистика: Учебник / под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. СПб.: Издательство «Лань», 2001. – 928 с.
7. Корноухов, В.Е. Судебная экспертиза. Часть первая / В.Е. Корноухов, Ю.К. Орлов, И.А. Журавлева. - Красноярск: Изд.-во Краснояр. гос. ун-та, 1998. - 332 с.
8. Россинская, Е.Р. Экспертиза в судопроизводстве: учебник / Е.Р. Россинская, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. – М.: Проспект, 2024. – 416 с.
9. Судебная экспертиза: Учебное пособие / Д.А. Сорокотягина, И.Н. Сорокотягин. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 336 с.
10. Орлов, Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. Научное издание / Ю.К. Орлов. – М.: ИПК РФЦСЭ, 2005 – 264 с.
11. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 (ред. от 12.11.2024) - КонсультантПлюс: официальный сайт компании «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. - <https://www.consultant.ru>
12. Вопросы определения уровня профессиональной подготовки экспертов в системе МВД России: Приказ МВД России от 9 января 2013 г. № 2 (ред. от 27.09.2023). Законы, кодексы и иные нормативно-правовые акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. – <https://legalacts.ru> (дата обращения: 11.12.2025)
13. Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России: Приказ Минюста России от 20.04.2023 № 72 (ред. от 31.01.2024) – Электронный фонд нормативно-правовых документов [Электронный ресурс]. - <https://docs.cntd.ru>
14. Об утверждении Порядка определения, пересмотра уровня квалификации и аттестации экспертов федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации»: Приказ Следственного комитета РФ от 24 июля 2020 г. № 77 (ред. от 28.11.2025) – Электронный фонд нормативно-правовых документов [Электронный ресурс]. - <https://docs.cntd.ru>
15. Алексеев, Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. – Воронеж, 1980. – С. 34–37.
16. Гельдибаев, М.Х. Уголовный процесс: учеб. пособие / М.Х. Гельдибаев. – СПб., 2001. – С. 73.
17. Семенов В.А. О соотношении следственных и иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 2. – С. 39 – 45.
18. Россинский, С.Б. Еще раз о понятии и сущности следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия не закончена... / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 1. – С. 74 – 83.
19. Безлепкин, Б. Т. Уголовный процесс России: учебник / В. П. Безлепкин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: KnoРус, 2010. – С. 249.

References

1. Smirnov, A.V. Criminal procedure: textbook / A.V. Smirnov, K.B. Kalinovskiy; under the general editorship of prof. A.V. Smirnov. - M.: KNORUS, 2008. - 704 p. p. 209
2. Shafer, S.A. Investigative actions. System and procedural form / S.A. Shafer. Moscow: Jurid. lit., 1981. 128 p.
3. Criminology course. The general part / Ed. by V.E. Kornoukhov, Moscow: Yuridist Publ., 2000, 704 p.
4. Shafer, S.A. Investigative actions. System and procedural form / S.A. Shafer. – Second edition, revised, and add. - Moscow: Yurilitinform, 2001. – 219 p.
5. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ of December 18, 2000 (as amended on December 29, 2025). - ConsultantPlus: the official website of the Consultant Plus company [Electronic resource]. - <https://www.consultant.ru> (accessed: 12/29/2025)
6. Criminalistics: Textbook / edited by T.A. Sedova, A.A. Exarchopulo. St. Petersburg: Lan Publishing House, 2001. 928 p.
7. Kornoukhov, V.E. Judicial examination. Part one / V.E. Kornoukhov, Yu.K. Orlov, I.A. Zhuravleva. Krasnoyarsk: Publishing House of the Krasnoyarsk State University, 1998. 332 p.
8. Rossinskaya, E.R. Expertise in legal proceedings: textbook / E.R. Rossinskaya, A.M. Zinin; edited by E.R. Rossinskaya. – M.: Prospect, 2024. – 416 p.
9. Forensic examination: A textbook / D.A. Sorokotyagina, I.N. Sorokotyagin. – Rostov n/A: Phoenix, 2006. – 336 p.
10. Orlov, Yu.K. Judicial examination as a means of proof in criminal proceedings. Scientific publication / Yu.K. Orlov. Moscow: IPK RFTSSE, 2005 – 264 p.
11. Issues of organization of forensic examinations in the forensic units of the internal affairs bodies of the Russian Federation: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 06/29/2005 No. 511 (as amended on 11/12/2024) - ConsultantPlus: the official website of the Consultant Plus company [Electronic resource]. - <https://www.consultant.ru>
12. Issues of determining the level of professional training of experts in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated January 9, 2013 No. 2 (as amended on 09/27/2023). Laws, codes and other normative legal acts of the Russian Federation [Electronic resource]. – <https://legalacts.ru> (date of request: 11/12/2025)
13. On approval of the List of Types of Forensic Examinations Performed in Federal Budgetary Forensic Expert Institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation and the List of Expert specialties for which the Right to Independently Conduct forensic examinations in Federal Budgetary Forensic Expert institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation is granted: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 04/20/2023 No. 72 (as amended on 01/31/2024) – Electronic the foundation of normative legal documents [Electronic resource]. - <https://docs.cntd.ru>
14. On approval of the Procedure for Determining, Reviewing the Qualification Level and Attestation of Experts of the Federal State budgetary institution "Forensic Expert Center of the Investigative Committee of the Russian Federation": Order of the Investigative Committee of the Russian Federation dated July 24, 2020 No. 77 (as amended on 11/28/2025) - Electronic Fund of Regulatory Documents [Electronic resource]. - <https://docs.cntd.ru>
15. Alekseev, N.S. An essay on the development of the science of Soviet criminal procedure / N.S. Alekseev, V.G. Dayev, L.D. Kokorev. Voronezh, 1980. pp. 34-37.
16. Geldibaev, M.H. Criminal procedure: textbook. the manual / M.H. Geldibaev. – St. Petersburg, 2001. – p. 73.
17. Sementsov V.A. On the ratio of investigative and other procedural actions intended to collect evidence // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2015. No. 2. pp. 39-45.
18. Rossinsky, S.B. Once again about the concept and essence of investigative actions in criminal proceedings: the discussion is not over... / S.B. Rossinsky // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2021. – No. 1. – pp. 74-83.
19. Bezlepin, B. T. Criminal procedure of Russia: textbook / V. P. Bezlepin. – 2nd ed., revised. and add. – Moscow: KnoРус, 2010. – p. 249.

ОСОБЕННОСТИ ИЗЪЯТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ FEATURES OF THE SEIZURE OF ELECTRONIC STORAGE MEDIA DURING INVESTIGATIVE ACTIONS

ГОЛОВАЧЕВ Игорь Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса
Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России,
236000, Россия, Калининградская область, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30,
E-mail: golovachev.i.v@yandex.ru;

ИЛИКБАЕВА Евгения Сергеевна,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России,
295053, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. академика Х.Х. Стевена, 14,
E-mail: dilaila-77@yandex.ru;

ЩЕРБИНИНА Анастасия Викторовна

старший преподаватель кафедры криминалистики Барнаульского юридического института МВД России,
656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49,
E-mail: anastasiya_pitineva@mail.ru

GOLOVACHEV Igor Vladimirovich,

Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminal Procedure,
Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
236000, Russia, Kaliningrad Oblast, Kaliningrad, General Galitsky Street, 30,
E-mail: golovachev.i.v@yandex.ru;

ILIKBAEVA Evgeniya Sergeevna,

Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure and Forensic Science,
Crimean Branch, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
295053, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Academician H.H. Steven Street, 14,
E-mail: dilaila-77@yandex.ru;

SHCHERBININA Anastasia Viktorovna

Senior Lecturer, Department of Forensic Science Barnaul Law Institute, Ministry of Internal Affairs of Russia.
656049, Russia, Altai Territory, Barnaul, st. Chkalova, 49.
E-mail: anastasiya_pitineva@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассмотрены уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты изъятия электронных носителей информации в ходе следственных действий. Авторами проанализированы некоторые правовые вопросы регламентации изъятия электронных носителей информации. На основе анализа научных источников и правоприменительной практики сделаны предложения по совершенствованию действующего законодательства. Представлены некоторые криминалистические рекомендации по подготовке и проведению следственных действий с изъятием электронных носителей информации. Подчеркнута необходимость обеспечения баланса между защитой прав граждан и эффективностью расследования.

Abstract: this article examines the criminal procedural and forensic aspects of the seizure of electronic storage media during investigative actions. The authors analyze certain legal issues regulating the seizure of electronic storage media. Based on an analysis of scientific sources and law enforcement practice, proposals are made for improving current legislation. Some forensic recommendations for preparing and conducting investigative actions involving the seizure of electronic storage media are presented. The need to ensure a balance between protecting citizens' rights and the effectiveness of investigations is emphasized.

Ключевые слова: электронные носители информации, write-блокеры, мобильный криминалист.

Keywords: electronic storage media, write-blockers, mobile forensic specialist.

Для цитирования: Головачев И.В., Иликбаева Е.С., Щербинина А.В. Особенности изъятия электронных носителей информации при производстве следственных действий // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 635-637. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_635.

For citation: Golovachev I.V., Ilikbaeva E.S., Shcherbinina A.V. Features of the seizure of electronic storage media during investigative actions // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 635-637. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_635.

Статья поступила в редакцию: 15.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В условиях глобальной цифровизации общества электронные носители информации стали выступать объектами исследования по подавляющему большинству преступлений от преступлений общеуголовной направленности, до преступлений в сфере экономической деятельности, киберпреступлений и терроризма. Вовлечение электронных носителей информации в уголовное судопроизводство потребовало модернизации уголовно-процессуального законодательства и разработки новых научно-обоснованных методик работы с цифровыми следами и их носителями. В частности, Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее УПК РФ) был дополнен статьей 164.1, регламентирующей особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий. С введением указанной статьи появилось требование о привлечении специалиста для изъятия указанных объектов, а также предусмотрено право законных владельцев на копирование информации, содержащейся на этих носителях. Кроме того, введен особый порядок производства следственных действий по делам экономической направленности.

Однако, не смотря на новшества в правовой регламентации, как у теоретиков, так и у правоприменителей осталось немало вопросов. Так, например, высказывается мнение о том, что выделение предпринимателей в особую группу и дифференциация уголовно-процессуальных норм в отношении этой категории лиц, нарушает конституционный принцип равенства граждан перед законом и судом [1, с. 171]. По мнению авторов, следует распространить действие рассматриваемых норм УПК РФ на все категории преступлений, что в большей мере будет отвечать

базовым конституционным принципам и закрепит дополнительные гарантии защиты прав и законных интересов в уголовном судопроизводстве для всех категорий граждан.

Вместе с тем, считаем важным обратить внимание, что перед следователем помимо, безусловно, соблюдения фундаментальных прав граждан, таких как право на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки и защиту персональных данных, стоит еще одна не менее важная задача – это обеспечение эффективного раскрытия и расследования преступлений. И, на наш взгляд, профессионализм следователя и заключается в умении поддерживать баланс между этими двумя задачами.

Рассматривая особенности изъятия электронных носителей информации следует выделить как уголовно-процессуальные, так криминалистические аспекты этого действия.

Уголовно-процессуальным законодательством, как мы уже указывали ранее, предъявляется ряд особых требований. В частности, статьей 164.1 установлены исключительные случаи изъятия рассматриваемых предметов по делам экономической направленности, закреплено требование об участии специалиста в указанном следственном действии, а также предусмотрена возможность копирования информации с изымаемых носителей ее законным владельцем. Кроме того, статьей 81.1 предусмотрен особый порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики, о чем также важно помнить при изъятии компьютерной техники.

Наиболее обсуждаемым является вопрос об участии специалиста при производстве следственных действий, в ходе которых изымаются электронные носители информации. Представляется нецелесообразным задействовать ресурсы специалистов при простом изъятии флеш-накопителей, смартфонов, иной компьютерной техники без какого-либо их подключения и проведения анализа, копирования информации. Это особенно актуально в виду определенных сложностей в поиске специалистов, с которыми может столкнуться следователь, особенно в небольших населенных пунктах. В некоторых случаях потребность в изъятии электронных носителей информации может возникнуть непосредственно в ходе производства следственного действия. В научной литературе в подавляющем большинстве авторы сходятся во мнении, что участие специалиста необходимо при изъятии электронных носителей информации, которые являются частью других электронных устройств, либо подключены к другому оборудованию, а также при копировании информации [2, с. 34]. Такой подход находит свое подтверждение и при анализе правоприменительной практики. Как правило, специалист привлекается в тех случаях, когда изъятие электронных носителей информации сопряжено с механическими манипуляциями с техникой, например, извлечение жестких дисков из системного блока, или осмотром и анализом компьютерной информации в ходе следственного действия, ее копированием.

Анализ судебной практики также свидетельствует о единообразном подходе к разрешению вопроса о законности изъятия электронных носителей информации без участия специалиста. Так судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ при рассмотрении кассационной жалобы пришла к выводу о законности изъятия сотовых телефонов без участия специалиста, т.к. они изымались по правилам производства выемки, как обычные предметы бытового назначения. Суд указал на то, что при их изъятии и осмотре участия специалиста, применения специальных познаний и технологических процедур не требовалось [3].

Краснодарский краевой суд при рассмотрении апелляционной жалобы пришел к выводу о том, что для изъятия в ходе обыска мобильного телефона и видеорегистратора, без изъятия имеющейся в них информации, специальные знания не требуются [4].

Таким образом, полагаем, что лицу, производящему изъятие электронных носителей информации в ходе следственных действий, при решении вопроса о необходимости привлечения специалиста, следует руководствоваться сложившейся правоприменительной практикой. А в целях устранения двоякого толкования правовых норм и как следствие большого количества жалоб на нарушения правил изъятия электронных носителей информации, считаем необходимо дополнить существующую редакцию статьи 164.1 УПК РФ положением о возможности изъятия электронных носителей информации без участия специалиста, если электронные носители информации изымаются целиком и изъятие производится без копирования содержащейся на них информации.

Как мы уже отметили выше, качество следственного действия, в ходе которого изымаются электронные носители информации зависит не только от соблюдения процессуального порядка, но во многом от правильно выбранной тактики подготовки и проведения следственного действия, учета некоторых криминалистических аспектов. Особенно это актуально для производства следственных действий по делам о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или о преступлениях в сфере предпринимательской иной экономической деятельности, по которым большой массив доказательств может содержаться именно в цифровом виде на электронных носителях.

Следственные действия по таким делам требуют тщательной подготовки, которая включает в себя:

Во-первых, решение вопроса о составе следственной группы. В частности, предстоит решить вопрос сколько необходимо задействовать следователей и оперативных сотрудников, необходимо ли обеспечить силовую поддержку. Это во многом зависит от размера и особенностей помещения, в котором предстоит производить следственное действие, а также от рисков оказания противодействия сотрудникам правоохранительных органов. Ключевым вопросом, который мы рассматривали ранее, является включение в состав следственной группы специалиста в области информационно-телекоммуникационных технологий. Важно отметить, что помимо предполагаемых действий с носителями информации (будет ли потребность в копировании информации, извлечении жестких дисков и т.д.) следует оценить вероятность применения преступниками средств защиты информации, ее шифрования, уничтожения, а также маскировки самих носителей информации. В таких случаях также целесообразно привлечение специалистов, так как даже неумелое отключение компьютерной техники от источника электроснабжения может повлечь безвозвратную утрату информации, имеющей значение для расследования.

Во-вторых, важно подготовить все необходимые аппаратно-программные средства. В частности, чистые носители для копирования,

write-блокиеры (аппаратные или программные), инструменты для извлечения данных, средства упаковки и опечатывания.

В-третьих, по возможности изучить особенности помещения, подлежащего исследованию, количество компьютерной и цифровой техники, порядок организации сетевого соединения (расположение серверов, удаленного доступа) и т.д.

Далее рассмотрим некоторые правила и особенности рабочего этапа следственных действий, сопряженных с изъятием электронных носителей информации. На начальном этапе необходимо определить количество и типы устройств (персональные компьютеры, ноутбуки, сетевые хранилища (NAS), серверы или облачные сервисы, к которым они имеют доступ, телефоны, роутеры и т.д.), отметить их состояние (включены/выключены, признаки работы). Если компьютерная техника находится во включенном состоянии необходимо зафиксировать запущенные рабочие процессы, открытые документы.

Следует осуществить фото- и (или) видеосъемку подключенных кабелей, индикаторов на устройствах, содержимого экранов.

Одним из самых критических действий является принятие решения об отключении питания. Желательно, чтобы его принимал специалист, оценив систему защиты информации на устройстве, так как при неправильном выключении работающей системы могут быть безвозвратно утеряны данные из оперативной памяти (пароли, незакрытые документы, сетевые соединения), а также повреждены файлы. В ситуации повышенного риска специалист может принять решение о проведении изъятия данных с работающего компьютера, если это необходимо для извлечения данных из ОЗУ. В таких случаях могут быть использованы программные комплексы «Мобильный криминалист», UFED Touch, XRY. Так, например, «Мобильный криминалист», помимо извлечения данных, предлагает их анализ, в том числе в хронологическом порядке, с составлением визуализированной схемы. Кроме того, программа позволяет проводить исследования в облачных сервисах [5, с. 83].

После аккуратного отключения, важно произвести маркировку всех кабелей и соответствующих слотов для их подключения. Также важно обратить внимание на электронные ключи (eToken, JaCarta), документацию с паролями, и в случае их обнаружения изъять.

При невозможности изъятия электронного носителя информации целиком, может осуществляться копирование информации, создание точной копии (образа) диска. Например, такая потребность может возникнуть в случае, если информация представляющая интерес храниться на сервере учреждения и его изъятие нарушит или полностью приостановит работу организации. Кроме того, копирование может производиться по ходатайству законного обладателя информации. В таком случае носитель с копией (образом) передается ее владельцу. Здесь важно акцентировать внимание на том, что такие манипуляции производятся только специалистом и в том случае, если нет риска уничтожения информации. В целом же, представители следственных органов, как правило, стремятся к изъятию первоисточника носителя информации, в целях минимизации рисков утраты доказательств и возникновения возможных споров об их законности. В случае, если копирование все-таки потребовалось, оно обязательно должно производиться с помощью write-блокера, который является обязательным инструментом для создания юридически значимой, неизменной копии данных. Без него доказательства могут быть признаны недопустимыми. Указанное устройство (аппаратный ключ или специальная программа) не дает компьютеру что-либо записать или изменить на подключенном носителе, таким образом сохраняя информацию в ее первоначальном виде.

Важно соблюдать и требования, предъявляемые к упаковке, в качестве которой могут выступать антистатические пакеты, коробки, специальные экранирующие контейнеры (например, сумки Фарадея). Упаковка должна обеспечивать защиту от статического электричества, физических повреждений, влаги, и исключать возможность получения доступа к устройству и хранящейся на нем информации. Важным условием работы с электронными носителями информации является и запрет на использование магнитных дактилоскопических порошков и кистей.

В заключительной части следственного действия оканчивается заполнение протокола, в котором подлежат отражению не только изъятые устройства, но и все произведенные действия, использованные инструменты и исходное состояние устройств.

На основании изложенного следует отметить, что изъятие электронных носителей информации требует тщательной подготовки и организации следственного действия с соблюдением как уголовно-процессуальных требований, так и технико-криминалистических правил работы с цифровыми следами и их носителями. Не редко от качества произведенного изъятия зависит успех всего дальнейшего расследования. Формирование четких правовых процедур и криминалистических алгоритмов, отвечающих вызовам времени, является обязательным условием для поддержания законности, обоснованности и справедливости принимаемых процессуальных решений в цифровую эпоху.

Список литературы:

1. Шигуров, А.В. Проблемы правового регулирования изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий / А.В. Шигуров, Н.А. Подольный // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 1(49). – С. 169-174.
2. Гузин, А.Р. Проблемы регламентации собирания электронной информации в действующем законодательстве / А.Р. Гузин, Ю.М. Валиева // *Juvenis Scientia*. – 2017. – № 1. – С. 33-35.
3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 22 мая 2025 года по делу № 11-УД25-11сп-А4. URL: <https://sudact.ru/vsrfdoc/C3gnpp4pDMVm/>.
4. Апелляционное Постановление Краснодарского краевого суда РФ от 18 марта 2025 года по делу № 22-1092/25. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WRVcm0wVHXZg/>.
5. Варакин Я.Г. Криминалистические технологии обнаружения, фиксации, изъятия цифровых следов преступления и иной доказательной информации // Вестник СурГУ. 2021. №4 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskie-tehnologii-obnaruzheniya-fiksatsii-izyatiya-tsifrovyyh-sledov-prestupleniya-i-inoy-dokazatelnoy-informatsii>.

References:

1. Shigurov, A.V. Problems of Legal Regulation of the Seizure of Electronic Storage Media and Copying of Information from Them during Investigative Actions / A.V. Shigurov, N.A. Podolny // *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. - 2020. - No. 1 (49). - Pp. 169-174.
2. Guzin A.R. Problems of Regulating the Collection of Electronic Information in the Current Legislation / A.R. Guzin, Yu.M. Valieva // *Juvenis Scientia*. 2017. No. 1. Pp. 33-35.
3. Cassation Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 22, 2025 in Case No. 11-UD25-11sp-A4. URL: <https://sudact.ru/vsrfdoc/C3gnpp4pDMVm/>.
4. Appellate Ruling of the Krasnodar Regional Court of the Russian Federation dated March 18, 2025 in case No. 22-1092/25. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WRVcm0wVHXZg/>.
5. Varakin Ya.G. Forensic technologies for detection, recording, seizure of digital traces of crime and other evidentiary information // *Bulletin of Surgut State University*. 2021. No. 4 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskie-tehnologii-obnaruzheniya-fiksatsii-izyatiya-tsifrovyyh-sledov-prestupleniya-i-inoy-dokazatelnoy-informatsii>.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_638

УДК 343.132

ПРИМЕНЕНИЕ «ИНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ» В ФОРМИРОВАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ БАЗЫ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В РАМКАХ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

THE USE OF "OTHER INVESTIGATIVE ACTIONS" IN THE FORMATION OF THE EVIDENCE BASE BEFORE INITIATING A CRIMINAL CASE FOR FRAUD COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

ЛАЗАРЕВИЧ Вероника Вячеславовна,

Адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России.

ул. Лермонтова, д. 110, г. Иркутск, 215655, Россия.

E-mail: veroshaa.vl99@mail.ru

LAZAREVICH Veronika Vyacheslavovna,

Associate Professor at the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

110 Lermontov St., Irkutsk, 215655, Russia.

E-mail: veroshaa.vl99@mail.ru

Краткая аннотация. Статья посвящена рассмотрению актуальной проблемы о проведении «иных следственных действий» на стадии возбуждения уголовного дела по статье 159 Уголовного кодекса Российской Федерации «Мошенничество» с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Объясняется различие между процессуальными действиями, следственными действиями и иными следственными действиями. Приводится анализ правовых оснований, процессуальные ограничения и практические трудности при использовании в качестве доказательств результатов, полученных в ходе проведения «иных следственных действий». Автор рассматривает вопрос пробелов в законодательстве касаясь производства и перечня «иных следственных действий», не изученность данной темы в уголовно-правовой науке. Особое внимание уделяется целесообразности проведения «иных следственных действий» в рамках статьи 144 УПК РФ. Авторы предлагают меры по совершенствованию законодательства и практики его применения.

Abstract. The article is devoted to the consideration of the actual problem of conducting "other investigative actions" at the stage of initiating a criminal case under Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation "Fraud" using information and telecommunication technologies. The difference between procedural actions, investigative actions, and other investigative actions is explained. The article provides an analysis of the legal grounds, procedural restrictions, and practical difficulties in using the results of "other investigative actions" as evidence. The author examines the gaps in the legislation regarding the production and list of "other investigative actions" and the lack of research on this topic in criminal law science. Special attention is paid to the feasibility of conducting "other investigative actions" under Article 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The authors propose measures to improve the legislation and its application.

Ключевые слова: доказательства, применение следственных действий, процессуальные действия, мошенничество, возбуждение уголовного дела, досудебные стадии.

Key words: evidence, use of investigative actions, procedural actions, fraud, initiation of a criminal case, and pre-trial stages.

Для цитирования: Лазаревич В.В. Применение «иных следственных действий» в формировании доказательственной базы до возбуждения уголовного дела в рамках мошенничества, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационных технологий// Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 638-640. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_638.

For citation: Lazarevich V.V. The use of "other investigative actions" in the formation of the evidence base before the initiation of a criminal case in the framework of fraud committed using information and telecommunication technologies// Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 638-640. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_638.

Статья поступила в редакцию: 24.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В условиях современного общества и при стремительном цифровом развитии, создания цифрового пространства, которое затрагивает всю социально-экономическую деятельность связана актуальность преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Превалирующим составом таких преступлений является «Мошенничество» в следующих формах, связанных с хищением денежных средств с банковского счетов, использование поддельных сайтов, фишинговых сообщений, фейковые онлайн-магазины, мероприятия, сообщения о купле-продажи товаров.

Успешный сбор доказательств напрямую зависит от проведенных правоохранительными органами следственных и иных процессуальных действий. В п. 32 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса сформулировано определение «процессуальных действий». Законодатель ввел данное понятие и описал его как применение следственных, судебных и иных действий при расследовании уголовного дела.

Таким образом можно сделать вывод, что «следственные действия» входят в состав «процессуальных действий» и именно по этой причине, как мы думаем, законодатель решил не давать отдельное определение «следственным действиям».

Как отмечалось ранее Т.Ф. Скореева и Э.Ж. Чхвициани, в научной литературе наиболее распространенным является понимание «следственных действий» как элемент «процессуальных действий», которые являются основным средством сбора и проверки доказательств [4. с. 129-132].

С.А. Шейфер, свою очередь, определял «следственные действия» как совокупность регламентированных уголовно-процессуальном законом мероприятий, осуществляемых следователем или судом в целях получения доказательств информации [7. с. 5]. Исходя из данных идей

мы делаем вывод, что «следственные действия» проводятся уполномоченными лицами в рамках расследования уголовного дела и направлены на получение или проверку доказательств.

Учитывая значительное внимание, уделяемое в юридической науке понятию «следственные действия» мы считаем, что не меньше детального анализа, заслуживает вопрос «иных процессуальных действий» в уголовно-процессуальном смысле.

Мы согласны с мнением К.А. Казанцевой, которая писала о том, что «иные процессуальные действия» также не получили определения в законе, но в отличии от следственных действий процессуальный порядок производства, которых закреплён в главе 7 УПК РФ, «иные процессуальные действия» не имеют точного или примерного перечня, а также не имеют процессуальный порядок производства не смотря на то, что они позволяют получить доказательства по уголовному делу [1.с. 216-219].

Статья 85 УПК РФ гласит, что процесс доказывания включает сбор, проверку и оценку доказательств для установления обстоятельств совершенного общественно опасного деяния. Рассмотрим уголовно-процессуальное доказывание, на основании показаний потерпевшего, свидетеля, подозреваемого (обвиняемого), заключений эксперта и специалиста, протоколов следственных действий, предметов, признанных вещественными доказательствами, а также «иных документов» которые согласно ст. 74 УПК РФ считаются доказательствами по уголовному делу.

Согласно краткой характеристике МВД, мошенничества, совершенные с использованием ИТТ, составляют 40 % от общего числа всех преступлений. В 2024 году был зафиксирован рост мошенничеств на 13% в сравнении с 2023 годом. [2].

Ущерб не поддается оценке, только за 11 месяцев 2024 г. Россияне потеряли 168 млрд руб. в результате дистанционных мошенничеств [6]. Сказанное свидетельствует о высокой подготовке злоумышленников и опасности для граждан. Современные мошенники всё чаще прибегают к сложным и тщательно продуманным схемам сокрытия своей преступной деятельности, что создаёт серьёзные трудности для правоохранительных органов на этапе выявления и доказывания правонарушений. В связи с этим особую значимость приобретает пересмотр подходов к сбору и оценке доказательств — в том числе при осуществлении «иных процессуальных действий» ещё до формального возбуждения уголовного дела.

Мошенничество является формой хищения, которая появилась в условиях рыночной экономики. В Уголовный кодекс Российской Федерации статья 159 «Мошенничество» вошла более 30 лет назад, но в связи с цифровизацией общества появляются новые формы и способы мошенничества. Государству необходимо постоянно реагировать на структуру данного вида преступлений.

Так в 2012 г. Пленум Верховного суда РФ решил разъяснить и внести изменения в виды мошенничества. В законопроекте было сохранено определение мошенничества: это форма хищения чужого имущества или получения права на данное имущества путем обмана или злоупотребления доверием. Кроме того, было введено шесть новых составов мошенничества: 1) мошенничество в сфере кредитования; 2) мошенничество при получении выплат; 3) мошенничество с использованием платежных карт; 4) мошенничество в сфере предпринимательской деятельности; 5) мошенничество в сфере страхования; 6) мошенничество в сфере компьютерной информации [5].

Для правильной квалификации и вынесения объективного процессуального решения необходимо установление истины по уголовным делам о мошенничестве, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Процесс доказывания является центром уголовно-процессуальной деятельности, а важным его элементом - сбор доказательств.

Сбор доказательств начинается со стадии возбуждения уголовного дела, на которой уже имеется какая-то доказательная база, позволяющая предопределить расследование уголовного дела. Однако нельзя не затронуть вопрос о законности проводимых следственных и иных действий на данной стадии. В соответствии со второй частью УПК РФ доказывание возможно осуществлять на всех стадиях досудебного производства, несмотря на это в уголовном процессе долгое время вопрос о самостоятельности стадии возбуждения уголовного дела был дискуссионным, а доказывание вызывало многочисленные споры.

В юридической науке стадию возбуждения уголовного называют как доследственную проверку, данного мнения придерживается Л.А. Масленникова. Решение о возбуждении уголовного дела это обязанность дознавателя, следователя, руководителя следственных органов, которая закреплена в ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

В стадию входит не только принятие решения о возбуждении уголовного дела по мошенничеству совершенном с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, но и проверка заявления о преступлении в сроки, установленные законом. В соответствии с процессуальным режимом, «следственные действия» на данной стадии не производятся, но без них, а также подтверждения совершения преступления не может быть принято решение о ВУД. Поэтому проводятся «иные процессуальные действия», которые принято считать доследственной проверкой. Особенность заключается в том, что они осуществляются только на стадии ВУД, так как целью является принятие решения о ВУД или об отказе в возбуждения уголовного дела.

Мы не согласны с позицией В.И. Радченко, который утверждает, различие «следственных действий» от «иных процессуальных действий» в том, что первые регламентируются УПК РФ, а другие же не имеют законодательного урегулирования, а это ставит под сомнение их использование. Несомненно, «процессуальные действия» должны быть урегулированы законом, а вопрос об «иных процессуальных действиях» не урегулированных. Это пробел в законодательстве.

На стадии возбуждения уголовного дела можно проводить следующие «следственные действия» как осмотр места происшествия, документов, трупа, назначение экспертиз, освидетельствование, опросы, изъятие образцов для сравнительного исследования. К «иным следственным действиям» можно отнести запросы, поручения органу дознания, требования о производстве ревизий и документальных проверок.

Согласно утверждению А.П. Рыжакова, что процессуальными являются только следственные действия, так как их закрепил законода-

тель. Иными процессуальными действиями куда были отнесены судебные и следственные он считает действия по сбору доказательств, но их нельзя отнести к процессуальным [3].

А.В. Смирнов к «иным следственным действиям» относит направление требований, поручений, запросов, которые необходимы для принятия решения. Они обязательны для исполнения всеми организациями, учреждениями и должностными лицами. Иные вспомогательные действия также помогают в сборе доказательной базы на первоначальной стадии.

В ст. 226.5 УПК РФ говорится о том, что по уголовным делам нетяжких преступлений доказательства, которые были получены до ВУД при проведении проверочных действий, могут быть взаимозаменяемыми с доказательствами на предварительном расследовании. Например, можно не передопрашивать лиц, от которых были получены объяснения, использовать заключение эксперта по судебной экспертизе. К сожалению, законодатель ввел данную норму для органов дознания в сокращенной форме, но и такой подход свидетельствует, что результаты проверочных действий имеют доказательный характер.

Как показывает практика применения «иных следственных действий» в делах о мошенничестве, количество возбужденных уголовных дел по ч.3-4 ст. 159 УК РФ превысило 120 тыс. в год [2]. Основанием для возбуждения уголовного дела являлся результат, полученный при проведении «иных следственных действий», проведенных до формального начала уголовного преследования. В рамках ст. 144 УПК РФ следователь запрашивает сведения о банковских транзакциях и получателях денежных средств, производит осмотр места происшествия, а также сотового телефона потерпевшего для получения сведений имеющих отношение к преступлению совершенному против данного лица, а именно извлечение переписок и получения детализации звонков, при необходимости следователями изымаются сотовые телефоны для проведения и назначения компьютерно-технической экспертизы для анализа вредоносного ПО, проведения анализа доменных зон и данных.

При получении данной информации следователь сталкивается со значительными рисками нарушения прав граждан, а именно при получении переписок и детализации звонков происходит нарушение статьи 23 Конституции РФ и ст. 138 УК РФ. Если говорить про легитимность получения информации от операторов сотовой связи, банков без санкций суда или без возбуждения уголовного дела происходит нарушение ст. 13 ФЗ «О связи», так как предоставление такой информации возможно только по решению суда, либо при наличии уголовного дела, а это означает, что применение «иных следственных действий» может противоречить законодательству.

Таким образом, мы предлагаем внести изменения в ст. 144 УПК РФ, а именно установить перечень иных следственных действий, допустимых до возбуждения уголовного дела, с обязательным соблюдением процессуальных гарантий. Сделать возможным получения сведений от операторов сотовой связи, банков в порядке, установленном для возбуждения уголовного дела, но на стадии проверки сообщения с уведомлением прокуратуры и в случае получения информации, которая будет необходима для уголовного дела в качестве доказательств осуществлять дальнейшее получение информации через судебные органы. Создание и применение на практике методических рекомендации при производстве «иных следственных действий» в делах о мошенничестве, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, с участием специалистов в области цифровой криминалистики.

В заключении автор хочет отметить, что проведение «иных следственных действий» на стадии возбуждения уголовного дела по уголовным дела по ст. 159 «Мошенничество» УК РФ, совершенном с использованием ИТТ является необходимым элементом уголовного преследования в развивающейся цифровой среде. С внесением изменений в действующее законодательство, где будет строгое и обоснованное разграничение применения «иных следственных действий» без нарушений прав граждан и не создающие правовой разлад при расследовании уголовного дела.

Список литературы:

1. Казанцева, К. А. Понятие следственных и иных процессуальных действий / К. А. Казанцева // Молодой ученый. — 2021. — № 50 (392). — С. 216–219. — URL: <https://moluch.ru/archive/392/86437> (дата обращения: 01.12.2025).
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2024 г. — URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328> (дата обращения: 05.12.2025).
3. Рыжаков, А. П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / А. П. Рыжаков. — 8-е изд., — 2012. М. — С. 1491 — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25057307> (дата обращения: 14.12.2025).
4. Скорорева, Т. Ф. Следственные действия как способ познания и установления истины при исследовании обстоятельств, подлежащих доказыванию / Т. Ф. Скорорева, Э. Ж. Чхвимиани // Право и практика. — 2020. — С. 129–132.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации. — URL: <http://ug-kodeks.ru/> (дата обращения: 05.12.2025).
6. Ущерб от IT-мошенничества за 11 месяцев 2024 г. составил 168 млрд руб. — ТАСС, 2025. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/22814225> (дата обращения: 10.12.2025).
7. Шейфер, С. А. Следственные действия: система и процессуальная форма / С. А. Шейфер. — М., 2001. — С. 5.

References:

1. Kazantseva, K. A. The concept of investigative and other procedural actions / K. A. Kazantseva // Young scientist. — 2021. — № 50 (392). — Pp. 216-219. — URL: <https://moluch.ru/archive/392/86437> (date of access: 12/01/2025).
2. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–December 2024 — URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328> (date of request: 05.12.2025).
3. Ryzhakov, A. P. Commentary to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation / A. P. Ryzhakov. — 8th ed., — 2012. M. — S. 1491 — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25057307> (date of request: 12/14/2025).
4. Skogoreva, T. F. Investigative actions as a way of knowing and establishing the truth in the study of circumstances to be proved / T. F. Skogoreva, E. J. Chkhvimiani // Law and Practice. 2020. pp. 129-132.
5. Criminal Code of the Russian Federation. — URL: <http://ug-kodeks.ru/> (date of request: 05.12.2025).
6. The damage from IT fraud in 11 months of 2024 amounted to 168 billion rubles. — TASS, 2025. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/22814225> (date of appeal: 12/10/2025).
7. Shafer, S. A. Investigative actions: system and procedural form / S. A. Shafer, Moscow, 2001, p. 5.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПЕРАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ» ON THE ISSUE OF THE SPECIFICS OF THE OPERATIONAL SEARCH EVENT «OPERATIONAL EXPERIMENT»

ГОРОВОЙ Владислав Викторович

ведущий научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, 119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1.
преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА
117342, Россия, г. Москва, ул. Введенского, 1 «а».
доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России
394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1 «а»
e-mail: gorovoi.v.v@fsin.gov.ru

ПРИХОЖАЯ Людмила Евгеньевна

ведущий научный сотрудник отдела совершенствования методологий обеспечения режима, охраны и конвоирования центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы ФКУ НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук, 119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1.
доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России
394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1 «а»
e-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru

GOROVOY Vladislav Viktorovich

Leading Researcher at the Department for the Development of Methodologies for the Execution of Imprisonment Sentences and the Study of Penitentiary Crime at the Center for Security Research in institutions of the penal system
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences,
119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 14, building 1.
Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines of the Moscow Federal Law Academy
117342, Russia, Moscow, st. Vvedensky, 1 "a".
Associate Professor of the Department of Regime Organization, Security and Escort
Federal State Educational Institution of Higher Education Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
394072, Russia, Voronezh, st. Irkutskaya, 1 "a"
e-mail: gorovoi.v.v@fsin.gov.ru

PRIKHOZHAYA Lyudmila Evgen'yevna

Leading Researcher of the Department for Improving Methodologies for Ensuring Regime, Security and Convoying, Center for Research of Security Issues in Institutions of the Penitentiary System of the Federal Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences,
119991, Russia, Moscow, st. Zhitnaya, 14, building 1.
Associate Professor of the Department of Regime Organization, Security and Escort
Federal State Educational Institution of Higher Education Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
394072, Russia, Voronezh, st. Irkutskaya, 1 "a"
e-mail: prihozhaya.l.e@fsin.gov.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются особенности проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент». Авторами акцентируется внимание на разграничении оперативного и следственного эксперимента, а также приводятся отличительные признаки рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия и провокации. На основании проведенного исследования авторы приходят к выводу о том, что оперативный эксперимент представляет собой комплексное мероприятие, требующее высокой квалификации исполнителей, четкого понимания правовых основ и грамотного планирования для эффективного достижения намеченных результатов.

Abstract: The article discusses the specifics of the operational search event «operational experiment». The authors focus on the distinction between an operational and investigative experiment, as well as the distinctive features of the operational-search event and provocation under consideration. Based on the conducted research, the authors conclude that the operational experiment is a complex event requiring highly qualified performers, a clear understanding of the legal framework and competent planning to effectively achieve the intended results.

Ключевые слова: оперативный эксперимент, оперативно-розыскные мероприятия, провокация, следственный эксперимент.
Key words: operational experiment, operational search measures, provocation, investigative experiment.

Для цитирования: Горовой В.В., Прихожая Л.Е. К вопросу об особенностях проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 641-643. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_641.

For citation: Gorovoy V.V., Prihozhaya L.E. On the issue of the specifics of the operational search event "operational experiment" // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 641-643. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_641.

Статья поступила в редакцию: 16.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Оперативный эксперимент представляет собой оперативно-розыскное мероприятие (далее – ОРМ), основной задачей которого является получение дополнительной информации об объекте оперативного интереса, выявление фактических обстоятельств, установление личности и фиксация противоправной деятельности. Отличаясь высокой степенью организационной сложности, данное мероприятие требует значительных ресурсных затрат. Его подготовка и проведение возможны только при четком понимании его специфики и строгом соблюдении установлен-

ных законодательством правил.

Именно поэтому проведение подобного ОРМ должно опираться на тщательно проработанный план. Условно, такой план можно разделить на подготовительные мероприятия и фиксацию противоправных действий или задержание проверяемого на месте.

На подготовительной стадии осуществляется проверка и уточнение сведений, которыми располагают сотрудники. После подтверждения информации необходимо процессуальное оформление решения о проведении оперативного эксперимента. Получив утвержденное постановление, оперативные сотрудники организуют подбор технических средств для документирования, определяют состав и количество участников, а также изучают местность, где предполагается реализация мероприятия.

Этап практического исполнения включает непосредственное проведение эксперимента в сочетании с другими оперативно-розыскными действиями. Его конечная цель заключается либо в документировании незаконной активности, либо в задержании лица [1, с. 233].

Отметим, что в ходе проведения оперативного эксперимента могут использоваться два варианта обстановки: естественно сложившаяся или искусственно созданная. В любом случае, проверяемому лицу должна быть обеспечена полная свобода выбора своих действий – как в отношении совершения преступления, так и возможности отказаться от противоправных действий. При этом формируемая обстановка должна соответствовать следующим обязательным критериям:

- условия должны предоставлять реальную возможность выбора вариантов поведения;
- недопустимо создавать ситуацию, подталкивающую к совершению преступления;
- необходимо полностью исключить риски для жизни и здоровья всех участвующих лиц;
- обязательно соблюдение личных прав проверяемого лица, включая неприкосновенность его чести и достоинства [2, с. 43].

Характерные черты оперативного эксперимента определяются следующими ключевыми аспектами:

1) Скрытность проведения.

Реализация оперативного эксперимента осуществляется в условиях секретности, известной исключительно задействованным участникам. Это необходимо для обеспечения конфиденциальности и исключения возможности обнаружения оперативных действий подозреваемыми или посторонними лицами.

2) Информационно-оперативное обеспечение.

Главная цель оперативного эксперимента заключается в получении новых или верификации существующих оперативных сведений. В процессе мероприятия накапливается доказательственная база, применимая в последующей оперативной и следственной деятельности.

3) Организационная подготовка.

Успешное проведение оперативного эксперимента требует тщательной предварительной разработки и согласования действий между оперативными подразделениями и вовлеченными структурами. Существенным элементом подготовительного этапа выступает определение конкретных целей, постановка задач, распределение ролей участников, установление временных рамок и технического обеспечения.

4) Правовое соответствие.

Проведение оперативного эксперимента должно строго соответствовать действующему законодательству, включая соблюдение установленного порядка получения разрешений и обеспечение гарантий прав и свобод граждан.

5) Комплексное взаимодействие.

Оперативный эксперимент может интегрироваться с иными оперативно-розыскными мероприятиями, такими как наружное наблюдение, прослушивание, слежение и другими. Все применяемые методы должны функционировать в едином комплексе, обеспечивая достижение поставленных оперативных задач [1, с. 234].

Существенно важно разграничивать оперативный и следственный эксперименты. Если следственный эксперимент направлен на реконструкцию событий и обстановки для проверки данных в рамках уголовного расследования и проводится следователем, то оперативный эксперимент нацелен на формирование условий, позволяющих выявить преступные намерения лиц, обоснованно подозреваемых в противоправной деятельности.

Правовую основу оперативного эксперимента составляют статьи 7 и 8 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». При его проведении необходимо создавать условия, исключающие провокацию противоправных действий или принуждение к отказу от законных способов совершения деяний. Мероприятие реализуется негласно, с маскировкой целей и ролей участников. Информация о структуре и замысле эксперимента доступна ограниченному кругу должностных лиц.

Основными целями оперативного эксперимента являются:

- сбор оперативной информации о криминальной активности и преступных намерениях;
- обнаружение механизмов преступной деятельности;
- подтверждение или опровержение версий о противоправной деятельности;
- предупреждение готовящихся преступлений;
- формирование доказательственной базы.

Принципиально важно отметить, что при проведении оперативного эксперимента строго запрещены любые формы принуждения к совершению противоправных действий. Для предотвращения любых форм принуждения реализуется скрытое наблюдение за сформированными условиями, направленное на устранение возможности возникновения неожиданных ситуаций. Ключевым ограничением при осуществлении опе-

ративного эксперимента выступает строгий запрет на провокационные действия со стороны оперативных работников. Это требование особенно актуально, учитывая, что базовым компонентом оперативного эксперимента, согласно общепринятой трактовке, являются искусственно создаваемые условия, максимально точно имитирующие обстановку совершения противоправного деяния.

Под провокацией понимаются любые умышленные действия, имеющие целью побуждение или склонение лиц к преступной деятельности, независимо от способа воздействия - прямого или косвенного.

В процессе подготовки оперативного эксперимента сотрудник обязан выработать детальный план и последовательность действий, опираясь на предварительно собранные сведения, охватывающие весь период проведения мероприятия - от начальной до завершающей фазы.

На стадии подготовки крайне важно предусмотреть возможные трудности и риски, способные возникнуть в процессе проведения мероприятия, рассмотреть различные сценарии его развития и определить наиболее результативные способы достижения поставленных целей.

Завершение рассматриваемого ОРМ должно сопровождаться обязательным документальным оформлением в соответствии с требованиями законодательства. Фиксация итогов оперативного эксперимента осуществляется посредством составления сотрудником рапорта либо оформлением акта, к которым при необходимости прилагаются материальные носители информации, полученные с использованием специальных технических средств. В дальнейшем собранные материалы передаются следователю для включения в доказательственную базу.

Перед оперативными сотрудниками стоит задача двойственного характера: с одной стороны, необходимо создать условия, позволяющие выявить и задокументировать преступные намерения проверяемого лица, с другой – исключить возможность причинения реального вреда.

В тех случаях, когда действия проверяемого субъекта выходят за рамки угрозы и приводят к фактическому ущербу, встает вопрос об ответственности не только правонарушителя, но и организаторов эксперимента. Последние оцениваются с позиции правовой категории обособленного риска, закрепленной в статье (41 УК РФ).

Риск нанесения ущерба при проведении оперативного эксперимента считается оправданным, если раскрытие тяжких и особо тяжких преступлений было невозможно иными методами, а руководитель мероприятия принял исчерпывающие меры для защиты охраняемых законом интересов [2, с. 45].

Оперативный эксперимент выделяется среди других ОРМ особой сложностью реализации, поскольку часто возникают споры о его сходстве с провокацией, что приводит к судебному оспариванию действий оперативных сотрудников. Основными отличительными признаками в данном случае является: правовой фундамент проведения (провокационная деятельность не обладает легитимными основаниями и опирается исключительно на догадки о криминальной активности); происхождение инициативы (в рамках правомерного эксперимента побуждающий импульс возникает со стороны проверяемого субъекта, в то время как при провокации инициатором принадлежит сотрудникам оперативных подразделений); итоговые задачи (оперативный эксперимент ориентирован на обнаружение, предотвращение и расследование преступных деяний, включая идентификацию вовлеченных лиц, тогда как провокация направлена на искусственное формирование доказательственной базы).

Таким образом, оперативный эксперимент представляет собой комплексное мероприятие, требующее высокой квалификации исполнителей, четкого понимания правовых основ и грамотного планирования для эффективного достижения намеченных результатов. Именно эти характеристики придают оперативному эксперименту особое место в структуре оперативно-розыскной деятельности.

Список литературы:

1. Бачила, В. В. Дискуссионные аспекты проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» // Уголовное право и оперативно-розыскная деятельность: проблемы законодательства, науки и практики : Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Москва, 28–29 апреля 2022 года / Под редакцией Г.В. Щербакова, Г.С. Шкабина. Том Часть 1. – Москва: ФКУ НИИ ФСИН России, 2022. – С. 233-239.
2. Кураков Д.В., Ломовская А.В. Особенности организации подготовки и проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2021. – С. 43-47.

References:

1. Bachila, V. V. Debatable aspects of the operational search event «operational experiment» // Criminal law and operational investigative activities: problems of legislation, science and practice : Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 28-29, 2022 / Edited by G.V. Shcherbakov, G.S. Shkabin. Volume Part 1. Moscow: Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. – Pp. 233-239.
2. Kurakov D.V., Lomovskaya A.V. Features of the organization of the preparation and conduct of the operational search event «operational experiment» // Problems of law enforcement. - 2021. – Pp. 43-47.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_644

РАЗДЕЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ОСУЖДЕННЫХ МОЛОДЕЖНОГО ВОЗРАСТА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ: ПРАКТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ SEPARATE CONTAINMENT OF YOUTH CONDEMNED IN CORRECTIONAL FACILITIES: PRACTICE AND PROSPECTS

ВОРОТНИКОВ Евгений Сергеевич,

старший преподаватель кафедры математики и информационных технологий управления экономического факультета
ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России)
390000, Россия, Рязанская обл., г. Рязань, ул. Сенная, 1
E-mail: evorotnikov559@gmail.com

НИКОЛАЕВ Владимир Иванович,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования
ФКОУ ВО «Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (Пермский институт ФСИН России)
614012, Россия, Пермский край, г. Пермь, ул. Карпинского, 125
E-mail: nikolaev_vi_09@mail.ru

VOROTNIKOV Evgeny Sergeevich,

senior lecturer at the department of mathematics and information technology management of the faculty of economics
of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Academy of law and management of the Federal penitentiary service"
(Academy of the FPS of Russia)

390000, Russia, Ryazan region, Ryazan, Sennaya str., 1

E-mail: evorotnikov559@gmail.com

NIKOLAEV Vladimir Ivanovich,

candidate of technical sciences, associate professor, associate professor of the departments of regime organization, security and escort
of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Perm institute of the Federal penitentiary service"
(Perm institute of the FPS of Russia)

614012, Russia, Perm region, Perm, Karpinsky str., 125

E-mail: nikolaev_vi_09@mail.ru

Краткая аннотация: статья посвящена проблеме раздельного содержания как несовершеннолетних осужденных, так и осужденных в возрасте от 18 до 25 лет. В частности, авторы исследуют проблемы специфичности личности молодых людей; на основе мнений ученых, выделяют критерии и отстаивают мысль об особенностях данного возраста; основываясь на полученные результаты, предлагают отделять осужденных от более взрослых и криминально зараженных. По итогам исследования предлагаются конкретные нормы, которые направлены на модернизацию уголовно-исполнительного законодательства в области раздельного содержания осужденных.

Abstract: the article is devoted to the problem of separate detention of both juvenile convicts and convicts aged 18 to 25. In particular, the authors explore the specific personality traits of young people; based on the opinions of scientists, they identify criteria and argue for the peculiarities of this age; based on the results obtained, they propose separating convicts from older and more criminally infected individuals. The study concludes with the proposal of specific norms aimed at modernizing the criminal law in the field of separate detention of convicts.

Ключевые слова: несовершеннолетний осужденный, раздельное содержание, уголовно-исполнительное право, криминологическая характеристика.

Keywords: juvenile convict, separate detention, penal law, criminological characteristics.

Для цитирования: Воротников Е.С., Николаев В.И. Раздельное содержание осужденных молодежного возраста в исправительных учреждениях: практика и перспективы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 644-647. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_644.

For citation: Vorotnikov E.S., Nikolaev V.I. Separate containment of youth condemned in correctional facilities: practice and prospects // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 644-647. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_644.

Статья поступила в редакцию: 15.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Особую настороженность в правоприменительной практике исправительных учреждений вызывает тенденция увеличения рецидива преступлений, совершаемых несовершеннолетними в пенитенциарный и постпенитенциарный периоды. Как отмечает большинство ученых, занимающихся данной проблематикой, подавляющее число подростков, отбывших наказание в виде лишения свободы, начинают совершать преступления в течение первого года после освобождения. Остальная же часть правонарушений приходится на первые пять лет после отбытия наказания [7, с. 112].

Ведущие ученые-криминологи Ю.М. Антонян и В.Е. Эминов указывали по этому поводу: «Уголовно-правовые и социально-демографические показатели личности рецидивистов показывают, что большинство из них впервые становятся на путь преступлений в несовершеннолетнем возрасте или в первые годы после наступления совершеннолетия. Следовательно, существует зависимость между возрастным началом преступной «карьеры» и последующим поведением» [1, с. 78]. По данным исследователей, около 70% рецидивистов совершают свое первое преступление в возрасте до восемнадцати лет [2, с. 24].

Представляется, что в условиях реальной действительности возникает потребность в рассмотрении действующей системы учреждений для несовершеннолетних осужденных на предмет раздельного содержания отдельных категорий как основополагающего средства предотвращения отрицательного влияния криминальной субкультуры в условиях изоляции.

Ранее для содержания рассматриваемой категории осужденных существовали воспитательные колонии общего режима, в которых отбывали наказание несовершеннолетние мужского пола, впервые осужденные к лишению свободы, с дальнейшей дифференциацией, обуслов-

ленной тяжестью их деяния, а также несовершеннолетние женского пола, и воспитательные колонии усиленного режима (для несовершеннолетних мужского пола, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы). Впоследствии законодатель внес изменения [10] и принял решение о ликвидации воспитательных колоний усиленного режима и установления для несовершеннолетних осужденных одного режима содержания. Объединение позволило перераспределить несовершеннолетних в преобразованные учреждения в регионах, ранее не имевших такой возможности. Однако решение одной проблемы стало причиной появления другой, не менее серьезной и связанной с совместным содержанием осужденных с различной степенью общественной опасности [6, с. 42-43]. Реорганизация воспитательных колоний привела к созданию иного механизма раздельного содержания указанных категорий. Несовершеннолетние, уже отбывавшие лишение свободы, содержатся в строгих условиях отбывания наказания, вместе с осужденными за умышленные преступления, совершенные в ходе отбывания наказания, и лицами, переведенными из облегченных или обычных условий отбывания наказания.

Обычно по истечении шести месяцев отбывания наказания при отсутствии взысканий и добросовестном отношении к труду и учебе все осужденные из строгих условий отбывания наказания переводятся в обычные. Таким образом, как в строгих, так и в обычных условиях, лица, ранее отбывавшие лишение свободы, имеют возможность находиться вместе с ранее несудимыми [9]. Данный факт свидетельствует о явном противоречии требованиям раздельного содержания (ст. 80 УИК РФ), не позволяя обеспечивать в полной мере изоляцию несовершеннолетних, обладающих криминальным опытом.

Следующей причиной повторного совершения преступлений несовершеннолетними выступает совместное содержание лиц, осужденных за совершение преступлений различной степени тяжести. В настоящее время степень тяжести совершенного преступления как критерий дифференциации несовершеннолетних осужденных нормативно не закреплен, что приводит к возникновению проблем при практической реализации исправительного и воспитательного воздействия на рассматриваемую категорию.

Отметим, что выделение данного критерия для раздельного содержания исследовалось С.И. Паканичем, который настаивал на дальнейшей дифференциации несовершеннолетних в зависимости от уровня их опасности [11, с. 8]. Он привел три уровня опасности несовершеннолетних (опасный, средний и низкий) и аргументировал их значение для раздельного содержания.

Важное значение при реализации дифференцированного воздействия на различные категории несовершеннолетних осужденных имеет территориальная отдаленность воспитательных колоний. В своих работах Е.В. Кошелева и В.А. Лелеков выражали мнение об исследуемой проблеме так: «Воспитательные колонии пока не в состоянии затормозить процесс криминализации подростковой среды. Наоборот, в условиях колоний негласно осуществляется обмен криминальным опытом на межрегиональном уровне (не в каждом субъекте имеются свои воспитательные колонии)» [8, с. 186]. Рассматривая вопрос о территориальной отдаленности, следует отметить, что подростки направляются для отбывания наказания за пределы постоянного места проживания, что оказывает на них отрицательное влияние. В настоящее время на 89 субъектов РФ функционируют не многим больше десяти воспитательных колоний, что само собой означает их территориальное размещение не в каждом регионе страны. Более ¾ (75%) воспитательных колоний располагаются вне республиканских, краевых и областных центров. При этом Ангарская и Канская воспитательные колонии расположены на расстоянии более 200 км от административного центра субъекта. В результате несовершеннолетние осужденные лишаются общественно полезных связей с родственниками, возможности соблюдать семейные традиции и обычаи [5, с. 43], что, в свою очередь, не позволяет реализовывать все предусмотренные законом средства исправления.

В научной литературе встречаются и довольно дискуссионные взгляды на существующую проблему. Так, К.А. Скрыльников не исключает возможности создания частных воспитательных учреждений для несовершеннолетних, предусматривающих собственную систему воспитательного воздействия на основании характеристик каждого [13, с. 5]. Однако данное предложение, на наш взгляд, представляется нецелесообразным ввиду современных социально-экономических условий развития российского общества.

По нашему мнению, наиболее оптимальной видится позиция профессора Ю.А. Кашубы. Он считает, что совершенствовать систему отбывания уголовных наказаний несовершеннолетними целесообразно путем организации в регионах пенитенциарных центров, где к подросткам может быть применен весь спектр возможных мер, способствующих их исправлению. Структура центра предполагает наличие участка социальной адаптации для тех, кто скоро выйдет на свободу; временное общежитие для отбывших наказание подростков [5, с. 124], не имеющих постоянного места жительства; изолированное помещение для исполнения наказания в виде ареста. Кроме того, в центре возможно предусмотреть следственный изолятор для подследственных. Полагаем, что такие изменения способны привести к созданию единого комплекса мероприятий с момента заключения под стражу до социальной адаптации и реабилитации несовершеннолетних после освобождения [5, с. 49-50]. Приведенная позиция ученого имеет своих единомышленников, разделяющих его мнение в части создания центров для несовершеннолетних осужденных [3, с. 20; 4, с. 13; и др.].

На наш взгляд, создание воспитательных пенитенциарных центров для осужденных несовершеннолетнего возраста будет являться своеобразной альтернативой взамен существующей системы, позволяя реализовывать весь комплекс мер, необходимых для достижения целей уголовно-исполнительного законодательства в отношении данной категории.

Однако экономическая ситуация в государстве диктует необходимость поиска решения практических проблем с наименьшими затратами. Полагаем, что в отношении несовершеннолетних осужденных возможно совершенствование имеющейся системы воспитательных колоний. Первоочередными мерами по предотвращению негативного воздействия одних воспитанников на других может стать закрепление степени тяжести совершенного преступления в качестве дополнительного критерия раздельного содержания. На основании данного положения целесообразно внести изменения в ч. 2 и 3 ст. 132 УИК РФ и дать их в новой редакции:

«2. В обычных условиях в воспитательных колониях отбывают наказание несовершеннолетние осужденные, поступившие в воспитательную колонию, кроме ранее отбывавших лишение свободы, осужденных за умышленные преступления, совершенные в период отбывания наказания, осужденных за совершение особо тяжких преступлений, а также несовершеннолетние осужденные, переведенные из облегченных, льготных или строгих условий отбывания наказания...

3. Осужденные за умышленные преступления, совершенные в период отбывания лишения свободы, осужденные за совершение особо тяжких преступлений и ранее отбывавшие лишение свободы, отбывают наказание в строгих условиях...».

Анализ действующих уголовных и уголовно-исполнительных норм показал, что проблема назначения и исполнения наказания в виде лишения свободы несовершеннолетними не решена, так как, имеющее место в пенитенциарных учреждениях, совместное содержание данных лиц со взрослыми преступниками является препятствием для организации индивидуально-воспитательной работы с ними на должном уровне.

Отметим, что проблема дифференцированного подхода к этой категории осужденных в литературе уголовно-исполнительного права ставится давно. По единодушному мнению научных и практических работников, процесс, построенный на основе дифференцированного воздействия, может привести к положительным результатам [12, с. 168].

Если по этому вопросу среди научных и практических работников отмечается единство взглядов, то в организационных формах осуществления исправительного воздействия в отношении этой категории мнения противоречивы и полярны. В середине 60-х годов прошлого столетия обсуждались наиболее целесообразные организационные формы перевоспитания осужденных из числа молодежи, многие высказывались о необходимости создания специальных колоний для этой категории [14, с. 68].

Основные доводы, которые приводились в обоснование этой позиции, заключались в следующем: во-первых, создание такого вида учреждений позволит изолировать осужденных из числа молодежи от отрицательного влияния неоднократно судимых, которые в силу существовавшего в то время порядка могли быть переведены в колонии, в которых отбывали наказание впервые осужденные; во-вторых, в однородном с точки зрения возраста, психологического развития и степени социально-педагогической запущенности коллективе осужденных будут созданы наиболее благоприятные предпосылки для успешного проведения с ними воспитательной работы.

В период 1956-1961 гг. в ряде областей РСФСР было организовано 25 колоний для осужденных из числа молодежи. Однако при их создании, к сожалению, игнорировались основные требования, которым они должны были отвечать. Отмечались случаи совместного содержания впервые осужденных с неоднократно судимыми, отсутствия необходимой производственной базы, где осужденные могли быть приобщены к труду и получить квалифицированную специальность. Осужденные по производственной необходимости переводились из таких колоний в другие, а штаты колоний не были укомплектованы квалифицированными воспитателями. В результате почти все колонии для осужденных из числа молодежи как не оправдавшие себя были реорганизованы в обычные исправительно-трудовые учреждения.

Учитывая сложившуюся ситуацию, обусловленную высоким уровнем рецидивной преступности осужденных молодежного возраста, можно сделать вывод о необходимости их раздельного содержания от осужденных старшего возраста. При этом важно предусмотреть наиболее эффективную форму такого содержания. Так, ученые-пенитенциаристы М.П. Мелентьев и И.В. Шмаров выступали за правомерное существование двух организационных форм проведения воспитательной работы с осужденными из числа молодежи, выделяя при этом специальные колонии, действующие в республиках, краях и областях, и отряды, укомплектованные осужденными в возрасте до 25 лет. При этом воспитательная работа выстраивалась бы, согласно позиции авторов, на основе единой программы [14, с. 70]. Мы склонны разделять приведенную позицию о создании отрядов, укомплектованных осужденными в возрасте 18-25 лет.

Полагаем, что с учетом однородного разделения данной категории осужденных по возрасту, преступной деятельности, степени общественной опасности, станет возможным организовать процесс исправительного воздействия на более высоком уровне, учитывая их индивидуальные и групповые особенности. В то же время научная мысль М.П. Мелентьева и И.В. Шмарова о создании специальных колоний для выделенной категории осужденных, ввиду современной экономической ситуации в России, видится нереализуемой и нецелесообразной.

Поясним свою позицию. Преимущество отрядов с таким составом осужденных по сравнению с колониями для осужденных из числа молодежи заключается в том, что подобные отряды можно создать практически во всех исправительных колониях общего режима, в то же время отдельные исправительные учреждения (далее – ИУ) такого типа могут быть организованы лишь при создании определенных условий, и прежде всего при наличии других колоний общего режима, где есть возможность разместить иные категории осужденных. Так, если в области имеется одна колония общего режима, организовать ИУ для осужденных из числа молодежи будет весьма затруднительно, так как это повлекло бы за собой перевод в другие области старших по возрасту осужденных.

Раздельное содержание лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение преступлений в возрасте от 18 до 25 лет, от других категорий осужденных, как нам представляется, позволит предотвратить процесс влияния тюремной субкультуры на лиц молодежного возраста в ИУ для несовершеннолетних, что, несомненно, благотворно скажется на уровне рецидива. Выделение указанной категории не должно быть условным, поэтому важно закрепить основные положения в соответствующих нормативных актах РФ [14, с. 74].

С нашей точки зрения, целесообразно начать изложение проблем правоприменительной практики раздельного содержания, руководствуясь оценкой поведения осужденных в местах лишения свободы. Для этого проведем комплексный анализ реализации рассматриваемого уголовно-исполнительного средства в учреждениях, где осуществляется внедрение Типовой модели проведения эксперимента по организации надзора и воспитательной работы с осужденными.

На основании изложенного мерами, необходимыми для исключения указанных проблем при организации надзора и воспитательной

работы с осужденными, на наш взгляд, могут выступать: 1) разработка программы, направленной на организацию взаимодействия отделов и служб; 2) закрепление возможности перевода положительно характеризующихся осужденных или лиц, не представляющих опасности, из сектора, предназначенного для содержания находящихся на профилактическом учете. Отсутствие данного положения ставит под вопрос прогрессивную систему отбывания наказания в ИУ ввиду того, что осужденные, находящиеся на профилактическом учете, не имеют возможности перевода в другой сектор; 3) проведение семинаров и привлечение сотрудников учреждений, где данная модель уже действует, с тем, чтобы разъяснить наиболее типичные проблемы и указать возможные пути их решения; 4) выработка методических рекомендаций для сотрудников ИУ, в которых внедрена Типовая модель проведения эксперимента по организации надзора и воспитательной работы с осужденными.

Список литературы:

1. Антонян Ю.М. Личность преступника: криминологическое исследование / Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов. Москва: Норма, ИНФРА-М, 2010. 366 с.
2. Белокопытов В.В. Рецидив преступлений как детерминант преступности / В.В. Белокопытов, В.М. Филиппенков // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2014. № 7. С. 24-33.
3. Горкина С.А. Назначение и исполнение уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних лиц женского пола: автореф. дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.08 / С.А. Горкина. Рязань, 2006. 25 с.
4. Данилова С.О. Профилактика преступлений, совершаемых несовершеннолетними осужденными в воспитательных колониях: теоретический, правовой и организационный аспекты: дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.08 / С.О. Данилова. Саратов, 2012. 211 с.
5. Кашуба Ю.А. Уголовно-исполнительная политика в отношении несовершеннолетних: дис. ... д-ра юрид. наук, 12.00.08 / Ю.А. Кашуба. Рязань, 2002. 439 с.
6. Кимачев А. Н. К вопросу об оставлении в воспитательных колониях осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия / А.Н. Кимачев // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 3(35). С. 40-46.
7. Колесников В.А. Основные детерминанты совершения рецидивов преступлений среди несовершеннолетних / В.А. Колесников, Н.А. Тимошенко // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ, Донецк, 17-20 октября 2017 года / под общей редакцией С.В. Беспаловой. Том 7. Донецк: Издательство Донецкого национального университета, 2017. С. 112-114.
8. Лелеков В.А. Причины и условия пенитенциарного рецидива несовершеннолетних / В.А. Лелеков, Е.В. Кошелева // Территория науки. 2014. № 1. С. 182-190.
9. Леонов И.С. Проблема классификации несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях / И.С. Леонов // Российский следователь. 2007. № 8. С. 24-25.
10. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 11. Ст. 1002.
11. Паканич С.И. Право несовершеннолетних осужденных на личную безопасность и его обеспечение при исполнении наказания в виде лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.08 / С.И. Паканич. Самара, 2015. 22 с.
12. Пирожков В.Ф. Исправительно-трудовая педагогика: учеб. пособие / под ред. В.Ф. Пирожкова, Б.С. Утевского, М.М. Дейнеко; Высш. школа МООП СССР. М., 1967. 304 с.
13. Скрыльников К.А. Назначение и исполнение уголовных наказаний, соединенных с изоляцией, в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук, 12.00.08 / К.А. Скрыльников. Ростов н/Д, 2004. 29 с.
14. Шмаров И.В. Дифференциация исполнения наказания в исправительно-трудовых учреждениях / И.В. Шмаров, М.П. Мелентьев. Пермь, 1971. 167 с.
15. Эминов В.Е. Основы уголовно-исполнительного права России: учеб. пособие для среднего профессионального образования / под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. М., 2019. 186 с.

References:

1. Antonyan, Yu.M. The Personality of a Criminal: A Criminological and Psychological Study / Yu.M. Antonyan, V.E. Eminov. Moscow: Norma, INFRA-M, 2010. 366 p.
2. Belokopytov, V.V. Recidivism as a Determinant of Crime / V.V. Belokopytov, V.M. Filippenkov // Problems of Strengthening the Rule of Law and the Rule of Order: Science, Practice, and Trends. 2014. No. 7. Pp. 24-33.
3. Gorkina S.A. The appointment and execution of criminal punishment in the form of imprisonment in relation to female minors: abstract of the dissertation of the cand. jurid. Sciences, 12.00.08 / S.A. Gorkina. Ryazan, 2006. 25 p.
4. Danilova S.O. Prevention of crimes committed by juvenile convicts in educational colonies: theoretical, legal and organizational aspects: dissertation of the cand. jurid. Sciences, 12.00.08 / S.O. Danilova. Saratov, 2012. 211 p.
5. Kashuba Yu.A. Penal enforcement policy in relation to minors: dis. ...Dr. Jurid. Sciences, 12.00.08 / Yu.A. Kashuba. Ryazan, 2002. 439 p.
6. Kimachev, A. N. On the Issue of Leaving Convicts of Imprisonment Who Have Reached the Age of Majority in Educational Colonies / A. N. Kimachev // Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction. 2016. No. 3(35). Pp. 40-46.
7. Kolesnikov, V.A. The Main Determinants of Recidivism among Minors / V.A. Kolesnikov, N.A. Timoshenko // Donetsk Readings 2017: The Russian World as a Civilizational Foundation for the Scientific, Educational, and Cultural Development of Donbas: Proceedings of the International Scientific Conference of Students and Young Scientists. Dedicated to the 80th Anniversary of DonNU, Donetsk, October 17-20, 2017 / edited by S.V. Bespalova. Volume 7. Donetsk: Donetsk National University Press, 2017, pp. 112-114.
8. Lelekov V.A. Causes and Conditions of Penitentiary Recidivism among Minors / V.A. Lelekov, E.V. Kosheleva // Territory of Science. 2014. No. 1. Pp. 182-190.
9. Leonov, I.S. The Problem of Classification of Juvenile Convicts in Educational Colonies / I.S. Leonov // Rossiyskiy Sledovatel. 2007. No. 8. Pp. 24-25.
10. On Amendments and Additions to the Criminal Code of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the RSFSR, the Penal Code of the Russian Federation, and Other Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 25-FZ of March 9, 2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 11. Art. 1002.
11. Pakanich S.I. The right of juvenile convicts to personal safety and its provision in the execution of punishment in the form of imprisonment: abstract of the dissertation of the cand. jurid. Sciences, 12.00.08 / S.I. Pakanich. Samara, 2015. 22 p.
12. Pirozhkov V.F. Correctional labor pedagogy: textbook. manual / edited by V.F. Pirozhkov, B.S. Utevsky, M.M. Deineko; Higher School of the MOO of the USSR. Moscow, 1967. 304 p.
13. Skrylnikov K.A. The appointment and execution of criminal punishments associated with isolation in relation to minors: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. Sciences, 12.00.08 / K.A. Skrylnikov. Rostov n/A, 2004. 29 p.
14. Shmarov I.V. Differentiation of Punishment Execution in Correctional Labor Institutions / I.V. Shmarov, M.P. Melentyev. Perm, 1971. 167 p.
15. Eminov V.E. Fundamentals of Russian penal enforcement law: studies. handbook for secondary vocational education / edited by V.E. Eminov, V.N. Orlov, M., 2019. 186 p.

ПОНЯТИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ, ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ THE CONCEPT, CLASSIFICATION, AND CHARACTERISTICS OF CRIMES RELATED TO MEDICAL ACTIVITIES

ЯКОВЛЕВ Макар Макарович,

заслуженный юрист России, генерал-майор юстиции в отставке,
почетный доктор права Римского международного университета,
профессор кафедры уголовного права и процесса Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.
677000, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58.
E-mail: makar961947@mail.ru;

YAKOVLEV Makar Makarovich,

Honored Lawyer of Russia, a retired Major General of Justice, Honorary Doctor of Law of the Rome International University,
Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.
58 Belinsky str., Yakutsk, Russia, 677000.
E-mail: makar961947@mail.ru.

Краткая аннотация. Статья посвящена анализу преступлений, совершаемых медицинскими работниками при осуществлении профессиональной деятельности. Рассматриваются проблемы терминологии, особенности уголовно-правового регулирования, действующая классификация и механизмы причинения вреда пациентам. Особое внимание уделено вопросам установления причинной связи, специфике расследования и современным угрозам, связанным как с неосторожными, так и с умышленными преступлениями в медицине. Обосновывается необходимость совершенствования методик расследования и экспертной деятельности.

Abstract. This article analyzes criminal offenses committed by healthcare professionals in the course of their professional duties. It examines terminological ambiguities, specific features of criminal-legal regulation, the current classification of such offenses, and the mechanisms through which harm is inflicted upon patients. Particular attention is devoted to establishing causal links, the unique challenges in investigating medical crimes, and emerging threats arising from both negligent and intentional misconduct in healthcare. The paper argues for the urgent need to refine investigative methodologies and forensic evaluation protocols to ensure accurate qualification and accountability.

Ключевые слова: медицинская деятельность, врачебная ошибка, преступление, ятрогенные преступления, причинная связь, судебно-медицинская экспертиза, квалификация, уголовная ответственность.

Keywords: medical practice, medical error, criminal offense, iatrogenic crimes, causation, forensic medical examination, criminal qualification, criminal liability.

Для цитирования: Яковлев М.М. Понятие, классификация, характеристика преступлений, связанных с медицинской деятельностью // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 648-651. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_648.

For citation: Yakovlev M.M. The concept, classification, and characteristics of crimes related to medical activities // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 648-651. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_648.

Статья поступила в редакцию: 19.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Преступления, совершаемые медицинскими работниками в связи с выполнением ими своих профессиональных обязанностей, в медицинской, правовой и криминалистической литературе называются по-разному: врачебными преступлениями, преступлениями в сфере медицинского обслуживания, ненадлежащим врачеванием, профессиональными преступлениями в медицинской деятельности, врачебными ошибками, ятрогенными (порожденными врачом) преступлениями. Существуют и различные определения указанных преступлений. Однако, большинство авторов склонны считать, что все эти преступления совершаются при оказании медицинской помощи пациентам и ведут к гибели или тяжким увечьям потерпевших.

В последние годы на территории Российской Федерации наблюдается устойчивая тенденция к увеличению числа уголовных дел, связанных с оказанием медицинской помощи. Судебная практика 2020-2025 гг. показывает, что наиболее часто медицинские работники привлекаются по ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности), ст. 118 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности), ст. 124 УК РФ (неоказание помощи больному), а также в ряде случаев ранее применялись ст. 238 УК РФ (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности).

В 2024-2025 гг. законодательством были внесены изменения, направленные на исключение медицинской деятельности из сферы действия ст. 238 УК РФ, что существенно изменило практику квалификации медицинских ошибок.

В условиях постоянных трансформаций уголовно-правового регулирования, роста общественного внимания к качеству медицинской помощи и повышению требований к профессиональной деятельности медицинских работников возникает необходимость системного научного анализа преступлений, связанных с медицинской деятельностью. Особую значимость приобретает уточнение их понятия, классификации и уголовно-правовой характеристики. В современной криминологии и уголовном праве отсутствует единая классификация преступлений. Тем не менее, можем привести отдельные классификации.

По форме вины 1. Неосторожные преступления: ст. 109, 118, 124 УК РФ; 2. умышленные преступления: ст. 123, 137, 327 УК РФ.

По объекту посяательства. 1. Жизнь пациента - ст. 109 УК РФ; 2. здоровье пациента - ст. 118 УК РФ; 3. права пациента на получение медицинской помощи - ст. 124 УК РФ; 4. порядок осуществления медицинской деятельности - организационные составы.

По механизму причинения вреда. 1. Ятрогенные преступления - ошибки лечения, диагностические ошибки, ошибки назначения терапии;

2. организационные преступления - дефекты маршрутизации пациентов, нарушение санитарных норм, отсутствие необходимой аппаратуры, несвоевременное оказание помощи; 3. технические преступления - нарушения правил эксплуатации оборудования, медицинских приборов и инструментов.

Уголовно-правовая характеристика. Объективная сторона –неправильное определение диагноза, выбор неадекватного метода лечения, нарушение клинических рекомендаций, несвоевременное оказание помощи, нарушение порядка наблюдения за пациентом, дефекты оказания помощи при родовспоможении. Использование просроченных или некачественных препаратов. Для доказывания объективной стороны ключевое значение имеют судебно-медицинская экспертиза, стандарты и клинические рекомендации Минздрава РФ, приказы и локальные акты медицинской организации.

Причинная связь. Одним из наиболее сложных элементов является установление причинно - следственной связи между дефектом оказания медицинской помощи и наступившими последствиями. Часто вред возникает вследствие сочетания нескольких факторов: тяжести состояния пациента, запоздалого обращения, ограничений оборудования и условий, индивидуальной реакции организма.

Особенности расследования преступлений, связанных с медицинской деятельностью. Необходимость специальных знаний. расследование невозможно без участия судебно медицинских экспертов, специалистов клиницистов, экспертов по медицинскому оборудованию, экспертов в области фармакологии.

Типичные проблемы расследования: зависимость следствия от экспертных заключений, длительность проведения экспертиз, сложность получения медицинской документации, возможная корпоративная солидарность в медицинской среде, недостаточная квалификация следователей в области медицины.

На наш взгляд, данный подход не охватывает всего многообразия преступлений медицинских работников, совершаемых ими в связи с их профессиональной деятельностью. Между тем в сфере медицинской деятельности и в связи с ее осуществлением совершается немало преступлений умышленного характера, в том числе таких, мотивационной основой которых служит корысть, стремление получить незаконное обогащение. Поэтому представляется обоснованной выполненная еще в советский период классификация В.А. Глушкова, который разделил врачебные преступления на две группы: 1. преступления в сфере оказания медицинской помощи; 2. преступления, связанные с извлечением медицинскими работниками нетрудовых доходов, незаконным обогащением.

Следует учитывать, что современная отечественная и зарубежная следственная практика имеет множество примеров того, что и группа преступлений, о которых В.А. Глушков говорил как о преступлениях в сфере оказания медицинской помощи, с правовой и криминалистической точек зрения далеко не однородна по своему составу. В нее входят как преступления, совершаемые в силу преступной небрежности или самонадеянности, т.е. неосторожные по форме вины деяния, так и преступления, совершаемые умышленно. Субъекты последних могут руководствоваться корыстными соображениями, но не только ими. Намеренное причинение пациентам страданий, физического вреда здоровью и даже смерти порой имеет место и по другим мотивам, например, из чувства мести, человеконенавистнических или иных низменных побуждений.

Можно привести много примеров подобных деяний. Так, в работе В.А. Образцова и С.Н. Богомоловой содержится анализ зарубежной практики расследования преднамеренных убийств пациентов, находившихся на излечении в медицинских учреждениях, совершаемых серийными убийцами-женщинами из числа врачей и медсестер.

Наряду с этим, но более часто, медицинские работники изобличаются в вымогательстве, подлоге документов, хищениях и других преступлениях, совершаемых из корыстных побуждений.

В этой связи уместно отметить, что криминалисты США, изучив преступную деятельность медицинских сестер больниц, выявили, что указанные лица в целях хищения наркотических веществ осуществляют следующие действия: 1. отливают часть наркотических веществ, находящихся в жидком состоянии, и заменяют похищенное солевым раствором или водой (от этого страдают больные, поскольку получают только часть наркотического лекарства, прописанного им врачом); 2. больному делается укол половинной дозой, а в медицинской карте отмечается полная (неизрасходованная часть присваивается); 3. в медицинской карте указано, что больному сделан укол наркотического лекарства, а на самом деле этого не делается.

Сходные способы преступлений применяются медицинскими сестрами при совершении хищений наркотических средств и в нашей стране. Но у них на «вооружении» есть и свои модификации. Основными способами создания резерва для хищения, которые применяют отечественные медицинские сестры, являются: завышенные в документах количества отпущенных больным средств реально выданных, проданных, использованных; фальсификация компонентного состава медикаментозных средств путем замены наркотических веществ в ампулах водой и другими нейтральными жидкостями; внесение подлогов в рецепты, журналы учета выдачи наркотических лекарств и другие документы; выписывание повторных рецептов на умерших больных; указание в медицинских документах (например, в истории болезни), что больному введено (или отпущено) наркотическое средство, что фактически сделано не было, или было реализовано другое лекарство.

Появляются публикации, указывающие на существование в российской и зарубежной медицине организованных преступных групп мафиозного типа. Прежде всего, это касается такой области, как трансплантация органов и тканей организма. Подтверждением сказанному служит материал московского журналиста Светланы Самоделовой, побывавшей в молдавском селе Менжир, жители которого из-за нищеты «продали себя» на органы. Как пишет журналист, официально известно о 17 жителях села, которые продали свою почку. На самом деле деле в турецких клиниках побывали около ста менжирцев.

О.А. Кустова изучила материалы 118 уголовных дел о преступлениях, связанных с принуждением к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120 УК РФ), и установила, что преступления, связанные с изъятием органов или тканей для трансплантации, совершаются только организованными преступными группами.

Механизм преступлений данного рода включает в себя: 1. установление тяжести заболевания и его диагноз, который связан с невоз-

возможностью дальнейшего самостоятельного функционирования органа больного гражданина, в связи с чем врачом констатируется необходимость срочной операции по трансплантации больного органа; 2. отсутствие необходимого реципиенту (больному пациенту) донорского органа в лицензированном медицинском учреждении; 3. объявление заказа врачу на донорский орган от реципиента или его родственников за существенное материальное вознаграждение.

Заключительный этап формирования механизма преступлений указанной категории характеризуется следующими обстоятельствами:

1. согласование со всеми участниками процесса по незаконной трансплантации органа или ткани о замалчивании этого события;
2. уничтожение или фальсификация медицинских документов, в которых имеются сведения о необходимости операции, ее ходе и завершении;
3. уничтожение трупа при проведении операции в нелегализованном медицинском учреждении.

Все это указывает на то, что под преступлениями, совершаемыми медицинскими работниками при исполнении ими своих профессиональных обязанностей, в широком смысле следует понимать самые различные по уголовно-правовым особенностям и квалификации преступления, посягающие на жизнь, здоровье людей, собственность и другие охраняемые законом отношения. На наш взгляд, наиболее общее их название - «преступления, связанные с медицинской деятельностью».

Классификация указанной группы преступлений может осуществляться по различным основаниям. При этом базовым является деление объема данного понятия по сферам (направлениям) медицинской деятельности. На этой основе выделяются преступления, совершаемые в сферах санитарной и лечебной медицины, в сферах практической и научно-исследовательской медицины, в сфере спортивной медицины, в сфере косметической медицины и т.д.

В свою очередь, выделяемые таким способом группы преступлений могут подразделяться на умышленные и неосторожные; на совершаемые при осуществлении разрешенной и запрещенной медицинской деятельности; на совершаемые из корыстных и иных побуждений, а также другие подгруппы, выделяемые по тем или иным признакам. (Так, например, по медицинской специализации могут выделяться преступления, совершаемые в процессе хирургической деятельности, в процессе диагностической деятельности, в процессе терапевтической деятельности, в процессе трансплантационной деятельности и т.д.).

Криминалистическое и следственное значение имеет также деление по признакам субъектов преступлений (совершаемые врачами и медсестрами, руководителями подразделений и рядовыми работниками; совершаемые в одиночку и в системе группы лиц, и пр), способам совершения преступлений, по характеру и степени тяжести вреда, причиненного потерпевшим, и другим элементам криминалистических характеристики рассматриваемых преступлений.

В предмет исследования входит группа так называемых неосторожных преступлений медицинских работников, совершаемых при осуществлении ими своей профессиональной деятельности путем нарушения установленных правил оказания ими лечебно-медицинских услуг населению, что приводит к смерти пациентов, причинению им увечий или заболеваний. Второй составляющей предмета исследования служит практическая деятельность субъектов уголовного преследования, связанная с выявлением и расследованием преступлений данной группы. Иначе говоря, речь идет о недоброкачественной медицине, корни которой уходят в низкий профессионализм медицинских работников, их безответственность, недобросовестность, неисполнение либо ненадлежащее исполнение медицинским персоналом своих профессиональных обязанностей, общественно опасные последствия содеянного и практику борьбы с такого рода преступными проявлениями средствами и методами криминалистики.

Данные преступления можно определить как общественно опасные, уголовно наказуемые деяния медицинских работников, совершаемые ими в процессе своей профессиональной деятельности путем неоказания либо ненадлежащего оказания лечебно-медицинской помощи пациентам, повлекшие гибель или существенный вред здоровью одного или нескольких пациентов.

Опасность рассматриваемых преступлений определяется многими факторами, в том числе тем, что если какую-либо ошибку можно так или иначе исправить, то медицинскую ошибку, недоработку, упущение, повлекшие за собой гибель или причинение тяжкого вреда здоровью пациента, как правило, исправить нельзя.

Врач-ординатор Республиканской больницы №2 Республики Саха (Якутия) Людмила Игнатьева оказалась на скамье подсудимых за причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК РФ). Как показало следствие и установил суд, из-за ненадлежащего исполнения своих служебных профессиональных обязанностей при проведении операции Игнатьева неосторожно ввела больной медицинский прибор, повредила им сосуд артерии, что повлекло обильное кровотечение, от которого пациентка скончалась. Суд особо отметил, что осложнению в ходе операции и наступлению тяжких последствий способствовали ненадлежащая предоперационная подготовка потерпевшей к операции, не приведение ее в требуемое в ходе операции положение, выполнение операции без существенной необходимости в условиях тяжелого состояния оперируемой, связанного с кровопотерей. Якутский городской суд согласился с позицией государственного обвинителя и приговорил Людмилу Игнатьеву к двум года лишения свободы условно с испытательным сроком на один год.

Проблемы обеспечения эффективности выявления и расследования преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием или неоказанием медицинской помощи, в наши дни стоит достаточно остро. Несмотря на большое количество сообщений в средствах массовой информации о ненадлежащем лечении в лечебно-профилактических учреждениях, отмечается небольшое количество возбужденных уголовных дел, к уголовной ответственности привлекаются единицы.

Обращает на себя внимание невысокое качество расследования дел рассматриваемой категории. В определенной мере это связано с отсутствием опыта и доступных следователям научно обоснованных рекомендаций по выявлению и раскрытию преступлений, совершае-

мых медицинскими работниками.

Говоря об актуальности дальнейшей научной разработки проблемы борьбы с преступлениями медицинских работников, С.Г. Стеценко обращает внимание на следующие обстоятельства:

1. противопоставление своими действиями самой сути медицинской профессии лицом, совершающим профессиональное преступление;
2. наибольшая общественная значимость преступлений по сравнению с другими видами медицинских правонарушений (представляется, что в этом случае надо говорить не об общественной значимости, а о повышенной общественной опасности преступления, имея в виду тяжесть и непоправимость последствий);
3. трудности с определением и доказыванием формы вины конкретного медицинского работника, подозреваемого в совершении профессионального преступления;
4. отсутствие у представителей судебно-следственных органов четкого представления о специфике профессиональных преступлений медицинских работников.

Эти трудности вызваны также отсутствием специализации следователей и судей в расследовании и судебном рассмотрении подобных преступлений и тем, что они, ссылаясь на отсутствие специальных знаний в области медицины, перекладывают обязанность доказывания вины врачей на самих же врачей - судебных медиков, не проявляя при этом никакой активности в собирании и закреплении доказательств. Перед судебными медиками нередко ставится решение чисто юридического вопроса о наличии или отсутствии причинной связи между действиями (бездействием) врача и гибелью пациента.

При недостаточной разработанности приемов, методов и средств расследования преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, на первое место сегодня ставятся судебно-медицинские экспертные исследования, которые порой возводятся в ранг «абсолютного» доказательства. Такой подход необоснованно переводит проблему расследования этой группы преступлений из юридической сферы в медицинскую. Сегодня основная масса исследований проблемы ненадлежащего оказания медицинской помощи проводится специалистами в области судебной медицины. Таким образом, разработка методики расследования преступлений, связанных с не оказанием либо ненадлежащим оказанием медицинской помощи, является актуальной проблемой современной науки, требующей использования достижений в области юридических и медицинских знаний.

Для повышения эффективности расследования преступлений, связанных с медицинской деятельностью требуется:

- совершенствование нормативного регулирования клинических рекомендаций;
- повышение качества судебно-медицинских экспертиз;
- развитие специализированных следственных подразделений;
- создание цифровой единой медицинской документации.

Преступления, связанные с медицинской деятельностью, являются сложной и многогранной категорией уголовно-правовых знаний. Их специфика обусловлена высокой профессиональной и социальной значимостью медицинской деятельности, необходимостью применения особых знаний, сложностью причинно-следственных связей и преобладанием неосторожной вины.

Список литературы:

1. Мустафина-Бредихина А.Г. Уголовная ответственность медицинских работников: современные тенденции // Российский юридический журнал. - 2025. №1.
2. Серова О.Н., Кузнецова И.В. Понятие и классификация ятрогенных преступлений // Криминологический журнал. - 2024. - Т.15. №4.
3. Криминалистическое и судебно-экспертное обеспечение расследования ятрогенных преступлений: монография. – М.: Юрлитинформ, 2023.
4. Материалы научно-практической конференции Следственного комитета РФ по вопросам расследования преступлений в сфере медицины. – М., 2024.
5. Аналитический обзор уголовных дел против врачей за 2020-2024 гг. // Медицинское право. – 2024. №6.
6. Павлова Л.А. Причинная связь в делах о врачебных ошибках // Уголовное право. – 2023. №4.
7. Глушков В.А. Проблемы уголовной ответственности за общественно опасные деяния в сфере медицинского обслуживания. Дисс. ...докт. юрид. наук. Киев, 1990.
8. Образцов В.А., Сухов С.В. Расследование хищений наркотических средств, совершаемых работниками медицинских учреждений. М., 1990.
9. Флоря В. Медицинская и фармацевтическая мафия // Закон и жизнь. Кишинев, 2005. №12.
10. Кустова О.А. Методика расследования преступлений, связанных с изъятием органов и (или) тканей человека для трансплантации: Автореф. дисс.... канд. юрид. наук. М., 2004.
11. Рустемова Г.Р. Проблемы совершенствования борьбы с преступлениями в сфере медицинского обслуживания населения. Автореф. дисс. ...докт. юрид. наук. Бишкек: 2003.
12. Стеценко С.Г. Медицинское право. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004.
13. Пирогов Н.И. Собрание сочинений в 8 т. М.: Медицина. Т.2. 1941.
14. Давыдовский И.В. Врачебные ошибки // Советская медицина. 1941. №3.
25. Канунникова Л.В., Фролов Я.В., Фролова Е.В. О правовых проблемах врачебной (медицинской) ошибки // Медицинское право. М., 2003. №3.

References:

1. Mustafina-Bredikhina A.G. Criminal liability of medical workers: current trends // Russian Law Journal. - 2025. №1.
2. Serova O.N., Kuznetsova I.V. The concept and classification of iatrogenic crimes // Criminological journal. - 2024. - Vol.15. №4.
3. Criminalistic and forensic expert support for the investigation of iatrogenic crimes: monograph. – M.: Yurilitinform, 2023.
4. Materials of the scientific and practical conference of the Investigative Committee of the Russian Federation on the investigation of crimes in the field of medicine. M., 2024.
5. Analytical review of criminal cases against doctors for 2020-2024 // Medical law. – 2024. №6.
6. Pavlova L.A. Causal relationship in cases of medical errors // Criminal law. – 2023. №4.
7. Glushkov V.A. Problems of criminal liability for socially dangerous acts in the field of medical services. Diss. ...doct. jurid. sciences'. Kiev, 1990.
8. Obratsov V.A., Sukhov S.V. Investigation of drug thefts committed by employees of medical institutions. Moscow, 1990.
9. Florya V. Medical and pharmaceutical mafia // Law and Life. Chisinau, 2005. No. 12.
10. Kustova O.A. Methods of investigation of crimes related to the removal of human organs and (or) tissues for transplantation: Abstract. diss.... Cand. of Sciences. jurid. M., 2004.
11. Rustemova G.R. Problems of improving the fight against crimes in the field of public health services. The abstract. dissertation ...doc. jurid. sciences'. Bishkek: 2003.
12. Stetsenko S.G. Medical law. St. Petersburg: Law Center-Press, 2004.
13. Pirogov N.I. Collected works in 8 volumes. M.: Medicine. T.2. 1941.
14. Davydovsky I.V. Medical errors // Soviet medicine. 1941. №3.
25. Kanunnikova L.V., Frolov Ya.V., Frolova E.V. On the legal problems of medical error // Medical Law. Moscow, 2003, No. 3.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_652

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ В УИС: ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕГАТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ К УЧЕБЕ И ТРУДУ PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS OF RESOCIALIZATION IN THE PENITENTIARY SYSTEM: OVERCOMING NEGATIVE ATTITUDES TO STUDY AND WORK

АНАНЬЕВ Олег Геннадьевич,

старший преподаватель кафедры социальной психологии, социальной работы и пробации Академии ФСИН России.

390000, Россия, Рязанская обл., г. Рязань, ул. Сенная, 1.

E-mail: ananbev.oleg2013@yandex.ru;

АНАНЬЕВА Жанна Николаевна,

педагог-психолог ГБУ РО Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи

390000, Россия, Рязанская обл., г. Рязань, Ул. Соборная 8.

Email: zhane.ananjeva@yandex.ru

ANANYEV Oleg Gennadievich,

Senior Lecturer at the Department of Social Psychology, Social Work and Probation of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

Ryazan, Sennaya str., 1.

E-mail: ananbev.oleg2013@yandex.ru

ANANYEVA Zhanna Nikolaevna,

teacher-psychologist GBU RO Center for psychological, pedagogical, medical and social assistance.

390000, Russia, Ryazan region, Ryazan, Ul. Sobornaya 8.

Email: zhane.ananjeva@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается одна из ключевых проблем ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей — сформированное стойкое негативное отношение к учебной и трудовой деятельности. Авторы анализируют психологические истоки данного феномена, связывая его с предшествующим негативным опытом, деформацией ценностно-смысловой сферы и влиянием асоциального окружения. В работе обосновывается необходимость комплексного психолого-педагогического подхода, сочетающего диагностику, психокоррекцию и педагогическое воздействие. Предлагаются конкретные методы и технологии, направленные на трансформацию негативных установок, включая мотивационное интервьюирование, когнитивно-поведенческие техники, индивидуализацию обучения, проектную деятельность и систему позиционного подхода. Доказывается, что формирование позитивного отношения к учебе и труду является системообразующим фактором успешной реинтеграции несовершеннолетних в общество и профилактики рецидивной преступности.

Abstract: The article discusses one of the key problems in the resocialization of juvenile offenders, which is the formation of a persistent negative attitude towards educational and work activities. The authors analyze the psychological origins of this phenomenon, linking it to previous negative experiences, the deformation of the value-semantic sphere, and the influence of an antisocial environment. The article substantiates the need for a comprehensive psychological and pedagogical approach that combines diagnostics, psychocorrection, and pedagogical influence. The article proposes specific methods and technologies aimed at transforming negative attitudes, including motivational interviewing, cognitive-behavioral techniques, individualized learning, project activities, and a positional approach system. It demonstrates that fostering a positive attitude towards education and work is a crucial factor in the successful reintegration of minors into society and the prevention of recidivism.

Ключевые слова: ресоциализация, несовершеннолетние правонарушители, уголовно-исполнительная система, негативное отношение, учебно-трудовая деятельность, психолого-педагогическое сопровождение, мотивация, психокоррекция, индивидуальный образовательный маршрут, профилактика рецидива.

Keywords: resocialization, juvenile offenders, penal system, negative attitude, educational and labor activities, psychological and pedagogical support, motivation, psychocorrection, individual educational route, and relapse prevention.

Для цитирования: Ананьев О.Г., Ананьева Ж.Н. Психолого-педагогические аспекты ресоциализации в УИС: преодоление негативного отношения к учебе и труду // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 652-655. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_652.

For citation: Ananyev O.G., Ananyeva Zh.N. Psychological and pedagogical aspects of resocialization in the penitentiary system: overcoming negative attitudes to study and work // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 652-655. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_652.

Статья поступила в редакцию: 05.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Введение. Актуальность темы обусловлена устойчивой тенденцией в уголовной политике России, направленной на гуманизацию наказания для несовершеннолетних и приоритет их ресоциализации. В этом контексте учебная и трудовая деятельность выступают основными инструментами формирования социально одобряемых моделей поведения и успешной реинтеграции в общество. Однако у значительной части несовершеннолетних, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях или содержащихся в воспитательных колониях, наблюдается глубоко укорененное негативное или индифферентное отношение к учебе и труду. Это отношение становится серьезным барьером на пути их исправления, приводя к низкой успеваемости, уклонению от трудовой деятельности, саботажу воспитательных мероприятий и, в конечном счете, повышает риск рецидивной преступности после освобождения.

Психологический портрет несовершеннолетнего, вовлеченного в преступную деятельность, характеризуется рядом специфических черт, которые напрямую детерминируют его отношение к учебе и труду.

Целью исследования является комплексный анализ правовых основ и организация психолого-педагогического воздействия на несовершеннолетних правонарушителей в рамках ресоциализации по социальному восстановлению.

Методы. анализ действующих правовых норм, сравнительно правовой и формально-юридический методы воздействия на организацию работы с несовершеннолетними правонарушителями.

Стоит отметить, что формирование такого отношения к обучению и труду происходит в подростковой среде путем внедрения определенных течений, таких как кवादроберство и «поколение ни-ни». В данном случае они отрицают необходимость работы и учебы и приветствуют, так называемый «паразитический образ жизни». Особенности мотивационно-потребностной сферы несовершеннолетних отличаются выраженной гедонистической направленностью – стремлением к сиюминутному удовольствию и избеганию трудностей. Потребности в признании, самоутверждении и принадлежности реализуются не в социально одобряемой деятельности (учеба, спорт, творчество), а в рамках асоциальной референтной группы, где ценятся сила, ловкость, пренебрежение к нормам и риску. Это создает внутренний конфликт: одобряемое обществом (учеба) воспринимается как непрестижное и обесцененное, в то время как асоциальные модели поведения дают быстрый, хоть и деструктивный, способ получения социального статуса [1, с.270].

Когнитивные искажения являются устойчивой характеристикой мышления. Ключевым из них выступает внешний локус контроля, при котором подросток склонен приписывать причины своих успехов и неудач внешним обстоятельствам, а не собственным усилиям или ошибкам. Это тесно связано с негативным атрибутивным стилем: неудачи в учебе или труде интерпретируются как стабильные, неизменные и глобальные, что порождает выученную беспомощность и отказ от деятельности.

Низкая самооценка и несформированность волевой регуляции завершают данный портрет. Неудачи в социально значимых видах деятельности (учебе) ведут к заниженной самооценке, которая часто маскируется бравадой и демонстративным пренебрежением. Неспособность к волевому усилию, постановке и достижению отдаленных целей делает учебный и трудовой процесс, требующий систематичности и терпения, психологически невозможным. Подросток выбирает стратегию избегания трудностей, а не их преодоления.

Школьная дезадаптация и негативный опыт обучения являются отправной точкой. Еще до совершения правонарушения большинство таких подростков имеют длительную историю академических неудач, обусловленных как педагогической запущенностью, так и психологическими проблемами. Ситуации буллинга, как в роли жертвы, так и агрессора, хронические конфликты с учителями, ощущение несправедливости и собственной несостоятельности формируют стойкую связь между школой и негативными эмоциями. В результате школа и все, что с ней связано, становится мощным негативным стимулом, которого стремятся избежать.

Влияние ближайшего окружения закрепляет этот негативный опыт. Во многих семьях, где присутствуют социальное неблагополучие, алкоголизация или просто низкий образовательный и культурный уровень, ценность образования и квалифицированного труда не является приоритетной. В такой среде труд может ассоциироваться лишь с низкооплачиваемой, непрестижной и тяжелой работой, а учеба – с бессмысленной тратой времени. Референтом становятся сверстники или старшие товарищи, демонстрирующие асоциальные, но, с точки зрения подростка, «успешные» модели поведения, основанные на легком заработке и силе [2, с.669].

Деформация ценностно-смысловой сферы является закономерным итогом этого пути. В системе личностных смыслов подростка труд и учеба воспринимаются не как ресурс для развития и самореализации, а исключительно как форма принуждения, навязанная обществом, государством или воспитательным учреждением. Эта деятельность лишена для него личностного смысла и перспективы. В условиях исполнения наказания это восприятие лишь усиливается: учебные занятия и работы часто носят обязательный, формализованный характер, что только подтверждает изначальную установку подростка и блокирует возможность увидеть в них инструмент для изменения собственной жизни к лучшему.

Таким образом, негативное отношение к учебе и труду представляет собой не случайную черту, а системное образование, сформированное под влиянием личностных деформаций и негативного социального опыта, что требует для его преодоления столь же системного психолого-педагогического вмешательства.

Преодоление стойкого негативного отношения к учебе и труду требует не эпизодических воздействий, а целостной, последовательной системы психолого-педагогического сопровождения. Данная система реализуется в несколько взаимосвязанных этапов и направлений.

Первый (диагностический) этап направлен не на констатацию факта негативизма, а на выявление его глубинных, индивидуальных причин и ресурсов подростка для построения на их основе коррекционной программы. Ключевым методом здесь выступает глубинное полуструктурированное интервью, которое позволяет установить доверительный контакт и понять личный смысл, который подросток вкладывает в понятия «учеба» и «труд». Для минимизации социально желательных ответов эффективно применение проективных методик, которые помогают выявить неосознаваемые страхи, конфликты и установки. Обязательным элементом является тщательный анализ личного дела и материалов учетно-профилактической карты, который предоставляет объективные данные об истории школьной дезадаптации, семейной ситуации и особенностях противоправного поведения.

Второй этап или психокоррекционное направление нацелено на трансформацию деструктивных психологических установок и формирование новой, просоциальной мотивационной системы [3, с. 220].

В рамках когнитивно-поведенческого подхода ведется целенаправленная работа по выявлению и реструктуризации иррациональных убеждений, лежащих в основе отказа от учебы и труда. Например, установка «Учеба — это бесполезно» оспаривается через анализ конкретных профессий и их требований к образованию. Установка «Честным трудом не заработать» исследуется путем сравнения краткосрочных и долгосрочных последствий асоциального и легального заработка, поиска примеров успешных людей из схожих социальных сред. Техника «Когнитивное переструктурирование» помогает подростку самостоятельно находить доказательства несостоятельности своих автоматических мыслей и формировать более адаптивные убеждения.

Мотивационное интервьюирование, основано на принципах эмпатии и сотрудничества, является наиболее эффективным для работы с сопротивлением. Психолог не убеждает и не наставляет, а помогает подростку самому осознать диссонанс между его текущим положением и желаемым будущим (свобода, материальный достаток, уважение). Через открытые вопросы, рефлексивное слушание и подведение итогов, специалист стимулирует «разговор об изменении», усиливая внутреннюю амбивалентность подростка и его собственную готовность к изменениям.

Тренинги личностного роста. Данная форма групповой работы решает задачу формирования конкретных навыков, дефицит которых мешает успешной учебной и трудовой деятельности.

Педагогическое направление нацелено на трансформацию самого процесса обучения и труда, делая его лично значимым, доступным и практически ориентированным для несовершеннолетнего.

Индивидуализация обучения является основополагающим принципом, признающим, что стандартные образовательные программы для данной категории подростков неэффективны. Ее реализация включает:

1. Разработку индивидуальных образовательных маршрутов (ИОМ), которые создаются на основе данных диагностического этапа. ИОМ учитывает не только актуальный уровень знаний, но и психофизические особенности, темп работы, интересы и профессиональные склонности подростка. Это позволяет ликвидировать ключевые пробелы в знаниях и двигаться вперед в комфортном для учащегося ритме, минимизируя ситуацию неудачи [4].

2. Использование адаптивных программ и учет пробелов в знаниях. Преподавание строится от простого к сложному, с постоянным возвратом к плохо усвоенным темам. Применяются специально адаптированные учебные материалы, опорные конспекты, алгоритмы действий, которые снижают тревожность и создают «ситуацию достижимости» результата.

3. Активные и интерактивные методы обучения призваны преодолеть пассивность и скуку на занятии, превратив подростка из объекта обучения в его активного субъекта.

4. Проектная деятельность, в рамках которой подростки не просто получают знания, а создают реальный, осязаемый продукт (например, сборка мебельного изделия в столярной мастерской, создание простого веб-сайта, разработка макета благоустройства территории, постановка спектакля). Это формирует ответственность за результат, позволяет увидеть практическое применение теоретических знаний и развивает навыки командной работы.

5. Деловые и ролевые игры, кейс-методы моделируют реальные жизненные и профессиональные ситуации (например, «Собеседование на работу», «Разрешение конфликта в бригаде», «Планирование семейного бюджета»). Это способствует развитию коммуникативных навыков, критического мышления и умения применять знания на практике в безопасной обстановке.

6. Использование гаджетов и цифровых образовательных платформ (там, где это разрешено режимом) является мощным мотивационным инструментом. Интерактивные задания, образовательные приложения, симуляторы и онлайн-курсы соответствуют цифровым привычкам современной молодежи и могут сделать процесс обучения более engaging и современным.

7. Связь обучения с практикой направлена на разрушение стереотипа об оторванности знаний от реальной жизни.

8. Организация профессиональных проб в наиболее востребованных и доступных сферах (столярное и слесарное дело, IT-грамотность, сельское хозяйство, швейное дело, кулинария) позволяет подростку «примерить» на себя профессию, получить первые практические навыки и оценить свои способности. Это помогает сформировать более осознанный и ответственный подход к выбору будущего профессионального пути.

9. Привлечение успешных представителей профессий (желательно из числа бывших осужденных или людей, преодолевших трудные жизненные обстоятельства) для проведения мастер-классов и бесед. Такие «живые» примеры обладают высокой степенью убедительности и доказывают подросткам, что изменение жизненной траектории через честный труд – возможно [4].

Организационно-воспитательное направление предполагает создание в учреждении особой воспитательной среды, которая системно поддерживала бы позитивные изменения в личности подростка. Например, в данном контексте система позиционного подхода (А.С. Макаренко) предполагает целенаправленное создание ситуаций успеха и закрепление за подростком позитивных социальных ролей. Поручая ему ответственные задания, педагоги выводят его из роли «отвергаемого нарушителя». Через выполнение значимой деятельности у подростка формируется новое, позитивное самовосприятие, развивается чувство ответственности за общее дело и укрепляется вера в свои силы.

Развитие наставничества расширяет круг позитивного общения подростка. Привлечение волонтеров, студентов-психологов и педагогов, а главное – успешно социализировавшихся бывших осужденных, создает канал для получения неформальной поддержки, жизненного опыта и альтернативных моделей поведения. Наставник становится «мостиком» в большой мир, демонстрируя реальные примеры законопослушной и успешной жизни, оказывая помощь в решении личных и учебных проблем.

Поощрительная система является механизмом закрепления желательного поведения. Внедрение балльной системы (рейтинга), где за учебные и трудовые достижения, активность, соблюдение дисциплины начисляются баллы, которые можно обменять на определенные льготы, делает прогресс осязаемым и мотивирующим. Публичное награждение грамотами, благодарственными письмами, возможность получить дополнительное образование (например, на курсах) за успехи формируют социально одобряемый статус и показывают прямую связь между усилием и результатом.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что проблема негативного отношения несовершеннолетних правонарушителей к учебе и труду носит комплексный, многофакторный характер. Ее истоки лежат в области деформации мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сфер личности, сформировавшихся под влиянием негативного социального опыта и асоциального окружения [5, с. 229].

Охарактеризовывается необходимость перехода от традиционных, зачастую формальных подходов к организации учебно-трудовой деятельности к целостной системе психолого-педагогического сопровождения. Ключевым элементом предложенной модели является ее комплексность, объединяющая три основных направления: диагностическое для выявления глубинных причин и индивидуальных особенностей, психокоррекционное, предполагающую трансформацию иррациональных установок и формирование внутренней мотивации с помощью методов когнитивно-поведенческой терапии и мотивационного интервьюирования, а также педагогическое, обозначающую внедрение активных методов обучения, проектной деятельности, индивидуализации образования и связи обучения с практикой.

Эффективность реализованных мер должна оцениваться не только по количественным показателям (успеваемость, участие в труде), но и, что более важно, по качественным изменениям: появлению осознанных профессиональных планов, развитию навыков саморегуляции и формированию устойчивой веры в возможность социальной реализации через законопослушную деятельность.

Таким образом, целенаправленная работа по преодолению негативного отношения к учебе и труду является не вспомогательной, а центральной задачей ресоциализации, непосредственным образом влияющей на снижение рецидивной преступности и способствующей построению безопасного и социально здорового общества. [6, с.315]

Перспективы дальнейших исследований видятся в апробации и валидации предложенной модели на практике, а также в разработке цифровых инструментов и программ дистанционного образования, адаптированных для использования в условиях учреждений уголовно-исполнительной системы.

Список литературы:

1. Ананьев О.Г., Ананьева Е.О. Службы пробации - как модель эффективной помощи лицам, лишенным свободы, в социальном восстановлении // Евразийский юридический журнал. 2023. № 1 (176). С. 270-272.
2. Ананьев О.Г. Пробация как социокультурный проект в системе исполнения уголовных наказаний // В книге: Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития. Сборник материалов V Всероссийского симпозиума (с международным участием), посвященного 145-летию уголовно-исполнительной системы и 90-летию Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. Рязань, 2024. С.668-673.
3. Ананьев О.Г., Ананьева Е.О. Оказание помощи в социальном восстановлении: к вопросу об организации пробации в России // Аграрное и земельное право. 2023. № 12 (228). С. 219-221.
4. Котова С.А., Цветков В.В. Технология проектирования индивидуального образовательного маршрута. - [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-proektirovaniya-individualnogo-obrazovatelno-marshruta/viewer> (дата обращения 04.12.2025).
5. Ананьев О.Г., Ананьева Ж.Н. Содействие правовому воспитанию осужденных, как одному из средств социального восстановления по законодательству о пробации // Аграрное и земельное право. 2024. № 6 (234). С. 228-230.
6. Ананьев О.Г., Ананьева Ж.Н., Ананьева Е.О. Проблемы ресоциализации несовершеннолетних в исправительных учреждениях // Евразийский юридический журнал. 2022. № 8 (171). С. 313-315.

References:

1. Ananyev O.G., Ananyeva E.O. Probation Services as a Model of Effective Assistance to Persons Deprived of Liberty in Social Rehabilitation // Eurasian Law Journal. 2023. No. 1 (176). Pp. 270-272.
2. Ananyev O.G. Probation as a Sociocultural Project in the System of Criminal Punishment // In the book: Psychology of the 21st Century: Challenges, Searches, and Development Vectors. Collection of materials of the V All-Russian Symposium (with international participation), dedicated to the 145th anniversary of the penal system and the 90th anniversary of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service. Ryazan, 2024. P.668-673.
3. Ananyev O.G., Ananyeva E.O. Assistance in social rehabilitation: on the issue of probation organization in Russia // Agrarian and land law. 2023. No. 12 (228). Pp. 219-221.
4. Ananyev O.G., Ananyeva Zh.N. Promoting Legal Education of Convicts as a Means of Social Rehabilitation under the Probation Law // Agrarian and Land Law. 2024. No. 6 (234). Pp. 228-230.
5. Ananyev O.G., Ananyeva Zh.N., Ananyeva E.O. Problems of Resocialization of Minors in Correctional Institutions // Eurasian Law Journal. 2022. No. 8 (171). Pp. 313-315.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_656

УДК 340.1

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В УГОЛОВНОМ И ДРУГИХ ФОРМАХ СУДОПРОИЗВОДСТВА THE PRACTICE OF USING ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT IN CRIMINAL PROCEEDINGS AND OTHER FORMS OF LEGAL PROCEEDINGS

АРЖАДЕЕВА Кристина Игоревна

Аспирант заочной формы обучения, кафедры уголовного процесса и криминалистики.

Санкт – Петербургский юридический институт, филиал Университета прокуратуры РФ.

Россия, 191014, Санкт – Петербург, Литейный пр., д.44.

E-mail: Kristina.arzhadeeva@mail.ru,

ARZHADEEVA Kristina Igorevna

Postgraduate student department of criminal procedure and criminalistics.

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Russia, 191014, St. Petersburg, Liteyny Prospekt, 44.

E-mail: Kristina.arzhadeeva@mail.ru

Краткая аннотация: статья представляет собой комплексный анализ развития цифровой трансформации публичных правоотношений в контексте имплементации электронного документооборота в отечественную судебную систему. Основное внимание уделяется исследованию электронного документооборота как системообразующего элемента формирующейся модели электронного правосудия. Рассматриваются правовые основы, технические возможности и практические преимущества внедрения цифровых технологий в процесс ведения судебных дел. Выделены проблемы и перспективы внедрения электронного документооборота в уголовном и других видах судопроизводства. Особое внимание уделяется анализу нормативной базы, регулирующей электронный документооборот, и практическим трудностям, с которыми сталкиваются суды при переходе на цифровую форму работы. Отмечено положительное влияние цифровизации на оперативность и прозрачность судебных процедур, снижая риски потери или фальсификации документов. В статье также обсуждаются перспективы дальнейшего развития цифровых технологий в судебной системе. Статья будет полезна для юристов, специалистов в области информационных технологий и всех, кто интересуется современной модернизацией судопроизводства.

Abstract: The article provides a comprehensive analysis of the development of digital transformation of public legal relations in the context of the implementation of electronic document management in the domestic judicial system. The main focus is on the study of electronic document management as a key element of the emerging model of electronic justice. The legal bases, technical possibilities and practical advantages of introducing digital technologies into the process of conducting court cases are considered. The problems and prospects of introducing electronic document management in criminal and other types of legal proceedings are highlighted. Particular attention is paid to the analysis of the regulatory framework governing electronic document management and the practical difficulties faced by courts in the transition to a digital form of work. The positive impact of digitalization on the efficiency and transparency of judicial procedures was noted, reducing the risks of loss or falsification of documents. The article also discusses the prospects for further development of digital technologies in the judicial system. The article will be useful for lawyers, information technology specialists, and anyone interested in modernizing legal proceedings.

Ключевые слова: электронное правосудие, электронный документооборот, информационные технологии, судебная система.

Keywords: electronic justice, electronic document management, information technology, judicial system.

Для цитирования: Аржадеева К.И. К вопросу об использовании электронного документооборота в уголовном и других формах судопроизводства // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 656-661. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_656.

For citation: Arzhadeeva K.I. The practice of using electronic document management in criminal proceedings and other forms of legal proceedings // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 656-661. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_656.

Статья поступила в редакцию: 31.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Процесс цифровизации в современном мире охватывает большинство государств и сфер человеческой деятельности. При этом, каждая страна самостоятельно определяет приоритетные направления цифрового развития. В настоящей статье рассматриваются особенности применения электронного документооборота в уголовном судопроизводстве и иных формах судопроизводства.

Активное развитие информационно-телекоммуникационных технологий не обошло стороной судебную систему в Российской Федерации, которая последовательно интегрирует мировые стандарты цифровизации. Интенсификация использования сети «Интернет» и рост объемов информации объективно обусловили необходимость ее оперативной обработки при минимальных временных затратах.

Принятие стратегического курса на цифровизацию судебной системы России связывается с утвержденной 7 февраля 2008 года федеральной программой «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации». Данный документ сыграл роль системообразующего акта, впервые на высшем уровне закрепив не только цели и направления деятельности органов государственной власти в данной сфере, но и принципы их взаимодействия с иными институтами, что задавало нормативный вектор для последующей автоматизации судопроизводства.

До 90-х годов XX столетия вопросы разрешения споров или использования коммуникативных средств в правосудии в сети «Интернет» не возникали ввиду отсутствия соответствующей технической базы. Последующий период характеризовался активным освоением сети научным сообществом, университетскими центрами, политическими партиями, правоохранительными органами и судебским сообществом [1].

Став доминирующим инструментом информационного взаимодействия, интернет и компьютерные технологии трансформировали сами основы документооборота, что неминуемо потребовало его правовой регламентации в новых условиях. В результате, судебная система столкнулась с фундаментальной необходимостью пересмотреть устоявшиеся процессуальные процедуры, чтобы интегрировать в них электронный документооборот. Однако создание целостного правового режима для электронного документооборота остается незавершенной задачей, о

чем свидетельствует перманентный процесс корректировки межотраслевого законодательства, пытающегося угнаться за стремительными изменениями в цифровой сфере.

«Электронное правосудие» начало применяться одновременно в нескольких странах, а именно в Японии, Китае и Соединенных Штатах Америки (далее – США) в середине 90-х годов прошлого столетия [2, с. 14]. Использование электронных ресурсов в отправлении правосудия в целом и электронного документооборота в частности, существенно ускоряет судопроизводство, снижает нагрузку на судебный аппарат, повышает активность судебной системы и облегчает доступ граждан к правосудию. Трансформация правовой реальности обусловила становление электронного правосудия в качестве полноценного института, функциональная архитектура которого базируется на трех взаимосвязанных элементах: цифровом документообороте, электронной коммуникации и кибернетической форме судопроизводства.

Поскольку электронный документооборот выполняет системообразующую функцию в архитектуре электронного правосудия, выступая ключевым технологическим базисом процессуальных коммуникаций, позитивный зарубежный опыт приобретает высокую эвристическую ценность. Его критический анализ и адаптация к особенностям национальной правовой системы представляются ключевым условием для успешной имплементации данной технологии в отечественную судебную практику.

В качестве успешного примера можно привести опыт использования электронного правосудия республики Казахстан. Ключевым элементом государственной стратегии Республики Казахстан, известной как «Цифровой Казахстан», является целенаправленная трансформация судебного делопроизводства, предполагающая его полный переход в цифровой формат. Целью программы является ускорение темпов развития экономики и улучшение качества жизни населения за счет использования цифровых технологий, цифровизация внутренней деятельности государственных органов, подготовка цифровой грамотности населения. Одним из ключевых направлений реализации программы является «переход к цифровому государству» то есть трансформация функций государства в инфраструктуру предоставления услуг населению и бизнесу, предвосхищая его потребности [3]. Знаковым достижением цифровой трансформации судебной системы Казахстана стало внедрение в 2014 году специализированного сервиса «Судебный кабинет». Данная платформа не просто предоставляет техническую возможность дистанционной подачи исков и обращений, а фактически выступает ключевым инфраструктурным элементом новой модели правосудия, консолидируя более 50 видов процессуальных действий в электронной форме. Важно подчеркнуть, что развитие сервиса привело к качественному изменению организации всего судопроизводства: на сегодняшний день суды Республики Казахстан осуществляют практически повсеместный переход на ведение дел в безбумажном формате, что свидетельствует о системном характере проводимых реформ. Автоматизация затрагивает и фиксацию хода судебного заседания с использованием технических средств без последующего распечатывания на бумаге. Важным инструментом повышения управляемости судебной системы стала информационно-аналитическая платформа «Төрелік». Ее ключевая задача — автоматизация мониторинга процессуальных сроков — позволяет перейти от реактивного к проактивному управлению судебным делопроизводством, предотвращая нарушения и оптимизируя рабочие процессы. В Национальном плане развития Республики Казахстан до 2025 года [4] обозначена возможность внедрения инструментов анализа данных (bi data) для повышения качества правосудия.

В результате последовательной цифровизации казахстанская модель правосудия демонстрирует качественную трансформацию, ключевыми проявлениями которой выступают: снижение пространственных и временных барьеров для доступа к правосудию, формирование объективно контролируемой и открытой процедуры, а также существенная оптимизация ресурсных затрат на отправление правосудия.

Анализ текущей практики применения электронного документооборота в российской судебной системе позволяет выявить формирование многоуровневой модели, основанной на дифференцированном подходе к цифровизации различных видов судопроизводства. Одним из приоритетных направлений совершенствования судебной системы в России является обеспечение доступности и открытости правосудия, в том числе посредством использования электронных документов в судопроизводстве.

По мнению Романенковой С.В.: «электронное правосудие рассматривается как совокупность различных автоматизированных информационных систем–сервисов, предоставляющих средства для публикации судебных актов, ведения «электронного дела» и доступа сторон к материалам «электронного дела» [5, с. 26-31]. Нормативное понятие «электронного правосудия» закреплено в Приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26.11.2015 № 362 «Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента» под которым понимают способ и форму осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде [6].

Понятие электронного документа закреплено в статье 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об организации, информационных технологиях и о защите информации» [7].

Электронный документооборот применяется в различных видах судопроизводства: арбитражное, гражданское, уголовное и административное. Однако его применение имеет свою специфику в зависимости от типа процесса.

Законодательное закрепление в части 1 статьи 41 АПК РФ цифрового формата документооборота создает технологический базис для развития системы электронного правосудия, предоставляя участникам арбитражного процесса право на использование электронных документов и онлайн-форм судебных порталов.

Указанное право закреплено в Федеральном законе «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» от 23.06.2016 № 220-ФЗ. Порядок подачи в Верхов-

ный Суд Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, утверждённый приказом Председателя Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 46-П, Приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 252 «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа», Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ № 17 от 2 февраля 2017 года «Об утверждении Правил использования усиленной квалифицированной электронной подписи в федеральных судах общей юрисдикции, федеральных арбитражных судах».

Таким образом, опыт арбитражных судов демонстрирует роль экспериментальной площадки для апробации цифровых процессуальных технологий, где впервые была успешно внедрена полноценная система электронного документооборота - от подачи искового заявления до получения судебных актов.

Цифровая трансформация арбитражного процесса реализована через создание специализированного сервиса «Мой арбитр», представляющего собой технологическую платформу для подачи исковых заявлений в полностью электронном формате. Ключевым процессуальным условием данной процедуры является использование усиленной квалифицированной электронной подписи, что придает электронному обращению юридическую силу, равнозначную традиционному документу. После обработки заявления все последующие взаимодействия, включая уведомление о регистрации и принятии дела к производству, осуществляются через личный кабинет пользователя. Таким образом, законодатель реализует принцип процессуальной экономии, полностью исключая необходимость личного присутствия заявителя в суде на стадии подачи иска и получения первичных процессуальных документов. Важно подчеркнуть, что данная модель не только меняет форму взаимодействия, но и квалификацию представленных материалов: все документы, приложенные к иску в электронной форме, наделяются статусом письменных доказательств.

Арбитражные суды реализуют комплексный подход к цифровизации процессуальных коммуникаций, выходящий за рамки электронной подачи документов. Важнейшим элементом данной системы выступает институт электронного извещения, обеспечивающий информирование сторон через официальные интернет-ресурсы с соблюдением 15-дневного процессуального срока (ст. 121 АПК РФ). Таким образом, формируется единое информационное пространство арбитражного процесса, обеспечивающее гарантированное и документально подтвержденное доведение процессуальной информации до всех участников судопроизводства.

Альтернативой для судов общей юрисдикции выступает государственная автоматизированная система «Правосудие», технически обеспечивающая возможность подачи процессуальных документов в электронной форме. Однако проведенный сравнительный анализ выявляет существенное отставание уровня внедрения электронного документооборота в данной системе от показателей арбитражных судов. Представляется, что данная диспропорция детерминирована комплексом факторов, среди которых ключевыми являются: недостаточный уровень технологической инфраструктуры, а также принципиально более сложная, гетерогенная природа рассматриваемых категорий дел, требующая нестандартизированных процессуальных решений. Приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11 декабря 2023 № 265 утвержден порядок подачи документов в электронном виде в федеральные суды общей юрисдикции, разработанный в соответствии с положениями Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ), Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ) и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ).

Сопоставительный анализ части 1.1 статьи 3 ГПК РФ и части 2 статьи 45 КАС РФ позволяет выявить унифицированный подход законодателя к регулированию электронного документооборота, предусматривающий альтернативность выбора формы подачи процессуальных документов.

В целях обеспечения доступности правовой защиты часть 3.1 статьи 30.2 КоАП РФ предусматривает упрощенную процедуру электронного обжалования постановлений по делам об административных правонарушениях, зафиксированных техническими средствами, допуская использование как квалифицированной, так и простой электронной подписи.

Норма статьи 113 ГПК РФ институционализирует модель электронного извещения участников процесса, предусматривающую публикацию соответствующей информации в сети «Интернет» в качестве исключительного способа уведомления. В рамках данной процессуальной модели применяется дистанционная коммуникация через инфраструктуру портала «Госуслуги» или системы электронного документооборота с использованием механизмов межведомственного электронного взаимодействия. Законодатель устанавливает императивные временные рамки для обеспечения права на справедливое судебное разбирательство: размещение информации о принятии заявления к производству, времени и месте судебного заседания должно осуществляться не позднее 15 дней до его начала, а по делам с сокращенными сроками — не позднее 3 дней. Статья 96 КАС РФ также предусматривает возможность извещения посредством SMS-сообщений при наличии согласия участника процесса, подтвержденного распиской.

Некоторые существенные изменения произошли и в уголовном судопроизводстве в связи с необходимостью взаимодействия должностных лиц и государственных органов с участниками процесса в цифровой среде. Декабрьские новации 2023 года в УПК РФ сформировали фрагментарную правовую платформу для имплементации электронного документооборота в уголовное судопроизводство, оставив вне правового поля существенные аспекты его процессуальной реализации.

Норма статьи 474.1 УПК РФ устанавливает легитимность электронной формы обращения участников уголовного судопроизводства в судебные инстанции. В соответствии с диспозицией указанной нормы, ходатайства, заявления, жалобы и представления, за исключением содержащих сведения, отнесенные к охраняемым законом тайнам, при наличии соответствующей технической инфраструктуры могут быть поданы в форме электронного документа, аутентифицированного усиленной квалифицированной электронной подписью, если УПК РФ не предусматрива-

ет специальных ограничений. Процедурный механизм реализации данного правомочия предполагает использование единого портала государственных и муниципальных услуг либо специализированной информационной системы, определяемой Судебным департаментом. Существенно, что сопутствующие материалы подлежат подаче в аналогичном электронном формате с обязательным использованием электронной подписи, что обеспечивает целостность и аутентичность представляемого комплекса документов.

Акцент в статье сделан на предоставлении только ходатайств, заявлений, жалоб и только в суд, однако закреплена также возможность представлять в суд письменные доказательства в виде электронного документа, подписанного электронной подписью. Такая возможность исходит из положений данной статьи, где говорится, что материалы, приложенные к ходатайству, заявлению, жалобе, представлению, также подаются в форме электронных документов [8, с. 92-95].

Пункт 6 статьи 474.1 УПК РФ имплементирует в уголовное судопроизводство институт электронного извещения, устанавливая правовой механизм уведомления участников процесса посредством инфраструктуры портала «Госуслуги» или системы электронного документооборота, что формирует технологическую основу для реализации принципа процессуальной экономии. Извещение по электронной почте допускается только с согласия участника, подтвержденного распиской.

Таким образом, извещение участников процесса в судах общей юрисдикции возможно по нескольким каналам: SMS-сообщения, электронная почта и портал «Госуслуги».

Посредством СМС-сообщений участники судопроизводства могут быть извещены о месте, дате и времени судебного заседания или совершения отдельных процессуальных действий в рамках гражданского, уголовного и административного судопроизводства. Извещение посредством СМС-сообщения осуществляется только с согласия участника судопроизводства, то есть на добровольной основе. Факт согласия на получение СМС-извещения подтверждается распиской, в которой наряду с данными об участнике судопроизводства и его согласием на уведомление подобным способом указывается номер мобильного телефона. Суд в обязательном порядке обеспечивает фиксацию фактов отправки и доставки адресату СМС-извещения. Указанное право изложено в Приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25.12.2013 № 257 (ред. от 27.08.2019) «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений». Согласно пункту 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» лица, участвующие в деле, участники уголовного судопроизводства с их согласия могут извещаться судом о времени и месте судебного заседания путем направления им извещений или вызовов по электронной почте (часть 1 статьи 96 КАС РФ, часть 4 статьи 1 ГПК РФ, часть 5 статьи 3 АПК РФ).

Согласие на извещение по электронной почте может быть выражено, в частности, посредством указания адреса электронной почты в тексте обращения в суд, а также при подаче обращения в суд в электронном виде посредством заполнения соответствующей формы, размещенной на официальном сайте суда в сети «Интернет».

Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 19.08.2024 № 193 внесены изменения в Инструкцию по судебному делопроизводству в районном суде, предусматривающие возможность направления участникам процесса судебных извещений и актов в электронном виде через портал «Госуслуги».

Проведенный сравнительный анализ позволяет выявить как универсальные, так и отраслевые особенности модели электронной подачи документов в арбитражном и уголовном судопроизводстве. К числу системных черт, единых для обоих видов процесса, относятся: использование специальных цифровых платформ («Мой арбитр» и ГАС «Правосудие»), обязательное применение электронной подписи для легитимации волеизъявления участников процесса, а также автоматизированный характер регистрации поступающей корреспонденции. Различие заключается в типе требуемой электронной подписи: в арбитражном процессе необходима усиленная квалифицированная электронная подпись.

К положительным аспектам цифровизации следует отнести интеграцию судебных систем с информационными системами государственных органов. Нормативное закрепление и техническое обеспечение межведомственного электронного взаимодействия позволяет снизить затраты на использование бумажных документов, ускорить получение информации по судебным запросам, сократить сроки рассмотрения дел, оптимизировать использование административных ресурсов и упростить доступ граждан к материалам дела.

В судебной практике имеются примеры успешного применения электронного документооборота и электронной подписи.

К примеру, в деле № А40-98803/19-34-802 Арбитражного суда г. Москва истец в лице ООО «Товарно-логистическая компания «Исток», расположенная в г. Н. Новгород предъявил иски к ответчику в лице ООО «РТС», расположенному в г. Москва о взыскании необоснованного обогащения. Истец утверждал о том, что произвел ошибочную оплату по договору оказания услуги по сертификации и что договорные отношения между юридическими лицами отсутствуют, следовательно не возникают финансовые обязательства по оплате. При этом доказательств того, что денежные средства за оплату выполненных работ были перечислены ошибочно, истец не представил. В ходе судебного разбирательства установлено, что услуга по сертификации ответчиком была оказана, сертификат пересылался через систему электронного документооборота Synerdocs, а скан сертификата с электронной цифровой подписью на электронную почту истца.

Таким образом, суд признал, что услуга была оказана, основываясь на электронных документах и отказал в иске о необоснованном обогащении.

Однако наряду с преимуществами существуют и проблемы, связанные с недостаточной развитостью нормативной базы и наличием пробелов в законодательстве, что затрудняет полноценное использование электронных документов, особенно на стадиях подачи и обмена про-

цессуальными материалами. Например, факультативный характер электронной подачи документов и сохранение требования к представлению бумажных копий создают противоречивую основу для перехода на электронный документооборот. Некоторые нормы ГПК РФ предусматривают возможность изготовления документов в электронной форме, но не в императивном порядке. Так, по просьбе сторон судебный приказ может быть выдан в электронной форме, при этом допускается его изготовление и на бумажном носителе.

На мой взгляд, указанное препятствует активному развитию электронного документооборота в судах, не предоставляя возможности полного перехода на него. В результате, суды продолжают вынуждено использовать бумажные носители, поскольку сталкиваются с сопротивлением со стороны уже существующих норм и пробелов в действующем законодательстве.

Исходя из вышесказанного, полагаю, что препятствия, описанные выше, возможно устранить с помощью обычных способов устранения коллизий и пробелов в праве, а именно путем проведения анализа и изменения действующих норм права, затрагивающих регулирование электронного документооборота, отмены противоречащих друг другу норм, а в случае необходимости издания новых.

Наиболее острой в контексте уголовного судопроизводства остается проблема обеспечения информационной безопасности электронного документооборота. Создание надежной системы защиты требует реализации многоуровневой модели, интегрирующей организационные регламенты, технические средства и современные криптографические решения. Ключевыми элементами такой модели выступают усиленная квалифицированная электронная подпись, сертифицированные аппаратно-программные комплексы, а также перспективные технологии распределенного реестра (блокчейн) и квантовой криптографии. Принципиально важно, что только такой комплексный подход способен обеспечить необходимый уровень защиты процессуальной информации, отвечающий особой социальной значимости уголовного судопроизводства.

Из вышеизложенного вытекает подпроблема, заключающаяся в сложности получения электронной подписи для широкого круга населения, не являющихся профессиональными юристами, которые не используют повседневно электронную подпись в своей деятельности. Дорогостоящее оформление и необходимость периодического переоформления (каждые 12 месяцев), а также недостаточная оснащенность удаленных населенных пунктов пунктами выдачи ЭЦП создают дополнительные барьеры. Представляется необходимым упростить доступ к ресурсам, предоставляющим право использования электронного документооборота, сделав его более доступным для граждан.

Особую актуальность приобретает проблема процессуального статуса электронных доказательств. Доктринальная неопределенность и фрагментарность правового регулирования порождают на практике системные коллизии при их признании и судебной оценке, что находит отражение в противоречивой судебной практике. В этой связи представляется необходимым формирование комплексного законодательного подхода, предусматривающего разработку единых критериев допустимости, стандартов фиксации и методик процессуальной верификации цифровых доказательств.

Как отмечалось, Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ предоставил участникам уголовного судопроизводства возможность направлять в суд документы в электронном виде. Однако детальный анализ статьи 474.1 УПК РФ показывает, что ее введение лишь частично решило проблему электронных доказательств. Во-первых, на законодательном уровне отсутствует определение электронного доказательства, не уточняется, чем именно оно является: цифровой информацией или физическим носителем. Во-вторых, не решен вопрос оценки электронных доказательств (проверка подлинности, возможность технических искажений, способ происхождения).

Проведенный анализ убедительно доказывает необходимость законодательного закрепления электронных доказательств в качестве самостоятельного вида. Эта мера представляется объективно обусловленной, учитывая, что в современной следственной и судебной практике именно электронные данные зачастую составляют основу доказывания по целому ряду категорий уголовных дел. Легитимация нового вида доказательств должна сопровождаться разработкой комплексной процедуры, регламентирующей все стадии работы с цифровой информацией — от обнаружения и процессуальной фиксации до систем хранения и критериев оценки. Параллельно требуется создание нормативной базы, устанавливающей методики верификации целостности и достоверности таких доказательств.

Обозначенные проблемные аспекты правоприменения, безусловно, не исчерпывают всей сложности рассматриваемой темы. Дальнейшая научная проработка вопросов цифровизации требует междисциплинарного подхода, сочетающего совершенствование законодательных конструкций с развитием технических стандартов. Приоритетной задачей в этом контексте является создание надежных механизмов, исключающих несанкционированное распространение конфиденциальной информации, включая персональные данные участников судопроизводства.

Сравнивая практику использования электронного документооборота в арбитражных судах и судах общей юрисдикции, безусловно, лидером является арбитражное судопроизводство.

В 2024 году использование электронного документооборота в судах на территории РФ продолжает демонстрировать значительный рост. По данным за 2024 год, через сервис ГАС «Правосудие» было подано 11 миллиардов документов [9].

Доля онлайн-подачи документов в арбитражные суды составила 74% от общего объема. За 11 месяцев 2023 года в судах общей юрисдикции было подано около 5,5 млн документов в электронном виде, из которых 4,7 млн — через модуль «Электронное правосудие». Региональные лидеры по онлайн-подаче документов в арбитражные суды в 2023 году: Московская область — 92,8%, Тверская — 90,2 %, Республика Башкортостан — 88,6 %, Челябинская область — 86,9 %, Ханты-Мансийский автономный округ — 85,4 % [10].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что электронный документооборот в судебной системе России продолжает развиваться, обеспечивая удобство, скорость и экономическую эффективность для участников процесса. Изменения, внесенные в Арбитражный процессуальный кодекс РФ, стали катализатором для разработки аналогичных норм для судов общей юрисдикции.

На мой взгляд, для эффективного внедрения электронного документооборота в судебное производство необходимо разработать на

законодательном уровне единый закон, детально регулирующий статус критерии достоверности электронного документооборота, средства технической защиты информации, последовательное устранение практики двойного документооборота и расширения технической базы.

Таким образом, законодательное регулирование электронного документооборота в судах активно развивается, электронные документы признаются допустимыми и равнозначными бумажным, однако для устранения существующих проблем требуются целенаправленные усилия. В перспективе развития уголовного судопроизводства целесообразно рассмотреть модель электронного уголовного дела и возможности интеграции технологий искусственного интеллекта для повышения эффективности и прозрачности уголовного процесса.

Список литературы:

1. Rabinovich – Einy O, Katsh E. Lessons from online Dispute Resolution for Dispute Systems Design. – URL : https://mediate.com/pdf/rabinovitch_katsh.pdf (дата обращения: 22.12.2024).
2. Информационные технологии в правосудии [Электронный ресурс] : учебное пособие / М. Г. Диева, В. А. Субочева. – Тамбов : Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2023. С. 14.
3. Об утверждении государственной программы «Цифровой Казахстан»: Постановление Правительства Республики Казахстан от 12.12.2017 №827 URL : <https://www.gov.kz/> (дата обращения: 02.02.2025).
4. «Об утверждении Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан».
5. Романенкова С.В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 4. С. 26-31.
6. «Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента» : Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26.11.2015 № 362 // «Бюллетень актов по судебной системе». № 2. 2016.
7. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федер. закон от 27.07.2006 №149-ФЗ Принят Государственной Думой 08.07.2006 г. Одобрен Советом Федерации 14.07.2006: в ред. Федерального закона Российской Федерации от 03.04.2020 №105-ФЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.01.2025).
8. Отченаш А.Ю. К вопросу самостоятельности «электронных доказательств» в уголовном судопроизводстве. Альманах молодого исследователя / под общ. ред. А. А. Сапожкова. — А57 Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. — Вып. 11.— С. 92-95.
9. ТАСС : информ. агентство России : сайт. Москва. Обновляется в течение суток. URL: <https://tass.ru> (дата обращения 03.05.2025).
10. Право.RU – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/news/252757/> (дата обращения: 30.03.2025).
11. Собрание электронных доказательств по уголовным делам на территории России и зарубежных стран: опыт и проблемы : монография / С.П. Щерба, Е.А. Архипова, Е.В. Быкова; ред. С.П. Щерба; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. — Москва : Проспект, 2022. — 168 с. — Авт. указаны на с. 3; Библиогр.: с. 149-167. — ISBN 978-5-392-37713-8. — URL: <https://rucont.ru/efd/840011> (дата обращения: 18.05.2025).

References:

1. Rabinovich – Einy O, Katsh E. Lessons from online Dispute Resolution for Dispute Systems Design. – URL : https://mediate.com/pdf/rabinovitch_katsh.pdf (date of access: 12/22/2024).
2. Information technologies in justice [Electronic resource] : textbook / M. G. Dieva, V. A. Subocheva. – Tambov : Publishing Center of FSBEI VO "TSTU", 2023. P. 14.
3. On approval of the state program "Digital Kazakhstan": Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated 12.12.2017 No. 827 URL : <https://www.gov.kz/> (date of access: 02.02.2025).
4. "On the approval of the Strategic Development Plan of the Republic of Kazakhstan until 2025 and the invalidation of certain decrees of the President of the Republic of Kazakhstan."
5. Romanenkova S.V. The concept of electronic justice, its genesis and implementation in the law enforcement practice of foreign countries // Arbitration and Civil Procedure. 2013. № 4. pp. 26-31.
6. "On approval of the List of basic concepts and Terms used in the normative legal acts of the Judicial Department Regulating the use of information and Telecommunication technologies in the activities of courts, Judicial Department offices in the Subjects of the Russian Federation and Judicial Department institutions" : Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated November 26, 2015 No. 362 // "Bulletin of Acts on the judicial system." No. 2. 2016.
7. About information, information technologies and information protection: Feder. Law No. 149-FZ of 27.07.2006 was adopted by the State Duma on 08.07.2006. Approved by the Federation Council on 14.07.2006: as amended. Federal Law of the Russian Federation No. 105-FZ dated 04/03/2020 // Consultant Plus Legal Reference System. – [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.consultant.ru> (date of request: 08.01.2025).
8. Otchenash A.Y. On the issue of the independence of "electronic evidence" in criminal proceedings. Almanac of a young researcher / under the general editorship of A. A. Sapozhkov. — A57 Saint Petersburg : Saint Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2021. Issue 11. pp. 92-95.
9. TASS : inform. Agency of Russia : website. Moscow. It is updated during the day. URL: <https://tass.ru> (date of application 05/03/2025).
10. Law.RU – [Electronic resource]. – Access mode: <https://pravo.ru/news/252757/> (date of access: 30.03.2025).
11. Collection of electronic evidence in criminal cases in Russia and abroad: experience and problems: a monograph / S.P. Shcherba, E.A. Arkhipova, E.V. Bykova; edited by S.P. Shcherba; University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. Federation. — Moscow : Prospekt, 2022.— 168 p. — The authors are listed on page 3; Bibliogr.: pp. 149-167.— ISBN 978-5-392-37713-8.— URL: <https://rucont.ru/efd/840011> (date of request: 05/18/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_662

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСАХ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКОВ ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЗА АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ И ПОДОЗРЕНИИ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ABOUT SOME CONTROVERSIAL ISSUES OF CALCULATING THE TIME LIMITS DURING DETENTION FOR AN ADMINISTRATIVE OFFENSE AND ON SUSPICION OF COMMITTING A CRIME

ГРИГОРЬЕВ Виталий ПетровичКандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административной деятельности ОВД
Санкт-Петербургского университета МВД России.

198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1.

e-mail: v.p.grigoriev@mail.ru

GRIGORIEV Vitaly P. Senior Lecturer of the Department of Administrative Activities of the Department of Internal Affairs
of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot str., 1.

e-mail: v.p.grigoriev@mail.ru

Краткая аннотация: в статье исследуются вопросы исчисления сроков задержания, с учетом разницы применения административных и уголовно-процессуальных норм порядка и оснований задержания, а также связанные с этим противоречия. Указывается на необходимость принятия законодателем решения как о единообразном подходе, связанном с фактическим задержанием (невозможностью человеку самостоятельно распоряжаться своими действиями во времени и пространстве), субъекта по уголовно – процессуальному и административному задержанию, так и о необходимости рассмотрения вопроса и принятия решения в части перемещения срока исчисления времени задержания на более ранний период (ограничение возможности человека на принятие самостоятельного решения о свободе действий). Необходимость четкого определения юридического понятия – фактическое задержание. В данном контексте также рассматриваются нарушения, связанные с моментом фактического задержания в части лишения возможности человека и гражданина на предусмотренное Конституцией РФ право на свободу и личную неприкосновенность, равенство прав и свобод человека и гражданина.

Abstract: the article examines the issues of calculating the terms of detention, taking into account the difference in the application of administrative and criminal procedural norms of the procedure and grounds for detention, as well as related contradictions. It is pointed out that the legislator must make a decision both on the monotonous approach associated with the actual detention (the inability of a person to independently manage his actions in time and space), the subject of criminal procedural and administrative detention, and on the need to consider the issue and make a decision regarding the transfer of the period of calculation of the time of detention to an earlier period. The need for a clear definition of the legal concept of actual detention. In this context, violations related to the moment of actual detention are also considered in terms of depriving a person and a citizen of the right to freedom and personal inviolability provided for by the Constitution of the Russian Federation, equality of human and civil rights and freedoms.

Ключевые слова: административное задержание, доставление, уголовно-процессуальное задержание, сроки задержания, фактическое задержание, исчисление сроков, свобода передвижения.

Keywords: administrative detention, delivery, criminal procedural detention, terms of detention, actual detention, calculation of terms, freedom of movement.

Для цитирования: Григорьев В.П. О некоторых спорных вопросах исчисления сроков при задержании за административное правонарушение и подозрении в совершении преступления // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 662-667. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_662.

For citation: Grigoriev V.P. About some controversial issues of calculating the time limits during detention for an administrative offense and on suspicion of committing a crime // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 662-667. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_662.

Статья поступила в редакцию: 03.12.2025**Дата публикации: 30.12.2025**

Свобода и личная неприкосновенность каждого гражданина является закрепленным в п. 1 ст. 22 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) правом, которое безусловно приобретает человек с момента рождения. Ограничение свободы, применяемое в отношении человека, может быть оправдано исключительно при условии совершения им правонарушения или преступления. Иные случаи определяются законом и направлены на ограничения в отношении лиц либо их действий при необходимости соблюдения безопасности общества и государства, при ЧП политического, техногенного или природного характера, террористической опасности, проведения мероприятий при эпидемиях и эпизоотиях, организации работы на месте происшествия и т.д.

В свою очередь, длительность такого ограничения определяется положениями Конституции РФ, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ) и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), а допустимость ограничения свободы передвижения лица связывается с фактически совершенными им деяниями, при условии, если санкция соответствующей нормы КоАП РФ предусматривает применение ареста или выдворения, либо преступления при условии, что санкция предусматривает лишение свободы, либо обстоятельства указанные в ч. 2 ст. 91 УПК РФ.

Сроки задержания за правонарушения не могут превышать определенного ст. 27.5 КоАП РФ периода времени, составляющего 3 часа, за исключением случаев, определяемых законом, о содержании под стражей без судебного решения в течении срока, не превышающего 48 часов, включая и срок необходимый для вытрезвления находящегося в состоянии опьянения человека.

Срок задержания в связи с подозрением лица в совершении преступления имеет те же временные пределы – 48 часов, за исключением порядка определенного ч. 7 ст. 108 УПК РФ.

Говоря иначе, по административному или уголовному делу, максимальный срок допустимого ограничения свободы, в том числе содержания в строгой изоляции от общества без решения суда составляет не более 48 часов, что соответствует положениям Конституции РФ.

Однако, в положениях КоАП РФ и УПК РФ в части начала исчисления срока рассматриваемого нами ограничения, наблюдается существенное противоречие.

При задержании лица за совершение им административного правонарушения или по другим причинам, требующим обеспечения административного производства, началом исчисления срока задержания согласно ст. 27.2 КоАП РФ является момент его доставления, сущность которого разъясняется той же нормой КоАП РФ, закрепляющей следующую дефиницию (определение) : «Доставление, то есть принудительное препровождение физического лица... - в служебное помещение органа внутренних дел (полиции) или в помещение органа местного самоуправления сельского поселения; Таким образом, в части касающейся органов внутренних дел (далее – ОВД), исчисление срока административного задержания начинается именно с момента фактического доставления лица в указанное помещение.

При этом, от длительного или намеренно затянутого процесса фактического перемещения задержанного лица, в отношении которого возникли основания применения рассматриваемой принудительной меры, от места фактического задержания до места его доставления определенного соответствующим положением КоАП РФ, лицо защищено лишь закрепленным в ч. 2 ст. 27.2 КоАП РФ следующим условием: «Доставление должно быть осуществлено в возможно короткий срок». Необходимо заметить, что в случае задержания лица, в отношении которого применяются меры административного обеспечения, оно уже с данного момента ограничено в своих правах, включая и конституционное право на свободу передвижения.

Обращаясь к положениям УПК РФ, видно, что ч. 3 ст. 128 УПК РФ определяет, что в случае задержания как меры пресечения, срок исчисляется с момента фактического задержания. Ст. 5 п. 15 УПК РФ указывает на то, что момент фактического задержания, это момент производимого в порядке, установленном данным кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления, отсылая для определения данного порядка к ст. 92 УПК РФ, которая в свою очередь определяет это следующим образом – «после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания...».

Говоря иными словами, все указанные правовые нормы, содержащиеся в УПК РФ, не дают иного общего определения исчисления срока задержания, кроме момента фактического лишения возможности передвижения задерживаемого лица. В данном случае наблюдается строгое соответствие требованиям Конституции, как основного закона РФ, придающего гарантиям прав и свобод личности высшую ценность.

Изложенное наглядно показывает противоречия уголовно-процессуального и административного законодательства РФ в подходе к рассматриваемому в статье вопросу, что свидетельствует о разном отношении к субъекту, которым могут быть совершены схожие противоправные деяния, отнесение которых к общественно опасным может быть реализовано не в момент выявления признаков, а лишь по результатам детальной проверки. Однако, в схожих по признакам объективной стороны ситуациях, задержанные лица фактически находятся в разных условиях в части исчисления срока задержания, что противоречит конституционным принципам.

О пробелах в данной теме говорит множество авторов¹, указывающих на необходимость правового регулирования порядка и сроков задержания лица. При этом, часть авторов говорит о вопросах исчисления сроков при задержании подозреваемого², поднимая тему в том числе правовой регламентации исчисления сроков задержания³, останавливаясь в основном на задержании подозреваемого⁴, на вопросах сроков применения административного задержания⁵, другая часть говорит о доставленном административном задержанном в состоянии алкогольного опьянения⁶. Некоторые исследователи останавливаются на особенностях осуществления административного задержания на срок до трех часов⁷, на проблемах соблюдения срока, предусмотренного Конституцией Российской Федерации⁸, на вопросах сроков административного задержания для отдельных субъектов производства по делам об административных правонарушениях⁹.

Как уже было сказано выше, право гражданина на свободу и неприкосновенность, определено в Конституции и признается законода-

1 Овчинникова Н. О. Пробелы правового регулирования порядка и сроков задержания лица по подозрению в совершении преступления / Н. О. Овчинникова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 5(154). – С. 241-247. – DOI 10.24412/2227-7315-2023-5-241-247. – EDN VUADGN.

2 Маклакова, А. А. К вопросу об исчислении сроков при задержании подозреваемого / А. А. Маклакова // Студенческий вестник. – 2023. – № 8-2(247). – С. 5-8. – EDN ZGALCM.

3 Ахметшин, Р. Э. Проблемные вопросы правовой регламентации исчисления сроков задержания / Р. Э. Ахметшин, Т. С. Романова // Современные проблемы уголовного права и процесса : Сборник научных трудов 60-ой студенческой научно-практической конференции, Хабаровск, 25 апреля 2020 года / Под редакцией В.Е. Степенко. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2020. – С. 15-22. – EDN QLWGPY.

4 Стародубова, Г. В. Задержание подозреваемого: проблема исчисления срока / Г. В. Стародубова // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Т. 5, № 1. – С. 20-24. – DOI 10.18287/2542-047X-2019-5-1-20-24. – EDN HDKVIY.

5 Соколов, А. Ю. К вопросу о сроках применения административного задержания / А. Ю. Соколов. – Краснодар : Центр социально-политических исследований «Премьер», 2011. – 5 с. – EDN RAZKFH.

6 Гришаков, А. Г. Срок административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения и доставленного в органы внутренних дел / А. Г. Гришаков // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : Сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23 марта 2018 года / Под общей редакцией Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – С. 401-405. – EDN YLPOLK.

7 Анохина, С. Ю. Особенности осуществления административного задержания на срок до трех часов : Учебно-методическое пособие / С. Ю. Анохина. – Барнаул : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2015. – 20 с. – ISBN 978-5-94552-197-1. – EDN UXHFEZ.

8 Левко, Г. М. Задержание подозреваемого: проблемы соблюдения срока, предусмотренного Конституцией Российской Федерации / Г. М. Левко // Актуальные вопросы предварительного расследования на современном этапе : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 ноября 2016 года / Редакция: Т.В. Валькова, В.В. Солодовник, С.В. Смелова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. – С. 82-86. – EDN SBUDFG.

9 Федяев, Е. А. Срок административного задержания для отдельных субъектов производства по делам об административных правонарушениях / Е. А. Федяев, Д. И. Маллекер // Актуальные проблемы полицейского права : Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ "О полиции", Омск, 01–02 июня 2021 года. – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 155-158. – EDN PETZUQ.

телем неотъемлемым. При рассмотрении данного вопроса, необходимо отметить, что различия в степени общественной опасности административных правонарушений и преступлений не должны играть существенную роль, поскольку даже в отношении лица, задержанного за совершение административного правонарушения, могут применяться, а зачастую и применяются фактически методы убеждения и принуждения, используемые сотрудниками органов внутренних дел (далее - ОВД), включая физическую силу и специальные средства. А при появлении оснований, предусмотренных главой 5 – й Федерального закона «О полиции» (Далее ФЗ № 3) и огнестрельное оружие.

Необходимость доставления лица в подразделение ОВД «...в возможно короткий срок», к чему обязывает ч. 2 ст. 27.2 КоАП РФ, разумеется, должна соблюдаться, но поскольку данная формулировка не содержит четкого временного и территориального определения, она воспринимается достаточно вольно. Сама по себе причина неисполнения положений КоАП РФ в части, касающейся кратчайшего срока доставления, задержанного в помещение ОВД, может быть различной. Это может быть от недобросовестности исполнителя, а может быть необходимостью проведения в отношении задержанного лица мероприятий, требующихся для формирования доказательственной базы по административному производству или уголовному делу.

Ситуации, затягивающие период времени доставления лица, происходят, например при изъятии наркотиков. Чаще всего, для проведения необходимых мероприятий при так называемом «сбросе», когда возникает необходимость обеспечения охраны места происшествия, вызова следственно оперативной группы, оформления всех необходимых процессуальных документов на месте. И только после этого, производится доставление задержанного в помещение территориального ОВД.

Практика показывает, что в данном случае, в действиях задержанного лица могут быть установлены признаки как преступления – пр. ст. 228 УК РФ, предусматривающие уголовную ответственность, так и правонарушения – ст. ст. 6.8, 6.9 КоАП РФ, т.е. административной ответственности.

Однако, ровно так же, при указанных обстоятельствах, может быть установлено отсутствие признаков и преступления и административного правонарушения, что соответственно исключит и уголовное и административное производство в отношении задержанного. Не редки случаи, когда исследованное вещество не является изъятим из гражданского оборота, или устанавливаются обстоятельства законного приобретения изъятых веществ или вообще не устанавливается наличие запрещенного к свободному обороту вещества, что исключает привлечение задержанного к ответственности. Также практика указывает на то, что при подобных задержаниях, до установления состава изъятых веществ, в соответствии с п. 4 ч. 4 ст. 28.1 КоАП РФ, в случаях предусматривающих административное расследование – ст. 28.7 КоАП РФ, выносится определение о возбуждении административного производства.

Задержанный в данном случае, получая определенный юридический статус, не только лишен возможности с момента фактического задержания, воспользоваться всеми своими правами, но и его содержание как отмечалось ранее, начинает исчисляться только с момента доставления. Аналогичная ситуация возникает при выявлении правонарушения, предусмотренного Ст. 12.8. КоАП РФ, когда в качестве обеспечения административного производства, необходимо произвести:

- отстранение водителя от управления транспортным средством
- освидетельствование водителя на состояние алкогольного опьянения
- направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения
- досмотр транспортного средства
- задержание транспортного средства

что как правило, также требует больших временных затрат.

Кроме этого, практика применения административного законодательства в ОВД показывает, что должностные лица, принимающие решения по делам об административных правонарушениях, руководствуясь требованиями КоАП РФ, делают это исчисляя срок задержания с момента доставления правонарушителя в подразделение. Однако, по ряду административных правонарушений, решения о привлечении к административной ответственности принимается исключительно судом или судьей.

Судебная же практика показывает, что при принятии решения о применении к лицу в качестве наказания административного ареста, в срок наказания судьей включается период времени, исчисляемый с момента фактического задержания. Примером могут служить решения Мирного судьи судебного участка № 179 г. Санкт-Петербурга, в разные периоды времени:

- по делу № 5-406/2010-179 от 13 августа 2010 года об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.21 КоАП РФ в отношении Д.М.С., согласно резолютивной части которого, судьей назначено наказание в виде административного ареста сроком на 15 суток с указанием на необходимость исчисления назначенного срока с момента фактического задержания, то есть, согласно протоколу об административном правонарушении АЗ № 7680 от 04.08.2010 года, с 00 часов 45 мин. 04.08.2010 года;

- по делу № 5-184/2021-179 от 22 марта 2021 года об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ в отношении Т.А.В., согласно резолютивной части которого, судьей назначено наказание в виде административного ареста сроком на 15 суток, который подлежит исчислению с момента фактического задержания, то есть согласно протоколу об административном правонарушении АЗ № 001266 от 22.03.2021 года – с 01 часа 10 мин.

Из приведенных решений следует, что позиция суда однозначна и на время доставления правонарушителя в помещение органа внутренних дел, судьей внимание не акцентировалось.

При изучении подсудных мировому судье дел в ресурсах крупнейшей базы судебных актов и решений Российской Федерации, было

установлено, что постановления мировых судей содержат в резолютивной части следующие обязательные сведения:

- признание лица, в отношении которого принимается решение, виновным;
- указание срока исчисления административного ареста;
- указание срока, который необходимо зачесть в срок административного ареста.

Изученные материалы об административных правонарушениях и принятых мировыми судьями итоговых решениях указывают, что срок назначенного административного наказания в виде административного ареста, исчисляется с момента фактического задержания и в срок отбытия наказания включается время, которое задержанный находился с момента фактического (на месте происшествия) задержания, до момента доставления в суд.

Более того, ФЗ № 3 в ч. 4 ст. 14 (Задержание), определяет исчисление срока задержания с момента фактического ограничения свободы передвижения лица, и только срок административного задержания – в соответствии с законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях. Статья же 27.2. КоАП РФ (Доставление) предполагает это только в целях составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, если составление протокола является обязательным.

С одной стороны правовой институт государственной власти признает за гражданином его право на защиту с момента фактического задержания, предусматривая с этого момента применение в отношении него мер принуждения, в том числе специальных (физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, основания для применения которых изложены в ст.ст. 20, 21, 23 ФЗ № 3) но исчисление времени задержания при этом, в административном производстве соответствующим кодексом определяется только с момента доставления, что представляется не только неоправданным, но и не должно являться допустимым. Кроме этого, срок содержания, исчисляемый согласно ч. 1 ст. 27.2 КоАП РФ с момента доставления, состоит в прямой зависимости от субъекта административной деятельности и, как следствие, определения места доставления, перечень которых достаточно велик, включая согласно п.п. 1-18 ч. 1 ст. 27.2 КоАП РФ нижеследующие помещения:

- служебное помещение органа внутренних дел (полиции);
- служебное помещение войск национальной гвардии Российской Федерации;
- служебное помещение учреждения уголовно-исполнительной системы;
- служебное помещение органа, осуществляющего контртеррористическую операцию;
- служебное помещение суда;
- служебное помещение воинской части, находящиеся в порту Российской Федерации.
- служебное помещение военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации
- служебное помещение воинской части;
- служебное помещение пограничного органа;
- служебное помещение таможенного органа;
- служебное помещение таможенного органа, находящееся в порту Российской Федерации.
- один из портов Российской Федерации, открытых для захода иностранных судов или специально отведенное охраняемое место (на специализированную стоянку);

место (на специализированную стоянку);

- служебное помещение охраны;
- помещение органа местного самоуправления сельского поселения;
- иное служебное помещение.

Приведенный перечень свидетельствует об охвате обширной территории того или иного субъекта РФ и существенной разнице в способах и времени, требующихся для доставления, задержанного лица к месту, с которого начинается отсчет срока исчисления времени задержания. Данное положение в первую очередь ставит граждан в неравные условия перед законом, а во вторую, при отсутствии возможности быстрого перемещения к месту доставления, например при доставлении в порт, на специализированную стоянку, в помещение органа местного самоуправления сельского поселения, расположенных на значительно удаленном расстоянии от места фактического задержания, возникает достаточно большой промежуток времени доставления, значительно превышающий установленный законом срок содержания в 3 часа.

Аналогичное мнение высказывают М. В. Давыдов¹, Ю. Н. Рябенко², рассматривая в своих трудах вопросы, непосредственно касающиеся административного задержания, в том числе такие особенно значимые, как: «можно ли считать задержание незаконным, если после него лицо не было привлечено к административной ответственности?», «административное задержание как кратковременное ограничение свободы физического лица, которое может быть применено в исключительных случаях» и другие, рассуждая при этом о законности административного задержания и необходимости правильного оформления процессуальных документов. Вывод Ю.Н. Рябенко говорит о том, что правомочность действий должностных лиц с момента фактического задержания лица и до момента его доставления в специальное помещение для задержанных в административном порядке не регулируется законодательством в необходимой степени, что может породить проблемы на практике. Ана-

1 Давыдов, М. В. Проблемы регулирования правоприменительной практики задержания: административные и уголовно-процессуальные аспекты / М. В. Давыдов // Наука и практика. – 2016. – № 4(69). – С. 32-34. – EDN XCOXYD.

2 Рябенко, Ю. Н. Административное задержание и доставление / Ю. Н. Рябенко // Законность. – 2015. – № 10(972). – С. 57-58. – EDN UNSDOB.

логичен ему и вывод М.В. Давыдова, считающего, что срок административного задержания, как и срок уголовно-процессуального задержания, должен исчисляться с момента фактического ограничения свободы, учитывая в том числе и положения международного законодательства при определении отправной точки, с которой лицо фактически ограничивается в свободе передвижения.

При этом, существует и обратное мнение. Так, О. И. Цоколова,¹ проводя сравнение уголовно – процессуального и административного задержания, фактическое лишение свободы связывает с моментом непосредственного доставления подозреваемого к следователю. Делая выводы, О. И. Цоколова говорит о том, что в любом случае, время, потраченное на доставление задержанного в ОВД, не должно входить в срок процессуального задержания. Однако она же характеризует отсутствие четкого регулирования данного вопроса следующим пояснением - «На практике как известно, это вызывает проблемы, так как заподозренное лицо приходится каким-то образом удерживать на полулегальных основаниях» и предлагает ввести – «процессуальный институт доставления» предлагая введение процессуального института доставления как меру принуждения, не связанную с изоляцией. Говоря другими словами, процессуально ввести ограничение, не считающееся ограничением до определенного времени или на определенный период, что по мнению других исследователей будет являться нарушением конституционных прав граждан.

К данным исследователям относятся такие авторы как Д. И. Поликарпов и А. А. Шубакин², указывающие на необходимость серьезной экспертной оценки вопроса исчисления сроков задержания, говоря, в частности, о том, что в области обеспечения мер административного производства, ряд вопросов связанных с исчислением сроков административного задержания их законностью и правильностью процедуры его применения, остается открытым.

При изучении мнений, указанных в статье, а также мнений иных специалистов и практических работников, сталкивавшихся с данной проблемой, можно прийти к выводу, что в настоящее время вопрос исчисления сроков административного задержания крайне важен и является предметом дискуссии, поскольку однозначное мнение как научным сообществом, так и правоприменителями не выработано, что вызывает правовую пустоту.³

Об этом же говорит и судебная практика, а именно она свидетельствует об однозначном подходе к определению момента исчисления срока задержания вне зависимости от его применения в соответствии с КоАП РФ или УПК РФ, поскольку принимающие процессуальное решение суды (судьи) при назначении срока административного ареста или избрании меры пресечения, включают в срок наказания и соответственно применения меры пресечения период времени, исчисляемый с момента фактического задержания.

При этом, в уголовно-процессуальном законодательстве указанное логично следует из норм УПК РФ, а при назначении административного наказания суды(судьи) руководствуются положениями Конституции РФ, поскольку соответствующие нормы КоАП РФ указывают на иной порядок исчисления срока при применении административного задержания.

Не следует забывать и о том, что одно из основных мест в обеспечении гарантий прав и свобод личности, занимает сторона процесса, характеризующая действия органов и должностных лиц, уполномоченных на реализацию мер принуждения. Говоря иными словами, процессуальная сторона, является приоритетной над правонарушением, являясь субъектом обеспечения законности в т.ч. на основании Конституции РФ, не устанавливающей различия между видами или формами задержания и лицами, в отношении которых применяются данные меры.

В связи с этим, очевидна необходимость приведения понятия исчисления срока ограничения конституционного права лица на свободу передвижения к единой правовой норме, определив её моментом фактического запрета сотрудниками правоохранительных органов на свободное перемещение задержанного лица вследствие выявления к тому законного основания, независимо от того, какими положениями (УПК или КоАП РФ) оно предусмотрено.

Для приведения указанной нормы в соответствие с требованиями основного закона РФ в том числе и в части, касающейся соблюдения прав и свобод граждан, а также их равенства перед законом, возможно изложение ч. 4 ст. 27.5 КоАП РФ «Сроки административного задержания», в следующей редакции: «Срок административного задержания лица исчисляется с момента фактического лишения свободы передвижения лица, в отношении которого имеются основания проведения административного производства или подозреваемого в совершении административного правонарушения, либо совершившего административное правонарушение. Срок административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, исчисляется с момента его вытрезвления. При этом общий срок времени вытрезвления лица, находящегося в состоянии опьянения, с момента его доставления не может превышать 48 часов».

Данная формулировка может дать исчерпывающие разъяснения правоприменителю на всех этапах исполнения законодательства в части административного производства и обеспечить соблюдение конституционных прав граждан.

Список литературы:

1. Овчинникова Н. О. Пробелы правового регулирования порядка и сроков задержания лица по подозрению в совершении преступления / Н. О. Овчинникова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 5(154). – С. 241-247.
2. Маклакова, А. А. К вопросу об исчислении сроков при задержании подозреваемого / А. А. Маклакова // Студенческий вестник. – 2023. – № 8-2(247). – С. 5-8.

1 Цоколова, О. Фактическое задержание / О. Цоколова // Законность. – 2006. – № 3(857). – С. 25-28. – EDN KWLHNB.

2 Поликарпов, Д. И. К вопросу об исчислении сроков административного задержания / Д. И. Поликарпов, А. А. Шубакин // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2020. – № 3(49). – С. 84-88. – EDN TCEWQW.

3 Ампилогов, Д. Д. Задержание подозреваемого: сравнительный анализ законодательства России и Германии / Д. Д. Ампилогов. — Текст : непосредственный // Актуальные вопросы юридических наук : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2017 г.). — Чита : Издательство Молодой ученый, 2017. — С. 116-118. — URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/226/11959/> (дата обращения: 28.06.2024).

3. Ахметшин, Р. Э. Проблемные вопросы правовой регламентации исчисления сроков задержания / Р. Э. Ахметшин, Т. С. Романова // Современные проблемы уголовного права и процесса : Сборник научных трудов 60-ой студенческой научно-практической конференции, Хабаровск, 25 апреля 2020 года / Под редакцией В.Е. Степенко. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2020. – С. 15-22.
4. Стародубова, Г. В. Задержание подозреваемого: проблема исчисления срока / Г. В. Стародубова // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Т. 5, № 1. – С. 20-24.
5. Соколов, А. Ю. К вопросу о сроках применения административного задержания / А. Ю. Соколов. – Краснодар : Центр социально-политических исследований «Премьер», 2011. – 5 с.
6. Гришаков, А. Г. Срок административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения и доставленного в органы внутренних дел / А. Г. Гришаков // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : Сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23 марта 2018 года / Под общей редакцией Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – С. 401-405.
7. Анохина, С. Ю. Особенности осуществления административного задержания на срок до трех часов : Учебно-методическое пособие / С. Ю. Анохина. – Барнаул : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2015. – 20 с.
8. Левко, Г. М. Задержание подозреваемого: проблемы соблюдения срока, предусмотренного Конституцией Российской Федерации / Г. М. Левко // Актуальные вопросы предварительного расследования на современном этапе : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 ноября 2016 года / Редакция: Т.В. Валькова, В.В. Солодовник, С.В. Смелова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. – С. 82-86.
9. Федяев, Е. А. Срок административного задержания для отдельных субъектов производства по делам об административных правонарушениях / Е. А. Федяев, Д. И. Маллер // Актуальные проблемы полицейского права : Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ "О полиции", Омск, 01-02 июня 2021 года. – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 155-158.
10. Поликарпов, Д. И. К вопросу об исчислении сроков административного задержания / Д. И. Поликарпов, А. А. Шубакин // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2020. – № 3(49). – С. 84-88.
11. Давыдов, М. В. Проблемы регулирования правоприменительной практики задержания: административные и уголовно-процессуальные аспекты / М. В. Давыдов // Наука и практика. – 2016. – № 4(69). – С. 32-34.
12. Рябенко, Ю. Н. Административное задержание и доставление / Ю. Н. Рябенко // Законность. – 2015. – № 10(972). – С. 57-58.
13. Цоколова, О. Фактическое задержание / О. Цоколова // Законность. – 2006. – № 3(857). – С. 25-28.
14. Ампилов, Д. Д. Задержание подозреваемого: сравнительный анализ законодательства России и Германии / Д. Д. Ампилов. — Текст : непосредственный // Актуальные вопросы юридических наук : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2017 г.). — Чита : Издательство Молодой ученый, 2017. — С. 116-118.

References:

1. Ovchinnikova N. O. Gaps in the legal regulation of the procedure and terms of detention of a person on suspicion of committing a crime / N. O. Ovchinnikova // Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2023. – № 5(154). – Pp. 241-247.
2. Maklakova, A. A. On the issue of calculating the time limits for the detention of a suspect / A. A. Maklakova // Student Bulletin. – 2023. – № 8-2(247). – Pp. 5-8.
3. Akhmetshin, R. E. Problematic issues of legal regulation of the calculation of periods of detention / R. E. Akhmetshin, T. S. Romanova // Modern problems of criminal law and procedure : Collection of scientific papers of the 60th Student Scientific and Practical Conference, Khabarovsk, April 25, 2020 / Edited by V.E. Stepenko. Khabarovsk: Pacific State University, 2020. – pp. 15-22.
4. Starodubova, G. V. Detention of a suspect: the problem of calculating the term / G. V. Starodubova // Legal bulletin of the Samara pp. 20-24.
5. Sokolov, A. Yu. On the issue of the timing of the application of administrative detention / A. Yu. Sokolov. Krasnodar : Center for Socio-political Research "Premier", 2011. – 5 pp.
6. Grishakov, A. G. The term of administrative detention of a person who is intoxicated and taken to the internal affairs bodies / A. G. Grishakov // Actual problems of administrative and administrative procedural law : A collection of articles based on the materials of the annual All-Russian scientific and practical conference, St. Petersburg, March 23, 2018 / Under the general editorship of Yu.E. Avrutin, A.I. Kaplunov. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. – pp. 401-405.
7. Anokhina, S. Yu. Features of the implementation of administrative detention for up to three hours : An educational and methodological manual / S. Yu. Anokhina. – Barnaul : Federal State State Educational Institution of higher professional Education "Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", 2015. – 20 pp.
8. Levko, G. M. Detention of a suspect: problems of compliance with the deadline provided for by the Constitution of the Russian Federation / G. M. Levko // Current issues of preliminary investigation at the present stage : Materials of the All-Russian Scientific and Practical conference, St. Petersburg, November 24, 2016 / Editorial board: T.V. Valkova, V.V. Solodovnik, S.V. Smelova. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017. – pp. 82-86.
9. Fedyaev, E. A. The term of administrative detention for certain subjects of proceedings in cases of administrative offenses / E. A. Fedyaev, D. I. Malleker // Actual problems of police law : Materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 10th anniversary of the entry into force of Federal Law No. 3-FZ dated February 7, 2011 "On police", Omsk, 01-02 June 2021. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. – pp. 155-158.
10. Polikarpov, D. I. On the issue of calculating the terms of administrative detention / D. I. Polikarpov, A. A. Shubakin // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 3(49). – Pp. 84-88.
11. Davydov, M. V. Problems of regulation of law enforcement practice of detention: administrative and criminal procedural aspects / M. V. Davydov // Science and practice. – 2016. – № 4(69). – Pp. 32-34. –
12. Ryabenko, Yu. N. Administrative detention and delivery / Yu. N. Ryabenko // Legality. – 2015. – № 10(972). – Pp. 57-58.
13. Tsokolova, O. Actual detention / O. Tsokolova // Legality. – 2006. – № 3(857). – Pp. 25-28.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_668

УДК 343.8

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ПРОБАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ, ИСПОЛНЯЮЩИХ НАКАЗАНИЯ

SOME PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF THE PROBATION INSTITUTION IN THE ACTIVITIES OF INSTITUTIONS AND BODIES THAT CARRY OUT PUNISHMENTS

ГРУШИН Федор Владимирович,

доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник НИЦ 1 ФКУ НИИ ФСИН России.

125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1.

fedor062@yandex.ru

GRUSHIN Fedor Vladimirovich,

Doctor of Law, Associate Professor

Chief Researcher of Research Center 1, Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

125130, Russia, Moscow, Narvskaya Street, 15a, Building 1.

fedor062@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются первые результаты действия Федерального закона Российской Федерации от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», выявляются некоторые проблемы его реализации. По итогам проведенного анализа сформулированы некоторые проблемы, связанные с реализацией данного закона в деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания.

Abstract: the article examines the first results of the Federal Law of the Russian Federation dated February 6, 2023, No. 10-FZ "On Probation in the Russian Federation", and identifies some problems of its implementation. Based on the analysis, some problems related to the implementation of this law in the activities of institutions and bodies that carry out punishments have been formulated.

Ключевые слова: пробация; учреждения и органы, исполняющие наказания.

Keywords: probation; institutions and bodies that carry out punishments.

Для цитирования: Грушин Ф.В. Некоторые проблемы реализации института пробации в деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 668-670. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_668.

For citation: Grushin F.V. Some problems of the implementation of the probation institution in the activities of institutions and bodies that carry out punishments // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 668-670. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_668.

Статья поступила в редакцию: 07.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Как показывает анализ научной литературы, проблемы реализации института пробации в настоящее время являются весьма актуальными и своевременными [1-4].

Действующая Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года предусматривает создание и развитие в Российской Федерации эффективной системы пробации. В связи с чем 6 февраля 2023 года был принят Федеральный закон Российской Федерации № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации».

С 1 января 2024 года в России реализуются положения указанного Федерального закона в отношении пенитенциарной и исполнительной пробации. С начала 2025 года действует постпенитенциарная пробация.

В настоящее время уже есть некоторые статистические данные, отражающие реализацию института пробации в деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Так, по итогам 2024 года, уголовно-исполнительными инспекциями была оказана помощь более 25 тыс. осужденным в рамках исполнительной пробации. Наиболее часто от осужденных поступают следующие обращения:

- об оказании содействия в получении документов – 25%,
- об оказании помощи в трудоустройстве – 18%;
- о консультировании по социальным и правовым вопросам – 15%;
- об оказании психологической помощи – 15%,
- об оказании иной помощи – 27%.

Кроме того, в рамках исполнительной пробации выявлен эффект, подтверждающий достижение основной цели наказания – исправления осужденных: за 2024 год уровень повторной преступности среди лиц, в отношении которых применялась исполнительная пробация, в пять раз ниже, чем в целом среди осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества [5].

ФСИН России подписано 87 соглашений о взаимодействии с высшими исполнительными органами власти субъектов Российской Федерации, включая вопросы пробации. Соглашения с исполнительными органами власти субъектов Российской Федерации в сферах образования, здравоохранения и труда заключены во всех ТО ФСИН России. Кроме того, проводится работа по заключению соглашений с организациями социального обслуживания, государственными учреждениями службы занятости населения, органами местного самоуправления.

Для обеспечения мероприятий пенитенциарной пробации территориальными органами ФСИН России в 2023 году выделено 1219 штатных единиц для аппаратов управлений, исправительных учреждений, исправительных центров, из которых, по информации ТО ФСИН Рос-

сии, по итогам 2024 года укомплектовано 1158 должностей (95%), остается вакантной 61 должность.

В рамках реализации Закона о пробации территориальными органами ФСИН России по состоянию на 31.12.2024 заключено 980 соглашений о сотрудничестве. Учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы или принудительных работ, заключили 3106 соглашений, в том числе 900 соглашений с учреждениями в сфере занятости населения, 564 – с образовательными учреждениями и 1642 соглашения с иными организациями.

При осуществлении деятельности в сфере пробации в соответствии с приказом Минтруда России от 27.10.2023 № 779н «Об утверждении типового соглашения о взаимодействии учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и уголовно-исполнительных инспекций с органами службы занятости населения при осуществлении деятельности в сфере постпенитенциарной пробации» в территориальных органах ФСИН России организовано взаимодействие с органами службы занятости субъектов Российской Федерации.

С целью проведения консультирования освобождающихся из учреждений лиц по профессиональной ориентации, составлению резюме, информированию о наличии вакансий на рынке труда, условиях труда, заработной плате, квалификационных требованиях к соискателям вакансий, социальной адаптации, возможностях переобучения и повышения квалификации, открытия собственного дела в исправительных учреждениях проведено 1095 ярмарок вакансий с участием работодателей.

Наибольшее количество обращений осужденных (5 520, или 73,85%) содержали в себе необходимость оказания содействия в трудоустройстве, получении пособия по безработице (1 642, или 21,97%), консультировании по социальным и правовым вопросам (1 381, или 18,47%), предоставлении временного места пребывания (1 224, или 16,37 %), содействии в получении документов, необходимых для реализации своих прав (937, или 12,54%).

На основании результатов проведенной оценки индивидуальной нуждаемости осужденных в 2024 году в отношении 6 816 осужденных (5 844 – к лишению свободы и 972 – к принудительным работам) принято решение о целесообразности оказания содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, подготовлено 6 678 индивидуальных программ (5 725 – в отношении осужденных к лишению свободы и 953 – в отношении осужденных к принудительным работам), отказано в оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации 55 осужденным (44 – к лишению свободы и 11 – к принудительным работам).

Особый интерес вызывает взаимодействие территориальных органов ФСИН России с институтами гражданского общества, социально ориентированными коммерческими и некоммерческими организациями.

16 сентября 2024 года Министерством юстиции РФ принят приказ № 278 «Об утверждении правил организации деятельности центров пробации» в п.1 которого указано, что некоммерческими, в том числе религиозными, организациями и общественными объединениями, социально ориентированными некоммерческими организациями могут создаваться центры пробации в целях оказания помощи лицам, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, в том числе в предоставлении временного места пребывания. В п. 5 приказа также говорится, что центры пробации взаимодействуют с субъектами пробации, органами местного самоуправления, коммерческими и некоммерческими, в том числе религиозными, социально ориентированными некоммерческими организациями, организациями и общественными объединениями, негосударственными (коммерческими и некоммерческими) организациями социального обслуживания, предоставляющими социальные услуги, организациями, осуществляющими образовательную деятельность, научными, медицинскими организациями, индивидуальными предпринимателями, в том числе на основании соглашений, заключенных с субъектами пробации, общественными наблюдательными комиссиями, а также гражданами. Настоящий приказ вступил в силу с 01.01.2025, в связи с чем в настоящее время существует ряд нерешенных проблем осуществления взаимодействия территориальных органов ФСИН России с институтами гражданского общества, социально ориентированными коммерческими и некоммерческими организациями.

Наиболее частыми причинами прекращения проведения исполнительной и пенитенциарной пробации являются: самостоятельный отказ от предоставления им помощи (в том числе в связи убытием осужденных в зону проведения специальной военной операции); отсутствие фактов, подтверждающих нуждаемость; прекращение оказания помощи в связи с личной недисциплинированностью осужденных, а именно, невыполнение ими мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой.

На основании изложенного и учитывая складывающуюся практику применения ФЗ «О пробации в РФ» можно сформулировать некоторые проблемы, связанные с реализацией данного закона:

- отсутствие специального государственного финансирования, что негативно отражается на реализации положений закона (например, к субъектам пробации не отнесены органы местного самоуправления и центры пробации);
- небольшое количество осужденных, обращающихся за помощью в рамках пробации (особенно при постпенитенциарной пробации);
- запутанность и размытость формулировок (ресоциализация, социальная адаптация, социальная реабилитация), (трудная жизненная ситуация - обстоятельство или обстоятельства, которые ухудшают условия жизнедеятельности лиц, в отношении которых применяется пробация, и последствия которых они не могут преодолеть самостоятельно);
- отсутствие какой-либо значимой ответственности для лиц, уклоняющихся от пробационных мероприятий;
- основные мероприятия, связанные с исполнительной и постпенитенциарной пробацией возложены на уголовно-исполнительные инспекции, которые в настоящее время и так перегружены «основной» работой, связанной с исполнением наказаний и иных мер уголовно-правового характера, контролем за подозреваемыми и обвиняемыми, а также за условно-досрочно освобожденными;

- центры пробации создаются на базе некоммерческих (негосударственных) организаций, что не позволяет полноценно контролировать их деятельность. Также можно утверждать, что полностью не определен организационно-правовой статус центров пробации, включая правовое положение лиц, содержащихся в них, условия размещения и другие вопросы;

- учитывая разную ведомственную принадлежность субъектов пробации, разграничение их компетенций в соответствующих нормативных правовых актах должно базироваться на теоретически обоснованной модели их взаимодействия по вопросам пробации (возможно принятие некоего регламента по взаимодействию между субъектами пробации);

- проблемы с подготовкой квалифицированных специалистов в сфере пробации (нехватка учебных и методических материалов, недостаточно практического опыта по применению закона);

- несогласованность положений нормативных правовых актов, регламентирующих отношения в сфере исполнительной пробации, с корреспондирующими положениями нормативных правовых актов в сфере занятости населения и социального обслуживания граждан в Российской Федерации (например, при оценке категории «трудной жизненной ситуации»);

- с точки зрения теории права можно утверждать о неопределенном месте норм, связанных с институтом пробации, в системе права, что приводит в отдельных случаях к дублированию (конкуренции) норм, а в других случаях к трудностям при их реализации.

Список литературы:

1. Селиверстов, В. И. Расширение функционального назначения уголовно-исполнительной системы в контексте принятия федерального закона о пробации / В. И. Селиверстов, В. В. Степанов, П. А. Филиппов // Административное право и процесс. – 2024. – № 11. – С. 13-17.
2. Тепляшин, П. В. Междотраслевая юридическая природа субинститута пробации / П. В. Тепляшин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 1(65). – С. 299-302.
3. Голодов, П. В. Пробация в Российской Федерации: некоторые проблемы содержания и правовой регламентации / П. В. Голодов // Пенитенциарная наука. – 2022. – Т. 16, № 2(58). – С. 194-203.
4. Скиба, А. П. Направления совершенствования уголовно-исполнительного права в связи с принятием Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» / А. П. Скиба // Союз криминалистов и криминологов. – 2025. – № 1. – С. 117-129.
5. Генерал-майор ФСИН: применение пробации в России уже дает хорошие результаты // <https://tass.ru/interviews/23981565> (дата обращения: 29.10.2025).

References:

1. Seliverstov, V. I. Expanding the Functional Purpose of the Penitentiary System in the Context of the Adoption of the Federal Law on Probation / V. I. Seliverstov, V. V. Stepanov, and P. A. Filippov // Administrative Law and Procedure. – 2024. – No. 11. – Pp. 13-17.
2. Teplyashin, P. V. The Interdisciplinary Legal Nature of the Probation Sub-Institute / P. V. Teplyashin // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 1(65). – Pp. 299-302.
3. Golodov, P. V. Probation in the Russian Federation: Some Problems of Content and Legal Regulation / P. V. Golodov // Penitentiary Science. – 2022. – Vol. 16, No. 2(58). – pp. 194-203.
4. Skiba, A. P. Directions for improving penal enforcement law in connection with the adoption of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation" / A. P. Skiba // Union of Criminologists and Criminologists. – 2025. – No. 1. – Pp. 117-129.
5. Major General of the Federal Penitentiary Service: the use of probation in Russia is already yielding good results // <https://tass.ru/interviews/23981565> (accessed on 29.10.2025).

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА FEATURES OF CRIMINAL LAW REGULATION OF CERTAIN TYPES OF PUNISHMENTS THAT ARE NOT RELATED TO ISOLATION FROM SOCIETY

БАЗАРОВ Рустам Ахтамович,

доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, член Ассоциации юристов России, главный научный сотрудник ДГЮ Минюста России.
283049, Россия, ДНР, г. Донецк, ул. Лебединского, д. 9.
E-mail: don-8066@mail.ru

BAZAROV Rustam Ahtamovich,

doctor of law, professor, Honored lawyer of the Russian Federation, member of the Association of lawyers of Russia, chief researcher of the DGUY of the Ministry of Justice of Russia.
283049, Russia, DPR, Donetsk, Lebedinsky St., 9.
E-mail: don-8066@mail.ru

Краткая аннотация. В настоящей научной статье осуществлено уголовно-правовое исследование особенностей регламентации в уголовном законодательстве Российской Федерации некоторых видов уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества. В частности, осуществлен уголовно-правовой анализ норм Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее – УК РФ), регламентирующих такие виды наказаний, не связанных с изоляцией от общества, как обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы. В результате формально-юридического (догматического), логико-правового и сравнительно-правового анализа соответствующих норм уголовного законодательства выявлены некоторые проблемные вопросы в сфере уголовно-правовой регламентации вышеуказанных наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Данное обстоятельство послужило поводом для разработки и формулирования некоторых социально обусловленных и научно обоснованных предложений по их решению.

Abstract. This scientific article provides a criminal law study of the specific features of the regulation of certain types of criminal penalties that do not involve isolation from society in the criminal legislation of the Russian Federation. In particular, it provides a criminal law analysis of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation [1] (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation) that regulate such types of penalties that do not involve isolation from society as compulsory labor, correctional labor, and restriction of freedom. As a result of a formal-legal (dogmatic), logical-legal, and comparative-legal analysis of the relevant norms of criminal legislation, some problematic issues were identified in the field of criminal law regulation of the above-mentioned punishments that are not related to isolation from society. This circumstance served as a reason for the development and formulation of some socially conditioned and scientifically substantiated proposals for their solution.

Ключевые слова: уголовное законодательство Российской Федерации, наказания, не связанные с изоляцией от общества, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы, проблемы в сфере уголовно-правовой регламентации.

Keywords: criminal legislation of the Russian Federation, punishments that do not involve isolation from society, compulsory labor, correctional labor, restriction of freedom, and problems in the field of criminal law regulation.

Для цитирования: Базаров Р.А. Особенности уголовно-правовой регламентации некоторых видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 671-674. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_671.

For citation: Bazarov R.A. Features of criminal law regulation of certain types of punishments that are not related to isolation from society // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 671-674. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_671.

Статья поступила в редакцию: 05.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Введение. Одним из важнейших направлений политики государства в деле повышения качества жизни граждан является обеспечение правопорядка в обществе, защиты личности, собственности, иных прав и законных интересов населения от преступных посягательств. Не случайно, что в Стратегии национальной безопасности на федеральном уровне закреплено, что в качестве основных угроз безопасности общества и государства выступают незаконный оборот наркотиков, взрывчатых веществ, оружия, боеприпасов к нему, незаконная миграция, торговля людьми, криминальные деяния против личности, собственности, коррупция. При этом мерами обеспечения безопасности определены, в том числе, повышение эффективности правоохранительной и правоприменительной деятельности соответствующих государственных органов и федеральных служб, направленной на снижение уровня криминализации во всех сферах жизнедеятельности общества и государства [2]. Данным документом обращается внимание, что удовлетворенность граждан степенью защищенности своих прав и законных интересов от преступных посягательств представляет собой один из важнейших показателей, по которым необходимо оценивать состояние национальной безопасности. Наряду с другими государственными органами, федеральными службами, особая роль в предупреждении преступлений и борьбе с ними принадлежит органам внутренних дел, органам и учреждениям уголовно-исполнительной системы, уголовному законодательству, состоящему из УК РФ, и уголовно-исполнительному законодательству, состоящему из Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [3] (далее – УИК РФ) и других федеральных законов.

Цель исследования. Осуществить анализ особенностей регламентации в российском уголовном законодательстве некоторых видов уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества. В частности, исследовать нормы УК РФ, регламентирующие следующие виды наказаний, не связанных с изоляцией от общества: обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы. На основе указанного анализа выявить некоторые проблемы в сфере уголовно-правовой регламентации перечисленных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и сформулировать социально обусловленные и научно обоснованные предложения, направленные на их решение.

Методы исследования. В настоящей научной статье применялись такие общенаучные методы познания, как диалектический, дедукция и индукция, анализ и синтез, а также частнонаучные методы исследования: формально-правовой (догматический), логико-юридический, сравнительно-правовой.

Важными мерами борьбы с преступностью выступают различные виды уголовных наказаний, исчерпывающий перечень которых приведен в статье 44 УК РФ. На законодательном уровне определено, что под наказанием следует понимать меру принудительного государственного воздействия, назначаемую приговором суда в отношении виновного в преступлении лица, суть которой состоит в лишении или ограничении прав и свобод осужденного (часть 1 статьи 43 УК РФ) в целях, во-первых, восстановления социальной справедливости, во-вторых, исправления осужденного (часть 1 статьи 9 УИК РФ), в-третьих, общей и частной превенции преступлений (часть 2 статьи 43 УК РФ, часть 1 статьи 1 УИК РФ).

Возможность реализации вышеуказанных основополагающих положений в процессе исполнения наказаний, не сопряженных с изоляцией осужденного от общества, в значительной мере обусловлена степенью учета таких принципов уголовного законодательства и уголовно-исполнительного законодательства, как: справедливость; гуманизм; дифференциация и индивидуализация исполнения наказаний; рациональное применение мер принуждения (статьи 6-7 УК РФ, статья 8 УИК РФ). Кроме этого, вполне обоснованно на законодательном уровне закреплён следующий правоприменительный подход: более строгий вид наказания (из числа тех, которые предусмотрены в санкции уголовно-правовой нормы об ответственности за совершенное деяние) может быть назначен лишь тогда, когда, по убеждению суда, менее строгий вид наказания не будет способствовать достижению целей наказания (часть 1 статьи 60 УК РФ). Данное положение в полной мере отвечает вышеуказанным принципам.

Как обоснованно отмечает Д.В. Горбань в своей научной статье, посвященной рассмотрению общетеоретических подходов к проблеме прогрессивной системы исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, по опубликованным на уровне официальной статистики сведениям, наблюдается отчетливо выраженная тенденция постепенного и стабильного увеличения количества судебных приговоров по рассмотренным уголовным делам о преступлениях с назначением наказания, не связанных с лишением свободы [4].

Сравнительно-правовой анализ раздела III «Наказание» Общей части УК РФ и раздела II «Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества» Особенной части УИК РФ показывает, что к видам наказаний, которые не сопряжены с применением такой строгой меры, как изоляция осужденного от общества, относятся: штраф; лишение права занимать определенные должности (или заниматься определенной деятельностью); лишение звания (специального, воинского или почетного), классного чина, государственных наград; обязательные работы; исправительные работы; ограничение свободы; принудительные работы; ограничение по военной службе. Данный перечень весьма убедительно свидетельствует о многочисленности и разнообразии видов наказаний, не сопряженных с изоляцией осужденного от общества, с одной стороны, являющихся наиболее гуманными для осужденного, а также зачастую предпочтительными для его родных и близких, с другой стороны, нередко способных обеспечить достижение целей наказания (часть 2 статьи 43 УК РФ) и целей уголовно-исполнительного законодательства (часть 1 статьи 1 УИК РФ). Следует согласиться с распространенным в научной литературе мнением, согласно которому важнейшая сущностная составляющая наказаний, не сопряженных с изоляцией от общества, состоит в том, что осужденный не помещается в тот или иной вид учреждения уголовно-исполнительной системы, что и обуславливает в значительной степени мягкость репрессивности данных видов наказаний [5].

Так, одним из видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества, являются обязательные работы. При этом конкретные вид обязательных работ и объекты, где они отбываются, определяются на основании согласования органа местного самоуправления и уголовно-исполнительной инспекции. Суть данного вида наказания состоит в том, что осужденный обязан по приговору суда выполнять общественно полезные работы на безвозмездной основе, то есть без оплаты за них, в свободное от работы или учебы время, в течение определенного судом срока, но не менее 60 часов и не более 480 часов, при этом на законодательном уровне установлены ограничения: не более 4-х часов в день – в выходные дни, а также в иные дни, если осужденный не занят на основной работе или учебе; не более 2-х часов в день после своей основной работы или учебы осужденного, с оговоркой, что при наличии его согласия – не более 4-х часов.

В этой связи представляются вполне обоснованными встречающиеся в научной литературе мнения о целесообразности подкорректировать временные ограничения отбывания обязательных работ в день. Например, в научной статье, посвященной исследованию проблем регламентации правового статуса осужденных к наказаниям, не сопряженным с лишением свободы, сформулировано предложение установить на законодательном уровне право осужденного отбывать рассматриваемый вид наказания более 4-х часов в день в свободное от основной работы или учебы время [6]. Солидарность с данным предложением высказывают и другие авторы, полагая, что предлагаемый подход представляет собой положительный заряд стимулирования осужденных не к уклонению от отбывания назначенного судом наказания, а, наоборот, к скорейшему ему отбытию [7].

На основании вышеизложенного предлагается внести изменения в действующее законодательство Российской Федерации. Так, целесообразно в часть 2 статьи 49 УК РФ, часть 2 статьи 27 УИК РФ определить, что время обязательных работ в выходные дни и в дни, когда осужденный не занят на основной работе или учебе, устанавливается 4 часа, а при желании осужденного – свыше 4 часов, но не более 8 часов; в рабочие дни вне времени основной работы или учебы – 2 часа, а при желании осужденного – свыше 2 часов, но не более 4 часов. При этом в соответствии с предлагаемыми изменениями в вышеуказанной норме уголовно-исполнительного законодательства необходимо закрепить положение, что время обязательных работ в течение недели, как правило, должно быть не менее 18 часов из расчета 2 выходных дня: 4 ч. x 2 дня = 8 ч., 5 рабочих дней: 2 ч. x 5 дней = 10 ч. Итого: 8 ч. + 10 ч. = 18 ч. С учетом многообразия жизненных ситуаций, в том числе неблагоприятного

характера, и необходимости реализации законодательно закрепленного принципа гуманизма, предлагается сохранить положение о том, что уголовно-исполнительная инспекция правомочна в исключительных случаях предоставить осужденному возможность отбыть наказание в виде обязательных работ в течение недели меньшее количество часов.

Научно-практический интерес представляют следующие предложения В.А. Уткина: во-первых, установить более высокий верхний предел данного вида наказания, увеличив его с 480 часов до 1000 часов, что, по мнению ученого, сделает обязательные работы «конкурентоспособными» по отношению к такому наиболее строгому виду наказания, как лишение свободы, и поэтому способно обеспечить сокращение применения реального лишения свободы; во-вторых, им предлагается предусмотреть правомочие суда сократить срок отбывания осужденным обязательных работ на основании представления уголовно-исполнительной инспекции о том, что осужденный добросовестно отбыл не менее половины срока назначенного судом наказания, соблюдал требования уголовно-исполнительной инспекции [8].

Особая значимость вышеприведенных законотворческих предложений уголовно-правового и уголовно-исполнительного характера состоит в том, что в них органически сбалансированы элементы, с одной стороны, повышения строгости наказания в виде обязательных работ в целях повышения его эффективности, с другой – реализации законодательных принципов гуманизма, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, рационального применения мер принуждения, когда речь идет о минимизации количества приговоров о назначении лишения свободы, о праве уголовно-исполнительных инспекций выходить с представлениями в суд о сокращении срока отбывания осужденным обязательных работ.

Следующим видом наказания, не сопряженным с изоляцией осужденного от общества, являются исправительные работы (статья 50 УК РФ). Данный вид наказания может быть назначен как в случае наличия у осужденного основного места работы, так и при отсутствии такового. В первом случае отбытие данного вида наказания назначается по основному месту работы, в то время как во втором случае место отбывания наказания определяется по согласованию органом местного самоуправления и уголовно-исполнительной инспекции. При этом место отбывания наказания должно быть определено в административно-территориальных границах района, где проживает осужденный. Рассматриваемый вид наказания может быть назначен осужденному судом на срок не менее 2 месяцев и не свыше 2 лет.

«Наказательный» элемент исправительных работ состоит в том, что, во-первых, из зарплаты осужденного в доход государства ежемесячно удерживается денежная сумма в размере не менее 5% и не более 20% (конкретный процент определяется в приговоре суда), во-вторых, осужденный не имеет права уволиться с работы по собственному желанию без согласия уголовно-исполнительной инспекции, в-третьих, осужденный, не имеющий основного места работы, не имеет права отказаться от той работы, которая будет ему определена, в-четвертых, осужденному полагается сокращенный ежегодный оплачиваемый отпуск (18 рабочих дней), в-пятых, осужденный обязан являться в уголовно-исполнительную инспекцию по ее вызову или на регистрацию (в случае, если осужденный нарушит правила отбывания наказания, то уголовно-исполнительная инспекция может обязать его являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации 1 или 2 раза в месяц), в-шестых, то время, в течение которого осужденный должен был работать, но фактически не работал, не засчитывается в срок отбывания данного вида наказания, в-седьмых, при его злостном уклонении от отбывания рассматриваемого вида наказания суд может по представлению уголовно-исполнительной инспекции заменить этот вид наказания другим – более строгим видом наказания из расчета 1 день принудительных работ или 1 день лишения свободы за 3 дня исправительных работ.

Следует согласиться с мнением авторов, отмечающих схожесть таких видов наказаний, как выше рассмотренные обязательные работы и рассматриваемые здесь исправительные работы, в связи с чем представляются вполне обоснованными предложения о внесении изменений в уголовное законодательство, направленных на объединение данных видов наказаний в одно – исправительные работы. При этом предполагается закрепить на законодательном уровне три особенности отбывания данного вида наказания: в случае наличия у осужденного основного места работы, исправительные работы отбываются по данному месту работы; при отсутствии основного места работы у осужденного, исправительные работы отбываются в местах, определяемых по согласованию органами местного самоуправления и уголовно-исполнительными инспекциями; в случае наличия у осужденного основного места работы или учебы, с учетом всех обстоятельств дела и личности виновного, суд может назначить исправительные работы в свободное от работы или учебы время в виде общественно полезных работ на безвозмездной основе, то есть без оплаты данных работ. Тем самым будет обеспечена унификация двух видов наказаний.

Следующим видом наказания, не связанным с изоляцией осужденного от общества, является ограничение свободы (статья 53 УК РФ). Данный вид наказания заключается в том, что осужденному по приговору суда устанавливаются такие обязательные ограничения, как запрет на изменение места жительства без согласия уголовно-исполнительной инспекции, запрет на выезд за пределы административно-территориальных границ муниципального образования, в котором проживает осужденный. Кроме этого, суд правомочен установить в приговоре и иные ограничения, предусмотренные уголовным законодательством, такие, например, как запрет на уход из дома в определенное, например, в вечернее и ночное время суток, на посещение определенных мест, например, ресторанов, ночных клубов, иных заведений, где имеют место продажа и распитие спиртных напитков, на посещение мест, где проводятся массовые мероприятия, например, спортивного, культурного или политического характера, на изменение места работы или учебы без согласия уголовно-исполнительной инспекции. Наряду с этим, в приговоре суда устанавливается обязанность осужденного к ограничению свободы являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации от 1 до 4 раз в месяц. Данный вид наказания может быть назначен на срок от 2 месяцев до 4 лет за преступления небольшой и средней тяжести – в качестве основного вида наказания, на срок от 6 месяцев до 2 лет – в качестве дополнительного вида наказания к принудительным работам или к лишению свободы – лишь в случае, если это предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

В научных работах можно встретить мнение авторов, будто бы закрепление в УК РФ и УИК РФ такого вида наказания, не сопряженного с изоляцией осужденного от общества, как ограничение свободы исторически связано с имевшимся в советский период правовым институтом условного осуждения с обязательным привлечением к труду [9]. Однако сравнительно-правовой анализ норм УК РФ и УИК РФ, регламентирующих, с одной стороны, исполнение наказания в виде ограничения свободы, с другой – условное осуждение, весьма убедительно свидетельствует именно о их схожести. Например, при применении судом условного осуждения, на осужденного также, как и при назначении наказания в виде ограничения свободы, возлагаются определенные ограничения, связанные с запретом на изменение места жительства, работы или учебы без уведомления уголовно-исполнительной инспекции, на посещение определенных мест и т.п. При этом судом могут быть возложены на осужденного и иные ограничения, обязанности, направленные на его исправление. Также, как и при ограничении свободы к компетенции уголовно-исполнительных инспекций относится контроль за поведением условно осужденного. Кроме этого, вполне обоснованно в научных работах отмечается схожесть правоограничений, с одной стороны, административного надзора, с другой, наказания в виде ограничения свободы [9].

Вывод. Вызывает сомнение исправительный эффект в содержании наказания в виде ограничения свободы. Содержание такого вида наказания как ограничение свободы в полной мере охватывается условным осуждением и административным надзором, что обуславливает целесообразность исключения данного вида наказания из УК РФ.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.
4. Горбань Д.В. Прогрессивная система исполнения и отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1. С. 74-75.
5. Тараленко К.Н. К вопросу о содержании наказания в виде обязательных работ // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник научных статей. Ч. 9. Томск, 2012. С. 45-49.
6. Гудзовская И.В. Особенности и проблемы регулирования правового статуса осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, в уголовно-исполнительном законодательстве // Известия РГПУ имени А.И. Герцена. 2007. № 36. С. 38.
7. Лядов Э.В. Содержание уголовного наказания в виде обязательных работ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки: Всероссийский научный журнал. 2015. № 6. С. 351.
8. Уткин В.А. Альтернативные санкции в России: состояние, проблемы и перспективы. М.: Penal Reform International, 2013. С. 32.
9. Елисеева Т.Н. Особенности исполнения ограничения свободы в российском законодательстве // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. № 10. С. 137.
10. Буранов Г.К., Чиканова А.С. Проблемы ограничения свободы как дополнительного наказания // Актуальные вопросы юридических наук: материалы IV Международной научной конференции (г. Чита, апрель 2018 г.). Чита, 2018. С. 54.

References:

1. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on November 17, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021, No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (Part II). Art. 5351.
3. Penal Code of the Russian Federation dated January 8, 1997 No. 1-FZ (as amended on July 31, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 2. Art. 198.
4. Gorban D.V. The Progressive System of Execution and Serving of Penalties Not Connected with Imprisonment // Man: Crime and Punishment. 2016. No. 1. Pp. 74-75.
5. Tararenko K.N. On the Content of Punishment in the Form of Compulsory Labor // Legal Issues in Strengthening Russian Statehood: Collection of Scientific Articles. Part 9. Tomsk, 2012. Pp. 45-49.
6. Gudzovskaya I.V. Features and Problems of Regulating the Legal Status of Convicts to Punishments Not Related to Imprisonment in the Criminal Executive Legislation // Izvestiya of the Herzen State Pedagogical University of Russia. 2007. No. 36. P. 38.
7. Lyadov E.V. The Content of Criminal Punishment in the Form of Compulsory Labor // Humanities, Social Sciences, Economics, and Public Affairs: All-Russian Scientific Journal. 2015. No. 6. P. 351.
8. Utkin V.A. Alternative Sanctions in Russia: State, Problems, and Prospects. Moscow: Penal Reform International, 2013. P. 32.
9. Eliseeva T.N. Features of the Execution of Restriction of Freedom in Russian Legislation // Nauka. Mysl: Electronic Periodical Journal. 2016. No. 10. P. 137.
10. Buranov G.K., Chikanova A.S. Problems of Restriction of Freedom as an Additional Punishment // Actual Issues of Legal Sciences: Materials of the IV International Scientific Conference (Chita, April 2018). Chita, 2018. P. 54.

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ И США ON COMBATING CYBERCRIME IN RUSSIA AND THE UNITED STATES

ДРЯГЛИНА Светлана Андреевна

старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова
680032, Россия, г. Хабаровск ул. Автономная д.9.
Email: 05.12.10@bk.ru

DRYAGLINA S.A.

senior lecturer of the Department of General Legal Disciplines
of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov.
9 Autonomnaya str., Khabarovsk, 680032, Russia
Email: 05.12.10@bk.ru

Краткая аннотация: в условиях глобализации киберпространства вопрос противодействия киберпреступности становится на первое место для национальной безопасности и экономического развития как России, так и США. В данной статье проводится сравнение подходов к борьбе с киберпреступностью в этих двух странах.

Abstract: In the context of globalized cyberspace, combating cybercrime has become a top priority for national security and economic development in both Russia and the United States. This article compares approaches to combating cybercrime in these two countries.

Ключевые слова: киберпреступность, кибербезопасность, США, киберпространство, информационные технологии.

Keywords: cybercrime, cybersecurity, United States, cyberspace, information technology.

Для цитирования: Дряглина С.А. К вопросу о противодействии киберпреступности в России и США // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 675-676. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_675.

For citation: Dryaglina S.A. On combating cybercrime in Russia and the United States // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 675-676. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_675.

Статья поступила в редакцию: 31.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В XXI веке произошло стремительное развитие информационных технологий, которые открыли новые горизонты для человеческой деятельности во всех сферах социума. Вместе с тем повсеместное распространение интернета во всем мире одновременно создало среду для появления и распространения новых видов преступлений, требующих регулирования.

Киберпреступность одна из наиболее острых и актуальных проблем, которая затрагивает интересы граждан и государственных структур, представляя серьезную угрозу национальной и международной безопасности. Глобальный характер сети интернет делает киберпреступность транснациональной проблемой, требующей скоординированных усилий на международном уровне.

Борьба с киберпреступностью в условиях стремительного технологического прогресса, а также постоянно меняющихся методов совершения противоправных деяний, требует комплексного и скоординированного подход, включающего в себя совершенствование законодательства, развитие технических средств защиты, повышения уровня осведомленности граждан и укрепления международного сотрудничества. Однако каждая страна, исходя из своих правовых традиций, экономического развития и геополитической ситуации, формирует собственные подходы к противодействию этой угрозе.

Киберпреступность это преступная деятельность, которая включает в себя использование компьютерных систем, компьютерных сетей или цифровых устройств. Она может быть классифицирована по различным критериям, однако, наиболее распространенным, по нашему мнению, является деление на:

- преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных систем (хакинг, распространение вредоносного программного обеспечения, DDoS-атаки);
- преступления, связанные с использованием компьютеров в качестве инструмента для совершения деяний (кибербулинг, распространение детской порнографии, мошенничество с использованием электронных средств платежа).

Российская Федерация предпринимает активные шаги по противодействию киберпреступности, развивая как технические и организационные меры, так и нормативно-правовую базу.

Законодательство ориентировано на обеспечение национальной безопасности и государственный контроль в киберпространстве. Основным нормативным актом, регулирующим ответственность за киберпреступления в России, является Уголовный кодекс Российской Федерации (далее УК РФ). В нем предусмотрены статьи, направленные на пресечение различных видов киберпреступлений, такие как:

- статья 138.1 УК РФ Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации;
- статья 159.6 УК РФ Мошенничество в сфере компьютерной информации;
- статья 272 УК РФ Неправомерный доступ к компьютерной информации;
- статья 273 УК РФ Создание использование и распространение вредоносных компьютерных программ;
- статья 274 УК РФ Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации [1].

В структуре МВД России созданы и действуют подразделения по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий. Эти подразделения координируют деятельность территориальных органов МВД России по борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий, осуществляют оперативно-розыскную деятельность по выявлению и пресечению киберпреступлений. Правоохранительные органы ежедневно проводят профилактические мероприятия, повышая уровень осведомленности граждан о мерах безопасности в сети Интернет.

Так же существует государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации (ГосСОПКА), которая представляет собой единый территориально распределительный комплекс, включающий в себя силы и средства, предназначенные для обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак и реагирования на компьютерные инциденты. Наравне с ней существуют и центры мониторинга и реагирования на инциденты информационной безопасности. К примеру, в Якутии был открыт в 2024 году первый и единственный на Дальнем востоке «Центр противодействия кибератакам» на базе Республиканского центра инфокоммуникационных технологий.

Кроме того, Россия активно развивает собственные технологические решения в области кибербезопасности, такие как разработка отечественного программного обеспечения, система защиты от DDoS-атак, технологии криптографической защиты информации. Большое внимание уделяется разработке отечественных технологий и обеспечению технологической независимости.

Но несмотря на предпринимаемые усилия Россия, как и многие другие страны сталкивается с рядом проблем: трансграничный характер преступлений, быстрое развитие технологий (киберпреступники совершенствуют свои методы, что требует постоянного изменения законодательной базы и технических средств); нехватка квалифицированных кадров; недостаток в развитии отечественных разработок в области кибербезопасности.

Международный опыт борьбы с киберпреступлениями отличается разнообразием подходов и активным развитием сотрудничества. Рассмотрим на примере США, так как эта страна в числе первых ратифицировала Будапештскую конвенцию по борьбе с киберпреступностью Совета Европы.

В США существует обширная законодательная база, развитая системой прецедентного права направленная на борьбу с киберпреступностью, в нее входят федеральные законы и законы штатов. Закон о компьютерном мошенничестве и злоупотреблениях (Computer Fraud and Abuse Act, CFAA) устанавливает запрет на действия, причиняющие вред компьютерным системам; Закон о противодействии кражи и присвоении идентификационных данных (Identity Theft and Assumption Deterrence Act); Национальная стратегия кибербезопасности (National Cyber Strategy) определяет стратегические цели и приоритеты США в области защиты национальной инфраструктуры и противодействия киберугроз со стороны иностранных государств.

Противодействие киберпреступности в США осуществляют различные органы, такие как Федеральное бюро расследований (является основным агентством, ответственным за расследование киберпреступлений), Министерство юстиции (занимается преследованием киберпреступников в суде), Киберкомандование США (отвечает за кибербезопасность Вооружённых сил США и проводит специальные операции в киберпространстве). Эффективное противодействие преступности невозможно без активного сотрудничества между государственными и частными организациями, поэтому в США существует Агентство по кибербезопасности и защите инфраструктуры, которое отвечает за защиту критической инфраструктура государства. Кроме этого разрабатываются и внедряются новые передовые технологии киберразведки (Cyber Threat Intelligence), блокчейн технологии для повышения безопасности онлайн-транзакций.

В США продвигается командный подход к борьбе с киберпреступностью через уникальные центры, где правительство, промышленность и академические круги формируют долгосрочные доверительные отношения. Одним из таких центров является Национальная совместная группа по расследованию киберугроз (далее - NCIJTF). ФБР возглавляет эту целевую группу из более чем 30 совмещенных агентств разведывательного сообщества и правоохранительных органов. NCIJTF организован вокруг специализированных центров, обоснованных в ключевых областях сферы информационно-телекоммуникационных технологий США, и возглавляется высшим руководством партнерских агентств. Через эти специализированные центры правоохранители и разведка объединяются для максимального воздействия на киберпреступность, угрожающей США [2].

Противодействие киберпреступности в России и США - это сложный и многогранный процесс, отражающий различия в политических системах, экономических моделях и культурных ценностях. Перспективы развития системы противодействия киберпреступности в обеих странах связаны с развитием новых технологий, усилением международного сотрудничества и подготовкой квалифицированных кадров.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. Закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
2. Пейзак А. В. Противодействие киберпреступности в США // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2022. № 4 (12). С. 54–59.

References:

1. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996, No. 63-FZ, adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on May 24, 1996; approved by the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation on June 5, 1996. Accessed from the legal reference system "Consultant Plus".
2. Peyzak, A.V., "Combating Cybercrime in the USA." Society, Law, and Statehood: Retrospective and Prospect. 2022. No. 4 (12). pp. 54–59.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЙ ОГРАНИЧЕНИЙ И ЗАПРЕТОВ, СВЯЗАННЫХ СО СЛУЖБОЙ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ TO THE ISSUE OF DEFINING THE CONCEPTS OF RESTRICTIONS AND PROHIBITIONS RELATED TO SERVICE IN THE RUSSIAN PENAL SYSTEM

ДАДАЕВА Марина Ивановна,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров,
Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.
390000, Россия, Рязанская обл., г.Рязань, ул.Сенная,1,
E-mail: m.dadaeva13@yandex.ru

DADAeva Marina Ivanovna,

Adjunct of the Faculty for the Training of Scientific and Pedagogical Personnel.
Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service.
390000, Russia, Ryazan region, Ryazan, Sennaya st.,1,
E-mail: m.dadaeva13@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье проводится комплексный анализ правовых категорий «ограничение» и «запрет» применительно к службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (далее – УИС). Целью исследования является преодоление терминологической неопределенности и выработка четких дефиниций, обусловленных спецификой службы в системе исполнения наказаний. На основе изучения научной доктрины и нормативно-правовой базы выявляются существенные признаки, социальное назначение и функциональная роль ограничений и запретов. Делается вывод о необходимости их законодательного разграничения и закрепления в Федеральном законе от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»» (далее – ФЗ от 19 июля 2018 г. №197) в качестве самостоятельных элементов деятельности сотрудника УИС для противодействия коррупции и обеспечения законности.

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the legal categories "restriction" and "prohibition" in relation to service in the penitentiary system of the Russian Federation (hereinafter referred to as the penal system). The aim of the work is to overcome terminological uncertainty and develop clear definitions determined to the specifics of the penitentiary service. Based on the study of scientific doctrine and the regulatory framework, essential signs, social purpose and the functional role of restrictions and prohibitions are revealed. It is concluded that it is necessary to distinguish and consolidate them in the Federal Law "On Service in the Penal System of the Russian Federation" as independent elements of the legal status of an employee of the penal system to combat corruption and ensure the rule of law.

Ключевые слова: ограничения, запреты, уголовно-исполнительная система, правовой статус, государственная служба, правовое регулирование.

Keywords: restrictions, prohibitions, penal system, employee legal status, public service, legal regulation.

Для цитирования: Дадаева М.И. К вопросу об определении понятий ограничений и запретов, связанных со службой в уголовно-исполнительной системе России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 677-680. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_677.

For citation: Dadaeva M.I. To the issue of defining the concepts of restrictions and prohibitions related to service in the Russian penal system // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 677-680. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_677.

Статья поступила в редакцию: 18.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В современных условиях актуальным направлением исследования выступает система ограничений и запретов на государственной службе и в правоохранительных органах, в частности УИС Российской Федерации. Деятельность сотрудников системы исполнения наказаний осуществляется в пределах полномочий, сопровождаемых конкретными ограничениями и запретами, которые являются фундаментальными в их правовом статусе и наиболее обременительными средствами правового регулирования [6, с. 133]. Как целостные правовые явления, ограничения и запреты, связанные со службой в УИС, являются малоизученными.

Понятия «ограничение» и «запрет» используются в различных отраслях права, однако усложнение правового регулирования привело к тому, что нормами различных отраслей права стали закрепляться правовые конструкции, одинаковые по названию, но всегда совпадающими по содержанию [1, с. 60]. То, что в одной отрасли права трактуется как ограничение (например, ограничение свободы как вид наказания), в другой может рассматриваться как запрет (запрет на занятие определенными видами деятельности), а иногда оба термина используются взаимозаменяемо в зависимости от предмета регулирования и специфики отрасли.

Следует отметить, что рассматриваемая проблема носит и межотраслевой характер, которая проявляется в сфере регулирования государственной службы, в том числе в УИС, где эти инструменты правового воздействия выполняют критически важную функцию обеспечения законности, дисциплины и противодействия коррупции. Отсутствие общеправовых легальных определений приводит к тому, что эти категории функционируют в различных нормативных контекстах изолированно, что вызывает дискуссии и затрудняет их практическое применение.

Данная проблема приобретает особую остроту в сфере службы в системе исполнения наказаний Российской Федерации, где от четкости правовых предписаний напрямую зависят законность, режим и эффективность ее функционирования. Актуальность исследования обусловлена потребностью в совершенствовании системы правовых средств, регулирующих служебные отношения в УИС, в условиях ориентации на международные стандарты и безусловное соблюдение прав человека.

Историко-правовой анализ развития ограничений и запретов на государственной службе в России позволяет выделить три хронологи-

ческих этапа становления института ограничений и запретов в деятельности сотрудников системы исполнения наказаний: дореволюционный период; советский период; современный период. Данная периодизация является традиционной в отечественной науке и применима к большинству правовых институтов [11, с. 103].

Постепенный переход от разрозненных предписаний XIX века к несистематизированным ведомственным актам XX века и к современному, но все еще не совершенному законодательству, показывает неизбежную тенденцию в необходимости системной, кодифицированной и концептуально осмысленной правовой регламентации ограничений и запретов. Такой подход, основанный на четком разграничении понятий, профилактике и прозрачности, способствует не только укреплению законности и дисциплины, но и повышению престижа службы в УИС и ее соответствию международным стандартам.

Запреты и ограничения стали изучаться с 1970-х годов [12, с. 108], но в настоящее время не существует общепринятых формулировок для этих терминов, что свидетельствует о глубине и масштабности существующей проблемы [4, с. 91]. В юридической литературе часто дефиниции «ограничение» и «запрет» употребляются как синонимы, так и отдельно, либо вместе в одном контексте. Теоретико-правовой анализ научной доктрины сущности этих категорий, выявил четыре основных подхода исследователей к их соотношению: равнозначность, когда ограничение и запрет считаются равными правовыми категориями; ограничение как более широкая категория, включающая запрет; запрет как более общая категория по отношению к ограничению; их полная самостоятельность как разных правовых категорий.

Наиболее аргументированной, обоснованной и единственно верной представляется позиция А.Г. Братко, поскольку, на наш взгляд, она четко и всесторонне раскрывает фундаментальное различие между запретом и ограничением, подчеркивая, что «запреты указывают на юридическую невозможность поведения, а ограничения на юридическую и фактическую невозможность, которая не может быть нарушена» [3, с. 17]. Эту глубокую дифференциацию дополняют взгляды других правоведов, согласно которым запреты и ограничения выступают как различные средства правового регулирования [10], являются разными правовыми категориями, [1, с. 63], родственными, но не совпадающими [там же, с. 64], рассматриваются как самостоятельные правовые институты и считаются самостоятельными способами регулирования [2, с. 9].

В современной российской правовой науке и законодательной практике сохраняется устойчивая проблема, связанная с отсутствием четких, легально закрепленных и единообразных определений деятельности государственного служащего – ограничений и запретов. Данная терминологическая неопределенность носит системный характер и порождает ряд серьезных правовых, теоретических и практических коллизий. Разнообразие научных взглядов дезориентирует правотворческую и правоприменительную практику.

Сущность проблемы заключается в том, что законодатели широко используя данные понятия в нормативных правовых актах, регламентирующих государственную службу (таких как Федеральные законы от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – ФЗ от 27 июля 2004 г. № 79), от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», отраслевые законы о правоохранительной службе и т.д.), избегает их формально-юридического определения, оставляя из интерпретацию на усмотрение правоприменителей. В рамках смежных законов, регулирующих государственную службу, отсутствует единый подход. ФЗ от 27 июля 2004 г. № 79 [13] оперирует преимущественно понятием «запреты», в то время как в ведомственных актах УИС, регламентирующих службу, используются как «запреты», так и «ограничения», что приводит к некорректному применению правовых норм.

Проблема усугубляется особой природой УИС и заключается в двойственном статусе сотрудников, совмещающих функции государственных служащих и сотрудников правоохранительных органов. На него одновременно распространяются ограничения и запреты, установленные для государственных служащих, и специальные ограничения и запреты, предусмотренные ведомственными нормативными актами УИС (например, связанные с применением физической силы, специальных средств, особыми требованиями к служебному поведению в условиях исполнения наказаний), что отражается в сложном, частично противоречивым нормативным регулировании. Отсутствие унифицированных дефиниций препятствует созданию стройной, логичной и непротиворечивой системы ограничений и запретов. Нормы носят фрагментарный характер, дублируются или, напротив, содержат пробелы.

Подобная двойственность приводит к тому, что единая система ограничений и запретов для сотрудников УИС отсутствует, а их деятельность регулируется разрозненным массивом норм, что осложняет восприятие правил и их исполнение. В этой связи, Р.В. Нагорных адаптируя данные понятия применительно к государственной службе в правоохранительной сфере, определяет, что под запретами и ограничениями следует понимать установленные законодательством правила поведения императивного характера, несоблюдение которых может повлечь применение мер государственного принуждения к служащим государственной правоохранительной службы [9, с. 243].

Проблема отсутствия законодательно закрепленных дефиниций «ограничений» и «запретов» перерождается из терминологической в системную проблему качества правового регулирования. Ее разрешение требует от законодателя проведения серьезной работы по выработке единых, концептуально выверенных определений, которые могут послужить прочному фундаменту для иных норм, регулирующих деятельность сотрудника УИС. Это является необходимым условием для обеспечения законности, правовой определенности и повышения эффективности государственной службы в целом.

Таким образом, на сегодняшний день в научной литературе отсутствует консенсус относительно соотношения и сущности рассматриваемых понятий на государственной службе. Научная литература предлагает различные концепции, от отождествления этих категорий до рассмотрения запрета как строгого вида ограничения или же ограничения как условия, а запрета как абсолютного запрета действия.

Достаточно убедительной является позиция, что запрет – это императивное предписание, указывающее на юридическую невозможность определенных действий под угрозой ответственности [7, с. 30-31], ограничение – это установление пределов, условий или изъятий, сужа-

ющих объем права и возможность его реализации или обстоятельств, несовместимых со службой [6, с. 133]. Эта концепция относится к правовой природе ограничений и запретов, характеризуя их как фундаментально различные правовые институты.

Принципиальные отличия ограничений и запретов проявляются по ряду критериев. По правовой природе ограничения устанавливают условия и пределы допуска к службе или продолжения ее осуществления [5, с. 88], [8, с. 84], [15, с. 60], формируя рамки прав и возможностей кандидата или служащего, тогда как запреты имеют всегда императивный характер и безусловно запрещают определенные действия [8, с. 84]. Целевое назначение ограничений заключается в отборе лиц, соответствующих требованиям службы, тогда как запреты направлены на защиту правопорядка, обеспечение дисциплины и предотвращение коррупции. Юридические последствия ограничений касаются допуска и продолжения службы, в то время как нарушение запретов влечет дисциплинарную, материальную, административную, уголовную ответственность. Область действия ограничений преимущественно охватывает этапы поступления на службу и ее продолжения, тогда как запреты распространяются на весь период службы, а в некоторых случаях в определенный период - после ее завершения и не связаны непосредственно с исполнением служебных обязанностей [5, с. 88].

Служба в УИС обладает значительной спецификой, обусловленной ее правоохранительным характером, повышенными требованиями к сотрудникам по сравнению с обычными гражданскими должностями и работой в условиях изоляции. Это предопределяет особую направленность ограничений и запретов на обеспечение безопасности, дисциплины, этических норм и высокого профессионального уровня в рамках исполнения наказаний и охраны правопорядка. Выявление основных признаков ограничений и запретов имеет важное научное значение для понимания их сущности и функций, что позволяет сформулировать четкие и обоснованные определения применительно к службе в системе исполнения наказаний.

Учитывая принципиальные различия между ограничениями и запретами, определяются характерные особенности данных правовых институтов применительно к службе в УИС (таблица 1). Ограничения в УИС устанавливают на законодательном уровне рамки и пределы возможностей права на службу и включают критерии приема (возрастные, физические, нравственные, квалификационные требования), а также условия, препятствующие приему (например, наличие судимости, медицинские противопоказания). Кроме того, ограничения регламентируют основания, для увольнения или невозможности продолжения службы (например, за совершение определенных преступлений или по состоянию здоровья). Они актуальны преимущественно при поступлении на службу и на определенных ее этапах. Способствуют формированию эффективного кадрового состава и служат поддержанию высокого профессионального и нравственного уровня кадров, что является критичным для безопасности и стабильности функционирования системы исполнения наказаний и в конечном итоге направлены на защиту общественных интересов, отражая государственный приоритет в поддержании законности.

Запреты, связанные со службой в УИС, имеют императивный, безусловно-обязательный характер и выражаются в строгих законодательных предписаниях, исключающих свободу усмотрения. Они характеризуются строгими предписаниями, обусловленными экстремальными условиями службы и высокой степенью ответственности сотрудников. Запреты регулируют поведение именно действующих сотрудников и всегда сопровождаются мерами юридической ответственности (дисциплинарной, материальной, административной и уголовной) за нарушение. Значимым является тот факт, что запреты обладают расширенным и жестким характером относительно других государственных служб. Они имеют повышенную степень публичности и распространяются на частную жизнь сотрудников, поскольку нарушение таких норм подрывает авторитет государственной власти в целом. Их задача – предотвращать потенциально опасные действия, установив барьеры допустимого поведения. Они ориентированы на обеспечение специфических задач службы – поддержание правопорядка, изоляцию и исправление осужденных, а также защиту сотрудников от коррупционных и криминальных рисков.

Таблица 1

Критерии и основания разграничения ограничений и запретов, связанных со службой в УИС	Ограничения, связанные со службой в УИС	Запреты, связанные со службой в УИС
Правовой характер	Условия и пределы для допуска и продолжения службы	Императивные, безусловно-обязательные предписания
Содержание	Рамки прав и возможностей кандидата	Полный запрет на определённые действия и поведение
Цели	Предотвращение допуска к службе лиц, не отвечающих предъявляемым требованиям	Обеспечение специфической деятельности, защита правопорядка и предотвращение коррупции
Юридические последствия	Влияние на допуск к службе и ее продолжению	Привлечение к дисциплинарной, административной, уголовной, материальной ответственности
Область действия	Преимущественно при поступлении на службу и на определенных ее этапах	Весь период службы, в некоторых случаях и после ее завершения

Несмотря на их важную роль в обеспечении законности, противодействии коррупции и поддержании дисциплины, в настоящее время в законодательстве отсутствует их четкое определение и разграничение. На основе проведенного исследования, исходя из этих признаков предлагаются следующие определения:

ограничения, связанные со службой в УИС – это установленные законодательством пределы (границы) реализации прав, а также условия и обстоятельства, при которых гражданин не может быть принят на службу в УИС или сотрудник не может ее продолжать;

запреты, связанные со службой в УИС РФ – это установленные законодательством императивные требования к сотруднику воздерживаться от совершения определенных действий (бездействий) под угрозой применения мер юридической ответственности.

В целях устранения правовой неопределенности предлагается дополнить ФЗ от 19 июля 2018 г. № 197 [14] отдельными статьями, содержащими: четкие легальные дефиниции ограничений и запретов; исчерпывающие и систематизированные перечни ограничений и запретов, отражающие специфику службы в УИС разграничение оснований их применения (ограничения – преимущественно при поступлении на службу, запреты – в процессе ее прохождения).

Таким образом, ограничения и запреты, связанные со службой в УИС, являются комплексными, многоаспектными правовыми явлениями с глубоким историческим генезисом. Проблема терминологического диссонанса и отсутствия единообразного понимания категорий «ограничение» и «запрет» в различных нормативных актах, включая акты, регулирующие службу в УИС, является существенным дефектом правового регулирования. Ее решение требует проведения масштабной работы по унификации правовой терминологии на межотраслевом уровне, разграничению этих понятий по правовой природе, функциям и последствиям их нарушения, а также по консолидации соответствующих норм в рамках единого концептуального подхода. Выделение сущностных признаков и формулирование авторских определений позволяет предложить конкретные меры по совершенствованию правового регулирования. Внедрение предложенных изменений в Федеральный закон будет способствовать формированию единообразной правоприменительной практики, укреплению законности и повышению эффективности функционирования системы исполнения наказаний Российской Федерации.

Список литературы:

1. Абезин Д.А. Ограничения и запреты в частном и публичном праве / Д.А. Абезин, А.П. Анисимов // Правовая культура. – 2013. – № 1(14). – С. 60-66.
2. Беляева Г.С. Институт ограничений в праве: вопросы теории / Беляева Г.С., Умарова А.А. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2018. – Т.8, № 1(26). – С. 8 – 12.
3. Братко А.Г. Запреты в советском праве. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. 92 с.
4. Буравлев Ю.М. Административно-правовые запреты и ограничения – необходимые условия эффективности государственной службы / Ю.М. Буравлев // Юридическая наука. – 2014. – №1. – С. 91-94.
5. Воронцов С. А. Об эффективности антикоррупционных запретов и ограничений на государственной гражданской и военной службе / С. А. Воронцов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2019. – № 3(106). – С. 87-92.
6. Галинская Т. А. Запреты и ограничения, связанные с государственной гражданской службой / Т. А. Галинская, Т. Г. Ребрина // Проблемы и перспективы внешнеэкономической деятельности в условиях инновационного развития, модернизации и цифровизации: Материалы национальной конференции с международным участием, Брянск, 20 апреля 2023 года. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2023. – С. 132-138.
7. Костенников М.В., Куракин А.В. Административный запрет как средство противодействия коррупции в системе государственной службы: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ – ДАНА: Закон и право, 2010. – 127 с.
8. Куянова А. В. Правовые ограничения и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел / А. В. Куянова // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : Сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения), посвященной 70-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича: в 3-х частях, Санкт-Петербург, 24 марта 2017 года / Под редакцией Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. Том Часть III. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. – С. 80-84.
9. Нагорных Р. В. Ограничения и запреты в системе государственной службы в правоохранительных органах / Р. В. Нагорных // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 447. – С. 241-246.
10. Рыбушкин Н. Н. Запрещающие нормы в советском праве. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. – 113 с.
11. Седова Н.П. Особенности формирования и развития системы ограничений и запретов, связанных с прохождением госслужбы / Н. П. Седова, К. В. Бондарева, И. В. Киселева, А. В. Серебряков // Кадровик. – 2021. – № 8. – С. 103-109.
12. Скоробогатов, А. В. Запрет как онтологическая основа правовой реальности России / А. В. Скоробогатов, Н. Н. Рыбушкин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – № 3. – С. 108-115.
13. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 30.12.2012) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.fso.gov.ru> (дата обращения: 07.09.2025).
14. Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.fso.gov.ru> (дата обращения: 07.09.2025).
15. Чумакова, О. В. К вопросу о правовой неопределенности в системе ограничений и запретов на государственной службе / О. В. Чумакова, В. М. Пашин // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2023. – № 4(102). – С. 58-63. С. 60.

References

1. Abezine D. A. Restrictions and Prohibitions in Private and Public Law / D. A. Abezine, A. P. Anisimov // Legal Culture. – 2013. – No. 1(14). – Pp. 60-66.
2. Belyaeva G.S. The Institution of Limitations in Law: Theoretical Issues / G.S. Belyaeva, A.A. Umarova // Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. – 2018. – Vol. 8, No. 1(26). – Pp. 8-12.
3. Bratko A.G. Prohibitions in Soviet Law. Saratov: Publishing House of Saratov University, 1979. 92 p.
4. Buravlev, Yu.M. Administrative and legal prohibitions and restrictions – necessary conditions for the effectiveness of public service / Yu.M. Buravlev // Legal Science. – 2014. – No. 1. – Pp. 91-94.
5. Vorontsov S. A. On the effectiveness of anti-corruption bans and restrictions in state civil and military service / S. A. Vorontsov // Science and Education: Economy and Management; Entrepreneurship; Law and Administration. – 2019. – No. 3(106). – Pp. 87-92.
6. Galinskaya T. A. Prohibitions and Restrictions Related to the State Civil Service / T. A. Galinskaya, T. G. Rebrina // Problems and Prospects of Foreign Economic Activity under Conditions of Innovative Development, Modernization, and Digitalization: Proceedings of the National Conference with International Participation, Bryansk, April 20, 2023. – Bryansk: Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, 2023. – Pp. 132-138.
7. Kostennikov M.V., Kurakin A.V. Administrative prohibition as a means of combating corruption in the public service system: textbook. Moscow: UNITY-DANA: Law and Justice, 2010. – 127 p.
8. Kuyanov A. V. Legal Restrictions and Prohibitions Related to Service in Internal Affairs Bodies / A. V. Kuyanov // Current Issues of Administrative and Administrative-Procedural Law: Collection of Articles Based on Materials of the Annual All-Russian Scientific and Practical Conference (Sorokin Readings), Dedicated to the 70th Anniversary of Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation Yuri Efremovich Avrutin: in 3 parts, St. Petersburg, March 24, 2017 / Edited by Yu.E. Avrutin, A.I. Kaplunov. Volume Part III. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017. – Pp. 80-84.
9. Nagornyykh R. V. Restrictions and Prohibitions in the System of Civil Service in Law Enforcement Agencies / R. V. Nagornyykh // Bulletin of Tomsk State University. – 2019. – No. 447. – Pp. 241-246.
10. Rybushkin N. N. Prohibitive norms in Soviet law. Kazan: Kazan University Press, 1990. – 113 p.
11. Sedova N.P. Features of the formation and development of the system of restrictions and prohibitions related to the civil service / N. P. Sedova, K. V. Bondareva, I. V. Kiseleva, A. V. Serebryakov // Kadrovik. – 2021. – No. 8. – Pp. 103-109.
12. Skorobogatov A.V., Rybushkin N.N. Prohibition as the ontological basis of the legal reality of Russia. // Actual Problems Actual Problems of Economics and Law. – 2016. – № 3. – Pp. 108-115.
13. Federal Law of July 27, 2004, No. 79-FL (as amended on 12/30/2012) // Official Legal Information Internet Portal. URL: <http://pravo.fso.gov.ru> (accessed: 09.07.2025).
14. The Federal Law dated July 19, 2018 No. 197-FL "On Service in the Penal System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation "On Institutions and Bodies Executing Criminal Punishments in the Form of Deprivation of Liberty" // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.fso.gov.ru> (accessed: 07.09.2025).
15. Chumakova, O. V. On the issue of legal uncertainty in the system of restrictions and prohibitions in the civil service / O. V. Chumakova, V. M. Pashin // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 4(102). – Pp. 58-63.

**ЧТО ОЗНАЧАЕТ «ПОДРЫВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ (ФИНАНСОВЫХ) ОСНОВ
ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ» И КАК ЕГО ОСУЩЕСТВИТЬ?
АВТОРСКОЕ ВИДЕНИЕ, ТОЧКА ЗРЕНИЯ
WHAT DOES "UNDERMINING THE ECONOMIC (FINANCIAL) FOUNDATIONS
OF ORGANIZED CRIME" MEAN, AND HOW CAN IT BE ACHIEVED?
THE AUTHOR'S PERSPECTIVE, POINT OF VIEW**

ИВАНОВ Пётр Иванович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный профессор Академии управления МВД России,
главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем
отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.
125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8 корп. 1.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

IVANOV Pyotr Ivanovich

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,
Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Sectoral Management of the Research Center
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125171, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8 building 1.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Краткая аннотация: Преступные формирования в поисках дополнительных источников существования предпринимают активные противоправные действия, связанные с завладением бюджетных средств, выделяемых на реализацию национальных проектов (программ). На этом фоне необходимость научно-теоретического осмысления указанного процесса с учетом происходящих перемен, обусловленных прежде всего цифровизацией всех сфер общества приобретает особую важность. В системе противодействия деятельности по подрыву экономических и финансовых основ организованных преступных формирований, преследующая цель недопущения преступлений экономической и коррупционной направленности в сфере бюджетного финансирования, МВД России рассматривает как приоритетное направление своей деятельности. Автором в настоящей работе на основе изучения сложившейся криминогенной ситуации, законодательных и иных нормативных правовых актов, а также правоприменительной практики высказаны предложения и рекомендации по повышению ее эффективности.

Abstract. In search of additional sources of income, criminal groups are actively engaging in illegal activities aimed at appropriating budget funds allocated for the implementation of national projects (programs). Against this backdrop, the need for a scientific and theoretical understanding of this process, taking into account ongoing changes, primarily driven by the digitalization of all spheres of society, is particularly important. The Ministry of Internal Affairs of Russia prioritizes efforts to undermine the economic and financial foundations of organized criminal groups, with the goal of preventing economic and corruption-related crimes in the sphere of budget financing. In this paper, the author, based on a study of the current crime situation, legislative and other regulatory legal acts, and law enforcement practices, offers suggestions and recommendations for improving its effectiveness.

Ключевые слова: подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК), органы внутренних дел, система противодействия, подрыв, экономическая и финансовая основы, организованные преступные формирования.

Keywords: economic security and anti-corruption units (hereinafter referred to as ES&AC), internal affairs agencies, counteraction system, subversion, economic and financial foundations, organized criminal groups.

Для цитирования: Иванов П.И. Что означает «подрыв экономических (финансовых) основ организованной преступности» и как его осуществить? Авторское видение, точка зрения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 681-685. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_681.

For citation: Ivanov P.I. What does "undermining the economic (financial) foundations of organized crime" mean, and how can it be achieved? The author's perspective, point of view // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 681-685. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_681.

Статья поступила в редакцию: 05.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В юридической и специальной литературе понятие «подрыв экономических и финансовых основ организованных преступных формирований» употребляется в узком и широком смысле слова [1, с. 40-51]. Специалисты теории оперативно-розыскной деятельности (ОРД) под указанным понятием в узком смысле понимают комплекс оперативно-розыскных и иных мер, направленных на выведение градо-и бюджетообразующих отраслей экономики из-под влияния организованных преступных структур [2, с. 166-172]. Заметим, в таком понимании основной упор делается на оперативно-розыскную составляющую, выступающей «ударной силой» по организованным преступным формированиям и их системы обеспечения. Что же касается в понимании его в широком смысле слова, то «подрыв экономических основ организованной преступности – это стройная система правовых, социально-экономических, технических, идеологических, психологических и иных мер, направленных на вытеснение из сферы экономики криминальных структур, преследующих цель получения сверхприбыли (доходов) за счет легализации средств, добытых ими преступным путем, и осуществления контроля за финансово-хозяйственной деятельностью юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица» [3]. Как видим, теоретически предлагается весьма широкий спектр мер, требующих их осуществления в указанных целях. Указанная система имеет сложное организационно-структурное построение, которое заслуживает отдельного рассмотрения. Несмотря на принимаемые правоохранительными и иными государственными органами меры, тенденция дальнейшей криминализации экономических отношений все еще продолжает сохраняться. В этом плане весьма актуальны некоторые прогнози-

ческие оценки. Исследователи отмечают, что «организованная преступность не только актуально эксплуатирует традиционные сферы подпольного и полуполеального бизнеса (игорный, проституцию, порно- и наркобизнес, кустарное изготовление спиртных напитков, незаконную торговлю, контрабандный экспорт и импорт), но и усиливает свое влияние на официальные структуры, контролирует значительную часть российской экономики» [4, с. 8].

Чтобы глубже уяснить смысл и содержание самого понятия «подрыв» мы решили обратиться к Толковому словарю русского языка. В частности, имеется в нем многозначное слово «подорвать». По мнению автора, применительно к затронутой проблеме наиболее подходит такое его значение, как «нанести вред чему-нибудь, привести в расстройство, расшатать» [5]. Из приведенного этимологического значения слова следует, что, на наш взгляд, подрыв все же не подразумевает ликвидацию, уничтожение, а нанесение вреда членам преступных формирований.

Предпринимаемые подразделениями ЭБиПК меры направлены на выведение таких формирований из устойчивого состояния. Иными словами, криминологи допускают их существование на социально приемлемом уровне. Однако, что стоит за этим трудно объяснить, поскольку часто возникает вопрос: «Как определить социально приемлемый уровень?». Как нам представляется, однозначно ответить на него вряд ли кто-либо берется. Нельзя не учитывать одно немаловажное обстоятельство, связанное с некоторым обострением социальной напряженности в обществе по причине «излишней» криминализации экономических отношений, хотя в Концепции [6] это обстоятельство рассматривается одним из источников угрозы экономической безопасности.

Справедливости ради следует отметить, что для теории ОРД проблема борьбы с организованной преступностью не нова. Этой проблеме посвящали свои научные труды известные ученые, как В.М. Ахмажигитов, В.Г. Бобров, К.К. Горяинов, В.П. Кувалдин, Г.К. Синилов и другие. Криминологические аспекты борьбы с ней обстоятельно рассмотрены в трудах А.И. Долговой, А.И. Гурова, Карпеца, В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунева, С.В. Максимова, В.С. Овчинского, Р.Ш. Шегабудинова [7] и др. Заметный вклад в решение проблем, связанных с оперативно розыскным обеспечением деятельности по борьбе с организованной преступностью в сфере экономики, внесли Н. П. Водько, В.Г. Гриб, И.М. Дьяченко, Р.А. Журавлев, А.Е. Ильин, И.А. Климов, А.В. Куликов, В.Д. Ларичев, В.Н. Омелин, Е.В. Токарев, А.А. Фальченко, А.Н. Хоботов и др. Несмотря на наличие множества научных трудов в условиях цифровой трансформации возникли проблемные вопросы, связанные с оперативно розыскным обеспечением деятельности подразделений ЭБиПК по противодействию организованным преступным формированиям, избравшим сферой своего влияния объекты системы бюджетного финансирования [8, с. 90-93].

Как и прежде подрыв экономических и финансовых их основ представляет научно-теоретический и практический интерес [3]. Учитывая данное обстоятельство, в настоящей статье автор предпринял попытку рассмотреть в порядке постановки проблемы оперативно-розыскное обеспечение декриминализации экономики в контексте подрыва экономических основ организованных групп и преступных сообществ [9, с. 26-33]. Суть проблемы заключается в разрешении существующего противоречия между потребностью повышения эффективности оперативно-розыскного обеспечения экономической безопасности сферы бюджетного финансирования в условиях возрастания отраслевых рисков и угроз, и не в полной мере использования имеющихся еще незадействованных для их нейтрализации и локализации резервов. Такая работа, на наш взгляд, должна вестись по четырем основным направлениям:

1) среди организованных групп и преступных сообществ (ОГ и ПС);

2) в окружении коррупционеров органов власти и управления;

3) среди криминальных структур, сформированных по этническому принципу (лидеры национальных общин и диаспор, имеющих отношение к ОГ и ПС).

4) в рамках международных организованных преступных группы (сообществ), проводящие линию антироссийского давления, получая за это своего рода дивиденды. Как известно, эти группы оказывают всяческую финансовую и иную поддержку преступным формированиям, действующим на территории Российской Федерации и специализирующимся по различным направлениям так называемого криминального бизнеса. Они тем самым не находясь в замкнутом пространстве, стремятся расширить свое влияние вне сферы своего влияния, все более приобретая транснациональный и международный характер. Как нам представляется, расширение международных легальных экономических связей в какой-то степени «подталкивает» отечественным преступным формированиям налаживанию теснейших отношений в своих корыстных целях с иностранными «партнерами» посредством инициирования совершению финансовых операций (сделок). Забегая вперед, отметим, что основными целями оперативно-розыскного противодействия, как правило, являются:

- нейтрализация (пресечение) преступной деятельности в сфере бюджетного финансирования организаторов и лидеров ОПГ и ПС;

- выявление коррупционных связей криминальных структур в органах власти и управления;

- ликвидация материальной базы (отзыв лицензии принадлежащих им банков, лишение права осваивать бюджетные средства, строгое соблюдение действующего законодательства при открытии собственного дела, когда первоначальным капиталом выступают легализованные «грязные» денежные средства, воспрепятствование созданию фирм-однодневок для обналаживания средств, блокирование расчетных счетов);

- вытеснение в соответствии с действующим законодательством криминальных структур из легальной экономики, чтобы не допустить расширения сегмента теневой экономики. Достижению указанных целей во многом способствуют используемые подразделениями ЭБиПК различные формы и методы противодействия преступным действиям криминальных структур. Их перечень постоянно обновляется. К их числу мы относим:

- выявление и документирование коррупционной деятельности отдельных должностных лиц, оказывающих содействие ОГ и ПС, контролирующим рассматриваемую нами сферу. При этом основные усилия следует сосредоточить на выявлении и раскрытии коррупционных пре-

ступлений, совершенных в крупном и особо крупном размерах, а также преступлений, совершенных с участием высокопоставленных должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Практика показывает необходимость более активного использования при документировании возможностей информационно-телекоммуникационных технологий;

- обеспечение путем постоянного обмена информацией эффективного взаимодействия подразделений ЭБиПК с органами предварительного следствия в целях повышения качества материалов доследственных проверок;

- установление с помощью оперативно-розыскных сил, средств, методов и мероприятий местонахождения имущества и ценностей, добытых преступным путем;

- осуществление комплекса оперативно-розыскных мер, направленных на борьбу с преступлениями, связанными с криминальными банкротствами стратегических предприятий и организаций;

- проведение поисково-аналитических мероприятий в сети Интернет, ориентированных на получение информации о физических и юридических лицах, причастных к хищению бюджетных и внебюджетных средств, выделяемых на модернизацию и поддержание деятельности объектов ЖКХ;

- обеспечение посредством оперативного контроля сохранности денежных средств, находящихся на счетах товариществ собственников жилья и управляющих компаний;

- использование каналов Интерпола в противодействии преступлениям коррупционной направленности и преступлениям, совершаемым организованными группами, в том числе сформированными по этническому принципу (невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте, вывод незаконно обналиченных средств за границу, наличие недвижимости, активов на счетах иностранных банков) [10, с. 48-55];

- обеспечение совместными усилиями органов прокуратуры и органов ФСБ противодействия криминальному захвату и монополизации рыночных отношений в сфере потребительского рынка, проникновению преступности в органы государственной власти и органы местного самоуправления;

- создание многоуровневой системы контроля за выделением, распределением и расходованием бюджетных средств, направляемых на реализацию целевых программ (федеральный, окружной, региональный, муниципальный). Тем самым должны быть выстроены вертикальные и горизонтальные связи, налажена их синхронизация. Как показало выборочное изучение нами заявленной проблемы, активные члены организованных преступных формирований в целях извлечения противоправных доходов прибегают к различным скрыто осуществляемым ими махинациям (манипуляциям, комбинациям). Среди такого рода действий некоторое распространение получило:

- заключение государственного контракта на закупку товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд, не имея основных и оборотных средств, включая производственные мощности. Используются подставные или аффилированные организации;

- так называемые «распилы», «крышевания», «откаты». Нередко в таких криминальных схемах замешаны и высокопоставленные должностные лица органов власти и управления. Исследователи утверждают, что преступления в сфере экономической деятельности, как правило (свыше 60 %), сопряжены с коррупцией;

- противоправное использование цифровой валюты, дистанционное мошенничество, киберпреступность, уход от налогообложения путем использования криптовалюты, «искусственного дробления бизнеса», что в конечном итоге все это способствует расширению сегмента теневой экономики, оставаясь угрозоносителями;

- совершение с вовлечением своих контрагентов многоходовых операций (сделок) с целью «закамуфлирования» подлинной финансово-хозяйственной деятельности; появление бенефициарных владельцев хозяйствующих субъектов, чтобы избежать от возмещения причиненного путем злостного уклонения от уплаты налогов материального ущерба. Следует учесть, что названные субъекты, намеревающиеся нанести своими противоправными действиями материальный и иной ущерб добросовестным предпринимателям, чаще всего при этом преследуют цель получения собственной выгоды. Чтобы вовремя их распознать и раскрутить предпринимаются действенные на сегодня меры. Так, в частности, задействуется оперативно-розыскной комплекс, который нацелен на недопущение совершения преступлений экономической и коррупционной направленности на стадии освоения бюджетных средств и он подразумевает:

- осуществление совместно с правоохранительными и контрольно-надзорными органами постоянного мониторинга и анализа негативных процессов. Такая работа, как правило, проводится в рамках реализации целевых программ, крупнейших инвестиционных и инфраструктурных проектов, а также при осуществлении закупок товаров, услуг для государственных или муниципальных нужд;

- оказание методической помощи подразделениям ЭБиПК территориальных органов МВД России и распространение положительного опыта выявления и документирования экономических и коррупционных преступлений путем разработки методических рекомендаций с оптимальным алгоритмом действий по выявлению и пресечению преступлений, связанных с хищением бюджетных средств;

- разработку в целях повышения эффективности взаимодействия совместно с Генеральной прокуратурой Российской Федерации, ФСБ России и иными заинтересованными органами исполнительной власти проекта Межведомственного плана по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений экономической и коррупционной направленности;

- создание интегрированных баз данных и условий для эффективного информационного взаимодействия с правоохранительными и контрольно-надзорными органами (Счетная палата, Федеральное казначейство, Контрольно-ревизионные управления министерств финансов субъектов РФ);

оперативное отслеживание совместными усилиями Росфинмониторинга сомнительных финансовых операций и сделок, чтобы не допустить противоправное «бегство капитала» за рубеж [11-12];

образование при необходимости межведомственных рабочих групп из числа представителей правоохранительных органов по проработке проблемных вопросов, представляющих взаимный интерес;

организация международного сотрудничества с государствами – участниками СНГ в сфере борьбы с экономической и коррупционной преступностью на объектах сферы бюджетного финансирования. Реализуя эти и другие мероприятия в рамках указанных выше направлений руководители ОВД и их подразделений ЭБиПК, особое внимание обращают на активизацию борьбы с наиболее значимыми преступлениями, относящимися к категории тяжких и особо тяжких, совершаемыми в особо крупном размере, а также высокопоставленными чиновниками.

Заметим, что необходимость разработки вышеперечисленных мер, принимаемых в целях подрыва экономических (финансовых) основ организованной преступности, продиктована прежде всего дальнейшей криминализацией информационно-телекоммуникационной среды [13-14]. На этом фоне, как констатируют исследователи, происходит структурная трансформация преступности, в результате которой инструменты информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе в сети «Интернет», встраиваются в механизм совершения преступления. Ими утверждается, что следствием цифровой трансформации преступности является: развитие дистанционных способов совершения преступлений, исключающих непосредственный контакт соучастников как между собой, так и с потерпевшими; совершенствование способов сокрытия преступлений, основанных на использовании сервисов анонимизации личности в цифровом пространстве; использование криптовалют в криминальных взаиморасчетах; рост масштабов межрегиональной и трансграничной преступности, использовании при совершении преступлений сетевой инфраструктуры, расположенной за пределами Российской Федерации; формирование криминального рынка противоправных услуг в информационно-телекоммуникационной сфере, связанных с предоставлением в аренду компьютерных сетей, зараженных вредоносным программным обеспечением; использование технологий искусственного интеллекта в противоправной деятельности. В этих условиях заслуживают особого внимания необходимость обобщения научными учреждениями правоприменительной практики с целью дальнейшего совершенствования законотворческой деятельности в части недопущения преступлений в интернете, проведения в нем системы оперативно-розыскных мероприятий, формирования доказательств в цифровом мире (пространстве), признания интернета как источника получения оперативно-розыскной информации.

Как нам представляется, усиленный поиск новых форм и методов совершенствования деятельности по подрыву следует осуществлять в рамках достижений современной науки и техники, вызванный новой промышленной революцией и ее технологией¹.

Подводя итог рассмотрению затронутой в работе проблемы, отметим следующее.

Во-первых, организационно-тактические особенности деятельности подразделений ЭБиПК по подрыву экономических и финансовых основ организованных преступных формирований во многом обусловлены возложенными на указанные подразделения полномочиями и самой средой, в которой они их реализовывают.

Во-вторых, организованные преступные формирования, будучи одним из объектов первоочередной оперативной заинтересованности, на фоне интенсивно происходящих процессов, связанных прежде всего с цифровой трансформацией, оказывают активное противодействие названным подразделениям, что объективно обуславливает необходимость принятия адекватных ответных мер.

В-третьих, в системе комплекса мер, направленных на вытеснение из сферы экономики криминальных структур, преследующих цель получения сверхприбыли (доходов) за счет легализации средств, добытых ими преступным путем, и осуществления контроля за финансово-хозяйственной деятельностью юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, научное и научно-методическое обеспечение деятельности подразделений ЭБиПК по подрыву экономических и финансовых основ организованных преступных формирований и на сегодня занимают важное место. Среди множества задач в рамках такого обеспечения обобщение положительного отечественного и зарубежного опыта в интересах разработки практико-ориентированных предложений и рекомендаций по оперативно-розыскному противодействию преступлений экономической и коррупционной направленности в целях подрыва экономических и финансовых основ организованных преступных формирований является одним из его системообразующих компонентов.

Список литературы:

1. Янишевский А.Б. Подрыв экономических основ организованной преступности экономической направленности // Образование. Наука. Научные кадры. 2016, № 1; Иванов П.И. Актуальные проблемы оперативно-розыскного обеспечения деятельности по подрыву экономических (финансовых) основ организованной преступности // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы правоохранительной деятельности» (22 апреля 2021 г.). – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России. С. 40-51.
2. Иванов П.И. О выведении из-под криминального влияния бюджетобразующих отраслей региональной экономики // Региональная экономика: опыт и проблемы: материалы XIV Международной научно-практической конференции (Гутманские чтения). Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС. 2021. С. 166-172.
3. Данилов А.М., Иванов П.И., Шегабудинов Р.Ш. Предупреждение и раскрытие экономических преступлений в сфере бюджетного финансирования: Монография. М., 2010.
4. Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель. М.: Норма, 1997. 64 с.
5. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999.
6. Концепция реализации в системе МВД РФ государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации на 2025 – 2027 годы // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.12.2025).
7. Шегабудинов Р.Ш. Организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией. Состояние, тенденции и меры борьбы с ней: монография / Р.Ш. Шегабудинов. – М.: ЮНИТИ- ДАНА: Закон и право, 2010. 279 с.

¹ Здесь речь идет о цифровой трансформации, понимаемой нами как процесс, отражающий переход традиционной оперативно-розыскной работы из одного технологического уклада в другой посредством широкомасштабного использования цифровых и информационно-коммуникационных технологий в целях повышения ее эффективности и результативности.

8. Иванов П.И. Противодействие криминальным проявлениям в условиях новых вызовов и угроз (оперативно-розыскной аспект) // Материалы ХУ1 Меж региональной научно-практической конференции по проблемам региональной экономики (Гутманские чтения) 19 мая 2023 г. «Повышение эффективности региональной социально-экономической и финансовой политики в условиях внешних вызовов» / под общ. ред. А.Е. Илларионова. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2023. С. 90-93.
9. Иванов П.И. Концептуальные основы формирования оперативно-розыскной политики: понятие, сущность и содержание // Вестник Владимирского юридического института. 2022, № 2 (63). С. 26-33.
10. Иванов П.И. О понятии «этническая организованная преступность в сфере экономики» // Оперативник (ссылка). № 2 (35). 2013. С. 48-55.
11. Иванов П.И., Шитов А.С. Транснациональная организованная налоговая преступность как угроза налоговой безопасности (меры оперативно-розыскного противодействия) // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4 (57). С. 46-53.
12. Иванов П.И. Оперативно-розыскная наука о противодействии киберпреступности // Предупреждение современной преступности (киберпреступности): материалы международной научно-практической конференции, 18 июня 2021 г. Караганда: Карагандинская академия имени Б. Бейсенова МВД Республики Казахстан. 2021. С. 56-60.
13. Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2024 № 4154-р «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.12.2025).
14. Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.12.2025).

References:

1. Yanishevsky A.B. Undermining the Economic Foundations of Organized Crime of an Economic Focus // Education. Science. Scientific Personnel. 2016, No. 1; Ivanov P.I. Actual problems of operational-search support for activities to undermine the economic (financial) foundations of organized crime // collection of materials from the international scientific and practical conference "Actual problems of law enforcement" (April 22, 2021). - Rostov-on-Don: RUI MIA of Russia. P. 40-51.
2. Ivanov P.I. On removing budget-forming sectors of the regional economy from criminal influence // Regional Economy: Experience and Problems: Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference (Gutman Readings). Vladimir: Vladimir Branch of RANEP. 2021. P. 166-172.
3. Danilov, A.M., Ivanov, P.I., and Shegabudinov, R.Sh. Prevention and Detection of Economic Crimes in the Sphere of Budget Financing: Monograph. Moscow, 2010.
4. Fundamentals of State Policy on Combating Crime in Russia. Theoretical Model. Moscow: Norma, 1997. 64 p.
5. Ozhegov, S.I. and Shvedova, N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions / Russian Academy of Sciences. V.V. Vinogradov Russian Language Institute. 4th ed., supplemented. Moscow: Azbukovnik, 1999.
6. Concept for the Implementation of State Policy on Ensuring Economic Security of the Russian Federation for 2025–2027 in the System of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // SPS ConsultantPlus (accessed: 03.12.2025).
7. Shegabudinov R.Sh. Organized economic crime associated with corruption. Status, trends, and measures to combat it: monograph / R.Sh. Shegabudinov. - M.: UNITY-DANA: Law and Right, 2010. 279 p.
8. Ivanov P.I. Counteracting criminal manifestations in the context of new challenges and threats (operational-search aspect) // Proceedings of the 16th Interregional Scientific and Practical Conference on the Problems of Regional Economics (Gutman Readings) May 19, 2023 "Improving the Efficiency of Regional Socio-Economic and Financial Policy in the Context of External Challenges" / under the general ped. A.E. Illarionov. - Vladimir: Vladimir branch of RANEP. 2023. P. 90-93.
9. Ivanov P.I. Conceptual Foundations of the Formation of Operational-Investigative Policy: Concept, Essence, and Content // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2022, No. 2 (63). P. 26-33.
10. Ivanov P.I. On the Concept of "Ethnic Organized Crime in the Economic Sphere" // Operative (Detective). No. 2 (35). 2013. P. 48-55.
11. Ivanov P.I., Shitov A.S. Transnational Organized Tax Crime as a Threat to Tax Security (Operational-Investigative Countermeasures) // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2020. No. 4 (57). P. 46-53.
12. Ivanov P.I. Operational-search science of countering cybercrime // Prevention of modern crime (cybercrime): Proceedings of the international scientific and practical conference, June 18, 2021. Karaganda: Karaganda Academy named after B. Beisenov of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan. 2021. P. 56-60.
13. Order of the Government of the Russian Federation dated December 30, 2024 No. 4154-r "On approval of the Concept of the state system for countering illegal acts committed using information and communication technologies" // SPS ConsultantPlus (date of access: December 3, 2025).
14. Federal Law of 01.04.2025 No. 41-FZ "On the Creation of a State Information System for Combating Offenses Committed Using Information and Communication Technologies, and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // SPS ConsultantPlus (date accessed: 03.12.2025).

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 106 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – УБИЙСТВО МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

HISTORICAL ANALYSIS OF THE ORIGIN OF THE CORPUS DELICTI, UNDER ARTICLE 106 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION, THE MURDER OF A NEWBORN CHILD BY A MOTHER

СТЕПЕНКО Артём Валерьевич,

кандидат юридической наук, доцент Высшей школы публичного права, юридический институт
ФГБОУ ВО Тихоокеанский государственный университет.

680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136

E-mail: 007886@pnu.edu.ru;

STEPENKO Artem Valerievich,

candidate of Law, associate professor at the Higher School of Public Law, Law Institute Pacific National University.

680042, Russia, Khabarovsk, Pacific Street, 136

E-mail: 007886@pnu.edu.ru

Краткая аннотация: Охрана жизни и здоровья граждан является одной из основных задач любого государства. Конституция Российской Федерации закрепляет, что основные права и свободы человека не отчуждаемы и принадлежат ему от рождения, гарантирует право каждого на жизнь. Данные тезисы находят отражение и в уголовном законодательстве. Так, в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации уделяется приоритетное значение преступлениям против жизни и здоровья, охраняя, в первую очередь, важнейшее естественное право человека. Особое место среди таких преступных посягательств занимают преступления против жизни детей, в частности убийства новорожденных, поскольку в современном мире охрана жизни ребенка приобретает первоочередную значимость. Убийство матерью новорожденного ребенка является одним из наиболее опасных преступных деяний, направленных на лишение жизни человека, ведь ребенок беспомощен и беззащитен.

Abstract: Protecting the lives and health of citizens is one of the main tasks of any state. The Constitution of the Russian Federation establishes that the fundamental rights and freedoms of the individual are inalienable and belong to them from birth, and guarantees the right to life for everyone. These principles are also reflected in criminal law. For example, the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation prioritizes crimes against life and health, protecting the most fundamental natural right of the individual. Crimes against the lives of children, particularly the murder of newborns, occupy a special place among such criminal acts, as the protection of children's lives has become a top priority in today's world. The murder of a newborn child by its mother is one of the most dangerous criminal acts aimed at taking a person's life, as children are helpless and defenseless.

Ключевые слова: убийство, убийство матерью новорожденного ребенка, уголовное законодательство, преступление, уголовная ответственность.

Keywords: murder, murder of a newborn child by its mother, criminal law, crime, criminal liability.

Для цитирования: Степенко А.В. Исторический анализ возникновения состава преступления, предусмотренного статьей 106 Уголовного Кодекса Российской Федерации – убийство матерью новорожденного ребенка // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 686-688. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_686.

For citation: Stepenko A.V. Historical analysis of the origin of the corpus delicti, under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation, the murder of a newborn child by a mother // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 686-688. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_686.

Статья поступила в редакцию: 23.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Убийство матерью новорожденного ребенка относится к преступлениям, взгляд на которые неоднократно менялся на протяжении долгой истории российского государства. Так, во времена Древней Руси детоубийство относили не к преступлениям, а к грехам, поэтому за него следовало церковное наказание – епитимия.

Первое упоминание убийства матерью новорожденного ребенка как преступления встречается в ст. 5 и 6 Уставе князя Ярослава и предусматривает ответственность за искусственное прерывание беременности или убийство младенца, рожденного вне брака: «Также если и жена без своего мужа или при муже родит внебрачного ребёнка и погубит его каким-либо образом: свиньям ли скормит, произведёт досрочный искусственный выкидыш или утопит, то, обличив виновную, её следует отправить в монастырь (для отбывания в нём церковного покаяния) до тех пор, пока её не выкупят родичи» [10]. Такого рода нормы подразумевали под объектом преступного посягательства не столько жизнь младенца, сколько христианские нравственные устои и семейные ценности.

Дальнейшее закрепление нормы, устанавливающие ответственность за детоубийство, находят в Соборном Уложении Алексей Михайловича 1649 года. В Соборном Уложении 1649 г. впервые преобладает взгляд на детоубийство как на преступление, в нем законодатель дифференцированно подходит к ответственности за детоубийство. Так, убийству детей посвящены две статьи в главе XXII Уложения «Указ за какие вины кому чинити смертная казнь, и за какие вины смертью не казнити, а чинити наказание» [3].

Статья 3 закрепляет, что за убийство отцом или матерью своих сына или дочери следует наказание в виде одного года тюремного заключения и последующего прилюдного объявления греха у церкви: «А будет отец или мати сына или дочь убьет до смерти, и их за то посадить в тюрьму на год, а отсидев в тюрьме год, приходит им к церкви Божии, и у церкви Божии объявляти тот свой грех всем людям в слух. А смертью отца и матери за сына и за дочь не казнити».

Статья 26 той же главы подразумевает смертную казнь для женщины, родившей ребенка вне брака, и ее возможных соучастников в убийстве такого внебрачного ребенка: «А будет которая жена учнет жити блудно и скверно, и в блуде приживет с кем детей, и тех детей сама,

или иной кто по ея велению погубит, а сыщется про то допряма, и таких беззаконных жен, и кто по ея велению детей ея погубит, казнити смертию безо всякия пощады, чтобы на то смотря, иные такова беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися». Данная норма была направлена, прежде всего, на охрану общественной нравственности, в связи с этим за убийство именно внебрачного, незаконнорожденного ребенка полагалось столь суровое наказание, и потому же в ней прямо закрепляется превентивная функция наказания: «...чтобы на то смотря, иные такова беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися».

В эпоху правления Петра I Соборное уложение продолжало действовать, однако уголовное законодательство было существенно дополнено и расширено воинскими артикулами. Наказание за детоубийство было усилено. Так, Артикул 163 Воинского артикула 1715 года установил: «Ежели кто отца своего, мать, дитя во младенчестве, офицера наглым образом умертвит, онаго колесовать, а тело его на колесо положить, а за прочих мечем наказать».

Согласно данному нормативному акту, не имело значение, в браке ребенок был рожден или нет, а также то, кем было совершено его убийство, оно все равно относилось к квалифицированным и влекло за собой назначение сурового наказания. Для вынесения приговора имела значения лишь форма вины убийцы – если убийство было совершенно неосторожно, наказание смягчалось.

Дальнейшее развитие и нормативное закрепление убийство матерью новорожденного ребенка как уголовно наказуемое деяние получило в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Ст. 1451 Уложения закрепляла наказание в виде лишения всех прав состояния и бессрочной ссылки за умышленное убийство родственника, в том числе своего сына или дочери. В той же статье предусматривалось смягчение наказания в случае, если мать убила незаконнорожденного ребенка при рождении «от страха или стыда» и не была ранее замечена в аналогичных преступлениях. В случае совершения непредумышленного убийства новорожденного ребенка незамужней женщиной впервые, назначалось наказание в виде лишения определенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ заключение в тюрьму на срок от четырех до пяти или от пяти до шести лет [11].

На данном этапе развития уголовного законодательства впервые прослеживается выделение убийства матерью новорожденного ребенка как привилегированного состава преступления, мотивом которого является стыд и страх незамужней матери.

Наступление нового столетия ознаменовалось принятием нового законодательного акта, содержащего нормы уголовного права – Уложения уголовного 1903 года, в котором вновь были изменены взгляды на убийство матерью новорожденного ребенка как на преступление. В Уложении помимо уже привычного закрепления в качестве квалифицированного состава преступления убийства восходящего или нисходящего родственника, в том числе ребенка, впервые отдельной статьей выделяется убийство матерью ребенка при рождении как привилегированный состав преступления.

Так, ст. 461 Уложения уголовного подразумевала ответственность в виде заключения в исправительный дом сроком минимум на полтора года за убийство матерью прижитого вне брака ребенка при рождении. Примечательно, что законодателем прямо указывалась наказуемость даже неоконченного преступления на стадии покушения.

Кроме того, стоит отметить, что в данном законодательном акте впервые была установлена уголовная ответственность за убийство матерью еще нерожденного ребенка – плода, за которое также следовало заключение в исправительный дом.

Дальнейший этап развития российского уголовного законодательства связан с Октябрьской революцией 1917 года. Она «привела к отмене старого законодательства, несмотря на то, что можно было бы сохранить конструкцию тех норм уголовного права, которые отражали достижения цивилизации. Тем не менее, применительно к рассматриваемой нами уголовно-правовой норме Советское государство внесло ряд изменений в правовые акты, обеспечивающие права матери и ребенка» [6].

Главной особенностью этого этапа развития уголовного законодательства в контексте рассматриваемого преступления является то, что в советском уголовном законодательстве «не было специальной нормы, которой бы предусматривалась ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка. Такое деяние не рассматривалось как менее опасное, а напротив, относилось к убийству, совершенному при отягчающих обстоятельствах» [4].

После октябрьского переворота первые уголовно-правовые нормы, предусматривающие уголовную ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка, были зафиксированы в УК РСФСР 1922 года. Согласно положениям, предусмотренным ст. 142 УК РСФСР, матери, убившей новорожденного ребенка, инкриминировалось два отягчающих обстоятельства: убийство лицом, на обязанности которого лежала забота об убитом, и с использованием беспомощного состояния убитого, что каралось лишением свободы на срок не ниже восьми лет со строгой изоляцией. Не изменилась уголовно-правовая оценка рассматриваемого деяния и в УК РСФСР 1926 г., законодатель фактически не внес в него ничего принципиально нового, лишь ужесточив санкцию до лишения свободы на срок до десяти лет. В ст. 136 п. «д» и п. «е» УК РСФСР определяло убийство матерью новорожденного ребенка как убийство лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом, и с использованием беспомощного положения убитого. Однако, судебные органы по этим делам, как правило, назначали виновной значительно пониженное наказание, учитывая часто особое состояние роженицы или исключительные обстоятельства, толкнувшие женщину на совершение этого преступления.

Наказание смягчалось, если противоправное деяние было совершено вследствие таких причин как:

- 1) острая материальная нужда, обрекающая новорожденного ребенка на голодное существование;
- 2) острое чувство стыда под давлением невежественной среды, создающей в будущем невыносимую условия жизни матери и ребенку;
- 3) болезненная психика, безусловно расшатанная как самими родами, так и, в особенности, обычной в таких случаях обстановкой (роды без посторонней помощи, в одиночестве, часто в неблагоприятных условиях и т.д.).

И напротив, наказание должно было быть назначено более строгое, если такие смягчающие обстоятельства отсутствовали.

В УК РСФСР 1960 г. убийство матерью новорожденного ребенка квалифицировалось по ст. 103 и стало рассматриваться как убийство, совершенное без отягчающих и смягчающих обстоятельств. В юридической же литературе продолжалось обсуждение вопроса об обоснованности отнесения этого состава преступления к менее опасным видам убийства. Судебная практика шла по пути снижения наказания матерям-убийцам, учитывая обстоятельства, сопутствующие детоубийству (особое физическое и психическое состояние женщины во время родов; тяжелое семейное положение; материальные трудности) в качестве смягчающих в рамках санкции ст. 103 УК.

Выделение убийства матерью новорожденного ребенка в качестве отдельного привилегированного состава связано с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации в 1996 году. Ст. 106 УК РФ на сегодняшний день звучит следующим образом: «Убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, – наказывается ограничением свободы на срок от двух до четырех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок».

Исторический анализ норм, устанавливающих ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка, показывает неоднородность отношения к данному деянию на протяжении нескольких столетий и показывает ход развития юридической мысли на разных этапах становления и развития российского общества и государства.

Основанием для выделения убийства матерью новорожденного ребенка в качестве самостоятельного состава преступления на территории Российской Федерации послужило принятие нескольких нормативных правовых актов. Прежде всего, на изменение отношения к детоубийству оказало влияние принятие генеральной ассамблеей ООН Конвенции о правах ребенка в 1989 году. Являясь первым и основным международно-правовым документом обязательного характера, посвященным широкому спектру прав ребенка, Конвенция закрепила и важнейшее право каждого – право на жизнь.

Конвенция о правах ребенка вступила в силу для СССР в сентябре 1990 года и нашла отражение в нормативных правовых актах союзных республик, в том числе и Российской Федерации.

Принятие Конституции Российской Федерации в 1993 году ознаменовало новый период в развитии российского государства. Провозгласив Россию демократическим правовым государством, Конституция закрепила широкий перечень прав и свобод человека и гражданина, определив их высшей ценностью для государства. Отныне права и свободы неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения, конституционные права дарованы каждому независимо от пола, расы, национальности, языка, имущественного положения и иных признаков [1].

Так, жизнь новорожденного была наделена той же значимостью, что и жизнь взрослого человека, ребенок перестал рассматриваться в качестве собственности родителей, как это было в дореволюционном законодательстве. Помимо основных прав и свобод, Конституция РФ закрепила, что материнство и детство находятся под защитой государства, что также следует рассматривать в качестве основания для возникновения условий привлечения к уголовной ответственности за детоубийство. Закрепленные в Основном законе страны положения являются ядром правовой системы и имеют основополагающее значение для всех отраслей законодательства, в том числе и для уголовного.

Человеческая жизнь как наивысшая ценность относится к объектам, подлежащим уголовно-правовой охране.

В целях обеспечения уголовно-правовой охраны, в Уголовный кодекс Российской Федерации включена статья 106 «Убийство матерью новорожденного ребенка», объектом преступления которой является жизнь новорожденного ребенка [2]. Такой шаг обусловлен рядом особенностей, связанных с беременностью и родами, которые будут рассмотрены в следующих параграфах курсовой работы.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (в ред. от 01.07.2020) // Российская газета. 1993. – 25 дек. ; 2020. – 4 июля.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание Законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Анучина Ю.Н. Соборное уложение 1649 г., как источник права и его влияние на развитие русского законодательства // Право и политика. – 2008. – № 3. – С. – 686-688.
4. Гернет М.Н. Детоубийство в русском праве / М. Н. Гернет. – М.: Ладомир, 2018. – С. 38.
5. Набоков В. Д. Элементарный учебник Особенной части русского уголовного права / В. Д. Набоков. СПб.: Сенатская типография, 2019. – 416 с.
6. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР Уголовный Кодекс РСФСР (утратил силу в связи с принятием Уголовного Кодекса РСФСР 1926 года): постановление ВЦИК от 01.06.1922 // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. –1922. – № 80. – Ст.153.
7. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года (с изменениями по состоянию на 1 марта 1957 года) (утратил силу в связи с принятием Уголовного Кодекса 1961 года) : постановление ВЦИК от 22.11.1926 // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. –1926. № 80. – Ст.600.
8. Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР Уголовный кодекс РСФСР (с изменениями на 27 декабря 1996 года) (утратил силу с 1 июля 1997 года) : Закон РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. –1960. № 40. – Ст. 591.
9. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2018. – 1184 с.
10. Устав князя Ярослава Владимировича о церковных судах. [Электронный ресурс]. – музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. – Режим доступа : <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13620>
11. Чистяков О. И. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X-XX веков в 9 томах. Том 5 – М.: Юридическая литература, 2021. – 432 с.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993 (as amended dated 07/01/2020) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. – December 25. ; 2020. – July 4th.
2. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on 04/06/2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. 2954.
3. Anuchina Yu.N. The Cathedral Code of 1649, as a source of law and its influence on the development of Russian legislation // Law and politics. 2008. No. 3. p. 686-688.
4. Gernet M. N. Infanticide in Russian law / M. N. Gernet. – M.: Ladomir, 2018. – p. 38.
5. Nabokov V. D. Elementary textbook of the Special part of Russian criminal law / V. D. Nabokov. St. Petersburg: Senate Printing House, 2019. – 416 p.
6. On the enactment of the Criminal Code of the RSFSR, the Criminal Code of the RSFSR (abrogated in connection with the adoption of the Criminal Code of the RSFSR in 1926): Resolution of the Central Executive Committee of 06/01/1922 // Collection of laws and regulations of the Russian Communist Party of the RSFSR. -1922. – No. 80. – Art.153.
7. On the enactment of the Criminal Code of the RSFSR as amended in 1926, the Criminal Code of the RSFSR as amended in 1926 (as amended on March 1, 1957) (abrogated in connection with the adoption of the Criminal Code of 1961): Resolution of the Central Executive Committee of the Russian Federation dated 11/22/1926 // Collection of Laws and Orders of the Russian Communist Party of the RSFSR. -1926. No. 80. – Art.600.
8. On the approval of the Criminal Code of the RSFSR The Criminal Code of the RSFSR (as amended on December 27, 1996) (expired on July 1, 1997) : The Law of the RSFSR dated 10/27/1960 // Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR. -1960. No. 40. – Article 591.
9. Russian criminal law. General and Special parts: a textbook / edited by A.V. Brilliantov. – 2nd ed., revised and add. – M.: Prospekt, 2018. – 1184 p.
10. The Charter of Prince Yaroslav Vladimirovich on church courts. [electronic resource]. – Stolypin Museum of the History of Russian Reforms. – Access mode : <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13620>
11. Chistyakov O. I. The Code of Criminal and correctional punishments of 1845 // Russian legislation of the X-XX centuries in 9 vol. Vol. 5 M.: Legal Literature, 2021. 432 p.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ДОВЕДЕНИЕМ ДО САМОУБИЙСТВА В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» VICTIMOLOGICAL PORTRAIT OF JUVENILE VICTIMS OF CRIMES RELATED TO SUICIDE ON THE INTERNET

КРЕПЫШЕВ Александр Михайлович,

заведующий кафедрой уголовного права и процессуальных дисциплин
Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук, доцент.
453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 47а.
E-mail: kam-260871@yandex.ru

ЕРМИЛОВА Елена Борисовна,

доцент кафедры дошкольного и начального образования
Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий, кандидат педагогических наук, доцент.
453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 49.
E-mail: e.b.ermilova@struust.ru

KREPYSHEV Alexander Mikhailovich,

Head of the Department of Criminal Law and Procedural Disciplines
of the Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology, Candidate of Law, Associate Professor.
453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 47a Lenina Ave.
E-mail: kam-260871@yandex.ru

ERMILOVA Elena Borisovna,

Associate Professor of the Department of Preschool and Primary Education
of the Sterlitamak branch of the Ufa University of Science and Technology, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.
453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 49 Lenina Ave.
E-mail: e.b.ermilova@struust.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается «портрет» несовершеннолетней жертвы преступления, связанных с доведением до самоубийства в сети «Интернет».

Abstract: The article examines the "portrait" of a minor victim of a crime related to suicide on the Internet.

Ключевые слова: жертвы преступлений, психической составляющей несовершеннолетнего потерпевшего, гиперопека, кибербуллинг, сеть Интернет, как место совершения преступления.

Keywords: victims of crimes, the mental component of a minor victim, hyperprotection, cyberbullying, the Internet, as a crime scene.

Для цитирования: Крепышев А.М., Ермилова Е.Б. Виктимологический портрет несовершеннолетних жертв преступлений, связанных с доведением до самоубийства в сети «интернет» // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 689-690. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_689.

For citation: Krepyshhev A.M., Ermilova E.B. Victimological portrait of juvenile victims of crimes related to suicide on the internet // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 689-690. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_689.

Статья поступила в редакцию: 05.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Несмотря на то, что жертвами преступлений, предусмотренных статьями 110, 110.1, 110.2 УК РФ могут быть любые физические лица, в подавляющем большинстве случаев указанные преступные деяния совершаются именно в отношении несовершеннолетних.

Основной причиной этому является уровень психического развития, обусловленное их несовершеннолетним возрастом. Молодой возраст говорит о том, что психика человека еще не развилась надлежащим образом и потерпевший является крайне уязвимым на различные внешние раздражители. Кроме того, у ребенка отсутствуют определенные познания об окружающем мире, знания о последствиях тех или иных действий.

Все это говорит о том, что несовершеннолетние наиболее уязвимы, по сравнению с другими лицами к подобного рода преступлениям. Однако это является лишь фундаментом, в то время как могут иметься и другие «благоприятные» условия для совершения в отношении указанных лиц исследуемых преступлений.

Молодой возраст и неокрепшая психика могут сформировать у них стресс, тревогу, чувство страха и иные негативные чувства. Указанные явления могут возникнуть не только в результате действий преступника. В конце концов, в настоящее время у молодых людей и без этого хватает реальных проблем. Проблемы с учебой, переживания по поводу развода родителей или болезни, или гибели близких, одиночество, депрессия, неудачи в личной жизни и т.п. В связи с этим, важное значение имеет установление причин данных проблем, а не только факта их существования. Принципиальное значение имеет тот факт, что внутренние проблемы ребенка должны быть сформированы в результате преступных действий злоумышленника, а не в результате иных раздражителей. Если же, действия преступника лишь стали катализатором самоубийства, то подобное крайне сложно будет квалифицировать как доведение до самоубийства, или как склонение к самоубийству. Однако, если речь идет о преступлении, предусмотренном ст. 110.2 УК РФ, то в данном случае изложенное значения не имеет, поскольку эмоциональная связь между преступником и его жертвой отсутствует и его установление не имеет значения.

Если проанализировать заключения экспертиз, которые проводятся в обязательном порядке при рассмотрении и разрешении данных категорий дел, можно сделать вывод, что, будучи изначально психически здоровым ребенком, противоправные действия развивают у него признаки тяжелого стресса, в результате которого он принимает решение совершить самоубийство [3]. Признаками острой реакции на тяжелый стресс являются: нарастающее психоэмоциональное напряжение, снижение фона настроения, тревога, острое чувство страха, и, как итог – импульсивное самоубийство, как деструктивный выход из психотравмирующей ситуации.

Особенности данного состава преступления так же кроются в психической составляющей несовершеннолетнего потерпевшего. Свобо-

да воли может быть реализована человеком лишь на определенном этапе развития. Не вызывает никаких сомнений тот факт, что до определенного возраста ребенок даже не подозревает о возможности самостоятельного ухода из жизни. И никакие деяния третьих лиц не могут послужить причиной принятия ребенком решения о самоубийстве. Возникает вопрос, с какого возраста лицо может стать жертвой рассматриваемого преступного посягательства? Каждый человек психофизиологически развивается индивидуально, следовательно, нельзя установить жесткие возрастные рамки. На наш взгляд, в каждом конкретном случае необходимо выяснить, достиг ли пострадавший такого уровня психического развития, при котором он осознает опасность, которая ведет к смерти [2, с. 119].

Необходимо понимать, что жертвы в вышеуказанных случаях крайне редко обращаются за помощью сами вследствие угроз, привязанности к человеку или неосознания опасности; в некоторых случаях заявления потерпевших от угроз, систематического насилия и унижения человеческого достоинства остаются без должного рассмотрения – никто даже не предполагает, что в дальнейшем это может обернуться смертельным исходом. Поэтому важно выделять данные группы лиц и относиться к ним с особым вниманием, как к потенциальным жертвам преступления.

По мнению А.А. Битковой, в семьях с неблагоприятным климатом, где распространены алкоголизм или наркомания одного или обоих родителей, часто встречается психологическое или физическое насилие над детьми, при этом ребенок в большинстве случаев либо боится обратиться за помощью к взрослым, опасаясь еще большего насилия, либо не знает, что должен сделать в подобных случаях [1, с. 477]. С позицией данного автора можно согласиться лишь отчасти, поскольку она не учитывает, что фактов совершения детьми самоубийств достаточно много среди благоприятных семей. Связано это с тем, что дети в таких семьях часто находятся под гиперопекой и с детства воспитываются в отсутствии проблем. Любые их капризы удовлетворяются, и ребенок постоянно находится под вниманием родителей, либо социальных институтов. Однако, впервые столкнувшись с незначительными проблемами в подростковом возрасте, дети не способны им противостоять ввиду того, что у них «не выработан иммунитет». Подобные дети более восприимчивы кибербуллингу, тем более что в сети Интернет родители не способны их защитить. Дети, которые сталкиваются с травлей в школе, имеют более стойкий характер и способны противостоять кибербуллингу, либо же не обращают на это внимание.

Также следует иметь в виду, что дети, которые растут в более лучших условиях и находятся под гиперопекой могут быть восприимчивы не только к кибербуллингу, но и к замечаниям взрослых и отказам в удовлетворении их капризов. В этих случаях достаточно сложно говорить о факте доведения их до самоубийства как о преступном деянии. Например, если ребенок опубликовал ролик в сети Интернет, где он ведет себя неадекватно, на что получает замечания в комментариях и призывы прекратить эти действия, то это нельзя воспринимать как травлю. Ситуация осложняется, если на неадекватные действия ребенка в сети Интернет идет такая же неадекватная реакция от пользователей, которые начинают оскорблять его. Возможно ли в данной ситуации говорить о неправомерном поведении ребенка как о смягчающем обстоятельстве при доведении его до самоубийства?

Полагаем, что дети в любом случае являются невиновными, ввиду недостижения ими возраста юридической ответственности, и за их противоправные и аморальные действия должны будут ответить их законные представители, что, однако не должно снимать ответственности с тех, кто довел ребенка до самоубийства.

Для всех групп предполагаемых жертв можно выделить общие характеризующие их черты. Среди таких можно назвать: подавленность воли, физическая или психологическая зависимость от других лиц, неуверенность в себе и своих силах, нестабильность психики.

Особенность сети Интернет как места совершения преступлений, связанных с самоубийством несовершеннолетних, заключается в том, что ребенку, чтобы оградиться от опасности, необходимо оградиться от сети Интернет, что в настоящее время фактически невозможно. Ребенок фактически является зависимым от коммуникаций во всемирной сети. Это может быть связано с тем, что Интернет, по сути, для него является местом, где он может скрыться от внешних проблем. И когда, в сети Интернет его начинают оскорблять, унижать его достоинство и иным образом доводить до самоубийства, то несовершеннолетний считает, что последнее место, где он был в безопасности утеряно и впадает в депрессию.

Таким образом, личность потерпевшего, его несовершеннолетний возраст и привязанность к сети Интернет играют первостепенную роль в совершении преступлений, связанных с побуждением к самоубийству. Преступник либо формирует необходимые условия для самоубийства, либо пользуется эмоциональным состоянием ребенка, который в порыве отчаяния готов покончить с жизнью самоубийством.

Условиями для совершения самоубийства несовершеннолетнего следует считать: 1) состояние, при котором несовершеннолетний считает, что он находится в депрессии, определенной опасности и он не знает, как решить эту проблему, либо не желает его решать; 2) сеть Интернет играет первостепенную роль в жизни несовершеннолетнего и иные способы времяпрепровождения фактически отсутствуют, либо не могут заменить ему Всемирную сеть. 3) несовершеннолетний крайне восприимчив к внешним раздражителям, либо же легко поддается обману, ложной информации.

Список литературы:

1. Биткова А.А. Криминалистическая характеристика жертв доведения до самоубийства и склонения к его совершению // Молодежь, наука и цивилизация: Материалы международной студенческой научной конференции, Красноярск, 19 мая 2022 года / Отв. ред. Н.Н. Цуканов. Вып. 24. Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 476-479.
2. Микелова Т.А. Доведение до самоубийства, совершенное в отношении несовершеннолетнего: особенности квалификации // WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS: сборник статей XIX Международной научно-практической конференции: в 3 ч., Пенза, 30 марта 2018 года. Том Часть 3. Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2018. С. 118-122.
3. Определение Верховного Суда РФ от 23.03.2015 № 32-КГ14-20 // Правовой навигационный сервис по законодательству РФ «Кодексы и Законы Российской Федерации». Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/suddoc/c4aa44aac138dd81be1946659b6ab779/> (дата обращения: 18.09.2025).

References:

1. Bitkova A.A. Criminalistic characteristics of victims of suicide and inducement to commit it // Youth, science and civilization: Materials of the international student scientific conference, Krasnoyarsk, May 19, 2022 / Ed. by N.N. Tsukanov. Is. 24. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. pp. 476-479.
2. Mikelova T.A. Suicide committed against a minor: features of qualification // WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS: collection of articles of the XIX International Scientific and Practical Conference: at 3 a.m., Penza, March 30, 2018. Volume Part 3. Penza: "Science and Enlightenment" (IP Gulyaev G.Yu.), 2018. pp. 118-122.
3. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.03.2015 No. 32-KG14-20 // Legal navigation service on the legislation of the Russian Federation "Codes and Laws of the Russian Federation". Access mode: <https://www.zakonrf.info/suddoc/c4aa44aac138dd81be1946659b6ab779/> (accessed: 09/18/2025).

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ НАЧАЛЬНИКА ОТРЯДА В ИСПРАВИТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ ON THE ISSUE OF THE EDUCATIONAL WORK SYSTEM OF THE SQUAD LEADER IN A CORRECTIONAL FACILITY

ТИЩЕНКО Юрий Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин МФЮА,
ведущий научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России,
125130, Россия, г. Москва, Нарвская ул., 15А стр. 1.
e-mail: yutish@list.ru

САМОЙЛОВА Анастасия Андреевна,

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ-3
ФКУ НИИ ФСИН России, подполковник внутренней службы,
125130, Россия, г. Москва, Нарвская ул., 15А стр. 1.
e-mail: shaporenko_a.a@rambler.ru

TISHCHENKO Yuriy Yu.,

Candidate of Law, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of MFUA,
Leading Researcher Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
15A Narva str., building 1, Moscow, 125130, Russia.
e-mail: yutish@list.ru

SAMOILOVA Anastasia A.,

Candidate of Law, Leading Researcher
of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Major of Internal Service.
15A Narva str., building 1, Moscow, 125130, Russia.
e-mail: shaporenko_a.a@rambler.ru

Краткая аннотация. В статье авторы рассуждают о системе воспитательной работы начальника отряда в исправительном учреждении. Рассматриваются основные направления деятельности начальника отряда, которые в своей совокупности и составляют систему его воспитательной работы. По мнению авторов, обеспечить систему в воспитании осужденных нелегко, однако сделать это необходимо, иначе воспитательная деятельность начальника отряда не будет иметь успеха. Авторы полагают, что успех воспитательной работы заключается не в проведении отдельных удачных мероприятий или направлений, а в реализации продуманного начальником отряда комплекса форм, методов и приемов, направленного на решение социальной задачи – исправление осужденных.

Abstract. In the article, the authors discuss the educational work system of the head of the detachment in a correctional institution. The main activities of the head of the detachment are considered, which together constitute the system of his educational work. According to the authors, it is not easy to provide a system for the education of convicts, but it must be done, otherwise the educational activities of the head of the detachment will not be successful. The authors believe that the success of educational work does not consist in carrying out individual successful events or directions, but in the implementation of a complex of forms, methods and techniques thought out by the head of the squad, aimed at solving the social task of correcting convicts.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, осужденные, начальник отряда, воспитательная работа, отряд осужденных, исправление, профилактика, формы воспитания, методы воспитания, средства исправления.

Key words: penal enforcement system, correctional institutions, convicts, squad leader, educational work, squad of convicts, correction, prevention, forms of education, methods of education, means of correction.

Для цитирования: Тищенко Ю.Ю., Самойлова А.А. К вопросу о системе воспитательной работы начальника отряда в исправительном учреждении // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 691-693. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_691.

For citation: Tishchenko Yu.Y., Samoilova A.A. On the issue of the educational work system of the squad leader in a correctional facility // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 691-693. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_691.

Статья поступила в редакцию: 05.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

С целью обеспечения управления исправительным процессом, создания необходимых условий для соблюдения прав и законных интересов, обеспечения личной безопасности осужденных, сохранения и поддержания их здоровья, проведения с ними воспитательной, психологической, социальной и иной работы, повышения образовательного, профессионального и культурного уровня, удовлетворения духовных запросов, подготовки к освобождению в структуре исправительного учреждения (далее – ИУ) создаются отряды осужденных, руководство которым осуществляет начальник отряда. В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством, на начальника отряда возлагается ответственность за организацию жизнедеятельности осужденных, формирование и воспитание коллектива осужденных, состояние воспитательной работы в отряде.

Справедливо отмечают Н.А. Мельникова и А.М. Садаев, о том, что деятельность начальника отряда направлена на обеспечение комплексного подхода к организации и проведению с осужденными воспитательной работы, ориентированной на достижение целей исправления, предупреждение совершения новых преступлений и создание для этого необходимых условий [2, с. 52].

В деятельности начальника отряда воспитательные функции являются ведущими. Они реализуются при сочетании усилий, направленных на формирование, сплочение и воспитание коллектива отряда с индивидуальным подходом к каждому осужденному.

Однако, начальник отряда осуществляет воспитательную работу не один, а совместно с заинтересованными частями и службами ИУ, педагогическим коллективом школы (учебно-консультативного пункта), общественными и религиозными организациями и т.д. Координация этой

многообразной деятельности, объединение усилий сотрудников ИУ в Совете воспитателей отряда (далее – СВО), придание ей организационного единства, подчинение общему плану во многом зависит от организаторских способностей начальника отряда. Н.Ю. Коноплин отмечает, что одной из ключевых ролей начальника отряда при формировании работоспособного СВО является обучение членов Совета формам и методам проведения воспитательной работы со спецконтингентом. С этой целью, начальник отряда проводит инструктивные занятия [1, с. 339].

СВО должен руководствоваться едиными режимно-педагогическими требованиями к осужденным, осуществлять индивидуальный подход к ним. Организатором и руководителем этого коллектива воспитателей выступает начальник отряда. Он изучает особенности воспитательной работы членов СВО, знакомится с их требованиями и взаимоотношениями о поведении отдельных осужденных, о методах воздействия на них. Объединение и направление педагогического влияния членов СВО является важной задачей начальника отряда.

Деятельность начальника отряда сложна и многогранна. Он проводит разнообразную воспитательную работу с коллективом осужденных, с членами СВО, общественными и религиозными организациями, с родственниками и т.д. Он заботится об укреплении дисциплины, воспитания трудолюбия, формировании коллективизма, нравственных и патриотических убеждений и пр. Направления его воспитательной деятельности определяются общими задачами исправления осужденных и конкретными условиями жизни отряда.

На разных этапах развития коллектива осужденных начальник отряда определяет конкретные задачи воспитательной работы и, опираясь на положительно характеризующихся осужденных, планирует и проводит воспитательную работу в отряде.

Деятельность начальника отряда достигает своей цели при условии, если она проводится в определенной системе. Система работы начальника отряда – это совокупность взаимно связанных между собой воспитательных мероприятий, направленных на достижение целей и задач исправления осужденных.

Поэтому правомерно говорить не только о системе воспитательной работы начальника отряда в целом, но и о системе его работы по различным видам деятельности. Так, на практике сложилась система организации коллектива осужденных, индивидуальной работы, работы с общественными и религиозными организациями и т.д.

Обеспечить систему в воспитании осужденных нелегко, однако сделать это необходимо, иначе воспитательная деятельность начальника отряда не будет иметь успеха. Он может затратить много сил и энергии на проведение отдельных, разрозненных воспитательных мероприятий, но не добиться нужных конечных результатов.

Деятельность начальника включает в себя всю сумму его влияния на коллектив осужденных в целом и на отдельных осужденных. Эффективность этих влияний значительно повышается, если они носят не стихийный, а продуманный и целенаправленный характер.

Стоит остановиться более подробно на основных направлениях деятельности начальника отряда, которые в своей совокупности и составляют систему его воспитательной работы.

Изучение осужденных. Начальник отряда начинает свою работу с изучения отряда и отдельно каждого осужденного. В результате создаются необходимые условия для правильной, рациональной организации процесса исправления, для осуществления индивидуальной воспитательной работы. Изучение осужденных продолжается непрерывно на протяжении всего срока отбывания наказания осужденными.

Организация и воспитание коллектива осужденных. Это одно из основных направлений деятельности начальника отряда. Формируя коллектив осужденных, начальник отряда создает предпосылки для успешного решения воспитательных задач. Он влияет на отдельных осужденных и на отряд в целом не только силой своего авторитета, но и путем формирования положительного общественного мнения.

Укрепление дисциплины. Высокий уровень дисциплины является показателем правильной организации воспитательной работы. Воспитание осужденных в духе сознательной дисциплины и приучение их к выполнению не только правил внутреннего распорядка ИУ, но и человеческого общежития занимает значительное место в деятельности начальника отряда. Это достигается постепенно, в результате повседневной кропотливой воспитательной работы. Начальник отряда требует от осужденных сознательного выполнения правил внутреннего распорядка, режима отбывания наказания. Вместе с тем он также стремится выработать нетерпимое отношение со стороны осужденных к нарушению соответствующих норм и правил человеческого общежития.

Организация и проведение воспитательной работы. Центральное место в воспитательной работе начальника отряда занимает формирование у осужденных устойчивой положительной жизненной позиции, подготовка их к активному участию в трудовой деятельности и общественной работе. В данном случае обычно органически сочетаются два основных направления – воспитательная работа и организация практической деятельности осужденных.

Координация воспитательной деятельности сотрудников ИУ. Начальник отряда координирует и направляет воспитательную работу членов СВО, добиваясь единства предъявления режимных требований и осуществления педагогических воздействий.

Руководство инициативной группой осужденных. Инициативные группы осужденных выполняют важные воспитательные функции. Начальник отряда находит опору для воздействия на коллектив отряда в целом и на отдельных осужденных. Руководство формированием и деятельностью инициативных групп позволяет начальнику отряда более широко использовать свои воспитательные возможности.

Такая разносторонняя деятельность начальника отряда обуславливает особенности его правового положения: в одном случае он выступает как организатор уголовно-исполнительного процесса в отряде, в том числе, по отношению к конкретному осужденному, что обеспечивает исправительное воздействие; в другом случае, начальник отряда – это участник рассматриваемого процесса, его непосредственный исполнитель, который осуществляет основные мероприятия по реализации наказания и применения к осужденному мер исправительного воздействия [4, с. 400].

Стоит отметить справедливое замечание Ю.А. Стрижнева о том, что эффективность профессиональной деятельности начальника отряда выражена соответствием реально достигнутого в процессе исполнения служебных обязанностей результата намеченной цели и нормативным требованиям с учетом временного фактора, а также внешних и внутренних ресурсов, затраченных на фактический результат [3, с. 140].

Резюмируя изложенное, стоит сказать, что передовой опыт работы ИУ показывает, что успех воспитательной работы заключается не в проведении отдельных удачных мероприятий или направлений, а в реализации продуманного начальником отряда комплекса форм, методов и приемов, направленного на решение социальной задачи – исправление осужденных.

Список литературы:

1. Коноплин Н.Ю. Роль начальника отряда в профилактике девиантного поведения осужденных // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития. Сборник материалов Всероссийского симпозиума психологов с международным участием. Рязань, 2020. С. 337-341
2. Мельникова Н.А., Садаев А.М. Особенности организации деятельности начальника отряда как субъекта воспитательной работы с осужденными // *Ius Publicum et Privatum*. 2020. № 5 (10). С. 51-54.
3. Стрижнев Ю.А. Механизм эффективности профессиональной деятельности начальника отряда // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2021. № 1 (41). С. 138-142.
4. Чорный В.Н. Роль начальника отряда в уголовно-исполнительном процессе в исправительных колониях: правовые и организационные аспекты // Актуальные проблемы организации деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в условиях развития. Материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора А.И. Зубкова и Дню российской науки. Рязань, 2021. С. 398-401.

References:

1. Konoplin N.Y. The role of the squad leader in the prevention of deviant behavior of convicts // *Psychology of the XXI century: challenges, searches, development vectors*. Collection of materials of the All-Russian Symposium of Psychologists with international participation. Ryazan, 2020. pp. 337-341
2. Melnikova N.A., Sadaev A.M. Features of the organization of the activities of the head of the detachment as a subject of educational work with prisoners // *Ius Publicum et Privatum*. 2020. № 5 (10). pp. 51-54.
3. Strizhnev Yu.A. The mechanism of effectiveness of the professional activity of the head of the detachment // *Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus*. 2021. No. 1 (41). pp. 138-142.
4. Chorny V.N. The role of the head of the detachment in the penal process in correctional colonies: legal and organizational aspects // *Actual problems of organizing the activities of bodies and institutions of the penal system in the context of development*. Materials of the inter-university scientific and practical conference dedicated to the memory of the Honored Scientist of the RSFSR, Doctor of Law, Professor A.I. Zubkov and the Day of Russian Science. Ryazan, 2021. pp. 398-401.

УБИЙЦЫ В ПЕРВОМ ЛЕНИНГРАДСКОМ ТРУДОВОМ ДОМЕ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

MURDERERS IN THE FIRST LENINGRAD LABOR HOME FOR JUVENILE OFFENDERS: HISTORICAL, LEGAL AND CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

КРИВОНОСОВА Диана Валерьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета, Университет ФСИН России, г. Санкт-Петербург, Россия, 196602, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Сапёрная, д. 34.
dianochka.kr@mail.ru

KRIVONOSOVA Diana Valeryevna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Faculty of Law, University of the Federal Penitentiary Service of Russia, St. Petersburg, Russia, 196602, Russia, St. Petersburg, Pushkin, ul. Sapernaya, 34.
dianochka.kr@mail.ru

Краткая аннотация: Рассматриваемое учреждение, Первый Ленинградский Трудовой дом для несовершеннолетних правонарушителей, был организован в Детском Селе, на территории, которую в наши дни занимает Университет ФСИН России. В рамках исследования истории функционирования данного учреждения удалось установить, что в 1925-1926 гг. ленинградскими криминологами проводилось обследование несовершеннолетних убийц, пребывающих в Первом Ленинградском Труддоме. Кропотливый труд и новаторские методы научного исследования привели коллектив слушателей Криминологического Кабинета Ленинградского Губсуда к изданию в 1928 году работы «Убийцы».

Abstract: The institution in question, the First Leningrad Labor Home for Juvenile Law Violators, was organized in a Children's Village, on the territory that is currently occupied by the University of the Federal Penitentiary Service of Russia. As part of the study of the history of the functioning of this institution, it was established that in 1925-1926 Leningrad criminologists conducted an examination of juvenile murderers staying in the First Leningrad Maternity Hospital. Painsstaking work and innovative methods of scientific research led the team of students of the Criminological Cabinet of the Leningrad Gubernatorial Court to publish the work "Murderers" in 1928.

Ключевые слова: Первый Ленинградский Труддом, Детское Село, Царскосельская уездная тюрьма, Детскосельский Исправдом, Криминологический Кабинет Ленинградского Губсуда, социально-криминологический подход, несовершеннолетние убийцы, Трудовые дома для правонарушителей из рабоче-крестьянской молодежи.

Keywords: First Leningrad Labor House, Detskoye Selo, Tsarskoye Selo county prison, Detskoye Selo Correctional House, Criminological Office of the Leningrad Provincial Court, socio-criminological approach, juvenile murderers, Labor houses for offenders from working-class and peasant youth.

Для цитирования: Кривоносова Д.В. Убийцы в Первом Ленинградском Трудовом доме для несовершеннолетних правонарушителей: историко-правовой и криминологический анализ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 694-697. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_694.

For citation: Krivonosova D. V. Murderers in the First Leningrad Labor Home for Juvenile Offenders: historical, legal and criminological analysis // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 694-697. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_694.

Статья поступила в редакцию: 05.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Деятельность Первого Петроградского (Ленинградского) трудового дома для несовершеннолетних правонарушителей реконструирована исключительно на основе архивных фондов Центрального государственного архива и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, поскольку в опубликованных источниках по истории пенитенциарных учреждений данного типа информация об этом объекте отсутствует. Следует отметить, что Первый Петроградский Трудовой дом для несовершеннолетних правонарушителей был создан в 1921 году на основании постановления Губисполкома Петроградской губернии, находился он в ведении Губернской Инспекции Мест Заключения и должен был располагаться в Детском Селе, бывшем Царском Селе, а ныне - г. Пушкине, - в зданиях, существовавшей до 1917 года Царскосельской уездной тюрьмы [3]. В наши дни это территория Университета ФСИН России. После 1917 года (до 1921 года) в этих зданиях функционировал Детскосельский Дом исправительно-трудового воспитания. Помещения Детскосельского Исправдома отремонтировали и в октябре 1921 года здесь начал осуществлять свою деятельность Первый Петроградский Трудовой дом для несовершеннолетних правонарушителей. В 1924 году это учреждение было переименовано в Первый Ленинградский Трудовой дом для несовершеннолетних правонарушителей (далее - Первый Ленинградский Труддом). На базе данного учреждения «в 1925 году организован единственный во всем СССР дом для Рабоче-Крестьянской молодежи» [6]

В Первом Ленинградском Труддоме для несовершеннолетних правонарушителей был установлен режим медико-педагогического воздействия, целью которого являлось обучение несовершеннолетних квалифицированным видам труда, расширение их умственного кругозора путем общего и профессионального образования. Главной задачей являлось создание из них самостоятельных и сознающих свои обязанности граждан. Также, посредством гимнастики, спорта и гигиены тела, осуществлялось физическое воспитание несовершеннолетних правонарушителей. На основании архивных материалов – отчета директора Первого Ленинградского Труддома для несовершеннолетних правонарушителей – становится возможным узнать характеристику состава содержащихся в Труддоме несовершеннолетних правонарушителей. Данный отчет о работе Первого Ленинградского Труддома был зачитан и обсуждался на заседании пленума административной секции Детскосельского Горсовета от 24 мая 1926 года. В отчете директора – тов. Строганова содержались статистические сведения о несовершеннолетних правонарушителях, которые велись административным и воспитательским персоналом, так называемым Педагогическим Советом, возглавляемым Директором. Также отмечалось, что с 1924 года работа Труддома ведется согласно особого Исправительно-Трудового Кодекса РСФСР.

Итак, в докладе товарища Строганова дана штатная характеристика учреждения: штатное число мест для рецидива - 156 и для РКМ - 100.¹ А также классификация состава правонарушителей представлена по двум основаниям: по количеству судимостей и по роду преступлений, совершенных несовершеннолетними правонарушителями.

¹ Под «РКМ» следует понимать Труддом для правонарушителей из рабоче-крестьянской молодежи, который организован на базе Первого Ленинградского Труддома в 1925 году. Персонал и директор на оба труддома были одни и те же, но режим отбывания наказания отличался.

По судимости: до 1 судимости - 5%; от 2-3 - 30%; выше трех судимостей - 65% от числа несовершеннолетних, содержащихся в Первом Ленинградском Труддоме.

По роду преступления: убийств - 7; насилие над личностью - 9; ул. расправа - 10; словесное оскорбление - 2; краж со взломом - 123; краж простых - 107; краж карманных - 47; мошенничество - 2; краж скота - 1; побег - 1; выгон самогонки - 2.

Именно первой группой в категории «по роду преступления» - несовершеннолетними правонарушителями, осужденными за убийство - заинтересовался коллектив Криминологического Кабинета Ленинградского Губсуда в рамках проводимого ими в 1925-1927 гг. криминологического анализа личности убийц, осужденных в г. Ленинграде и Ленинградской губернии.

Следует отметить, что в период с 1918 по 1930 г. советская криминология активно развивалась. В эти годы было проведено множество исследований и опубликованы десятки статей и монографий. Ученым, интересовавшимся проблемами девиантности, в совместной работе с Советскими органами власти удалось выстроить систему новых институтов в различных городах СССР. И в 1920-х в Москве, Ленинграде, Саратове, Ростове-на-Дону, Казани, Иркутске, Киеве, Минске, Одессе, Харькове, Баку и Тифлисе открываются Криминологические Кабинеты. А в 1925 году в Москве был организован Государственный институт по изучению преступности и преступника при НКВД РСФСР, взявший под свое руководство координацию криминологических исследований [4].

С мая по август 1925 года при Криминологическом Кабинете Ленинградского Губсуда (далее - Ленинградский Криминологический Кабинет) начался первый цикл Программы занятий кружка по судебной психопатологии «Психология преступности. Убийцы». В рамках данной Программы изучались: социальная биография убийцы, экономический уровень семьи убийцы и его личный; личные свойства убийцы - наследственность, физическая и душевная организация убийцы, признаки вырождения убийцы, его поведение до криминального периода; особенности убийц переходного времени (война, революция) и их преступлений, пол, возраст и социальное происхождение; типы убийц; мотивы убийства; тюремные душевные заболевания у убийц после осуждения.

Обследование преступников, совершивших убийства проводилось на базе Диагностического института судебной неврологии и психиатрии им. Ленина (г. Ленинград) и Ленинградских исправтруддомов. В ходе обследования особое внимание уделялось изучению социальных и личных причин убийства, что было обусловлено новым научным подходом в изучении убийц - социально-криминологическим. Такой подход, в отличие от обычного юридического подхода, ставил «убийцу лицом не к убитому, а к коллективу, понимая под этим не одну только живую массу, частицей которого он является, но и землю, на которой он родился...» [5, С.7]. Использование социально-криминологического подхода позволяло решить следующую задачу - обнажить первопричины убийства, которые вели от личности убийцы к материальным и культурным факторам, действовавшим длительно, что способствовало накоплению в психике поколений «взрывчатого материала». Этот «материал» должен был когда-нибудь разрядиться в форме убийства. Причем, для этого достаточно было ничтожного повода или мотива. Коллективная работа слушателей Криминологического Кабинета - «Убийцы», являлась попыткой выявить такую связь: первопричина (материальные и культурные факторы, воздействовавшие на предков убийцы и на самого убийцу) - событие (убийство) как детонация «взрывчатого материала».

Во второй половине 1925 и в начале 1926 гг. в Ленинграде было обследовано 255 убийц путем анкетирования и изучения судебного материала. Анкета состояла из трех частей: 1) медицинское обследование; 2) социально-бытовое обследование; 3) «в местах заключения».

В рамках обследования были изучены личности восьми несовершеннолетних убийц возрастом от 16 до 17 лет, пребывавших в то время в Первом Ленинградском Труддоме для несовершеннолетних правонарушителей. Слушателями Криминологического Кабинета была составлена подробная социально-криминологическая характеристика несовершеннолетних убийц из Труддома в Детском Селе. Благодаря этому труду советских криминологов, мы имеем возможность узнать о личности несовершеннолетних преступников в историческом и социальном контексте, осмыслить их преступное деяние как социальное явление, порожденное строем общественных отношений.

Итак, в рамках криминологического анализа, целью которого является понимание причин и условий преступного поведения, приводим данные обследования Криминологического Кабинета восьми убийц в возрасте 16-17 лет, отбывавшим наказание в Первом Ленинградском Труддоме:

Случай 1. Д. Д. К., 17 лет, уроженец Гдовского уезда, рост - 167, голова - 56, грудь - 87; происходит из зажиточной семьи. У отца есть хутор в 15 десятин земли, большая изба, 2 лошади, 2 коровы. Семья состоит, из 4-х человек. Мальчик нигде не учился, - отец пьянствовал (самогон) и не пускал его учиться, а требовал, чтобы он помогал в крестьянстве; наемных работников не было. За работу отец иногда давал по 3-5 рублей. Курит, пьет с 16 лет. В июне 1925 г. проследил, как какой-то мальчик, получив в кооперативе продукты и сдачу с червонца, возвращался в соседнюю деревню через лес; он подстерег мальчика, напал на него и разбил ему голову двумя ударами камня (в 10 фунтов весом), после чего забрал себе продукты и деньги.

Случай 2. В. В. Н., 17 лет, рост - 162, голова - 53, грудь - 78. Ответы на общие вопросы дает охотно, хотя от природы у него невнятная речь. При разговоре большей частью смотрит прямо в глаза.

Родился, жил и учился в Ленинграде. В деревне никогда не был. С 1916 г. он остался без отца, учился пять лет в городском училище, потом год у сапожника. Стал заниматься самостоятельно сапожным делом и почти весь свой месячный заработок (70 рублей) отдавал матери, с которой жил, оставляя себе мелочь только на курение. Д в е сестры работают на фабрике, брат (вор-рецидивист) находится в психиатрической больнице. Отец, по словам матери, болел душевной болезнью и умер в больнице от водянки (?). Брат отца страдал припадками и утонул во время ужения рыбы от припадка. У мальчика была небольшая компания, в которой была и одна девочка, по имени Нюра, но с ней «крутил» (выражение В. В. Н.) его товарищ. Встречались после работы, шли обыкновенно гулять. Нюра тоже гуляла с ними. Три раза был в приводках и один раз задержан милицией по подозрению в краже, после задержания через два дня был отпущен. Большой любитель кино; всего больше нравятся

картины революционного характера; видел «Дворец и Крепость», «Красные Дьяволята». Эти картины нравятся ему потому, что в них изображается, как «рабочие боролись за свое освобождение от капитала». Читает книги, какие придется. Пил редко, кокаина не нюхал. При расспросах о половой жизни, пьянстве, наркотиках замедляет ответы. При рассказе о своем преступлении опускает голову и плачет; рассказ прерывает длинными паузами. Ночевал, где придется. К матери не заходил. На вопрос, почему не уехал из Ленинграда, отвечает, что «родные же здесь». Задержан был на Обводном канале агентом розыска. О смерти товарища узнал лишь при аресте. В Труддome занимается тоже сапожным делом; причитающийся на руки заработок (8 - 10 р. в месяц) тратит на еду. Ведет себя отлично, - получает отпуска без конвоя.

Случай 3. А. И. И., 17 лет, уроженец Кингисеппского уезда. Рост - 162, грудь - 80, голова - 33. Лоб низкий. Учился в сельской школе пять лет и работал в семье по крестьянству. Школу закончил. Хотел в деревне вступить в комсомол, - там состоят все его товарищи, но родители не позволили. Отцу - 70 лет, матери - 63. Самому маленькому брату - 10 лет. Отец-плотник, не пьет. Крестьянское хозяйство ведет, главным образом, сестра и наемный работник. Любит очень чтение (газеты, книги). Собирался с товарищем-комсомольцем заняться рабкорством и сообщать о деревенских недостатках, о самогоне.

Посещал и гулянки, на которых проводил время преимущественно с девушками; среди них была одна более близкая Клавдюша (не жил с нею).

Приучился пить, когда стал бывать в Кингисеппе, куда его нанимали перевозить бумагу. Осужден за убийство деревенского гармониста, которому группа парней нанесла в общем 61 ножевую рану. Об убийстве рассказывает спокойно и подробно, ответы дает обстоятельные.

Случай 4. М. К. И., 16 лет, уроженец Гдовского уезда; рост - 159, грудь - 80, голова - 53. Сирота; отец умер от контузии, мать от тифа. Занимается хлебопашеством, малограмотный. В декабре 1924 г. во время гулянки затеял драку и нанес товарищу в глаз смертельный удар доской. В Труддome ведет себя отлично, в отпуск ходит без конвоя.

Случай 5. П. В. В., 17 лет, уроженец Лужского уезда, хорошо грамотен, комсомолец с 1920 г.

Родители занимаются крестьянством; он живет с ними вместе, помогает в работе. С 17-ти лет стал пить; тогда же начал половые сношения.

Осужден за братоубийство: из мести (год собирался) в ноябре 1923 г. в риге двумя ударами топора раздробил брату череп. В Труддome на хорошем счету, его отпускают на полевые работы.

Случай 6. А. А. В., 17 лет, рост - 167, голова - 51, грудь - 86. Жил с родителями, занимался земледелием. Учился в сельской школе. Курит с 16 лет; участвовал вместе с взрослыми в драке, закончившейся смертельным ранением одного из участников.

Случай 7. В. М. Р., 17 лет, рост - 170, грудь - 80, голова - 55. Уроженец Волховского уезда. Учился 2 года в школе «еще при Николае». Семья состоит из пяти человек. Он старший из детей. Отцу 65 лет, очень редко выпивает, не курит, не ругается. Сыну пить не позволял и «ругал за пьянство», которое началось у него с 1924 г., когда «в первый раз попробовали самогонку».

Весь день проходил в работе и только по праздникам он «гулял с барышнями и говорил с ними о любви». Однако, «своей барышни не имел, молодой был еще». Жениться же не собирался «по молодости». На вопрос, что делают, отвечает: «в церковь ходим, до нее всего две версты». В городе Ленинграде впервые был в 1924 г. Осужден за покушение на убийство, - «доктор говорил, что рана тяжелая, через три дня помрет, а он по сей день не помирает, все живет». Рана была нанесена в драке, - «нас шло пять человек, ребята заспорили с Новожиловым, - все были пьяны, выпили по 1/2 бутылки самогона». Двое из его товарищей судились ранее за хулиганство. Когда он Новожилова «пырнул ножом, был пьян, а потом стало за сердце забирать, стал плакать». В Труддome ведет себя хорошо. «Все думаю о доме, первое время даже не ел. Теперь пообвык. Отец приезжает ко мне, жалеет и ругает, - говорит, что опозорил семью».

Случай 8. Е. В. Т., 17 лет, рост - 153, грудь - 75, голова - 54. Уроженец Лужской губернии; отец - хлебопашец, не пьет. В городе Луге раньше бывал редко, в Ленинграде ни разу. Трамвай видал, но не ездил на нем. Учился два года в сельской школе. С 13 лет работал с отцом. В комсомоле не состоял, «всегда на работе». Пил редко, «когда угощали товарищи». Малограмотный, читал Жюль Верна, Майн-Рида, но в деревне читал мало («некогда было»), а стал читать усердно в Труддome.

Осужден за соучастие в убийстве милиционера, труп которого (орудие убийства - топор) спрятали потом в избе товарища. В Труддome сапожничает (научился у отца). Курил три года, но теперь бросил. На вопросы отвечает не сразу, переспрашивает, в глаза не смотрит. Чувствует себя очень стесненно.

Анализируя личность, причины и исторические условия несовершеннолетних убийц, пребывавших в Первом Ленинградском Труддome, криминологи отмечали, что дети-убийцы это «непокрытые до верху культурой, прямолинейные и эгоистичные в своих грубых желаниях, жадные, рано сексуально проснувшиеся, жестокие до садизма, лишенные детской пугливости пред кровью... эти преждевременные старички с детским паспортом, независимо от последнего, должны быть причислены к особой породе людей, у которых выпал один из нужнейших этапов развития - детство» [5, С.16] Ленинградские криминологи пришли к следующим выводам: естественное развитие ребенка существует лишь при наличии определенных благоприятных условий. Поскольку инстинкты у несовершеннолетних имеют некий первобытный характер, то легко развиваются в неблагоприятных условиях в разрушительное антисоциальное устремление.

Изучая криминологическую характеристику несовершеннолетних, по данным обследования Ленинградского Криминологического Кабинета, обратимся к названию раздела, в котором дана эта характеристика: «Малолетние убийцы. Детскосельский Исправтруддом» [5, С.131]. Историко-правовой анализ расхождения названия учреждения для несовершеннолетних правонарушителей, которое присутствует в работе Криминологического Кабинета («Детскосельский Исправтруддом») и в фактическом названии учреждения «Первый Ленинградский Труддом» позволил

установить следующее:

Во-первых, Детскосельский Дом исправительно-трудового воспитания (Детскосельский Исправдом) - учреждение с похожим названием ранее существовало в Детском Селе. Детскосельский Исправдом был организован после 1917 года в зданиях бывшей Царскосельской уездной тюрьмы. В данном учреждении, в основном, содержались совершеннолетние правонарушители. [7] Но в октябре 1921 года в зданиях Детскосельского Исправдома организован Первый Петроградский (Ленинградский) Труддом для несовершеннолетних правонарушителей. И по архивным данным [7] это учреждение располагалось здесь до начала 1930-х годов. Исправдома как учреждения перестали функционировать в результате реформы учреждений лишения свободы в 1922-1925 годах - в результате вышеуказанной реформы создаются исправительно-трудовые дома.

Во-вторых, Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года разделял места заключения на учреждения для применения мер социальной защиты исправительного характера (исправительно-трудовые дома и др.) и учреждения для применения мер социальной защиты медико-педагогического характера (трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей и трудовые дома правонарушителей из рабоче-крестьянской молодежи). В соответствии со ст. 47 ИТК РСФСР 1924 года, лишенные свободы направлялись в места заключения в следующем порядке: в исправительно-трудовые дома - приговоренные к лишению свободы на срок свыше шести месяцев; в трудовые дома: а) для несовершеннолетних правонарушителей - несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, приговоренные судом к лишению свободы, и б) для правонарушителей из рабоче-крестьянской молодежи - лишенные свободы правонарушители рабоче-крестьянского происхождения в возрасте от шестнадцати до двадцати лет [1].

Принимая во внимание детали возраст убийц, их социальное происхождение и детали режима отбывания наказания (предоставление отпуска, например), указанные в материалах криминологического обследования, можно сделать вывод о том, что они отбывали наказание в Труддome для несовершеннолетних правонарушителей (в том числе, в Труддome для правонарушителей из рабоче-крестьянской молодежи), а не в Исправтруддome. Этот вывод подтверждается ст. 189 ИТК РСФСР 1924 г.: «В трудовые дома для правонарушителей из рабоче-крестьянской молодежи принимаются приговоренные к лишению свободы заключенные в возрасте от шестнадцати до двадцати лет, если они, исходя из трудовых слоев населения и не будучи правонарушителями-рецидивистами, совершили преступление вследствие малосознательности, нужды или случайно». Ст. 18 УК РСФСР 1922 года предусматривала применение к несовершеннолетним от 14 до 16 лет меры медико-педагогического воздействия, - с таким режимом отбывания наказания были только трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей.

Также ст. 185 ИТК РСФСР 1924 года регулировала предоставление отпусков – не свыше двух недель для несовершеннолетних правонарушителей, пребывавшим в труддome не менее шести месяцев [1].

В-третьих, если ориентироваться на работу криминологов – описывается восемь убийц, а в отчете директора Первого Ленинградского Труддома для несовершеннолетних – упоминается семь убийц. Разница в количестве несовершеннолетних может быть обусловлена причиной освобождения одного из них. Поскольку обследование несовершеннолетних проводилось во второй половине 1925 – начале 1926 года, а отчет директора Труддома тов. Строганова был зачитан на совещании в мае 1926 года, и, учитывая сроки уголовного наказания за убийства, описанные в исследовании, которые в соответствии со статьями 143 и 144 УК РСФСР 1922 года могли составлять от трех и до трех лет, соответственно [2]. С условием, что возраст осужденного превышал 16 лет.

В заключении, следует отметить, что убийство как преступление занимает особое место в криминологической науке благодаря своей древнейшей природе. Оно сохраняет первобытные черты, обусловленные животными инстинктами и страстями, в отличие от других преступлений, эволюционирующих под влиянием материальной культуры и технического прогресса. В 1928 году слушатели Ленинградского Криминологического Кабинета при Губсуде в своей коллективной работе «Психология преступности. Убийцы» подчеркивали эту неизменность. Ленинградские криминологи настаивали на социологической природе преступления. Базой для изучения несовершеннолетних убийц стал Первый Ленинградский Трудовой дом для несовершеннолетних правонарушителей, располагавшийся в 1925-1926 годах по адресу: г. Детское Село, ул. Красной Артиллерии, д. 34. Со временем город и улица поменяли свое название и через сто лет, прошедших со времени обследования несовершеннолетних убийц в данном учреждении, его можно описать так: г. Пушкин, ул. Саперная, д. 34.

Список литературы:

1. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР. — Москва : ВЦИК, 1924. — 41 с.
2. Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : [Приказ Революционного Военного Совета Республики 1922 г. № 1551]. — [Москва] : Издание Военной коллегии Верховного трибунала ВЦИК, 1922.
3. Кривоносова, Д. В. Исследование этапов становления и развития учреждения пенитенциарной системы России в городе Пушкине в 1904 – 1917 гг. / Кривоносова Д. В., Хазбулат Е. Р. // Профессиональное юридическое образование и наука. - 2024. - № 3 (15). - С. 72-74.
4. Погорелов М. А. Полевые исследования в раннесоветской криминологии (1920-е годы) / Погорелов М. А. // Социология власти. 2021. № 33(3). С. 254–281.
5. Убийцы [Текст] : [Сборник] : С 75 табл. и фотографич. снимками. - Ленинград : [Рабочий суд], 1928. — 149 с. : ил. : 17х13 см. — Библиотека Криминологического кабинета Ленинградского областного суда/ Под ред. проф. Л. Г. Оршанского, проф. А. А. Жижиленко и И. Я. Дерзibasheva
6. ЦГА СПб Ф. Р-4301 Оп. 1 Д.2497 «Отчеты и докладные записки о работе лазарета при 1-м Ленинградском трудовом доме для несовершеннолетних лишенных свободы и переписка с ним об ассигновании кредитов».
7. ЦГА СПб Ф.Р-8 оп.1 Д. 3612 Л. 11 «Материалы по обследованию мест заключения, детских учреждений, отдела социального обеспечения Детскосельского уезда».

References:

1. The Correctional Labor Code of the RSFSR. — Moscow : All-Russian Central Executive Committee, 1924. — 41 p.
2. The Criminal Code of the Russian Socialist Federative Soviet Republic : [Order of the Revolutionary Military Council of the Republic of 1922 No. 1551]. —Moscow] : Publication of the Military Collegium of the Supreme Tribunal of the All-Russian Central Executive Committee, 1922.
3. Krivonosova, D. V. A study of the stages of formation and development of the Russian penitentiary system in the city of Pushkin in 1904-1917 / Krivonosova D.V., Khazbulat E.R. // Professional legal education and Science. - 2024. - № 3 (15). - Pp. 72-74.
4. Pogorelov, M. A. Field research in early Soviet criminology (1920s). / Pogorelov M.A. // Sociology of power. - 2021. - 33 (3). — Pp. 254-281.
5. Murderers [Text] : [Collection] : With 75 tables and photographs. with snapshots. Leningrad : [Workers' Court], 1928. 149 p. : ill. : 17x13 cm. — Library of the Criminological Cabinet of the Leningrad Regional Court/ Edited by prof. L. G. Orshansky, prof. A. A. Zhizhilenko and I. Ya. Derzibashev
6. TSGA SPb F. R-4301 Op. 1 d.2497 "Reports and memos on the work of the infirmary at the 1st Leningrad Labor Home for minors deprived of liberty and correspondence with him on the allocation of loans."
7. TSGA SPb F.R-8 op.1 d. 3612 L. 11 "Materials on the survey of places of detention, children's institutions, the Department of social security of the Detskosselsky district".

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_698

УДК 343

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЯМИ ЧАСТНЫМИ НОТАРИУСАМИ И АУДИТОРАМИ

CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS OF ABUSE OF AUTHORITY BY PRIVATE NOTARIES AND AUDITORS

ЗЕЙНАЛОВ Марат Магомедович,

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического института
ФБГОУ Дагестанский государственный университет,
367000, РФ, Республика Дагестан, ул. Махачкала, ул. Коркмасова, д. 8
Email: ugpravodgu@mail.ru

ГАСАНОВА Зулпат Мурадовна,

Магистрантка Юридического института ФБГОУ Дагестанский государственный университет,
367000, РФ, Республика Дагестан, ул. Махачкала, ул. Коркмасова, д. 8
Email: ugpravodgu@mail.ru

ZEYNALOV M. M.

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology,
Dagestan State University Law Institute,
367000, Russian Federation, Republic of Dagestan, Makhachkala str., Korkmasova str., 8
Email: ugpravodgu@mail.ru

GASANOVA Z. M.

Graduate student of the Law Institute of the Dagestan State University,
367000, Russian Federation, Republic of Dagestan, Makhachkala str., Korkmasova str., 8
Email: ugpravodgu@mail.ru

Краткая аннотация. В статье анализируется уголовно-правовая характеристика злоупотребления полномочиями частными нотариусами и аудиторами, предусмотренного ст. 202 УК РФ. Показано, что выделение данного состава в главе 23 УК РФ обусловлено особым статусом указанных субъектов, действующих в сфере обеспечения юридической и финансовой безопасности оборота, но не относящихся к числу должностных лиц. Раскрываются особенности объекта и объективной стороны преступления, в том числе бланкетный характер нормы, специфика использования полномочий вопреки задачам профессиональной деятельности, значение критерия «существенный вред» и необходимость установления причинной связи между деянием и наступившими последствиями. Сравниваются формы злоупотреблений частных нотариусов (удостоверение недействительных сделок, фиктивных доверенностей и завещаний, незаконный отказ в совершении нотариального действия, разглашение нотариальной тайны и др.) и индивидуальных аудиторов (выдача заведомо ложных аудиторских заключений, содействие налоговым и кредитным мошенничествам, нарушение принципа независимости и конфиденциальности). Отмечается влияние цифровизации нотариальной и аудиторской деятельности на появление новых способов злоупотреблений. На основе анализа научных подходов и правоприменительной практики формулируются выводы о проблемах квалификации, конкуренции норм и необходимости законодательной конкретизации признака «существенный вред», а также совершенствования превентивных механизмов контроля и ответственности в исследуемой сфере.

Abstract. The article analyzes the criminal law characteristics of abuse of authority by private notaries and auditors, provided for in Article 202 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is shown that the allocation of this structure in Chapter 23 of the Criminal Code of the Russian Federation is due to the special status of these entities operating in the field of ensuring legal and financial security of turnover, but not among officials. The article reveals the features of the object and the objective side of the crime, including the blunt nature of the norm, the specifics of using authority contrary to the objectives of professional activity, the significance of the criterion of "significant harm" and the need to establish a causal relationship between the act and the consequences. The forms of abuse of private notaries (certification of invalid transactions, fictitious powers of attorney and wills, illegal refusal to perform notarial acts, disclosure of notarial secrets, etc.) and individual auditors (issuance of knowingly false audit reports, assistance to tax and credit fraud, violation of the principle of independence and confidentiality) are compared. The influence of digitalization of notary and auditing activities on the emergence of new ways of abuse is noted. Based on the analysis of scientific approaches and law enforcement practice, conclusions are drawn about the problems of qualification, competition of norms and the need for legislative specification of the sign of "significant harm", as well as improving preventive control and responsibility mechanisms in the field under study.

Ключевые слова: злоупотребление полномочиями; частный нотариус; индивидуальный аудитор; ст. 202 УК РФ; существенный вред; бланкетный состав преступления; нотариальная деятельность; аудиторская деятельность; цифровизация; уголовная ответственность.

Keywords: abuse of authority; private notary; individual auditor; Article 202 of the Criminal Code of the Russian Federation; substantial harm; corpus delicti; notarial activity; auditing; digitalization; criminal liability.

Для цитирования: Зейналов М.М., Гасанова З.М. Уголовно-правовая характеристика злоупотребления полномочиями частными нотариусами и аудиторами // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 698-701. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_698.

For citation: Zeinalov M.M., Gasanova Z.M. Criminal law characteristics of abuse of authority by private notaries and auditors // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 698-701. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_698.

Статья поступила в редакцию: 18.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Злоупотребление полномочиями экспертами, обеспечивающими юридическую и финансовую защиту граждан и бизнеса, негативно влияет на правопорядок и экономическую безопасность. Частнопрактикующие нотариусы и аудиторы выступают «дополняющими» государственные органы: они удостоверяют сделки, права и юридические факты, проводят независимый финансовый контроль и выражают мнение о достоверности отчетности. Законодатель выделил злоупотребление их полномочиями в самостоятельный состав, включив статью 202 в главу 23 УК РФ «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях». По общему определению злоупотребление полномочиями — это противоправное деяние специального субъекта (должностного лица, частного нотариуса, аудитора или управленца), совершенное

вопреки интересам службы, мотивированное корыстной или иной личной заинтересованностью и влекущее существенное нарушение прав и законных интересов граждан, организаций или государства [1, с. 44]. Поскольку состав имеет материальный характер и является бланкетным, для его квалификации суд вынужден обращаться к нотариальному и аудиторскому законодательству.

В 1993 г. в России были введены частнопрактикующие нотариусы. В отсутствие уголовных норм их злоупотребления — удостоверение недействительных сделок, фиктивных доверенностей и завещаний — не получали должной оценки. Нотариусы за вознаграждение вовлекались в мошеннические схемы по завладению движимым и недвижимым имуществом и участвовали в организованных преступных сообществах. Обзор судебной практики Верховного суда показал, что в 1996 г. дело частного нотариуса, оформившего поддельную доверенность на квартиру, было квалифицировано как халатность (ст. 172 УК РСФСР), поскольку нотариус не признавался должностным лицом [2, с. 37]. Законодатель увидел необходимость криминализации таких деяний и установил ответственность за злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами в статье 202 УК РФ.

Аудиторская деятельность — форма независимого финансового контроля, призванная повысить доверие пользователей к финансовой отчетности. Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» выделяет обязательный и добровольный аудит; услуга предоставляется на возмездной основе [3, с. 22]. До принятия УК РФ аудиторы отвечали только в гражданско-правовом и административном порядке. Уголовная ответственность возникла в 1996 г., когда статья 202 включила их в сферу уголовно-правовой охраны.

Состав преступления является бланкетным. По замечанию Е.А. Молчановой, уголовный закон содержит лишь общую формулу: запрещено использование полномочий вопреки задачам деятельности и в целях извлечения выгод или нанесения вреда; содержание полномочий и задачи определяются другим законодательством [4, с. 69]. Поэтому квалификация предполагает ссылку на нормы нотариального законодательства, которые определяют права и обязанности нотариусов, и на правила аудита, регламентирующие профессиональные обязанности аудитора.

Статья 202 содержит две части. В общем составе (ч. 1) объектом выступают права и законные интересы граждан, организации, общества и государства, а объективная сторона выражается в использовании полномочий вопреки задачам деятельности для извлечения выгод для себя или других лиц либо нанесения вреда. Обязательным признаком является существенный вред. В квалифицированном составе (ч. 2) предусмотрены два признака: совершение деяния в отношении несовершеннолетнего или недееспособного лица, либо его неоднократность. При этом требуется доказать, что нотариус осознавал возраст или недееспособность потерпевшего [5, с. 65].

Субъектом преступления является частный нотариус или частный аудитор — физическое лицо, имеющее специальный статус. В отношении аудиторов уголовная ответственность наступает только для индивидуальных аудиторов; аудиторские организации несут дисциплинарную и гражданско-правовую ответственность.

Нотариусы, занимающиеся частной практикой, имеют уникальное положение. Внутреннее законодательство (Основы о нотариате) наделяет их полномочиями представителей государства: нотариус имеет личную печать с изображением Государственного герба РФ, может требовать от участников предоставления документов и явки, а за неисполнение применять предупредительную санкцию — отказ в нотариальном действии. Р.Ф. Асанов подчёркивал, что нотариус «наделён властными полномочиями» — требования о представлении документов и явке обязательны для исполнения; невыполнение влечёт отказ в совершении нотариального действия, лишаящий участников желаемого результата [6, с. 99-100]. Однако, необходимо отметить, что нотариальные конторы, не являясь государственными учреждениями, поэтому частный нотариус формально не соответствует признакам должностного лица, что и обусловило введение специальной нормы.

Требования для получения статуса нотариуса обширны: необходимо гражданство РФ, юридическое образование, стажировка, успешная сдача квалификационного экзамена, получение лицензии и вступление в нотариальную палату. Эти требования подтверждают, что субъект состава имеет повышенный профессиональный статус.

Аудиторы в свою очередь также должны быть независимы, соблюдать профессиональные стандарты и тайну. Статья 202 применима только к индивидуальным аудиторам; к уголовной ответственности за злоупотребление полномочиями могут быть привлечены только физические лица (индивидуальные аудиторы). Аудиторы обязаны проводить проверку квалифицированно, соблюдать нормативные акты, поддерживать конфиденциальность и не зависеть от проверяемого лица; нарушения этих требований образуют основания для ответственности.

Теперь перейдем к раскрытию объективной стороны преступления. Действия (или бездействие) подпадают под состав, когда нотариус или аудитор использует предоставленные полномочия вопреки задачам профессиональной деятельности. Молчанова подчеркивала, что злоупотребление заключается не в совершении действий, выходящих за пределы компетенции, а в нарушении условий и целей, для которых полномочия предоставлены; субъект действует в рамках своей компетенции, но делает это незаконно [4, с. 71].

О.В. Моисеева указывает, что правоприменительная практика показывает, что нотариусы злоупотребляют полномочиями, совершая нотариальные действия вне своего округа или вне компетенции, в том числе через посредничество при заключении договоров. Нотариусы обязаны хранить сведения о совершаемых действиях; незаконное разглашение нотариальной тайны рассматривается как злоупотребление [7, с. 74]. Кроме того, объективная сторона преступления может заключаться и в отказе в совершении нотариального действия без законных оснований, несоблюдение сроков регистрации уведомления о залоге движимого имущества и другие задержки квалифицируются как злоупотребление посредством бездействия.

Ткачева отмечала, что с внедрением цифровых технологий расширились возможности злоупотреблений: нотариусы стали удостоверять недействительные сделки, фиктивные доверенности и завещания; эти действия нередко служат базой для совершения других преступле-

ний, в том числе мошенничества [8].

Говоря об аудиторах, то С.В. Изосимов указывал, что объективная сторона злоупотребления аудитором проявляется в использовании полномочий «вопреки задачам аудита»:

- фальсификация финансовой отчётности, выдача ложных аудиторских заключений;
- умышленные ошибки в отчётности, сокрытие фактов, исключающих независимость;
- составление фиктивных документов, содействующих другим преступлениям (мошенничество, уклонение от налогов и др.)

[9, с. 141].

Аудиторские заключения используются для получения кредитов, привлечения инвесторов и подтверждения финансовой устойчивости; поэтому ложное заключение может способствовать мошенничеству, незаконному получению кредита и иным тяжким преступлениям. Изосимов отмечал, что такие случаи следует квалифицировать по совокупности с другими нормами (мошенничество, подделка документов), а фальсификация документов должна дополнительно квалифицироваться по ст. 327 УК РФ [9, С. 142].

Малинина перечисляет нарушения обязательств по договору аудита: некачественное проведение проверки, нарушение принципа конфиденциальности, несоблюдение законодательства и нормативных актов, умышленное сокрытие обстоятельств, исключающих независимость, и нарушение сроков предоставления заключения. При разглашении аудиторской тайны аудитор может быть привлечён к уголовной ответственности [3, с.23].

Состав преступления имеет материальный характер — оно считается оконченным с момента причинения существенного вреда. Закон не определяет этот термин, поэтому необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправных действий на работу организации, характер и размер материального ущерба, число потерпевших и тяжесть причинённого им вреда.

Для нотариусов существенный вред может проявляться в имущественном ущербе (утрата права на имущество вследствие незаконной сделки, потеря наследства), срыве нормальной работы предприятия, лишении граждан возможности реализовать конституционные права. Если злоупотребление нарушило конституционное право гражданина, преступление считается оконченным независимо от наступления материального ущерба. В отношении аудиторов существенный вред выражается в ухудшении экономического положения пострадавших, затруднении реализации их законных прав или создании угрозы экономического разорения.

Необходимым элементом объективной стороны является причинная связь между злоупотреблением и наступившими последствиями. Следственные органы обязаны доказать, что именно действия нотариуса или аудитора повлекли вред, а не иные обстоятельства.

Преступление характеризуется прямым умыслом и наличием специальной цели. Нотариус или аудитор осознаёт противоправность своих действий, предвидит наступление вредных последствий и желает их наступления. Целью является получение выгод и преимуществ для себя или других лиц либо причинение вреда. Нотариусы действуют корыстно: выгода может выражаться в получении имущественной прибыли, избежании расходов или сокрытии собственных ошибок. Необходимо подчеркнуть, что преступление не может быть совершено по неосторожности; наличие специальной цели несовместимо с небрежностью.

Санкции за злоупотребление полномочиями предусматривают штраф, принудительные работы, арест или лишение свободы. Отметим, что в зависимости от обстоятельств виновный может быть оштрафован, подвергнут принудительным работам или аресту, а также лишён права заниматься определённой деятельностью; максимальное наказание — лишение свободы до трёх лет.

Аудитор несёт уголовную ответственность также за ряд смежных преступлений: заведомо ложные показания (ст. 307 УК РФ), разглашение коммерческой или банковской тайны (ст. 183 УК РФ), коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), сокрытие денежных средств для уклонения от налогов (ст. 199.2 УК РФ). В неуголовной сфере за нарушения аудиторского законодательства предусмотрены аннулирование лицензии, квалификационного аттестата, взыскание убытков и страховое возмещение. Составление заведомо ложного аудиторского заключения влечёт аннулирование лицензии и квалификационного аттестата и может стать основанием для уголовной ответственности.

Раскрывая проблемы правоприменения, то в первую очередь отсутствие законодательно закреплённых критериев осложняет оценку общественно опасных последствий. Суд должен учитывать степень негативного влияния деяния на предпринимательскую деятельность, характер и размер ущерба, число потерпевших и тяжесть вреда. Верховный суд в постановлении разъяснил необходимость оценки степени отрицательного влияния на работу предприятия и количества потерпевших [10].

Также в юридической науке продолжаются споры, считать ли частных нотариусов должностными лицами. Некоторые учёные (Р.Ф. Асанов, Ю. Филимонов) полагают, что нотариусы наделены функциями представителей власти и обладают распорядительными полномочиями [11, 12]; другие указывают, что они не относятся к государственным органам и не выполняют управленческих функций, поэтому не могут признаваться должностными лицами. Дебаты связаны с отнесением преступления к главе 23, а не к главе 30 УК РФ.

Таким образом, Статья 202 УК РФ охраняет не только юридические и экономические интересы граждан и организаций, но и авторитет институтов нотариата и аудита. Она предназначена для пресечения злоупотреблений в частной нотариальной и аудиторской деятельности, которые, как показала практика 1990-х гг., способны причинить серьёзный имущественный и социальный вред. Материальная и бланкетная конструкция состава обязывает суды детально исследовать нарушения профессиональных норм и оценивать причинённый вред. Анализ научной литературы и практики показывает, что основными проблемами остаются неопределённость понятия «существенный вред», совокупность с другими преступлениями, отсутствие ответственности за неосторожные действия и необходимость дальнейшей цифровизации и контроля.

Установление чётких критериев вреда, совершенствование бланкетных норм и развитие превентивных мер (страхование, контроль качества, цифровые сервисы) помогут повысить эффективность уголовно-правовой защиты в сфере нотариальной и аудиторской деятельности. При этом важно сохранять баланс между уголовными санкциями и иными правовыми средствами, стимулируя добровольное возмещение ущерба и повышение профессиональной ответственности.

Список литературы:

1. Попова, Н. А. Понятие и признаки злоупотребления полномочиями как негативного проявления государственно-правовой жизни: теоретико-отраслевой аспект / Н. А. Попова, Е. А. Подковыров // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 4. – С. 44-45. – С. 44
2. Ткачева, Н. В. Уголовная ответственность нотариуса в свете введения цифровых технологий в нотариальную деятельность / Н. В. Ткачева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 20, № 3. – С. 36-43. – С. 37
3. Малинина, Л. Ю. Ответственность аудиторов при осуществлении аудиторской деятельности / Л. Ю. Малинина // Вестник Российского университета кооперации. – 2013. – № 2(12). – С. 22-25. – С. 22
4. Молчанова, Е. А. Уголовная ответственность частных нотариусов за злоупотребление полномочиями / Е. А. Молчанова // Ленинградский юридический журнал. – 2010. – № 3(21). – С. 68-83. – С. 69
5. Жилко, И. А. Злоупотребление полномочиями частным нотариусом: состав преступления, предусмотренного статьей 202 УК РФ / И. А. Жилко, Е. М. Глушкова, Ч. Ш. Купирова // Российское право: образование, практика, наука. – 2020. – № 6(120). – С. 63-67. – С. 65
6. Асанов, Р. Ф. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях: Квалификация и ответственность: диссертация кандидата юридических наук : 12.00.08. - Нижний Новгород, 1999. - 227 с. – С. 99 – 100.
7. Моисеева, О. В. Особенности правоприменительной практики привлечения нотариусов к ответственности в результате злоупотребления полномочиями / О. В. Моисеева // Право: история и современность. – 2019. – № 3. – С. 70-80. – С. 74
8. Ткачева, Н. В. Уголовная ответственность нотариуса в свете введения цифровых технологий в нотариальную деятельность / Н. В. Ткачева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 20, № 3. – С. 36-43.
9. Изосимов, С. В. Уголовно-правовая характеристика злоупотребления полномочиями частными аудиторами / С. В. Изосимов // Бизнес в законе. – 2006. – № 1-2. – С. 139-145. – С. 141
10. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 // Бюллетень ВС РФ. 2009. № 12.
11. Асанов, Р. Ф. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (Квалификация и ответственность): специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Асанов Рустэм Финусович. – Нижний Новгород, 1999. – 227 с.
12. Филимонов, Ю. Нотариус -лицо должностное? / Ю. Филимонов // Российская юстиция. – 1996. – № 9. – С. 31-32.

References:

1. Popova, N. A. The concept and signs of abuse of authority as a negative manifestation of state and legal life: a theoretical and sectoral aspect / N. A. Popova, E. A. Podkovyrov // Gaps in Russian legislation. – 2018. – No. 4. – pp. 44-45.
2. Tkacheva, N. V. Criminal liability of a notary in the light of the introduction of digital technologies in notary activities / N. V. Tkacheva // Bulletin of the South Ural State University. Series: Pravo, 2020, vol. 20, No. 3, pp. 36-43.
3. Malinina, L. Y. Responsibility of auditors in carrying out auditing activities / L. Y. Malinina // Bulletin of the Russian University of Cooperation. – 2013. – № 2(12). – P. 22-25.
4. Molchanova, E. A. Criminal liability of private notaries for abuse of authority / E. A. Molchanova // Leningrad Law Journal. – 2010. – № 3(21). – Pp. 68-83.
5. Zhilko, I. A. Abuse of authority by a private notary: a crime under Article 202 of the Criminal Code of the Russian Federation / I. A. Zhilko, E. M. Glushkova, Ch. Sh. Kupirova // Russian law: education, practice, science. – 2020. – № 6(120). – Pp. 63-67.
6. Asanov, R. F. Crimes against the interests of service in commercial and other organizations: Qualification and responsibility: dissertation of the Candidate of Law sciences : 12.00.08. - Nizhny Novgorod, 1999. - 227 p.
7. Moiseeva, O. V. Features of the law enforcement practice of bringing notaries to justice as a result of abuse of authority / O. V. Moiseeva // Law: history and modernity. – 2019. – No. 3. – p. 70-80.
8. Tkacheva, N. V. Criminal liability of a notary in the light of the introduction of digital technologies in notary activities / N. V. Tkacheva // Bulletin of the South Ural State University. Series: Pravo, 2020, vol. 20, No. 3, pp. 36-43.
9. Izosimov, S. V. Criminal and legal characteristics of abuse of authority by private auditors / S. V. Izosimov // Business in law. - 2006. – No. 1-2. – pp. 139-145.
10. On judicial practice in cases of abuse of office and abuse of office: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 16, 2009 No. 19 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2009. No. 12.
11. Asanov, R. F. Crimes against the interests of service in commercial and other organizations (Qualification and responsibility): specialty 12.00.08 "Criminal law and criminology; penal enforcement law": dissertation for the degree of Candidate of Law / Asanov Rustem Finusovich. Nizhny Novgorod, 1999. 227 p.
12. Filimonov, Y. Notary - an official? / Y. Filimonov // Russian Justice. - 1996. – No. 9. – pp. 31-32.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_702

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ИНСТИТУТА ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОСУЖДЕННЫХ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ NEW APPROACHES TO IMPROVING THE INSTITUTE OF DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF CONDEMNED PERSONS IN THE PENITENTIARY SYSTEM OF RUSSIA

ЗИНИН Григорий Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент института подготовки государственных и муниципальных служащих по кафедре уголовного права ФКОУ ВО «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России)
390000, Россия, Рязанская обл., г. Рязань, ул. Сенная, д. 1
E-mail: zinin.grigory1904@yandex.ru

ОРЛОВ Николай Леонидович,

старший преподаватель кафедры пожарной безопасности и естественно-научных дисциплин инженерно-технического факультета ФКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний» (Университет ФСИН России)
196602, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Саперная, д. 34, лит. «А»
E-mail: mr.nickor@mail.ru

ZININ Grigory Yurievich,

candidate of law, associate professor of the institute of training of state and municipal employees at the department of criminal law of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Academy of law and management of the Federal penitentiary service" (Academy of the FPS of Russia)
390000, Russia, Ryazan region, Ryazan, Sennaya str., 1
E-mail: zinin.grigory1904@yandex.ru

ORLOV Nikolai Leonidovich,

senior lecturer at the department of fire safety and natural sciences at the faculty of engineering and technology of the Federal State Educational Institution of Higher Education "St. Petersburg state university of the Federal penitentiary service" (University of the FPS of Russia)
196602, St. Petersburg, Sapernaya str., 34, lit. "A"
E-mail: mr.nickor@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматривается комплекс проблем, возникающих при применении дисциплинарной и административной ответственности к лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы. Основное внимание уделяется анализу противоречий, вытекающих из конкуренции норм уголовно-исполнительного и административного права, и обоснованию необходимости законодательных изменений. Автор предлагает пути реформирования института дисциплинарной ответственности, в частности путем введения в УИК РФ отдельной главы, детально регламентирующей процедуру привлечения к ответственности, а также путем внесения корректировок в КоАП РФ для четкого разделения юрисдикции. Особый акцент делается на оценке действенности применяемых санкций и разработке механизмов, обеспечивающих соразмерность и справедливость дисциплинарного воздействия в условиях пенитенциарных учреждений.

Abstract: the article examines a complex of problems that arise when disciplinary and administrative liability is applied to individuals serving sentences of imprisonment. The main focus is on analyzing the contradictions arising from the competition of norms of criminal executive and administrative law, and justifying the need for legislative changes. The author proposes ways to reform the institution of disciplinary liability, including by introducing a separate chapter in the Penal Code of the Russian Federation that details the procedure for bringing individuals to justice, as well as by making adjustments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation to clearly separate jurisdiction. Special emphasis is placed on assessing the effectiveness of the sanctions applied and developing mechanisms that ensure the proportionality and fairness of disciplinary measures in penitentiary institutions.

Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, административная ответственность, осужденный, лишение свободы, уголовно-исполнительный кодекс, кодекс об административных правонарушениях, исправительное учреждение, правовое регулирование, дисциплинарное производство, пенитенциарная система.

Keywords: disciplinary liability, administrative liability, convict, imprisonment, penal code, code of administrative offenses, correctional facility, legal regulation, disciplinary proceedings, penitentiary system.

Для цитирования: Зинин Г.Ю., Орлов Н.П. Новые подходы к совершенствованию института дисциплинарной ответственности осужденных в пенитенциарной системе России // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 702-705. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_702.

For citation: Zinin G.Yu., Orlov N.L. New approaches to improving the institute of disciplinary responsibility of condemned persons in the penitentiary system of Russia // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 702-705. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_702.

Статья поступила в редакцию: 05.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Введение

Институт дисциплинарной ответственности лиц, осужденных к лишению свободы, представляет собой ключевой элемент в системе поддержания правопорядка в исправительных учреждениях. Его основное назначение состоит в обеспечении соблюдения режима отбывания наказания, безопасности всех участников уголовно-исполнительного процесса и достижения целей исправления. Несмотря на длительную историю существования и очевидную значимость, указанный правовой институт продолжает оставаться предметом активных научных дискуссий и критики со стороны практиков, что свидетельствует о недостатках его теоретического обоснования и наличии существенных пробелов в правовом регулировании.

Актуальность проведенного исследования определяется системными противоречиями и пробелами в законодательстве. Отсутствие четких границ между дисциплинарной и административной ответственностью, неполное регулирование процедурных аспектов, а также низкая результативность санкций, предусмотренных КоАП РФ для лиц, уже изолированных от общества, указывают на кризисное состояние существующей

ющей модели. Сложившаяся правоприменительная практика порождает неопределенность, создает предпосылки для злоупотреблений и субъективного усмотрения администрации исправительных учреждений, что в конечном счете снижает эффективность исполнения наказания. Дополнительную остроту проблеме придает тот факт, что действующий механизм зачастую игнорирует личностные особенности осужденного и не обеспечивает индивидуального подхода к применению исправительных мер, что вступает в противоречие с базовыми принципами уголовно-исполнительного права [10, с. 29-30].

Целью статьи является всесторонний анализ перспектив развития института дисциплинарной ответственности осужденных и разработка конкретных мер по его модернизации. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: исследование отраслевой принадлежности ответственности за проступки осужденных; анализ критериев разграничения дисциплинарных и административных мер; оценка целесообразности расширения перечня злостных нарушений режима; выявление недостатков процедурного регулирования дисциплинарного производства и формулирование путей их устранения; подготовка конкретных предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Методологическую основу работы составили общенаучные и специальные методы познания: диалектический, формально-логический, системно-структурный, сравнительно-правовой и метод анализа правоприменительной практики. Особую роль сыграл философский подход, опирающийся на категории «возможность» и «действительность», позволивший оценить потенциал трансформации действующей правовой модели.

1. Разграничение дисциплинарной и административной ответственности: критерии и проблемы

Вопрос о виде ответственности (дисциплинарной или административной), к которой следует привлекать осужденного за правонарушение, совершенное в исправительном учреждении, имеет принципиальное значение. В научной литературе представлены различные точки зрения на эту проблему. Некоторые исследователи, обращая внимание на внешнее сходство многих составов, склоняются к признанию межотраслевого характера института и его связи с административным правом [6, с. 19]. Действительно, сравнительный анализ составов, предусмотренных УИК РФ (ч. 1 ст. 116) и КоАП РФ, выявляет сходства. Например, такие административные правонарушения, как мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ), неповиновение законному распоряжению сотрудника УИС (ст. 19.3 КоАП РФ) или оскорбление (ст. 5.61 КоАП РФ), имеют прямые аналоги в перечне дисциплинарных проступков [1, с. 63].

Однако внешнее сходство не означает тождества правовой природы. Для корректного разграничения предлагается использовать систему из трех взаимосвязанных критериев, основываясь на трудах профессора Н.А. Стручкова [7, с. 55]:

1. Субъектный критерий. Субъектом дисциплинарной ответственности является специальный субъект – осужденный, отбывающий наказание в виде лишения свободы. Административная ответственность ориентирована на общий круг лиц. Специальный правовой статус осужденного, характеризующийся ограничением его прав и свобод, предопределяет особенности применяемых к нему мер воздействия. При этом, как признается исследователями, осужденный сохраняет статус субъекта иных отраслей права [4, с. 213; 82, с. 26-27].

2. Содержательный (материальный) критерий. Это ключевой критерий, определяющий суть различий. При совершении проступка в исправительном учреждении меняется объект посягательства. Если в административном праве это могут быть общественный порядок или порядок управления, то в уголовно-исполнительной сфере нарушения трансформируются, приобретая единый объект – установленный законом порядок отбывания наказания. Именно этот специфический объект определяет содержание охранительных отношений, придавая проступку иную юридическую окраску.

3. Территориальный критерий. Дисциплинарная ответственность применяется исключительно за проступки, совершенные на территории исправительного учреждения. Правонарушения, допущенные осужденным за его пределами (например, во время краткосрочного отпуска), подлежат административной ответственности на общих основаниях.

Особого внимания заслуживает вопрос о недопустимости привлечения к двойной ответственности – одновременно дисциплинарной и административной – за одно и то же деяние. Такая практика не только нарушает принцип законности, но и дискредитирует идею исправительного воздействия, способствуя формированию правового нигилизма у осужденных [3, с. 341]. Необходимо на законодательном уровне закрепить прямой запрет на кумулятивное применение мер взыскания по УИК РФ и КоАП РФ за одно нарушение, что будет соответствовать конституционным принципам справедливости и соразмерности.

2. Расширение перечня злостных нарушений режима: необходимость и перспективы

Существует ряд противоправных деяний, которые осужденные систематически совершают в местах лишения свободы, но ответственность за которые предусмотрена только нормами КоАП РФ. К ним, в частности, относятся дискриминация (ст. 5.62 КоАП РФ), побои (ст. 6.1.1 КоАП РФ), мелкое хищение (ст. 7.27 КоАП РФ), пропаганда или публичное демонстрирование нацистской атрибутики (ст. 20.3 КоАП РФ).

Попытки привлечения к административной ответственности за эти деяния в условиях пенитенциарного учреждения наталкиваются на системные противоречия. Меры, такие как административный арест (ст. 3.9 КоАП РФ) или обязательные работы (ст. 3.13 КоАП РФ), неприменимы к лицу, уже находящемуся в изоляции [5, с. 71-75]. Фактически единственной применимой санкцией остается административный штраф. Однако его эффективность в условиях лишения свободы сомнительна. Многие осужденные не имеют доходов для уплаты штрафа, что ведет к образованию задолженности. Незначительный размер штрафа не оказывает исправительного воздействия и не воспринимается как существенное наказание [9, с. 183-186]. В результате судебное производство становится формальностью, не обеспечивающей ни восстановления порядка, ни предупреждения новых нарушений, и создает избыточную нагрузку на судебную систему.

Наглядным примером служит ст. 20.3 КоАП РФ. Демонстрация осужденными татуировок экстремистского или нацистского характера является распространенным явлением [2, с. 73]. Суды назначают административный штраф, который, как правило, не оплачивается, при этом сама проблема не решается. Выходом видится перевод таких составов из административной плоскости в дисциплинарную. Включение, например, «публичного демонстрирования запрещенной атрибутики и символики» в перечень злостных нарушений по ч. 1 ст. 116 УИК РФ позволило бы применять адекватные меры дисциплинарного воздействия (водворение в штрафной изолятор, перевод в единое помещение камерного типа), что способствовало бы исправлению и поддержанию порядка. Это также позволило бы администрации оперативно реагировать на подобные проявления.

Отсутствие законодательных препятствий и неэффективность действующего механизма подтверждают возможность и необходимость расширения круга злостных нарушений режима, что стало бы логичным шагом в развитии уголовно-исполнительной политики.

3. Создание целостного субинститута дисциплинарного производства

Действующее правовое регулирование дисциплинарной ответственности осужденных в УИК РФ носит фрагментарный характер и содержит многочисленные пробелы, особенно в процессуальной части. Это создает почву для произвола и нарушений прав осужденных на стадии привлечения их к ответственности. Отсутствие детальной регламентации процессуальных прав и обязанностей, сроков и процедур приводит к тому, что решения часто принимаются на основе субъективного усмотрения должностных лиц.

Для решения этой проблемы предлагается концептуальный подход – выделение в Разделе IV УИК РФ отдельной главы «Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы». Данная глава должна детально регламентировать весь процессуальный цикл:

1. Возбуждение дисциплинарного дела: основания, порядок составления процессуальных документов.
2. Рассмотрение дела: сроки, права и обязанности участников (осужденного, свидетелей, представителя администрации), обеспечение права на защиту и дачу объяснений.
3. Принятие решения: требования к постановлению начальника учреждения, порядок его вынесения и объявления, мотивировка избранной меры взыскания.
4. Исполнение постановления: порядок приведения взыскания в исполнение, регистрация, контроль.

Кроме того, в предлагаемой главе необходимо урегулировать ряд существенных материальных вопросов:

- градация взысканий на основные и дополнительные для гибкого и индивидуального подхода к выбору меры воздействия [12].
- порядок исполнения, отсрочки, приостановления и прекращения взысканий, включая условия досрочного снятия.
- сроки погашения взыскания, особенно актуальные для злостных нарушителей.
- порядок возмещения имущественного ущерба, причиненного в результате проступка.

Четкое законодательное регулирование минимизирует риски субъективного усмотрения, обеспечит права осужденных и повысит общую культуру правоприменения в УИС.

Заключение и предложения

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что институт дисциплинарной ответственности осужденных к лишению свободы нуждается не в точечных изменениях, а в комплексном законодательном реформировании. Существующие возможности для его качественного улучшения являются реализуемыми и должны быть воплощены в жизнь.

В качестве основных направлений реформирования предлагается:

1. Законодательное закрепление системы критериев разграничения дисциплинарной и административной ответственности (субъектный, содержательный, территориальный) и прямого запрета на двойную ответственность за одно деяние в УИК РФ и КоАП РФ.
2. Расширение перечня злостных нарушений режима по ч. 1 ст. 116 УИК РФ за счет включения составов, которые по своей сути подрывают порядок отбывания наказания в исправительном учреждении (например, демонстрация запрещенной символики).
3. Систематизация процедурных норм путем введения в УИК РФ отдельной главы «Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы», комплексно регулирующей все стадии производства и связанные вопросы.
4. Внесение дополнений в КоАП РФ в виде специальной нормы (например, ст. 2.5.1), устанавливающей, что за административные правонарушения, совершенные в исправительных учреждениях, осужденные несут дисциплинарную ответственность по нормам УИК РФ, а за пределами учреждений – административную на общих основаниях [11, с. 63-70].

Реализация данных предложений позволит устранить правовые пробелы и коллизии, повысить эффективность уголовно-исполнительной системы, усилить исправительное воздействие и укрепить законность и правопорядок в учреждениях ФСИН России.

Список литературы:

1. Каляшин А.В. Конкуренция норм, регламентирующих дисциплинарную и административную ответственность подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, и осужденных к лишению свободы // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2020. № 2(24). С. 60-64.
2. Латыпова Д.М. Вопросы квалификации насилия, совершенного в отношении сотрудников исправительного учреждения // Вестник Самарского юридического института. 2012. № 1(6). С. 71-74.
3. Поникаров В.А. Особенности административной ответственности осужденных к лишению свободы // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30 (1-14). С. 336-344.
4. Румянцев Н.В. Административная ответственность подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 211-214.

5. Румянцев Н.В., Журавлев В.В. К вопросу об административной ответственности лиц, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы / Н.В. Румянцев, В.В. Журавлев // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 1(36). С. 71-75.
6. Сенатова Е.В. Механизм трансформации норм административного права в уголовно-исполнительном законодательстве // Административное право и процесс. 2016. № 4. С. 17-20.
7. Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Общей части. М. Юрид. лит., 1984. 240 с.
8. Стручков Н.А. Об исправительно-трудовых правоотношениях // Труды Высшей школы, МВД СССР, 1961, № 6. С. 21-27.
9. Упоров А.Г. Институт административной ответственности осужденных в исправительных учреждениях / А.Г. Упоров // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы XXI Всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк, 20-21 октября 2021 г. Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. С. 183-186.
10. Уткин В.А. Рациональность принуждения как принцип правового регулирования исполнения лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16. № 1 (57). С. 29-36.
11. Чорный В.Н., Сенатова Е.В. Административно-правовой статус осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. №2. С. 63-70.
12. Penitentiary liability for environmental crimes / A. N. Gordoplov, G. Yu. Zinin, G. S. Pratsko, E. A. Sokolova // Bio Web of Conferences: International Scientific Conference on Biotechnology and Food Technology (BFT-2024), Saint Petersburg, 03-06 сентября 2024 года. Vol. 130. Les Ulis: EDP Sciences, 2024. P. 08030.

References:

1. Kalyashin A.V. Competition of Norms Regulating the Disciplinary and Administrative Liability of Suspects and Defendants Who Have Been Detained as a Pre-Trial Measure and Those Convicted to Imprisonment // Penitentiary Law: Legal Theory and Law Enforcement Practice. 2020. No. 2(24). Pp. 60-64.
2. Latypova D.M. Issues of Qualification of Violence Committed Against Correctional Institution Employees // Bulletin of the Samara Law Institute. 2012. No. 1(6). Pp. 71-74.
3. Ponikarov V.A. Features of Administrative Liability for Convicts Sentenced to Imprisonment // Man: Crime and Punishment. 2022. Vol. 30 (1-14). Pp. 336-344.
4. Rumyantsev N.V. Administrative Responsibility of Suspects, Accused, and Convicts Detained in Institutions of the Penitentiary System // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2. Pp. 211-214.
5. Rumyantsev N.V., Zhuravlev V.V. On the issue of administrative liability of persons serving sentences in institutions of the penal system / N.V. Rumyantsev, V.V. Zhuravlev // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2020. No. 1(36). Pp. 71-75.
6. Senatova E.V. The Mechanism of Transformation of Administrative Law Norms in Penal Law // Administrative Law and Process. 2016. No. 4. Pp. 17-20.
7. Struchkov, N.A. Course of Correctional Labor Law. Problems of the General Part. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1984. 240 p.
8. Struchkov, N.A. On Correctional Labor Relations // Proceedings of the Higher School, Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1961, No. 6, pp. 21-27.
9. Uporov, A.G. The Institute of Administrative Responsibility of Convicts in Correctional Facilities / A.G. Uporov // The Penitentiary System Today: Interaction of Science and Practice: Proceedings of the XXI All-Russian Scientific and Practical Conference, Novokuznetsk, October 20-21, 2021. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, 2021. Pp. 183-186.
10. Utkin V.A. The Rationality of Coercion as a Principle of Legal Regulation of Imprisonment // Penitentiary Science. 2022. Vol. 16. No. 1 (57). Pp. 29-36.
11. Chorny V.N., Senatorova E.V. Administrative and Legal Status of Convicts // Vedomosti of the Penitentiary System. 2021. No. 2. Pp. 63-70.
12. Penitentiary liability for environmental crimes / A. N. Gordoplov, G. Yu. Zinin, G. S. Pratsko, E. A. Sokolova // Bio Web of Conferences: International Scientific Conference on Biotechnology and Food Technology (BFT-2024), Saint Petersburg, 03-06 сентября 2024 года. Vol. 130. Les Ulis: EDP Sciences, 2024. P. 08030.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_706

УДК 342; 343.8

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ К АЛЬТЕРНАТИВНОМУ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ ВИДУ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ РАБОТ

ON THE ISSUE OF THE EFFECTIVENESS OF THE ACTIVITIES OF SPECIALIZED STATE BODIES FOR THE PREVENTION OF CRIMES OF THOSE SENTENCED TO ALTERNATIVE IMPRISONMENT IN THE FORM OF COMPULSORY LABOR

СМИРНОВА Ирина Николаевна,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса,
Псковский государственный университет.
Россия, г. Псков, пл. Ленина, д. 2
E-mail: irina_smi69@mail.ru;

АЛИЕВ Эльмар Нариман оглы,

аспирант, Псковский государственный университет.
Россия, г. Псков, пл. Ленина, д. 2
E-mail: jurist150@mail.ru

SMIRNOVA Irina Nikolaevna,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure,
Pskov State University.
Russia, Pskov, Lenin Square, 2
E-mail: irina_smi69@mail.ru;

ALIEV Elmar Nariman oglu,

PhD student, Pskov State University.
2 Lenin Square, Pskov, Russia
E-mail: jurist150@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы обеспечения эффективности деятельности специализированных государственных органов по предупреждению преступлений осужденных к альтернативному лишению свободы виду наказания в виде обязательных работ. С учетом опроса сотрудников уголовно-исполнительных инспекций и изучения специальной литературы уточняются причины повторных преступлений осужденных к обязательным работам. Раскрываются основные факторы, влияющие на эффективность рассматриваемого направления правоохранительной деятельности. На основе анализа результатов проведенного исследования формулируются меры, направленные на повышение эффективности правоохранительной деятельности уголовно-исполнительных инспекций в рамках предупреждения преступлений осужденных к альтернативному лишению свободы виду наказания в виде обязательных работ.

Abstract. The article discusses topical issues of ensuring the effectiveness of specialized government agencies in preventing crimes committed by those sentenced to alternative imprisonment in the form of compulsory labor. Taking into account the survey of employees of penal enforcement inspections and the study of special literature, the reasons for the repeated crimes of those sentenced to compulsory labor are being clarified. The main factors influencing the effectiveness of the considered area of law enforcement activity are revealed. Based on the analysis of the results of the conducted research, measures are formulated aimed at improving the effectiveness of law enforcement activities of penal enforcement inspections in the framework of preventing crimes committed by those sentenced to alternative imprisonment in the form of compulsory labor.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная инспекция, правовая природа обязательных работ, критерии эффективности, повторные преступления осужденных, причины преступлений, рационализация трудовых процессов.

Keywords: penal enforcement inspectorate, legal nature of compulsory work, efficiency criteria, repeated crimes of convicts, causes of crimes, rationalization of labor processes.

Для цитирования: Смирнова И.Н., Алиев Эльмар Нариман оглы. К вопросу об эффективности деятельности специализированных государственных органов по предупреждению преступлений осужденных к альтернативному лишению свободы виду наказания в виде обязательных работ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 706-708. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_706.

For citation: Smirnova I.N., Aliev Elmar Nariman oglu. On the issue of the effectiveness of the activities of specialized State bodies for the prevention of crimes of those sentenced to alternative imprisonment in the form of compulsory labor // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 706-708. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_706.

Статья поступила в редакцию: 02.12.2025
Дата публикации: 30.12.2025

Обращение к вопросу эффективности деятельности специализированных государственных органов по предупреждению преступлений со стороны осужденных к альтернативному лишению свободы виду наказания в виде обязательных работ обусловлено положениями Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года, которая закрепляет повышение эффективности уголовно-исполнительной системы в целом.

Применительно к теме публикации требуется обеспечить качественную реализацию правоохранительных задач в рамках функционирования уголовно-исполнительных инспекций (УИИ), в числе которых качественное исполнение наказания в виде обязательных работ в соответствии с действующим законодательством, профилактика повторных преступлений и других правонарушений со стороны таких подучетных лиц, повышение эффективности профилактической работы с несовершеннолетними осужденными, дальнейшее развитие внешнего взаимодействия,

придание работе УИИ социальной направленности [1, с. 12]. Это продиктовано тем, что «Эффективное применение таких наказаний в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, должно обеспечивать снижение уровня криминализации общества» [2, с. 6].

При выработке мер организационно-правового характера, направленных на повышение эффективности правоохранительной деятельности специализированных государственных органов по предупреждению преступлений со стороны осужденных к обязательным работам, на наш взгляд, необходимо исходить из следующих положений:

- выделяют определенные карательные элементы обязательных работ. При этом С.В. Чубраков, ранее обращая внимание на важность установления карательных элементов этого наказания, констатировал, что «с одной стороны, органам, исполняющим наказание, необходимо будет обеспечить воздействие на осужденных с их помощью, а с другой – строго воздержаться от придания карательных свойств иным средствам воздействия, не относящимся к содержанию наказания» [3, с. 29];

- в системе наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, обязательные работы занимают особое место, поскольку связаны с обязательным привлечением осужденного к труду [4, с. 9–10]. Отметим также, что, по позиции Д.В. Чернышёвой, «труд осужденных...позволяет УИИ контролировать поведение осужденных к обязательным...работам...стимулировать правопослушное поведение осужденных, достигая тем самым цели исправления» [5, с. 14];

- обязательные работы заключаются в выполнении осужденным бесплатных общественно полезных работ в свободное от основной работы или учебы времени. Однако некоторые авторы уже указывали на то, что «рабочий день у лица, закрепленного контролировать работу осужденного, фактически завершен» [6, с. 83]. Решение этого вопроса потребует, по нашему мнению, принятия соответствующих организационно-правовых мер;

- обязательные работы назначаются от 60 до 480 часов и отбываются не свыше четырех часов в день [7]. Анализ литературы показывает, что ранее предлагалось дополнить ч. 3 ст. 88 УК РФ указанием на меньшее количество часов, которые должен отработать несовершеннолетний в неделю, что «позволит ему более рационально распорядиться свободным временем без ущерба для процесса обучения» [8, с. 155]. Думается, возникнет потребность в оптимизации организации функционирования специализированных государственных органов по контролю за поведением осужденных к обязательным работам в рамках предупреждения преступлений с их стороны, в том числе на основе оптимизации внешнего взаимодействия;

- осужденные к обязательным работам, в силу особенностей своего криминогенного состава, требуют постоянного контроля за их поведением. При этом в целях достижения необходимой результативности такой работы важно выяснять комплекс причин совершения осужденными, состоящими на учете УИИ, преступлений, а также условий, им способствующих, в частности: наличие у осужденного алкогольной и наркотической зависимости, неразвитость социальных норм поведения, низкий уровень самоконтроля, нежелание встать на путь исправления, безответственное отношение к назначенному наказанию; склонность осужденного к противоправному поведению, наличие судимостей; неадекватная оценка судом его личности и неоднократное назначение наказания без лишения свободы, отсутствие должного контроля за поведением и образом жизни осужденного, в том числе из-за недостаточного уровня внешнего взаимодействия в предупреждении правонарушений со стороны подучетных лиц [9, с. 158–164].

Эффективность правоохранительной деятельности специализированных государственных органов по контролю за поведением осужденных к обязательным работам в рамках предупреждения преступлений с их стороны – это оптимальная эксплуатация ресурсов, которая выражается в максимизации полученных результатов работы над затратами ресурсов. В связи с этим верно отмечал А.П. Леонов, что основные задачи управления состоят в определении целей организации и создании необходимых условий для их реализации (организационных, технических, экономических, социальных, психологических и др.). Более того, оценка деятельности управленцев связана с результатами деятельности организации [10, с. 9].

Определять эффективность правоохранительной деятельности специализированных государственных органов по контролю за поведением осужденных к обязательным работам можно по уровню повторной преступности таких подучетных лиц и по количеству уклонений от отбывания наказания (именно эти критерии, на наш взгляд, четко отражают результативность решения поставленных перед такими специализированными государственными органами задач).

Конечно, повышению эффективности деятельности специализированных государственных органов по предупреждению совершения осужденными преступлений будет способствовать комплекс мер организационно-правового характера (они раскрывались и ранее, однако без учета изменения условий функционирования УИИ и расширения спектра решаемых ими задач) [11, с. 8–12; 12, с. 121–124; 13, с. 125–128].

В настоящей публикации уточним следующие моменты:

1. Эффективность деятельности специализированных государственных органов по контролю за поведением осужденных к обязательным работам во многом зависит от организации кадрового обеспечения [14, с. 112–125].

2. Важное значение для достижения высоких результатов в решении поставленных задач в рамках предупреждения преступлений такой категории подучетных лиц имеет рационализация трудовых процессов. Так, ранее применительно к органам внутренних дел этот процесс рассматривался в организационно-тактическом (охватывает комплекс мер, направленных на повышение эффективности труда сотрудников за счет наилучшей организации и тактики осуществления трудовых операций. Речь прежде всего идет о совершенствовании технологии работы с документами и устранении непроизводительных затрат при проведении организационных мероприятий); техническом (состоит в использовании разных технических средств, которые позволяют сократить время на выполнение работ, устранить излишние перемещения сотруд-

ников) направлениях [15, с. 318–331].

Применительно к деятельности специализированных государственных органов по контролю за поведением осужденных к обязательным работам в рамках предупреждения преступлений с их стороны в настоящее время активно применяются инновационные технологии, реализуется электронный документооборот. Однако сохраняется достаточно высокая нагрузка на сотрудников, что не может не сказаться на эффективности решения поставленных перед ними задач.

3. Не теряет актуальности роль руководителя как ключевого звена в процессе реализации специализированными государственными органами функций по контролю за поведением осужденных к альтернативному лишению свободы виду наказания в виде обязательных работ. По этому поводу обозначим позицию В.И. Огородникова, который указывал на то, что как организатор руководитель должен обеспечить высокий уровень организованности коллектива (последняя представляет собой единство действий всех его членов, причем очень разных по многим параметрам, их общую целеустремленность в решении задач повышения эффективности труда) [16, с. 23–24].

Список литературы

1. Коробкова Е.А. Об итогах работы уголовно-исполнительных инспекций и исправительных центров ФСИН России и задаче на предстоящий период // Сборник материалов VIII Всероссийского совещания руководителей уголовно-исполнительных инспекций, исправительных центров и подразделений по контролю за исполнением наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, территориальных органов ФСИН России (29–31 мая 2019 г.). М., 2019. С. 5–12.
2. О работе учреждений, исполняющих наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества (интервью с начальником УОИНИО ФСИН России Е.А. Коробковой) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 5. С. 6–14.
3. Чубраков С.В. Проблемы определения содержания уголовного в виде обязательных работ // Пенитенциарная наука. 2008. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-opredeleniya-soderzhaniya-ugolovno-v-vide-obyazatelnyh-rabot> (дата обращения: 04.01.2025).
4. Смирнова И.Н. Правовые и организационные основы деятельности уголовно-исполнительной системы в сфере исполнения наказаний без изоляции от общества, связанных с обязательным привлечением осужденного к труду: учебное пособие. Псков, 2022. 144 с.
5. Чернышёва Д.В. Организационные и правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций по привлечению осужденных к отбыванию обязательных и исправительных работ: автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.11 / Чернышёва Диана Валентиновна; [Место защиты: Акад. права и упр. Федер. службы исполнения наказаний]. Рязань, 2010. 22 с.
6. Грушин Ф.В., Боярченко О.В. Обязательные работы в Российской Федерации: факторы появления, некоторые проблемы и пути их решения // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1(92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obyazatelnye-raboty-v-rossiyskoy-federatsii-factory-poyavleniya-nekotorye-problemy-i-puti-ih-resheniya> (дата обращения: 04.01.2025).
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.
8. Ложкина Л.В. Совершенствование порядка исполнения наказания в виде обязательных работ // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-poryadka-ispolneniya-nakazaniya-v-vide-obyazatelnyh-rabot> (дата обращения: 11.01.2025).
9. Смирнова И.Н. Проблемы организации совместной деятельности уголовно-исполнительных инспекций с органами внутренних дел в сфере профилактики преступлений и других правонарушений осужденных без изоляции от общества. Право. Управление. 2016. № 3. С. 158–164.
10. Леонов А.П. Управление органами внутренних дел: курс лекций. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2007. 323 с.
11. Бурмакин Г.А., Поздняков В.М. История развития в России правовых основ и системы исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества // Ведомости УИС. 2014. № 5(144). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-v-rossii-pravovyh-osnov-i-sistemy-ispolneniya-nakazaniy-ne-svyazannyh-s-izolyatsiy-osuzhdennyh-ot-obschestva> (дата обращения: 03.01.2025).
12. Смирнова И.Н., Бычинский С.Л. Проблемы эффективности деятельности уголовно-исполнительных инспекций в сфере предупреждения повторных преступлений осужденных, отбывающих наказания без изоляции от общества // Закон и право. 2013. № 11. С. 121–124.
13. Смирнова И.Н., Лихолат И.А. Организационно-правовое обеспечение функционирования уголовно-исполнительных инспекций в сфере исполнения наказания в виде обязательных работ // Человек: преступление и наказание. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-pravovoe-obespechenie-funktsionirovaniya-ugolovno-ispolnitelnyh-inspektsiy-v-sfere-ispolneniya-nakazaniya-v-vide> (дата обращения: 03.01.2025).
14. Организация деятельности уголовно-исполнительной системы в сфере исполнения наказаний и мер уголовного-правового характера без изоляции от общества: учебное пособие / И.Н. Смирнова и др. Псков: Издательство «ЛОГОС», 2017. 160 с.
15. Основы управления в органах внутренних дел: учебник / под ред. А.П. Коренева. М.: Московский университет МВД России, Издательство «Щит-М», 2003. 396 с.
16. Огородников В.И. Руководитель в пенитенциарной системе: управление, право, психология: монография. М.: ПЭРСЭ, 2006. 160 с.

References

1. Korobkova E.A. On the results of the work of penal enforcement inspections and correctional centers of the Federal Penitentiary Service of Russia and tasks for the coming period // Collection of materials of the VIII All-Russian Meeting of heads of penal enforcement inspections, correctional centers and units for monitoring the execution of punishments not related to the isolation of convicts from society, territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia (May 29-31, 2019). M., 2019. pp. 5-12.
2. On the work of institutions executing punishments not related to the isolation of convicts from society (interview with the head of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation E.A. Korobkova) // Bulletin of the penal enforcement system. 2021. No. 5. pp. 6-14.
3. Chubrakov S.V. Problems of determining the content of criminal in the form of compulsory work // Penitentiary science. 2008. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-opredeleniya-soderzhaniya-ugolovno-v-vide-obyazatelnyh-rabot> (date of application: 01/04/2025).
4. Smirnova I.N. The legal and organizational foundations of the penal enforcement system in the field of execution of punishments without isolation from society related to the mandatory involvement of a convicted person in labor: a textbook. Pskov, 2022. 144 p.
5. Chernysheva D.V. Organizational and legal foundations of the activities of penal enforcement inspections to attract convicts to serve compulsory and correctional labor: abstract of the dissertation of the candidate of Legal sciences: 12.00.11 / Chernysheva Diana Valentinovna; [Place of protection: Akad. rights and upr. Feder. penitentiary services]. Ryazan, 2010. 22 p.
6. Grushin F.V., Boyarchenkova O.V. Compulsory works in the Russian Federation: factors of occurrence, some problems and ways to solve them // Man: crime and punishment. 2016. No. 1(92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obyazatelnye-raboty-v-rossiyskoy-federatsii-factory-poyavleniya-nekotorye-problemy-i-puti-ih-resheniya> (date of application: 01/04/2025).
7. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 420-FZ of December 7, 2011 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 50. St. 7362.
8. Lozhkina L.V. Improvement of the procedure for the execution of punishment in the form of compulsory labor // Bulletin of the Udmurt University. The series "Economics and Law". 2012. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-poryadka-ispolneniya-nakazaniya-v-vide-obyazatelnyh-rabot> (date of appeal: 01/11/2025).
9. Smirnova I.N. Problems of organizing joint activities of penal enforcement inspections with internal affairs bodies in the field of crime prevention and other offenses of convicts without isolation from society. Right. Management. 2016. No. 3. pp. 158-164.
10. Leonov A.P. Management of internal affairs bodies: a course of lectures. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2007. 323 p.
11. Burmakin G.A., Pozdnyakov V.M. The history of the development in Russia of the legal foundations and the system of execution of punishments not related to the isolation of convicts from society // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs 2014. No. 5(144). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-v-rossii-pravovyh-osnov-i-sistemy-ispolneniya-nakazaniy-ne-svyazannyh-s-izolyatsiy-osuzhdennyh-ot-obschestva> (date of appeal: 01/03/2025).
12. Smirnova I.N., Bychinsky S.L. Problems of the effectiveness of criminal enforcement inspections in the field of preventing repeated crimes of convicts serving sentences without isolation from society // Law and Law. 2013. No. 11. pp. 121-124.
13. Smirnova I.N., Likholat I.A. Organizational and legal support for the functioning of penal enforcement inspections in the field of execution of punishments in the form of compulsory labor // Man: crime and punishment. 2012. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-pravovoe-obespechenie-funktsionirovaniya-ugolovno-ispolnitelnyh-inspektsiy-v-sfere-ispolneniya-nakazaniya-v-vide> (date of application: 01/03/2025).
14. Organization of the activities of the penal enforcement system in the field of execution of punishments and measures of a criminal legal nature without isolation from society: textbook / I.N. Smirnova et al. Pskov: LOGOS Publishing House, 2017. 160 p.
15. Fundamentals of management in the internal affairs bodies: textbook / edited by A.P. Korenev. M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Publishing House "Shield-M", 2003. 396 p.
16. Ogorodnikov V.I. Head of the penitentiary system: management, law, psychology: monograph. M.: PERSE, 2006. 160 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНОЙ ПОЖАРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ TOPICAL ISSUES AND PROBLEMS OF APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN FORENSIC FIRE-TECHNICAL EXPERTISE

КОНОВАЛОВА Анна Андреевна

преподаватель кафедры надзорной деятельности (в составе учебно-научного комплекса организации надзорной деятельности) Академии Государственной противопожарной службы МЧС России, 129366, Россия, г. Москва, ул. Бориса Галушкина, д. 4
E-mail: a.a.bleznikova@yandex.ru

KONOVALOVA Anna Andreevna

Lecturer at the Department of Supervisory Activities (as part of the Educational and Scientific Complex of Supervisory Activities) Academy of State Fire Service of EMERCOM of Russia, 129366, Russia, Moscow, Boris Galushkin Street, 4
E-mail: a.a.bleznikova@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье рассматриваются актуальные вопросы применения технологий искусственного интеллекта в судебной пожарно-технической экспертизе, в частности, и в уголовном судопроизводстве в целом. Отмечается то, что решение задач аналитико-математического характера в рамках судебной пожарно-технической экспертизы может частично автоматизироваться с использованием данных технологий. При этом автором статьи затрагиваются существующие в настоящее время проблемные вопросы применения ИИ на практике, а также делается акцент на правовых препятствиях для признания ИИ в качестве эксперта в процессуальном смысле.

Abstract: the article discusses the current issues of using artificial intelligence technologies in forensic fire and technical expertise, in particular, and in criminal proceedings in general. It is noted that the solution of analytical and mathematical problems within the framework of forensic fire and technical expertise can be partially automated using these technologies. At the same time, the author of the article addresses the current problematic issues of using AI in practice, and also emphasizes the legal obstacles to recognizing AI as an expert in a procedural sense.

Ключевые слова: специалист, эксперт, судебная пожарно-техническая экспертиза, искусственный интеллект, расследование преступлений.

Keywords: specialist, expert, forensic fire and technical expertise, artificial intelligence, crime investigation.

Для цитирования: Конавалова А.А. Актуальные вопросы и проблемы применения искусственного интеллекта в судебной пожарно-технической экспертизе // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 709-712. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_709.

For citation: Konovalova A.A. Topical issues and problems of application of artificial intelligence in forensic fire-technical expertise // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 709-712. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_709.

Статья поступила в редакцию: 18.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Современное уголовное судопроизводство уделяет особое значение применению специальных знаний в расследовании преступлений. Зачастую уже даже на стадии предварительной проверки сообщения о преступлении возникает необходимость у органов дознания или следствия в привлечении специалистов или же экспертов для осмотра места происшествия, отбора различных образцов на исследование и т.д. Данная деятельность предполагает информационно-аналитическую поддержку для органов, проводящих расследование, в виде производства судебных экспертиз и исследований, результаты которых могут в значительной мере предопределять результат всего расследования. Так, судебно-экспертная деятельность является важнейшей составляющей в судопроизводстве Российской Федерации, основополагающей задачей которой, в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла [2].

Судебные экспертизы в зависимости от предмета, объекта, метода проведения подразделяются на классы, роды (виды), перечень которых предложен в работе Шляхова А.Р. «Классификация судебной экспертизы» [3, с. 10-18]. Так, внутри класса инженерно-технических экспертиз выделяется род (вид) пожарно-технической экспертизы, предметом исследования которой является проявление закономерностей механизма возникновения и развития пожара, а также слеодообразования на объектах, составляющих вещную обстановку места происшествия [4, с. 9]. Однако современные вызовы, связанные с резким увеличением потребности в производстве судебных экспертиз, сложностью конструктивных особенностей зданий и сооружений, разработкой и внедрением новых материалов, автоматизированных систем, требуют поиска новых методик и инструментов экспертного анализа. Так, одним из наиболее перспективных направлений на сегодняшний момент является использование технологий искусственного интеллекта (далее - ИИ).

Вопросы автоматизации судебно-экспертной деятельности, в том числе и применения искусственного интеллекта, уже были предметом рассмотрения различных ученых: Е.Р. Россинской, Л.Б. Барона, С.И. Зернова, И.Д. Чешко, С.П. Воронова, В.И. Козлачкова и др.

Для того чтобы говорить о внедрении технологий ИИ в деятельность пожарно-технических экспертов, важно определить, как и какие задачи в рамках данной деятельности решает эксперт-человек, а что уже выполняет и может в перспективе выполнять ИИ.

Так, основными задачами, решаемыми пожарно-технической экспертизой (далее - ПТЭ), являются:

- установление соответствия объекта контроля (защиты) требованиям пожарной безопасности;
- установление наличия угрозы охраняемым законом ценностям в области пожарной безопасности (жизни или здоровью людей, имуществу);
- установление места первоначального возникновения пожара (очага пожара);
- установление непосредственной причины возникновения пожара;
- анализ причин(-ы), приведших(-ей) к гибели и травмированию людей, причинению материального ущерба, установление причинно-следственной связи нарушений требований пожарной безопасности и возникновения пожара, а также наступивших негативных последствий пожара;
- оценка действий граждан при возникновении пожара, подразделений, участвовавших в тушении пожара, эффективности использования пожарной и аварийно-спасательной техники.

Проанализируем на примере задачи по установлению очага пожара, какие действия необходимо провести эксперту и какие параметры нужны для ее решения.

Так, для ответа на подобный вопрос пожарно-техническому эксперту необходима следующая информация: данные об объекте места пожара, его объемно-планировочных решениях, автоматических системах противопожарной защиты, виде, количестве и распределении горючей нагрузки, а также о характере и степени распределения термических поражений. Это является большим, массивным и разнообразным объемом данных с невероятно огромным количеством взаимосвязей между ними, ведь экспертное исследование предполагает извлечение «скрытой» в исследуемых объектах информации с помощью специальных знаний и доведение ее до состояния, обеспечивающего восприятие на уровне обыденных, общедоступных знаний [4, с. 6]. Эксперт-человек должен уметь провести в своем исследовании сравнительный анализ представленной информации о состоянии строительных конструкций, предметов и материалов после пожара, характере их повреждений огнем с учетом физических закономерностей протекания тепловых процессов в зоне горения и путей распространения огня, а также установить место первоначального возникновения пожара путем сопоставления характеристики динамики распространения опасных факторов пожара (далее - ОФП) и расчетной характеристики динамики ОФП. Интерпретация экспертом полученных результатов исследования заключается в сравнении времени наступления предельно допустимых значений ОФП для имущества (веществ и материалов, а также времени потери несущей способности строительных конструкций) ($t_{\text{офп}}$) и фактического времени распределения термических поражений ($t_{\text{факт}}$). При приблизительном сходстве данных времен очаг пожара установлен. Схематично данный путь решения задачи пожарно-техническим экспертом по установлению очага пожара представлен на рисунке.

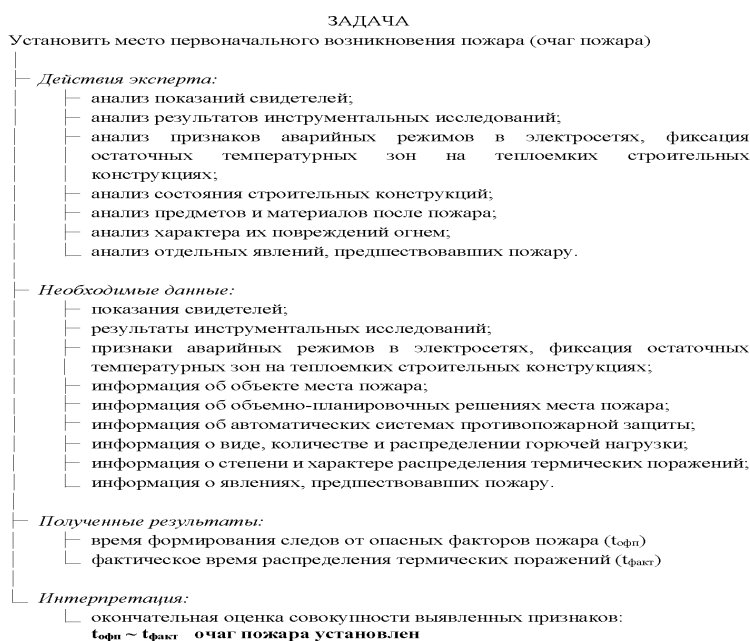

Рисунок – Решение задачи пожарно-техническим экспертом по установлению очага пожара

Таким образом, данное экспертное исследование фактически представляет собой решение задач путем оптимизации и сравнения множества разнородных параметров, что открывает здесь широкие возможности для применения алгоритмов ИИ, так как задачи ПТЭ, по своей сути, носят аналитико-математический характер.

Итак, технологии ИИ, в том числе генеративного ИИ, способны обрабатывать большие массивы данных и выполнять ряд действий, традиционно выполняемых пожарно-техническими экспертами:

- анализ фото и видеоизображений: технологии ИИ (компьютерное зрение) могут анализировать цифровые фото и видеоматериалы с целью установления расположения места наибольшего термического воздействия, предварительно выявляя причинно-следственные и пространственные связи между обнаруженными следами и условиями их возникновения [6, с. 49; 7, с. 260].
- прогнозирование развития пожара: технологии ИИ, используя методы машинного обучения и выявленные закономерности реализации математических моделей, описывающих изменение параметров состояния среды (температуры, теплового потока, концентраций токсичных газов, оптической плотности дыма и др.) во времени, в перспективе могут моделировать динамику распространения ОФП в реальном времени с учетом множества факторов (вида горючей нагрузки, объемно-планировочных решений и т.д.).
- анализ показаний свидетелей: ИИ может проводить отбор необходимой информации из представленных материалов, которая может подтверждать или противоречить объективным данным по термическим поражениям.
- формирование экспертных выводов: технологии ИИ, путем систематизации представленных данных и на основе проведенного анализа, могут делать выводы о месте первоначального возникновения пожара и его непосредственной причине.

Безусловно, важным моментом является качество первоначального обучения модели ИИ, так как некорректно заложенная информация для обучения может привести к формированию неверных зависимостей, получаемых ИИ, что в дальнейшем может повлечь за собой ошибочные результаты [8, с. 30].

В своих научных трудах Зернов С.И. еще в 2007 году рассматривал вопрос автоматизации решения экспертных задач, но при этом справедливо замечал: «Компьютер не может самостоятельно решить задачи, пока человек не обучит его этому. Поэтому такие сложные задачи ПТЭ, как установление очага пожара, анализ механизмов процессов, вызвавших возгорание, в которых способен разобраться не каждый специалист, тем более нельзя полностью передоверять компьютеру» [5, с. 43]. Да, на тот момент информационные технологии только входили в жизнь человека и помогали облегчить работу эксперта в плане выполнения вспомогательных расчетов, поиска информации и т.д., но они не были способны провести вместо него экспертный анализ. В данный же момент времени это уже возможно и реально применимо.

Однако, несмотря на высокий потенциал технологий ИИ, если говорить, в частности, про ПТЭ, его внедрение в судебно-экспертную деятельность пожарно-технических экспертов требует создания научно обоснованной системной методологии автоматизации решения задач с применением данных технологий. Такая методология позволит интегрировать технологии ИИ в практику проведения ПТЭ, повысит скорость и точность экспертных исследований, минимизируя вероятность ошибок, связанных с человеческими факторами.

При этом при проведении исследования и подготовке заключения эксперта могут использоваться технологии ИИ для анализа представленных материалов по задачам судебной пожарно-технической экспертизы. Полученная информация может редактироваться экспертом и интегрироваться в текст заключения, что существенно сокращает срок проведения экспертизы и обеспечивает снижение служебной нагрузки на проведение шаблонных операций.

Если же говорить про внедрение технологий ИИ в судебно-экспертную деятельность в целом, то важно отметить, что также необходимо правовое закрепление возможности использования технологий ИИ в судебно-экспертной деятельности. Не решение данного вопроса повлечет за собой множество негативных последствий.

Так, согласно ст. 74 УПК РФ [1], доказательствами признаются только те сведения, которые получены в порядке, предусмотренном законом, а так как статус ИИ как субъекта экспертной деятельности в законе не определен, то любое «заключение», подготовленное исключительно силами данных технологий, не может быть признано доказательством.

Таким образом, из-за наличия данной правовой неопределенности говорить о беспрепятственном внедрении технологий ИИ в судебно-экспертную деятельность Российской Федерации в ближайшем будущем сложно.

Тем не менее, если рассматривать применение технологий ИИ именно на стадии предварительной доследственной проверки в качестве некоего специалиста или технического средства - это гораздо более реалистично и допустимо.

На данном этапе органы дознания или следствия осуществляют сбор и анализ информации с целью установления наличия признаков преступления, где законодатель допускает использование самых разных источников: справок, объяснений, заключений специалистов и т.д. К примеру, в рамках проведения предварительной проверки по факту пожара результаты, полученные с помощью ИИ, могут быть оформлены в виде технического заключения или аналитической справки, содержащей сведения о предполагаемом очаге пожара, возможных причинах пожара, а также нарушениях требований пожарной безопасности. Данный документ не будет обладать процессуальным статусом заключения эксперта, но может выступать в качестве ориентирующих сведений, учитываемых наряду с другими полученными в установленном законом порядке данными, достаточными для принятия законного и обоснованного процессуального решения в порядке ст. 144 УПК РФ [1] и в дальнейшем оказать эксперту помощь при проведении экспертизы.

Таким образом, применение технологий ИИ на стадии предварительной проверки сообщений о преступлении позволит сократить сроки проведения проверки и облегчить работу дознавателя, следователя и эксперта на последующих этапах.

Такой поэтапный подход к внедрению технологий ИИ в уголовное судопроизводство не противоречит принципу допустимости доказательств и, по мнению автора, позволяет обеспечить баланс между инновационными возможностями технологий ИИ и требованиями законодательства.

В целом, применение технологий ИИ в судебной экспертизе представляет собой перспективное направление, особенно для решения задач ПТЭ, которые носят аналитико-математический характер. Однако для признания ИИ полноценным участником экспертной деятельности требуется нормативное закрепление его статуса. До внесения соответствующих изменений в законодательство, технологии ИИ можно рассматривать лишь как вспомогательное техническое средство, не заменяющее судебного эксперта в процессуальном понимании.

Список литературы:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 18.09.2025).
2. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения 18.09.2025).
3. Шляхов А.Р. Классификация судебной экспертизы // Общее учение о методах судебной экспертизы. Сборник научных трудов. - М.: Изд-во ВНИИСЭ, 1977, № 28. - С. 9-53.
4. Зернов С.И. Задачи пожарно-технической экспертизы и методы их решения: Учебное пособие. – М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2001. – 200 с., библиогр.
5. Основные положения пожарно-технической экспертизы: Учебное пособие. - М.: Академия ГПС МЧС России, 2005.-56 с.
6. Зернов С.И., Колмаков А.И., Маковкин А.В., Попов И.А. Применение технико-криминалистических средств и методов при раскрытии и расследовании поджогов: Учебное пособие. - М.: ЭКЦ МВД России, 1998.- 112 с., 1 рис., библиогр.
7. Расследование и экспертиза пожаров: учебник для вузов / В.В. Плешаков, М.Ю. Тарасов, В.А. Малько, А.А. Коновалова [и др.]; под редакцией В. В. Плешакова. — 2-е изд. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 295 с.
8. Россинская Е. Р. Нейросети в судебной экспертиологии и экспертной практике: проблемы и перспективы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 3. С. 21-33. EDN: FZKHHN

References:

1. «Criminal Procedure Code of the Russian Federation» dated 18.12.2001 No. 174-FZ (latest edition) [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (accessed on 18.09.2025).
2. Federal Law «On State Forensic Expertise in the Russian Federation» dated May 31, 2001, No. 73-FZ (latest edition) [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (accessed on 18.09.2025).
3. Shlyakhov A.R. Klassifikatsiya sudebnoi ehkspertizy // Obshchee uchenie o metodakh sudebnoi ehkspertizy [Classification of forensic examination // General doctrine on methods of forensic examination]. Collection of scientific works. Moscow: VNIIE Publ., 1977, no. 28. pp. 9–53.
4. Zernov S.I. Zadachi pozharно-tekhnicheskoi ehkspertizy i metody ikh resheniya [Tasks and Methods for Solving Fire Technical Expertise Problems]: Study Guide. Moscow: GU EKTs MVD Rossii Publ., 2001. 200 p., bibliogr.
5. Zernov S.I. Osnovnye polozheniya pozharно-tekhnicheskoi ehkspertizy [Basic Principles of Fire Technical Examination]: Study Guide. Moscow: Academy of FPS EMERCOM Russia Publ., 2005. 56 p.
6. Zernov S.I., Kolmakov A.I., Makovkin A.V., Popov I.A. Primenenie tekhniko-kriminalisticheskikh sredstv i metodov pri raskrytii i rassledovanii podzhogov [Application of Forensic Science Tools and Techniques in Investigation and Prosecution of Arson Cases]: Study Guide. Moscow: EKTs MVD Rossii Publ., 1998. 112 p., 1 fig., bibliogr.
7. Rassledovanie i ehkspertiza pozharov [Investigation and Expert Examination of Fires] / V.V. Pleshakov, M.Yu. Tarasov, V.A. Malko, A.A. Konvalova [et al.]; edited by V.V. Pleshakov. — 2nd ed. — Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. — 295 p.
8. Rossinskaya E. R. Nejroseti v sudebnoj ehkspertologii i ehkspertnoj praktike: problemy i perspektivy [Neural Networks in Forensic Expertise and Expert Practice: Problems and Prospects] // Bulletin of the Kutafin University (MSAL). 2024. No. 3. pp. 21-33.

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО СООБЩЕНИЯ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА, СОВЕРШЕННОГО ИЗ ХУЛИГАНСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ FEATURES OF QUALIFICATION OF A KNOWINGLY FALSE REPORT OF AN ACT OF TERRORISM COMMITTED OUT OF HOOLIGAN INSTRUCTIONS

СЕМЕНОВА Виктория Вячеславовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры экономики и права Ивангородского гуманитарно - технического института (филиала) Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.

188491, Россия, Ленинградская область, Кингисеппский район, г. Ивангород, ул. Котовского, д. 1.

e-mail: vsemenova17@inbox.ru

ORCID 0000-0002-2424-3520

КАЛИНКИНА Анна Борисовна,

Старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии

Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ.

190000, Россия, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 96.

e-mail: a.b.kalinkina@list.ru

SEMENOVA Viktoriya Vyacheslavovna,

PhD in law, Associate Professor of the Department of Economics and Law Ivangorod Humanitarian and Technical Institute (branch) Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.

188491, Russia, Leningrad region, Kingisepp district, Ivangorod, Kotovsky str., 1.

e-mail: vsemenova17@inbox.ru

KALINKINA Anna Borisovna,

Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology

Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

96 Moika River Embankment, Saint Petersburg, 190000, Russia.

e-mail: a.b.kalinkina@list.ru

Краткая аннотация. Актуальность исследования обосновывается потребностями современной правоприменительной практики в толковании признака «хулиганские побуждения» при совершении заведомо ложного сообщения об акте терроризма (ч.ч. 1, 2 ст. 207 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)). При исследовании названной темы выявлена проблема – отсутствие единого подхода к толкованию признака «хулиганские побуждения». **Цель исследования:** изучение сложившейся практики квалификации заведомо ложного сообщения об акте терроризма, совершенного из хулиганских побуждений и разработка единого подхода (модели) квалификации. **Методы.** Для достижения цели использованы методы анализа, синтеза, обобщения, контент-анализа документов, сравнительно-правовой, формально-логический и системный. **Результаты.** Основными результатами работы явились выявленные подходы (модели) квалификации заведомо ложного сообщения об акте терроризма, совершенного из хулиганских побуждений и сформулированные рекомендации по квалификации, в чем заключается теоретическое и практическое значение исследования.

Abstract. The relevance of the study is justified by the needs of modern law enforcement practice in interpreting the characteristic of "hooligan motives" when committing a knowingly false report of an act of terrorism (parts 1, 2 of Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation). When studying this topic, a problem was identified: the lack of a unified approach to interpreting the characteristic of "hooligan motives". The purpose of the study: to study the established practice of qualifying a knowingly false report of an act of terrorism committed for hooligan motives and to develop a unified approach to qualification. Methods. To achieve this goal, the following methods were used: analysis, synthesis, generalization, content analysis of documents, comparative legal, formal logical, and systemic. Results. The main findings of the study were the identification of models for classifying deliberately false reports of terrorist acts committed with hooligan motives and the formulation of recommendations for classification, which constitute the theoretical and practical significance of the study.

Ключевые слова: общественная безопасность, акт терроризма, хулиганские побуждения.

Keywords: public safety, act of terrorism, hooligan motives.

Для цитирования: Семенова В.В., Калинкина А.Б. Особенности квалификации заведомо ложного сообщения об акте терроризма, совершенного из хулиганских побуждений // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 713-715. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_713.

For citation: Semenova V.V., Kalinkina A.B. Features of qualification of a knowingly false report of an act of terrorism committed out of hooligan instructions // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 713-715. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_713.

Статья поступила в редакцию: 14.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Конституцией Российской Федерации закреплены фундаментальные ценности и принципы, формирующие основы российского общества, безопасности страны, дальнейшего развития России в качестве правового социального государства, в котором высшее значение имеют соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, повышение благосостояния народа, защита достоинства граждан Российской Федерации². Реализация названных прав и свобод осуществляется государством посредством установления порядка регулирования общественных отношений и ответственности за совершение действий, посягающих на общественные отношения.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указано, что на территории нашей страны в целях дестабилизации общественно-политической ситуации распространяется недостоверная информация, в том числе заведомо ложные сообщения об угрозе совер-

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

2 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

шения террористических актов¹, что подрывает закрепленные Конституцией РФ фундаментальные ценности и принципы. В связи с чем, в целях усиления ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма и повышение общей превенции в отношении указанного преступления² Федеральным законом от 31.12.2017 № 501-ФЗ³, статья 207 УК РФ дополнена криминообразующими признаками субъективной стороны – мотивом (хулиганские побуждения) и целью (дестабилизация деятельности органов власти).

После внесенных изменений в уголовный закон у правоприменителя возникли сложности в квалификации заведомо ложного сообщения о готовящемся взрыве, поджоге или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, совершенного из хулиганских побуждений (ч.ч. 1,2 ст. 207 УК РФ), а именно в толковании признака «хулиганские побуждения».

Согласно анализу разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации под уголовно наказуемыми деяниями, совершенными из хулиганских побуждений, понимаются умышленные действия, которые совершены без какого-либо повода или с использованием незначительного повода⁴; ... совершенные на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение (например, умышленное причинение смерти без видимого повода или с использованием незначительного повода как предлога для убийства)⁵.

Среди ученых-юристов и правоприменителей возникли сложности в толковании данного признака и выделилось три подхода (модели) квалификации заведомо ложного сообщения об акте терроризма.

Первый подход (модель) – признак «хулиганские побуждения» является квалифицирующим признаком ч. 1 и ч. 2 ст. 207 УК РФ и его отсутствие не влияет на квалификацию.

Так, суд указал, что признак «хулиганские побуждения» выступает квалифицирующим признаком в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 207 УК РФ и исключение названного признака не влияет на квалификацию содеянного⁶.

Второй подход (модель) – признак «хулиганские побуждения» является составообразующим признаком ч. 1 и ч. 2 ст. 207 УК РФ.

Так, Г.А. Майстренко отметил, что составообразующий признак «хулиганские побуждения» в ч.ч. 1 и 2 ст. 207 УК РФ выступает признаком, по которому разграничивают указанное деяние от преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ [1, с. 37]. В свою очередь, О.В. Костырева указала, что закрепление хулиганских побуждений в ч.ч. 1, 2 ст. 207 УК РФ повлекло признание непроступными целого ряда деяний. Например, декриминализированным может оказаться заведомо ложное сообщение о заложенной в учебном заведении бомбе, совершенное с целью сорвать экзамен, или сообщение о взрывчатке в ресторане, совершенное из корыстных побуждений в целях причинить вред конкуренту» [2, с. 54].

Судебная практика поддерживает данную позицию. Так, гр. Ю. с целью срыва собрания акционеров ЗАО..., заведомо зная о ложности своего сообщения, отправил... на абонентский номер ФСБ России не соответствующую действительности информацию о готовящемся взрыве в нотариальной конторе... в которой должно было состояться указанное собрание. Следовательно в действиях гр. Ю. отсутствуют хулиганские побуждения⁷. Лицу отказали в пропуске в ночной клуб и в целях мести оно позвонило в правоохранительные органы и сообщило, что клуб заминирован. Для проверки действительности данного сообщения были привлечены правоохранительные органы. По результатам проверки было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁸ за отсутствием в деянии состава преступления, так как в действиях лица отсутствуют обязательный признак – хулиганские побуждения⁹.

Третий подход (модель) – признак «хулиганские побуждения» является составообразующим признаком ч. 1 и ч. 2 ст. 207 УК РФ, под которым понимается в том числе использование незначительного повода, ничтожность повода.

Так, гр. О., осуществляя звонок на номер телефона дежурной части ОМВД России и сообщая заведомо ложную информацию о готовящемся взрыве нефтепровода, преследовал цель нарушения общественного порядка и создания паники, то есть действовал из хулиганских побуждений¹⁰. Из материалов уголовного дела видно, что деяние было совершено Б.В. на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали и поведения, а его поведение являлось открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, а также продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним и общепринятым правилам поведения. При этом доводы осужденного о том, что путем совершения указанного преступления он намеревался повлиять на поведение сожительницы, с которой поссорил-

1 Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351.

2 Пояснительная записка К проекту федерального закона «О внесении изменения в статью 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // <https://sozd.duma.gov.ru/>

3 Федеральный закон от 31.12.2017 № 501-ФЗ «О внесении изменений в статьи 205 и 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета, № 1, 09.01.2018.

4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 (ред. от 26.11.2024) «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Российская газета, № 260, 21.11.2007.

5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета, № 24, 09.02.1999.

6 Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 18.12.2023 по делу № 22-3816/2023. Приговор: Ст. 207 УК РФ (заведомо ложное сообщение об акте терроризма). // СПС «КонсультантПлюс».

7 Приговор Заволжского районного суда г. Ульяновска от 29 сентября 2017 г. URL: <https://rospravosudie.com/court-zavolzhsckij-rajonnij-sud-g-ulyanovska-ulyanovskaya-oblast-s/act-55984364/>.

8 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.

9 Главное управление МВД России по Воронежской области // Официальный сайт. URL: <https://36.mvd.rf/>.

10 Кассационное определение четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14 сентября 2023 г. № 77-3123/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

ся, правового значения для квалификации совершенного преступления не имеет¹. Преступление совершено из хулиганских побуждений, поскольку своими действиями нарушил общественный порядок, проявив явное неуважение к обществу, при этом в процессе высказывания заведомо ложного сообщения использовал нецензурную брань².

По нашему мнению, третий подход (модель) квалификации, а именно толкования признака «хулиганские побуждения» отвечает всем принципам уголовного права и представляется верным. При этом, анализ исследований по данной тематике показал, что ряд ученых указывает на недопустимость квалификации деяния, совершенного из хулиганских побуждений при наличии иных установленных мотивов (ревность, месть и т.д.) [3, с. 64; 4, с. 89], т.е. личные и хулиганские мотивы являются взаимоисключающими [5, с. 173]. Однако, отметим, избирая такой способ мести, лицо причиняет вред уже не конкретной личности, а общественным отношениям, обеспечивающим общественный порядок и общественную безопасность. Следовательно, осознавая последствия своих действий (устрашение населения, создание паники, отвлечение сил и средств правоохранительных органов на проверку ложного сообщения и т.д.), лицо совершает деяние на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали и поведения, а его поведение является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, а также продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним и общепринятым правилам поведения. Установление иных признаков, таких, как месть, ревность к конкретной личности, не исключает возможности квалификации заведомо ложного сообщения об акте терроризма, совершенного из хулиганских побуждений.

Таким образом, в целях реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации³ и достижения ее целей, требуется повышение эффективности имеющихся уголовно-правовых механизмов охраны общественного порядка и общественной безопасности, в том числе через формирование единообразной практики применения. В связи с чем предлагается под хулиганскими побуждениями для целей ч. 1 и ч. 2 ст. 207 УК РФ понимать совершение лицом заведомо ложного сообщения об акте терроризма на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали и поведения, где его поведение является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, а также продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним и общепринятым правилам поведения. При этом установление иных признаков, таких, как месть, ревность и т.д. к конкретной личности, не исключает возможности квалификации заведомо ложного сообщения об акте терроризма, совершенного из хулиганских побуждений.

Список литературы:

1. Майстренко Г. А. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ): методологические и правовые аспекты квалификации // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 12-1. С. 36-42.
2. Костылева О.В. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) и угроза совершения террористического акта (ст. 205 УК РФ) // Уголовное право. 2018. № 2. С. 52 - 60.
3. Попов А.Н. Вина в преступлениях против жизни (ст. ст. 105, 106, 107, 108 УК РФ): конспект лекций. СПб: С.-Петербург. юрид. ин-т (фил.) Академия Генеральной прокуратуры Рос. Федерации, 2016. 124 с.
4. Новик Н. М. Проблемы квалификации заведомо ложных сообщений об актах терроризма с учетом новелл уголовного закона // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 4(102). С. 87-94.
5. Артеменко Н.В., Тищенко Е.В. Проблемы квалификационной оценки уголовно наказуемых деяний, совершаемых из хулиганских побуждений (на примере п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ) // Наука и мир. 2014. № 2. Т. 2. С. 171-175.

References:

1. Maistrenko G. A. Zavedomo lozhnoe soobshchenie ob akte terrorizma (st. 207 UK RF): metodologicheskie i pravovye aspekty kvalifikatsii // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2020. T. 10, № 12-1. S. 36-42.
2. Kostyleva O.V. Zavedomo lozhnoe soobshchenie ob akte terrorizma (st. 207 UK RF) i ugroza soversheniya terroristicheskogo akta (st. 205 UK RF) // Ugolovnoe pravo. 2018. № 2. S. 52 - 60.
3. Popov A.N. Vina v prestupleniyakh protiv zhizni (st. st. 105, 106, 107, 108 UK RF): konspekt lektzii. SPb: S.-Peterb. yurid. in-t (fil.) Akademiya General'noi prokuratury Ros. Federatsii, 2016. 124 s.
4. Novik N. M. Problemy kvalifikatsii zavedomo lozhnykh soobshchenii ob aktakh terrorizma s ucheto novell ugovolnogo zakona // Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoi Federatsii. 2024. № 4(102). S. 87-94.
5. Artemenko N.V., Tishchenko E.V. Problemy kvalifikatsionnoi otsenki ugovolno nakazuemykh deyanii, sovershaemykh iz khuliganskikh pobuzhdenii (na primere p. «d» ch. 2 st. 111 UK RF) // Nauka i mir. 2014. № 2. T. 2. S. 171-175.

1 Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.01.2023 по делу № 77-305/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

2 Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28.11.2023 по делу № 77-3513/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

3 Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.07.2021, № 27 (часть II), ст. 5351.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_716

УДК 343.13

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОРЯДКА ОКОНЧАНИЯ ДОЗНАНИЯ С ВЫНЕСЕНИЕМ ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА И СОСТАВЛЕНИЕМ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ FEATURES OF THE PROCEDURAL ORDER THE END OF THE INQUIRY WITH THE ISSUANCE OF THE INDICTMENT AND THE DRAFTING OF THE INDICTMENT

КУЛЬЧАРОВА Альбина Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России. 400075, Россия, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

E-mail: albi_cha@mail.ru.

ORCID 0000-0003-0867-0335;

KULCHAROVA Albina Vladimirovna,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the educational and scientific complex on preliminary investigation in law enforcement agencies Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 400075, Russia, Volgograd, str. Historichnaya, 130.

E-mail: albi_cha@mail.ru.

ORCID 0000-0003-0867-0335

Краткая аннотация: В статье рассматриваются особенности процессуального порядка окончания дознания с вынесением обвинительного акта и составлением обвинительного постановления. Акцентируется внимание на характерном для дознания порядке уведомления об окончании следственных действий подозреваемого лица и окончании дознания без его допроса в качестве обвиняемого. Предлагается совершенствование процедуры окончания дознания путем предоставления обвиняемому лицу (при наличии соответствующего ходатайства) исключительного права на его допрос в качестве обвиняемого, несмотря на уже вынесенный по результатам расследования обвинительный акт и составленное обвинительное постановление.

Abstract: The article discusses the specifics of the procedural procedure for ending an inquiry with the issuance of an indictment and the drafting of an indictment. Attention is focused on the procedure typical for an inquiry for notifying a suspect of the end of investigative actions and the end of the inquiry without questioning him as an accused. It is proposed to improve the procedure for ending an inquiry by granting the accused person (if there is an appropriate request) the exclusive right to be questioned as an accused, despite the indictment already issued as a result of the investigation and the indictment.

Ключевые слова: дознание, подозреваемый, обвиняемый, уголовное дело, уведомление об окончании следственных действий, ознакомление с материалами уголовного дела.

Keywords: inquiry, suspect, accused, criminal case, notification of the end of investigative actions, familiarization with the materials of the criminal case.

Для цитирования: Кульчарова А.В. Особенности процессуального порядка окончания дознания с вынесением обвинительного акта и составлением обвинительного постановления // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 716-719. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_716.

For citation: Kulcharova A.V. Features of the procedural procedure for ending an inquiry with the issuance of an indictment and the drafting of an indictment // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 716-719. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_716.

Статья поступила в редакцию: 31.10.2025**Дата публикации: 30.12.2025**

Уголовное судопроизводство России предусматривает две формы предварительного расследования: предварительное следствие и дознание. Для каждой из перечисленных форм характерен самостоятельный порядок досудебного производства, в том числе этап окончания производства по уголовному делу и завершения предварительного расследования.

Конвенционально не затрагивая всех предписанных в УПК РФ форм окончания предварительного расследования посредством прекращения уголовного дела, а также направления его в суд с обвинительным заключением, обвинительным актом (постановлением), постановлением о применении принудительных мер медицинского характера или воспитательного воздействия, с ходатайством о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, подвергнем системному анализу процессуальный порядок окончания дознания с вынесением обвинительного акта и составлением обвинительного постановления.

Данный порядок недостаточно регламентирован УПК РФ, порождая насущные проблемы обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса [1, с. 121], разное понимание должностными лицами соответствующих процессуальных действий, неоднородную правоприменительную практику в подразделениях органов дознания [2, с. 279].

В первом полугодии 2025 г. дознавателями окончено и направлено в суд 134 535 уголовных дел [3]. Удельный вес преступлений, по которым производство предварительного следствия необязательно, от общего числа зарегистрированных в России преступлений составил 38 % [4]. Указанные статистические данные свидетельствуют о существенной нагрузке дознавателей по уголовным делам, окончанным производством. А также сигнализируют о потребности в исследовании системы общественных отношений, возникающих на этапе окончания дознания и необходимости выработки оптимальных рекомендаций нормативного и правоприменительного характера.

Дознание, равно как и предварительное следствие, производится по правилам, изложенным в гл.гл. 21, 22, 24-29, с особенностями, предусмотренными гл. 32 и гл. 32.1 УПК РФ для соответствующего вида дознания. Эти правила не содержат предписанной в гл. 23 и гл. 30 УПК

РФ процедуры предъявления обвинения и не регулируют определенный законодателем регламент направления уголовного дела прокурору с обвинительным заключением.

С одной стороны это вполне логично. Предъявление обвинения путем вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого (гл. 23 УПК РФ) по уголовным делам, подследственным органам дознания, реализуется в практической деятельности соответствующих специализированных подразделений дознания довольно редко. А оконченные производством уголовные дела компетенции дознания направляются прокурору с иным итоговым обвинительным документом.

С другой стороны при урегулировании нормативного порядка окончания дознания не приняты во внимание эпизодически возникающие в оперативно-служебной деятельности дознавателей ситуации: при невозможности путем составления обвинительного акта предъявить обвинение в течении 10 суток со дня задержания подозреваемого (ч. 1 ст. 100 УПК РФ) или его заключения под стражу (ч. 3 ст. 224 УПК РФ) дознаватель вынужден, во избежание отмены действующей меры пресечения, наделить подозреваемое лицо статусом обвиняемого посредством соблюдения условий, обозначенных в гл. 23 УПК РФ, которые на данное должностное лицо при осуществлении им дознания по смыслу закона не распространяются.

В целях правомерного наделения подозреваемого лица процессуальным статусом обвиняемого и устранения вышеуказанной коллизии по необоснованному применению дознавателями норм, предписанных органам предварительного следствия, полагаем очевидным включить гл. 23 УПК РФ в перечень нормативных положений, которыми вправе руководствоваться дознаватели при производстве дознания по уголовному делу, дополнив ею содержание ч. 1 ст. 223 УПК РФ.

Аналогичным образом представляется необходимым расширить ч. 1 ст. 223 законодательными предписаниями гл. 30 УПК РФ. Они регламентируют деятельность должностных лиц органов предварительного следствия, однако их нормативные основы повсеместно применяются дознавателями на этапе окончания предварительного расследования.

Правовые основы гл. 30 УПК РФ исчерпывающе регулируют процедуру уведомления об окончании следственных действий обвиняемого, защитника, законного представителя обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей (ст. 215 УПК РФ) и подробно регламентируют последовательность ознакомления данных лиц с материалами уголовного дела (ст.ст. 216-219 УПК РФ). А нормы, входящие в состав гл. 32 и гл. 32.1 УПК РФ, еще раз подчеркивают необходимость их использования на этапе завершения дознания.

Например, ст. 226.7 гл. 32.1 УПК РФ, аналогично ст. 215 гл. 30 УПК РФ, предупреждает дознавателя о том, что обвинительное постановление должно быть составлено им только после выполнения по уголовному делу всех необходимых следственных действий, направленных на собирание достаточного объема доказательств и формулирование обоснованного вывода о совершении конкретным подозреваемым расследуемого преступления. Однако далее, комментируемая ст. 226.7 гл. 32.1 УПК РФ не содержит сведений о необходимости уведомления дознавателем указанных в ч.ч. 1-2 ст. 215 гл. 30 УПК РФ лиц об окончании следственных действий по уголовному делу, разъяснении им законных прав на ознакомление с материалами уголовного дела (например, как лично обвиняемым, так и в присутствии защитника) и заявление соответствующих ходатайств (например, об отказе потерпевшего или его представителя от ознакомления с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела). Во время как ч.ч. 2-3 ст. 225 гл. 32 УПК РФ наделяют дознавателя прямой обязанностью ознакомить обвиняемого и его защитника с обвинительным актом и материалами уголовного дела или предоставляют выбор не предъявлять их для ознакомления потерпевшему или его представителю, в связи с наличием ранее заявленного ими ходатайства об отказе от ознакомления. Данное ходатайство, как известно из складывающейся правоприменительной практики, может быть заявлено только в процессе составления протокола об уведомлении данных лиц об окончании следственных действий, сопровождающемся разъяснением им полномочий на ознакомление с документацией по уголовному делу.

Рассмотренные примеры соотношения юридических норм, содержащихся в гл.гл. 30, 32, 32.1 УПК РФ в совокупности со сложившимися в теории и практике уголовного процесса мнениями других исследователей [5, 6] резонируют выводы о том, что уведомление заинтересованных участников досудебного производства об окончании производства дознания и составление, по аналогии с предварительным следствием, соответствующего требованиям ст. 215 УПК РФ протокола уведомления об окончании следственных действий, также характерно для дознания. Применительно к дознанию, данный протокол информирует причастных к завершению расследования лиц об окончании выполнения каких-либо следственных действий и получении возможности ознакомления с обвинительным актом (постановлением) и собранными материалами уголовного дела.

Дознаватели в преимущественном большинстве случаев уведомляют об окончании следственных действий лицо, обладающее статусом подозреваемого, следователи – обвиняемого. Это связано с тем, что на момент завершения следственных действий по уголовным делам, расследуемым в форме дознания, обвинение фигуранту, подозреваемому в совершении преступления, как правило не предъявляется. Исключение составляют вышеописанные случаи выдвижения обвинения в порядке гл. 23 УПК РФ путем вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Либо повторные случаи уведомления лица об окончании следственных действий, когда после первого уведомления ему уже было предъявлено обвинение и получен процессуальный статус обвиняемого. Например, когда, в связи с возвращением уголовного дела дознавателю для производства дополнительного дознания, производства дознания в общем порядке, возникла необходимость повторного совершения процессуальных действий, направленных на окончание дознания.

Таким образом, применение положений ч.ч. 1-2 ст. 215 УПК РФ, предусматривающих уведомление об окончании следственных действий обвиняемого, возможно не во всем уголовным делам компетенции дознания. Как следствие, возникает необходимость внести ясность в алгоритм действий дознавателя и упорядочить процесс окончания уголовного дела производством. Предлагается исключить в ч. 1 ст. 226.7 УПК

РФ слова «подозреваемым, дознаватель составляет обвинительное постановление», заменив их текстом следующего содержания: «подозреваемым (обвиняемым), дознаватель, в соответствии с ч.ч. 1-2 ст. 215 УПК РФ, уведомляет об этом подозреваемого (обвиняемого), законного представителя подозреваемого (обвиняемого), защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей, после чего составляет обвинительное постановление».

Одновременно следует изменить название (заголовок) ст. 225 УПК РФ «Обвинительный акт», представив его как «Окончание дознания в общем порядке», а также изложить:

– ч. 1 данной статьи, аналогично ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ, в следующей редакции: «Признав, что необходимые следственные действия произведены и объем собранных доказательств достаточен для обоснованного вывода о совершении преступления подозреваемым (обвиняемым), дознаватель, в соответствии с ч.ч. 1-2 ст. 215 УПК РФ, уведомляет об этом подозреваемого (обвиняемого), законного представителя подозреваемого (обвиняемого), защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей, после чего составляет обвинительный акт, в котором указываются:»;

– ч. 2 ст. 225 УПК РФ, аналогично ч. 4 ст. 226.7 УПК РФ, ограничив в ней срок ознакомления обвиняемого, защитника с обвинительным актом и материалами уголовного дела до 3 суток со дня составления итогового процессуального документа.

Представляется, что именно данный срок вполне достаточен для ознакомления с обвинительным актом и уголовным делом о преступлении, по которому производство предварительного следствия необязательно. И в этот искомый промежуток времени дознаватель успеет предоставить начальнику подразделения дознания (как непосредственному руководителю) итоговый процессуальный документ для проверки и утверждения, чтобы предъявить для ознакомления в подписанном (утвержденном) виде¹.

После вынесения обвинительного акта или составления обвинительного постановления подозреваемое лицо обретает статус обвиняемого, который наделяет его совокупностью легальных полномочий. К ним относится, прежде всего, право возражать против обвинения, давать показания по существу предъявленного обвинения или отказаться от дачи показаний. К сожалению, действующие нормы УПК РФ не предоставляют обвиняемому возможности реализовать названные права на этапе окончания уголовного дела в форме дознания с вынесением обвинительного акта и составлением обвинительного постановления, что крайне недопустимо. Это влечет не только нарушение прав и законных интересов обвиняемого, но и противоречит назначению уголовного процесса. Поскольку объем полномочий данного участника уголовного судопроизводства не должен зависеть ни от дифференциации форм предварительного расследования, ни от процессуального порядка привлечения его в качестве обвиняемого.

Предлагаем предусмотреть в ч. 1 ст. 173 УПК РФ обязанность дознавателя, несмотря на уже вынесенный по результатам расследования обвинительный акт или составленное обвинительное постановление, производить допрос обвиняемого при поступлении от него соответствующего ходатайства о допросе. Как верно отметил Н.А. Духно: «На всех этапах процесса доказывания ... необходимо стремиться к истине. Если при возбуждении уголовного дела содержание истины одно, то при привлечении в качестве обвиняемого она (истина) по своему содержанию должна соответствовать всем обстоятельствам, вменяемым в вину обвиняемого.» [7, с. 87].

Протокол о производстве допроса в качестве обвиняемого, в соответствии с ч. 2 ст. 219 УПК РФ, следует приобщить к материалам уголовного дела, как результат удовлетворения ходатайства обвиняемого о допросе, после чего, обеспечив повторное уведомление об окончании следственных действий указанных в ч. 1 ст. 216 и ч. 1 ст. 217 УПК РФ участников уголовного процесса, провести их ознакомление с дополненными материалами уголовного дела и направить оконченное производством уголовное дело прокурору для последующего направления в суд.

Таким образом, предлагаемый нами комплекс законодательных новелл в части совершенствования процессуального порядка завершения дознания с вынесением обвинительного акта и составлением обвинительного постановления, предписывает следующую последовательность действий дознавателя: признав, что все необходимые следственные действия произведены, а собранных доказательств достаточно для обоснованного вывода о совершении подозреваемым (обвиняемым) преступления, дознаватель, в соответствии с ч.ч. 1-2 ст. 215 УПК РФ, уведомляет об окончании следственных действий подозреваемого (обвиняемого), законного представителя подозреваемого (обвиняемого), защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей, после чего составляет обвинительный акт (постановление), которые не позднее 3 суток со дня составления, предоставляет в утвержденном начальником подразделения дознания виде, совместно с материалами уголовного дела для ознакомления потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям, а также обвиняемому и его защитнику.

Данные изменения придадут процедуре уведомления об окончании следственных действий легальный характер, сократят ранее не ограниченный срок предоставления обвинительного акта и материалов уголовного дела для ознакомления заинтересованным в уголовном деле лицам, наделят обвиняемого (при наличии соответствующего ходатайства) исключительным правом на его допрос в качестве обвиняемого.

Список литературы:

1. Белов М. В. Процессуальный статус обвиняемого на этапе окончания дознания: формальность или гарантия обеспечения прав и законных интересов? // Алтайский юридический вестник. – 2021. – № 3(35). – С. 120-124.
2. Миронова А. В. Процессуальный порядок окончания дознания с составлением обвинительного акта // Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию юбилею

¹ Более подробные авторские обоснования и предложения о необходимости наделяния начальника подразделения дознания полномочиями по утверждению обвинительного акта и обвинительного постановления содержатся в диссертационном исследовании: Кульчарова А.В. Процессуальные полномочия начальника подразделения дознания в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2024. 219 с.

доктора юридических наук, профессора А.В. Гриненко : Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2016. – С. 278-282.

3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-июнь 2025 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports?ysclid=lqq9xmahwd740385280> (дата обращения: 19.10.2025).

4. Информация о следственной работе и дознании Генеральной прокуратуры Российской Федерации за январь-июнь 2025 г. // Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/41871> (дата обращения: 19.10.2025).

5. Процессуальный порядок ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного расследования : учеб. пособие / С.М. Кузнецова, И.Н.-о. Нуриев ; Дальневост. юрид. ин-т МВД России. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2020. – 68 с.

6. Тепляков, В. П. Уведомление об окончании следственных действий как основание материальной ответственности дознавателя и начальника подразделения дознания / В. П. Тепляков // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 12(216). – С. 325-328.

7. Духно Н. А. Сущность доказательств в уголовном процессе // Право и государство: теория и практика. – 2012. – № 9(93). – С. 86-90.

References:

1. Belov M. V. The procedural status of the accused at the end of the inquiry: a formality or a guarantee of rights and legitimate interests? // *Altai Law Bulletin*. – 2021. – № 3(35). – Pp. 120-124.

2. Mironova A.V. The procedural procedure for ending an inquiry with the preparation of an indictment // *Criminal proceedings: current state and main areas of improvement : a collection of materials from the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 50th anniversary of Doctor of Law, Professor A.V. Grinenko : Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*, 2016, pp. 278-282.

3. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-June 2025 // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://мвд.рф/reports?ysclid=lqq9xmahwd740385280> (accessed: 10/19/2025).

4. Information on the investigative work and inquiry of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation for January-June 2025// Unified Interdepartmental Information and Statistical System. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/41871> (date of request: 19.10.2025).

5. The procedural procedure for familiarizing the accused and his defense counsel with the materials of the criminal case at the stage of completion of the preliminary investigation : studies. manual / S.M. Kuznetsova, I.N.O. Nureyev ; Far East. jurid. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Khabarovsk : Department of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. 68 p.

6. Teplyakov, V. P. Notification of the end of investigative actions as the basis for the financial responsibility of the investigator and the head of the inquiry unit / V. P. Teplyakov // *Law and the state: theory and practice*. – 2022. – № 12(216). – Pp. 325-328.

7. Dukhno N. A. The essence of evidence in criminal proceedings // *Law and the state: theory and practice*. – 2012. – № 9(93). – Pp. 86-90.

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОМПЬЮТЕРНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

PROBLEMS OF COUNTERING COMPUTER CRIMES: CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE STATE AND CURRENT TRENDS

ХАРЧЕНКО Олег Витальевич,

кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права,
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».
190000, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, лит. А.

E-mail: prof.o.v.kharchenko@gmail.com;

KNARCHENKO Oleg Vital'evich,

PhD in Law, professor, professor of the Department of the Public Law, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.
67, Bolshaya Morskaya street, Saint Petersburg, 190000, Russia.

E-mail: prof.o.v.kharchenko@gmail.com

Краткая аннотация: В статье, на основании криминологического анализа данных уголовной статистики за период 2020-2025 г., рассматриваются состояние, актуальные тенденции и меры предупреждения компьютерных преступлений. Обращается внимание на дальнейшее совершенствование уголовного законодательства России и уголовной практики, а также принятие новых международных правовых норм. Отмечаются негативные тенденции изменения показателей компьютерных преступлений за последние пять лет: увеличение числа зарегистрированных преступлений в полтора раза; увеличение удельного веса в общей структуре преступности на +15%; сохранении низкой раскрываемости – менее 25%; рост числа лиц осужденных, за совершение компьютерных преступлений в десять раз. Делается вывод о том, что негативный прогноз компьютерных преступлений требует принятия более эффективных мер противодействия, особенно на общесоциальном и криминологическом уровнях.

Abstract: Based on the criminological analysis of criminal statistics data for the period 2020-2025, the article examines the state, current trends and measures to prevent computer crimes. Attention is drawn to the further improvement of Russian criminal legislation and criminal practice, as well as the adoption of new international legal norms. There have been negative trends in the indicators of computer crimes over the past five years: an increase in the number of registered crimes by one and a half times; an increase in the share in the overall crime structure by +15%; while maintaining a low detection rate of less than 25%, the number of people convicted of computer crimes increased tenfold. It is concluded that the negative prognosis of computer crimes requires the adoption of more effective counteraction measures, especially at the general social and criminological levels.

Ключевые слова: киберпреступность, компьютерные преступления, криминологический анализ, современные тенденции, проблемы противодействия.

Keywords: cybercrime, computer crimes, criminological analysis, current trends, counteraction problems.

Для цитирования: Харченко О.В. Проблемы противодействия компьютерным преступлениям: криминологический анализ состояния и современных тенденций // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 720-722. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_720.

For citation: Kharchenko O. V. Problems of countering computer crimes: criminological analysis of the state and current trends // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 720-722. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_720.

Статья поступила в редакцию: 20.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

25 октября 2025 г. в Ханое состоялась торжественная церемония подписания Конвенции ООН против киберпреступности. Конвенция, разработанная по инициативе Генпрокуратуры России при координирующей роли МИД России и выдвинутая в 2019 г., представляет собой первый в мире важнейший международный договор в сфере противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях.

Президент России В.В. Путин отметил: «Конвенция призвана противостоять одному из глобальных вызовов современности – противоправным действиям в цифровой сфере. Преступления такого рода, зачастую тесно связанные с терроризмом и пропагандой экстремистской идеологии, незаконным оборотом наркотиков и оружия, представляют серьезную угрозу безопасности как отдельных граждан, так и целых государств. Россия открыта к самому тесному международному сотрудничеству в сфере борьбы с киберпреступностью» [2].

В настоящее время в России наработана определенная судебная практика о применении законодательства об уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации и иные преступления, совершенные с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» [6].

Криминологический анализ последних пяти лет показателей зарегистрированных преступлений в России, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (далее – компьютерные преступления), характеризуются значительным изменением количественных и качественных показателей, что свидетельствует о некоторых негативных тенденциях и требует принятия эффективных мер по противодействию данному виду преступности. Так, в целях противодействия данному виду преступлений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) за рассматриваемый период в Главу 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» были внесены значительные дополнения и изменений: в 2022 г. введена статья 274.2 УК РФ, в 2024 г. – статья 272.1 УК РФ, а в 2025 г. – статьи 274.3, 274.4 и 274.5 УК РФ [1]. Таким образом, в настоящее время из девяти статей, которые включены в данную главу, пять введены в 2022-2025 гг.

30 декабря 2024 г. Правительство России утвердило Концепцию государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – Концепция) [7], а 14 августа 2025 г. утвержден План мероприятий по ее реализации. Концепция определяет принципы, цели, задачи и функции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, а также нормативно-правовое, научно-техническое, информационно-аналитическое, кадровое, организационно-штатное и финансовое обеспечение ее создания и функционирования [8].

Тема противодействия компьютерным преступлениям актуальна и также находит свое отражение в исследованиях современных ученых, которые обосновывают меры по дальнейшему совершенствованию уголовного законодательства.

Так, К.Н. Евдокимов, отмечая проблемы применения рассматриваемых норм, предлагает переименования Главу 28 УК РФ с «Преступле-

ния в сфере компьютерной информации» на «Технотронные преступления», что обусловлено стремительным развитием общественных отношений в сфере применения высоких технологий, необходимостью их уголовно-правовой охраны, спецификой объекта и предмета преступного посягательства [5].

Р.И. Дремлюга предлагает указанную главу переименовать на «Преступления против цифровой экономики и информационного общества», включив в УК РФ новую статью 274.3 «Создание и распространение реалистичных поддельных аудиовизуальных материалов», а также анализирует потенциальные проблемы квалификации деяний, предусмотренных ст. 274.2 УК РФ [4].

Рассмотрим динамику и удельный вес компьютерных преступлений на основе анализа данных уголовной статистики за рассматриваемый период. Так, было зарегистрировано компьютерных преступлений: в 2020 г. – 510 396 (+73,4%), в 2021 г. – 517 722 (+1,4%), в 2022 г. – 522 065 (+0,8%), в 2023 г. – 676 951 (+29,7%), в 2024 г. – 765 365 (+13,1%), а за 8 месяцев 2025 г. – 473 389 (-5,4%) [9]. За период с 2020 по 2024 гг. отмечается ежегодное увеличение числа регистрируемых компьютерных преступлений (от 0,8% до 29,7%), при сравнении показателей 2020 и 2024 гг. увеличение составило +50,0%, а при сравнении 2024 и 2025 гг. сокращение на -5,4%. Следовательно, положительная тенденция общего сокращения всех зарегистрированных преступлений в России за последние пять лет на -6,5%, не совпадает с негативной тенденцией значительного роста в полтора раза числа зарегистрированных компьютерных преступлений. Необходимо отметить, что негативно изменился и качественный показатель – удельный вес компьютерных преступлений в общей структуре преступности, если в 2020 г. он составлял 25,0%, то в 2024 г. уже – 40,0%, т.е. увеличение на +15,0%.

В качестве еще одной негативной тенденции выступает сохранение низкого показателя «раскрываемости» компьютерных преступлений. Данный показатель для общего числа всех регистрируемых преступлений в России в 2020 г. составлял 51,7%, а в 2024 г. – 52,3%, т.е. немногим более половины. Однако, для рассматриваемого вида преступлений раскрываемость составила: в 2020 г. – 20,0%, в 2021 г. – 23,4%, в 2022 г. – 27,8%, в 2023 г. – 26,6%, в 2024 г. – 23,2%, а за 8 месяцев 2025 г. – 27,8%. Таким образом, при сравнении показателя раскрываемости в 2020 и 2024 гг. отмечается увеличение на +3,2%, но это пока менее четверти от числа зарегистрированных компьютерных преступлений, вместе с тем, есть положительная динамика, которая сохраняется в 2025 г.

Важное значение для криминологического анализа состояния вида преступлений имеет показатель числа привлеченных к уголовной ответственности или выявленных лиц, совершивших преступления: в 2020 г. – 65 665 (+48,7%), в 2021 г. – 86 696 (+32,0%), в 2022 г. – 96 665 (+11,5%), в 2023 г. – 105 014 (+8,6%), в 2024 г. – 98 088 (-6,6%), а за 8 месяцев 2025 г. – 57 715 (-17,9%) [9]. При этом, динамика данного количественного показателя характеризовалась следующим образом: стабильное увеличение в 2020 г. на +48,7%, в 2021 г. на +32,0%, в 2022 г. на +11,5%, в 2023 г. на +8,6%, затем сокращение в 2024 г. на -4,4% и за 8 месяцев 2025 г. уже на -17,9%. Показатель привлеченных к уголовной ответственности за компьютерные преступления, при сравнении показателей 2020 и 2024 гг., увеличился на +49,4%, что говорит об общей положительной динамике, однако в последние два года отмечается тенденция уменьшения данного количественного показателя.

В 2020 г. среди 510 396 зарегистрированных компьютерных преступлений основную долю 85,2% составляли преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий:

- мошенничества (статья 159 УК РФ) – 210 493 или 41,2%;
- кражи (статья 158 УК РФ) – 173 493 или 34,0%;
- незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (статья 228.1 УК РФ) – 47 060 или 9,2%;
- неправомерный доступ к компьютерной информации (статья 272 УК РФ) – 4 105 или 0,8%.

В 2024 г. произошли количественные и качественные изменения, среди 765 365 зарегистрированных компьютерных преступлений основную долю 89,6% составили такие преступления, как:

- мошенничества (статья 159 УК РФ) – 379 762 или 49,6%;
- кражи (статья 158 УК РФ) – 105 937 или 13,8%;
- неправомерный доступ к компьютерной информации (статья 272 УК РФ) – 105 773 или 13,8%;
- незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (статья 228.1 УК РФ) – 94 645 или 12,4%.

За рассматриваемый период, число зарегистрированных краж, совершенных с использованием информационно телекоммуникационных технологий сократилось на -61,1%, а их удельный вес также снизился с 34,0% до 13,8%. Остальные составы преступлений характеризовались увеличением количественных и качественных показателей:

- мошенничества (статья 159 УК РФ) рост числа зарегистрированных преступлений на +80,4%, увеличение доли с 41,2% до 49,6%;
- неправомерный доступ к компьютерной информации (статья 272 УК РФ) рост числа зарегистрированных преступлений в 25,8 раза, увеличение доли 0,8% до 13,8%;
- незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (статья 228.1 УК РФ) рост числа зарегистрированных преступлений в 2,0 раза, увеличение доли 9,2% до 12,4%.

Криминологический анализ за 2020-2024 гг. количественных и качественных показателей компьютерных преступлений о зарегистрированных преступлениях и выявленных лицах имеют общую негативную тенденцию:

- увеличение числа регистрируемых компьютерных преступлений в полтора раза;
- в общей структуре преступности удельный вес компьютерных преступлений увеличился на +15,0%.

- увеличение показателя раскрываемости на +3,2%, который составляет менее четверти от числа зарегистрированных компьютерных преступлений;

- количество привлеченных к уголовной ответственности увеличилось на +49,4%, однако в последние два года отмечается тенденция уменьшения показателя;

- число зарегистрированных краж (ст. 158 УК РФ) сократилось на -61,1%, удельный вес снизился до 13,8%; вместе с тем увеличились показатели мошенничества (статья 159 УК РФ) на +80,4%, а их удельный вес до 49,6%; неправомерный доступ к компьютерной информации (статья 272 УК РФ) – рост зарегистрированных преступлений в 25,8 раза и увеличение доли до 13,8%; незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств (статья 228.1 УК РФ) – рост числа зарегистрированных преступлений в 2,0 раза и увеличение доли до 12,4%.

Важное значение также имеет криминологический анализ показателя числа, осужденных за совершенные компьютерных преступлений. К сожалению, не представляется возможным отдельно проанализировать сведения по выделенным составам преступлений в полном объеме, так как судебная статистика не выделяет кражи, мошенничества и незаконный оборот наркотических веществ, которые были совершены с использованием современных компьютерных технологий. Как было отмечено выше, из девяти статей, которые включены в Главу 28 УК РФ, более половины – пять введены в 2022-2025 гг., поэтому судебная практика применения только начинает формироваться и потребует в дальнейшем отдельного анализа в целях обеспечения единообразного применения законодательства [10].

Криминологический анализ судебной практики последних пяти лет о лицах осужденных за совершение преступлений в сфере компьютерной информации (Глава 28 УК РФ) позволяет выделить следующие тенденции и проблемы для данного вида преступлений.

Так, в России было осуждено за совершение преступлений, предусмотренных Главой 28 УК РФ: в 2020 г. – 38 человек, в 2021 г. – 225, в 2022 г. – 280, а в 2023 г. – 333, в 2024 г. – 380, за 6 месяцев 2025 г. – 225 [3]. Динамика: ежегодный рост в 2021 г. увеличение на +592,1%, в 2022 г. – +24,4%, в 2023 г. – +18,9%, а в 2024 г. – +14,1%. Таким образом, при сравнении показателей 2020 и 2024 гг. число осужденных увеличилось в десять раз, при этом в 2025 г. тенденция сохраняется и число осужденных в сравнении с 2024 г. выросло уже +25,7% [3].

Отмеченные выше негативные тенденции современного состояния компьютерных преступлений, которые сохраняются на протяжении последних пяти лет, требуют принятия более эффективных мер противодействия, в частности по наработке судебной практики введенных составов преступлений и предупреждению совершения новых преступлений. Предупреждение компьютерных преступлений имеет ряд особенностей, введение более половины новых составов преступлений, незначительная судебная практика, сложность выявления и расследования преступлений, техническая оснащенность и подготовка кадровых сотрудников.

В заключение, отмечая за последние пять лет негативную тенденцию продолжающегося роста показателей компьютерных преступлений – удельного веса в общей структуре преступности, лиц, привлекаемых к уголовной ответственности и осужденных, следует сделать вывод о негативном прогнозе компьютерных преступлений и необходимости принятия более эффективных мер ее предупреждения, на общесоциальном и специальном криминологическом уровнях.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс РФ: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. 15.10.2025) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Александр Гуцан принял участие в церемонии подписания Конвенции ООН против киберпреступности // – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/grpf/mass-media/news/main/e6334190/> (дата обращения: 20.10.2025).
3. Данные судебной статистики (Форма № 10.1) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. – URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 20.10.2025).
4. Дремлюга, Р. И. Проблемы уголовно-правовой регламентации ответственности за преступления, предусмотренные ст. 274² УК РФ / Р. И. Дремлюга // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 165-189.
5. Евдокимов, К. Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / К. Н. Евдокимов. – Москва, 2021. – 557 с.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/f9141205491e8509d9b4062bdc87dcbd72d4826/ (дата обращения: 20.10.2025).
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 4154-р «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» // – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495619/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 20.10.2025).
8. Распоряжение Правительства РФ от 14.08.2025 № 2207-р «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» // – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_512576/1/ (дата обращения: 20.10.2025).
9. Состояние преступности // Министерство внутренних дел РФ. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 20.10.2025).
10. Харченко, О. В. Криминологическая характеристика противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий: современное состояние и тенденции / О. В. Харченко // Закон. Право. Государство. – 2025. – № 1(45). – С. 140-143.

References:

1. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended 10/15/2025) // Law of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
2. Alexander Gutsan took part in the signing ceremony of the UN Convention against Cybercrime // – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/grpf/mass-media/news/main/e6334190/> (accessed October 20, 2025).
3. Judicial statistics data (Form No. 10.1) // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: [website]. – URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (accessed October 20, 2025).
4. Dremlyuga, R. I. Problems of criminal law regulation of responsibility for crimes provided for in Article 274² of the Criminal Code of the Russian Federation / R. I. Dremlyuga // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2024. – Vol. 19, No. 1. – pp. 165-189.
5. Evdokimov, K. N. Countering computer crime: theory, legislation, practice: specialty 12.00.08 "Criminal law and criminology; penal enforcement law": dissertation for the degree of Doctor of Law / K. N. Evdokimov. – Moscow, 2021. – 557 p.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/15/2022 No. 37 "On certain issues of judicial practice in criminal cases of crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet" // – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/f9141205491e8509d9b4062bdc87dcbd72d4826/ (accessed October 20, 2025).
7. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 30, 2024 No. 4154-r "On Approval of the Concept of the State System for Countering Illegal Acts committed using Information and communication Technologies" // – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_495619/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (accessed October 20, 2025).
8. Decree of the Government of the Russian Federation dated 08/14/2025 No. 2207-r "On Approval of the Action Plan for the Implementation of the Concept of the State System for Countering Illegal Acts committed using Information and communication Technologies" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_512576/1/ (accessed October 20, 2025).
9. The state of crime // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://ministryofinternalaffairs.ru/> (accessed October 20, 2025).
10. Kharchenko O. V. Criminological characteristics of countering illegal acts committed using information and communication technologies: current state and trends / O. V. Kharchenko // Law. Right. The State. – 2025. – № 1(45). – P. 140-143.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ПРОБАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ PROBATION PROBLEMS AND PROSPECTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

ИВЛИЕВ Павел Валентинович,

кандидат юридических наук, доцент института по кафедре гражданского права и процесса Академии ФСИН России
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, д.1.

E-mail: ivliev_pv@mail.ru

IVLIEV Pavel Valentinovich,

PhD in Law, Associate Professor of the Institute for the Department of Civil Law and Process
of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia
390000, Russia, Ryazan, st.Sennaya, d.1.

E-mail: ivliev_pv@mail.ru

Краткая аннотация: В статье анализируются ключевые направления становления probation в Российской Федерации в контексте реформы исполнения наказаний без изоляции от общества. Рассматриваются нормативно-правовые основы развития probationных практик, а также логика перехода от традиционной модели уголовной репрессии к системе сопровождения осуждённых на свободе. Анализируются институциональные и социальные препятствия полноценного функционирования probation. Обозначены перспективы формирования интегрированной probationной системы, ориентированной на снижение рецидива, социальную адаптацию и оптимизацию уголовно-исполнительных ресурсов.

Abstract: This article analyzes key areas of probation development in the Russian Federation in the context of the reform of prisons without isolation from society. It examines the legal framework for the development of probation practices, as well as the rationale for the transition from the traditional model of criminal repression to a system of support for convicts in freedom. It also examines the institutional and social barriers to the full functioning of probation. Prospects for the development of an integrated probation system focused on reducing recidivism, promoting social adaptation, and optimizing penal resources are outlined.

Ключевые слова: Пробация, уголовно-исполнительная политика, альтернативные наказания, ресоциализация, федеральная служба исполнения наказаний, электронный контроль, социальное сопровождение, ограничение свободы, цифровые технологии, исправительные центры.

Key words: Probation, penal policy, alternative punishments, resocialization, Federal Penitentiary Service, electronic monitoring, social support, restriction of liberty, digital technologies, correctional centers.

Для цитирования: Ивлиев П.В. Проблемы и перспективы внедрения probation в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 723-726. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_723.

For citation: Ivliev P.V. Probation problems and prospects in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 723-726. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_723.

Статья поступила в редакцию: 14.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Введение. Активное применение probation, является одним из перспективных направлений и тенденций современного реформирования отечественной пенитенциарной системы, которая много лет до этого была ориентирована на изоляционную модель, которая по своей сути являлась традиционной и формировалась на исторической ретроспективе. На современном этапе новая модель должна базироваться и изменяться не временем изоляции осужденного, а способностью минимизировать возможность появления рецидива и обеспечить максимально устойчивую социальную адаптацию и интеграцию в гражданское общество лиц подвергшихся наказанию.

И по этой причине в Российской Федерации должное развитие должны получить такие институты как исправительные работы, ограничение свободы, цифровые способы мониторинга и иные эффективные меры, которые направлены на исполнение наказаний не связанных с изоляцией от общества. При этом необходимо отметить, что полномасштабная система probation, на сегодняшний день является на стадии формирования. И исходя из этого данный аспект подтверждает актуальность исследования вопросов и особенностей probation, а также ее перспектив в условиях совершенствования системы исполнения наказаний.

Цель исследования. Выявить основные вызовы и ограничения внедрения probation в современную пенитенциарную систему Российской Федерации, а также рассмотреть перспективные и эффективные на сегодняшний день направления развития probation в уголовно-исполнительной системе.

Методы исследования. В настоящем исследовании применялся описательный и перспективный методы. Посредством описательного метода анализируются объективные проблемы и ограничения связанные с внедрением probation в систему исполнения наказаний, а посредством перспективного метода рассматриваются потенциальные преимущества развития института probation в отечественной уголовно-исполнительной практике.

Для более полного понимания темы настоящего исследования необходимо сформулировать определение термина probation. Так в законодательстве probation представляет собой совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц (п.1 ст.5 № 10-ФЗ)[1].

Нормативная база probation в России не представлена в виде единого закона, однако её элементы уже закреплены в ряде актов:

– УК РФ предусматривает широкий спектр наказаний, исполняемых без изоляции (ст. 43–50), включая обязательные и исправительные работы, ограничение свободы;¹

– УИК РФ фиксирует механизмы исполнения альтернативных мер, а также отдельные формы надзора и сопровождения осуждённых;² – с 2018 года реализуются проекты «Цифровая УИС» и реформы, направленные на усиление индивидуализации исполнения наказаний³.

Существенным шагом к пробации стали поправки 2020–2024 гг., расширившие возможности применения ограничения свободы, электронного мониторинга и дифференциации надзорных мер.⁴ Однако отсутствие специального закона о пробации приводит к фрагментарности правового регулирования и разрыву между судебным назначением наказания и механизмами его сопровождения.

После изменения законодательства в 2020–2023 гг. суды стали заметно шире применять наказание в виде ограничения свободы. Так, в Московской области доля назначений данной меры для лиц, впервые совершивших преступления небольшой тяжести, увеличилась почти вдвое — с 11 % до 19 % за два года⁵. Подобная динамика демонстрирует формирование устойчивой судебной практики, в которой меры, исполняемые под пробационным контролем, постепенно вытесняют традиционные изоляционные санкции.

Дополнительным подтверждением является деятельность пилотных региональных проектов, например, программы «Сопровождаемое исполнение наказания» в Татарстане. В её рамках уголовно-исполнительные инспекции, социальные службы и волонтерские организации совместно разрабатывали индивидуальные планы ресоциализации. Участники проекта продемонстрировали снижение уровня повторных правонарушений более чем на 14 %, что подчёркивает значимость координации надзорных и социальных мер.

Таким образом, правовой фундамент пробации уже создан, но остаётся несистемным, что обуславливает необходимость законодательной консолидации.

Пробация в российской модели формируется как механизм управляемой свободы — система, сочетающая контроль, социальную поддержку и оценку индивидуальных рисков. Важность контроля обусловлена необходимостью предупреждения преступлений, поддержания дисциплины и создания условий для исправления осуждённых^[2]. Появление пробации обусловлено следующими процессами:

В ряде регионов электронный мониторинг стал полноценной альтернативой содержанию под стражей. В Новосибирской области с 2024 года электронные браслеты активно используются при исполнении запретов, назначаемых в рамках меры пресечения. Из более чем 1200 лиц, находившихся под круглосуточным мониторингом, нарушения, требующие вмешательства суда, составили лишь около 3 %.⁶ Это показывает, что цифровые технологии позволяют поддерживать высокую степень контроля без применения изоляции.

Параллельно развивается практика индивидуальных программ поведения. Так, в Красноярском крае осуждённые, отбывающие исправительные работы, проходят обязательное консультирование, посещают психологические сессии и участвуют в трудовом обучении. По данным региональной инспекции, число административных нарушений среди участников программы снизилось на 35 %, что подтверждает эффективность сочетания контроля и адресной коррекционной работы.

В последние годы происходит перераспределение нагрузки:

— уменьшается число осуждённых, содержащихся в исправительных учреждениях;⁸

— расширяется применение исправительных работ и электронного мониторинга;⁹

— развивается инфраструктура исправительных центров.¹⁰

Это согласуется с глобальной тенденцией смещения фокуса с репрессии на управление рисками и социальной интеграцией.

В 2021–2025 гг. ФСИН внедряет инструменты индивидуальной оценки рисков, позволяющие:

— прогнозировать вероятность рецидива;¹¹

— определять интенсивность надзора;

— формировать персонализированные программы коррекции поведения.

Данная логика соответствует международным стандартам пробации и позволяет отходить от уравнительного подхода.

Электронные браслеты, автоматизированные системы контроля и цифровые досье создают возможность непрерывного мониторинга поведения осуждённых на свободе.¹² Это делает пробацию не просто альтернативой изоляции, но инструментом динамического надзора.

Несмотря на очевидный прогресс, пробационная система сталкивается с рядом институциональных, нормативных и культурных препятствий.

В ряде субъектов РФ инфраструктурные ограничения серьёзно тормозят развитие пробационных практик. В Свердловской области только 38 % осуждённых, направленных на исправительные работы, были трудоустроены в течение первых двух месяцев после назначения

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ.

³ Приказ Минюста РФ от 15.11.2018 № 275 «О реализации проекта “Цифровая УИС”».

⁴ Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Отчёты о числе лиц, осуждённых судами РФ (2020–2024 гг.).

⁵ Главное управление ФСИН России по Московской области. Статистический отчёт о применении наказаний, не связанных с лишением свободы. — 2024.

⁶ УФСИН России по Новосибирской области. Официальная статистика по применению электронного мониторинга. URL: <https://54.fsin.gov.ru>

⁷ УФСИН России по Красноярскому краю. Данные уголовно-исполнительных инспекций о результатах индивидуальных программ поведения. URL: <https://24.fsin.gov.ru>

⁸ ФСИН России. Официальная статистика численности осуждённых и содержащихся в ИУ. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/>

⁹ Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Отчёты о количестве назначений наказаний, не связанных с лишением свободы. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79>

¹⁰ Минюст России. Информация об инфраструктурных проектах УИС и развитии исправительных центров. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/>

¹¹ ФСИН России. Методические материалы по внедрению риск-ориентированной модели оценки правонарушителей (2021–2025 гг.). URL: <https://fsin.gov.ru/structure/nii/>

¹² Приказ Минюста РФ № 275 от 15.11.2018 «О реализации проекта “Цифровая УИС”». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312270/

наказания.¹ Остальные вынуждены ожидать распределения из-за малочисленности работодателей, готовых сотрудничать с уголовно-исполнительными инспекциями. Это приводит не только к задержкам в исполнении наказания, но и к росту нагрузки на инспекторов, вынужденных сопровождать большие группы подучётных лиц. Кадровая нагрузка также остаётся критичной: в отдельных районах Хабаровского края один сотрудник инспекции ведёт от 250 до 300 человек.² В условиях такой нагрузки невозможно обеспечить индивидуальную профилактическую работу, предусмотренную современной концепцией probation. В результате контроль приобретает формальный характер, ограничиваясь проверкой соблюдения базовых условий, а элементы коррекции поведения фактически не реализуются.

Система исполнения наказаний, как было отмечено выше исторически ориентирована на изоляцию, а не на социальную работу. Как правило это выражается в том, что наблюдается доминирование логики контроля над логикой сопровождения, недостатке кадровых компетенций в области социальной психологии и поддержке, а также слабой координации с гражданским сектором.

Эффективное внедрение probation требует трансформации профессиональной культуры от охраны к сопровождению.

Probation предполагает:

- индивидуальную работу с осуждёнными;
- программы занятости и обучения;
- доступ к психологической и юридической помощи.

Но многие регионы испытывают дефицит специалистов, средств и технологий, что делает probation формальной.

Также необходимо отметить, что общественное мнение часто воспринимает probation как «слишком мягкую». Это влияет на судебную практику: судьи нередко предпочитают лишение свободы как «более надёжную» меру. Такая установка препятствует широкому распространению probationных механизмов.

Вопрос межведомственного взаимодействия особенно остро проявляется в делах несовершеннолетних. В одном из случаев в Пермском крае подросток, назначенный к обязательным работам, не был своевременно включён в региональную программу трудовой поддержки, поскольку информационный обмен между центром занятости и УИИ отсутствовал.³ Это привело к задержке исполнения наказания и вызвало юридические риски для инспекции. Ситуация требовала вмешательства прокуратуры, что демонстрирует системную проблему несогласованности служб.

Региональная асимметрия остаётся ключевым вызовом. В Москве и Татарстане активно включаются в probation негосударственные структуры — социальные НКО, кризисные центры, волонтерские объединения. Они обеспечивают психологическую помощь, консультации и посредничество в трудоустройстве.⁴ В то же время в регионах Сибири и Северного Кавказа подобная сеть практически отсутствует, и probation фактически сводится исключительно к функции надзора, что усиливает различия в качестве исполнения наказаний по стране.

Российская probation развивается в условиях отсутствия чёткой границы между надзором и социальной работой. Ключевые проблемы:

Сегодня основная нагрузка ложится на электронный контроль и отчётность осуждённых. Социальная составляющая — трудоустройство, реабилитация, восстановление социальных связей — остаётся на периферии.

Эффективная probation требует участия:

- служб занятости;
- органов социальной защиты;
- психологических служб;
- НКО, работающих с группами риска.

В данной ситуации необходимо отметить, что взаимодействие УИС с общественными организациями более чем актуально. Именно такой плодотворное сотрудничество и взаимодействия обеспечит наиболее полную защиту прав и свобод граждан отбывающих наказание и создаст дополнительные возможности связанные с реализацией целей уголовного наказания, а также эффективной борьбы с рецидивной преступностью и успешной реинтеграции лиц отбывших наказания в виде лишения свободы и лиц отбывающих наказания не связанных с изоляцией от общества[3].

Однако интегрированной сети сопровождения пока нет, а взаимодействие носит эпизодический характер.

Активное внедрение электронных браслетов порождает опасность подмены probation цифровым контролем. В результате вместо коррекции поведения может усиливаться дисциплинарная нагрузка на осуждённого.

Развитие восстановительных практик рассматривается как ключевой элемент будущей probationной политики. В Санкт-Петербурге в 2023–2024 гг. была внедрена программа медиации для подростков, совершивших ненасильственные преступления. В двух третях случаев сторонам удавалось заключить медиативное соглашение и компенсировать ущерб потерпевшему,⁵ что позволяло завершать уголовное дело без применения изоляционных мер. Эти результаты демонстрируют потенциал восстановления социальной справедливости без лишения свободы и подчёркивают востребованность подобных программ.

¹ УФСИН России по Свердловской области. Статистические данные уголовно-исполнительных инспекций. URL: <https://66.fsin.gov.ru>

² УФСИН России по Хабаровскому краю. Информация о нагрузке сотрудников УИИ. URL: <https://27.fsin.gov.ru>

³ Прокуратура Пермского края. Информационный бюллетень о надзоре за органами, исполняющими наказания, не связанные с лишением свободы. URL: <https://perm.prok.ru>

⁴ Общественная палата Российской Федерации. Доклад «Практики участия НКО в ресоциализации осуждённых». URL: <https://opr.f>

⁵ Комитет по вопросам законности и правопорядка Санкт-Петербурга. Отчёт о программе восстановительной медиации для несовершеннолетних правонарушителей. URL: <https://www.gov.spb.ru>

Минюст России в 2024 году обозначил приоритет создания федерального центра координации пробации, который будет отвечать за методическую подготовку сотрудников, разработку единых стандартов сопровождения и внедрение цифровых инструментов риск-анализа.¹ В случае реализации эта реформа станет точкой перехода от разрозненной сети УИИ к единой специализированной службе пробации — модели, которая соответствует европейским подходам и способна обеспечить единое качество сопровождения по всей стране.

Несмотря на сложности, российская система имеет значительный потенциал трансформации.

Перспективным видится формирование специализированного института, совмещающего:

- надзор;
- социальную поддержку;
- реабилитационные программы.

Такой подход соответствует международным моделям и позволит пенитенциарной системе сосредоточиться на работе с учреждениями закрытого типа.

Эффективная пробация невозможна без:

- привлечения НКО;
- расширения программ занятости;
- внедрения восстановительных практик;
- сопровождения семей осуждённых.

Это позволит перейти от карательно-контрольной модели к модели социальной интеграции.

Прогностическая аналитика, цифровые профили, адаптивные программы коррекции — ключ к индивидуализации исполнения наказания.

Заключение. Внедрение пробации в Российской Федерации — это не частная реформа, а системная трансформация, затрагивающая основы уголовно-исполнительной политики. Пробация предлагает альтернативу традиционной изоляции, способную сочетать контроль и поддержку, снижая социальные и бюджетные издержки.

Однако её становление наталкивается на существенные нормативные, институциональные и культурные барьеры. Преодоление этих препятствий требует комплексных решений: законодательной консолидации, модернизации кадрового состава, развития межведомственных связей и усиления социальной составляющей наказания.

Пробация станет эффективным инструментом только в том случае, если будет рассматриваться не как «смягчение» наказания, а как современная стратегия управления рисками и поддержки ресоциализации. В этом — главный потенциал её будущего развития в российской уголовно-исполнительной системе.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10 – ФЗ «О пробации в Российской Федерации»
2. Ивлиев П.В., Шиманская С.В. «Контроль за осужденными в УИС: вызовы и направления развития» // Право и государство: теория и практика. 2025. № 3. С. 463-466.
3. Ивлиев П.В. «Роль общественных организаций в исправлении осужденных» // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9 (237). С. 464-466.

References:

1. Federal Law of February 6, 2023, No. 10-FZ "On Probation in the Russian Federation"
2. Ivliev, P.V., Shimanskaya, S.V. "Monitoring of Convicts in the Penal System: Challenges and Development Directions" // Law and State: Theory and Practice, No. 3, 2025, pp. 463-466.
3. Ivliev, P.V. "The Role of Public Organizations in the Rehabilitation of Convicts" // Law and State: Theory and Practice, No. 9 (237), 2024, pp. 464-466.

¹ Министерство юстиции Российской Федерации. Пресс-релиз о создании федерального центра координации пробации. URL: <https://minjust.gov.ru>

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES, COMMITTED BY MINORS

КРУГЛИКОВА Олеся Васильевна

начальник кафедры криминалистики БЮИ МВД России, к.ю.н., доцент
656038, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49
E-mail: kruglikovaov@mail.ru

КОНАРЕВА Анастасия Сергеевна

преподаватель кафедры уголовного процесса
Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России
236006, Россия, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, дом 30
E-mail: kruglikovaov@mail.ru

KRUGLIKOVA Olesya Vasilievna

Head of the Department of Criminalistics
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
49 Chkalov St., Barnaul, 656038, Russia
E-mail: kruglikovaov@mail.ru

KONAREVA Anastasia Sergeevna

Lecturer at the Department of Criminal Procedure
Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
30 General Galitsky St., Kaliningrad, 236006, Russia
E-mail: kruglikovaov@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматривается криминалистическая характеристика преступлений, совершенных несовершеннолетними, — система значимых признаков и закономерностей, имеющих ключевое значение для расследования. Основной акцент сделан на анализе основных элементов характеристики, таких как личность несовершеннолетнего преступника, способ преступления, механизм преступления, механизм следообразования. Показана взаимосвязь личностных особенностей несовершеннолетних с механизмом преступного поведения. Аргументирована практическая значимость криминалистической характеристики для: выдвижения обоснованных версий на различных этапах расследования; планирования следственных действий с учётом возрастных особенностей преступника.

Abstract. The article examines the forensic characteristics of crimes committed by minors, which is a system of significant features and patterns that are crucial for the investigation. The main focus is on analyzing the main elements of the characteristics, such as the personality of the juvenile offender, the method of the crime, the mechanism of the crime, and the mechanism of trace formation. The article shows the relationship between the personality traits of minors and the mechanism of criminal behavior. The practical significance of the forensic characteristics is argued for the following purposes: generating reasonable hypotheses at various stages of the investigation; planning investigative actions taking into account the age characteristics of the offender.

Ключевые слова: личность несовершеннолетнего преступника, криминалистическая характеристика преступления, механизм преступления, способ преступления, профилактика преступлений.

Keywords: personality of a juvenile offender, forensic characteristics of a crime, crime mechanism, crime method, crime prevention.

Для цитирования: Кругликова О.В., Конарева А.С. Криминалистическая характеристика преступлений, совершенных несовершеннолетними // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 727-729. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_727.

For citation: Kruglikova O.V., Konareva A.S. Criminalistic characteristics of crimes committed by minors // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 727-729. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_727.

Статья поступила в редакцию: 15.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Подростковая преступность представляет собой одну из наиболее серьёзных и актуальных проблем в современном обществе. Уровень детской преступности тесно связан с общим социально-экономическим состоянием страны. Ухудшение условий жизни российских семей, снижение уровня семейного контроля и социальное сиротство, способствуют росту преступности среди несовершеннолетних, асоциальному поведению подростков.

Поэтому сегодня одним из приоритетных направлений деятельности МВД России является — профилактика правонарушений в подростковой среде, а также пресечение совершения преступлений несовершеннолетними. Согласно информации о состоянии преступности в России за январь — октябрь 2025 года, каждое тридцатое расследуемое преступление (3,3%) совершено несовершеннолетними или при их соучастии¹.

Решению этой задачи во многом способствует криминалистическая характеристика преступления, которая позволяет не только выявлять закономерности, типичные признаки и механизмы преступлений, совершенных несовершеннолетними, но и помогает в выборе более эффективных путей их расследования и профилактики.

По мнению А.В. Шмониной, криминалистическая характеристика преступления представляет собой ничто иное, как «систему научных положений о модели криминалистически значимых признаков отдельных общностей преступлений, а также закономерных связях между ними и разработанных на их основе общих принципов решения задач досудебного производства» [1, С. 733]. Предложенное автором определение кри-

¹ Официальный сайт МВД России: справочник «Состояние преступности в России за январь — октябрь 2025 года», подготовленный Министерством внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». file:///C:/Users/admin/Downloads/Sbornik_dlya_UOS_3.pdf

миналистической характеристики преступления, на наш взгляд, довольно полно отражает ее сущность.

К основным элементам криминалистической характеристики преступления А.А. Бессонов, в свою очередь, предлагает отнести: 1) обстановку преступления (место, время, другие элементы); 2) способ преступления (в том числе орудия преступления); 3) типичные следы преступления и вероятные места их нахождения; 4) предмет преступного посягательства и (или) личность потерпевшего; 5) личность преступника [2, С. 18]. Соглашаясь в целом с перечнем предлагаемых автором элементов, считаем необходимым уточнить, что в нашем случае, личность преступника выступает системообразующим элементом, оказывающим влияние как на способ совершения преступления, посткриминальное поведение преступника, так и на эффективность профилактики преступлений, что обусловлено возрастными, психологическими и социальными особенностями рассматриваемой категории лиц.

В криминалистической литературе традиционно выделяет четыре основных типа несовершеннолетних преступников, подчеркивая условность границ между категориями:

Первый тип. Подростки, впервые совершившие преступление, отличающиеся ранее положительными моральными установками и поведением. Их поступки часто спровоцированы экстремальной ситуацией, острой конфликтной обстановкой. Данные лица не обладают навыками преступной деятельности и не скрывают следы преступления.

Второй тип. Лица, которыми преступления совершены также впервые, но сопровождаются рядом негативных проявлений: склонность к употреблению алкоголя, наркотиков, прогулам занятий, побегам из дома.

Третий тип. Подростки с заметной нравственной деформацией. Ранее неоднократно совершавшие административные правонарушения. Совершение ими преступлений чаще провоцируется внешними обстоятельствами или воздействием взрослых лиц, а также негативно настроенных сверстников. Преобладают спонтанные преступления – хулиганство, мелкие кражи, побои.

Четвертый тип. Категория наиболее опасная и проблемная, демонстрирующая глубокие признаки девиантного поведения. Такие подростки характеризуются упорством в нарушении законов, зачастую объединены в организованные группы, активно контактируют с представителями взрослой преступности. Для них характерны грубость, жестокость, стремление к паразитическому образу жизни, злоупотреблению алкоголем, наркотиками и т.д. Стремление утвердиться в глазах сверстников зачастую выражается в агрессивных формах поведения, включая нанесение физического вреда другим людям и намеренное причинение жертвам физических и нравственных мучений. Такое поведение может усугубляться различными психическими отклонениями, искажающими представления подростка о границах допустимого и формирующими негативное отношение к законам и социальным нормам.

Таким образом, данные о личности несовершеннолетнего указывают на ее закономерные связи со способом совершения преступления, проявляющиеся в многообразных следах – последствиях совершенного противоправного общественно опасного деяния. Зная указанные выше психологические и поведенческие особенности несовершеннолетних преступников, следователь (дознатель) в ходе расследования может обоснованно выдвигать версии; планировать тактику производства отдельных следственных и иных процессуальных действий, что существенным образом должно сказаться на повышении эффективности расследования и предупреждении рецидивов.

Способ совершения преступления – структурный элемент любой криминалистической характеристики уголовно-наказуемых деяний. По мнению А.С. Князькова «способ совершения преступления нередко определяется образом мышления преступника, его производственным опытом, а также привычками, наклонностями и другими особенностями личности. Преступная деятельность, проявляющаяся в способе, во многом обусловлена особенностями психологических свойств личности преступника» [3, С. 53]. Сведения о способе преступления позволяют прогнозировать типичные следы, оставленные на месте преступления; определять круг подозреваемых через анализ подростковых групп и социальных связей, а также выстраивать эффективную тактику следственных действий с учётом возрастных психологических особенностей. Изучение научной литературы свидетельствует о том, что несовершеннолетние чаще используют примитивные, неухищенные способы преступления, не требующие значительной физической силы и т.д.

Вместе с тем, анализ судебно-следственной практики показывает, что современные технологии и доступность Интернета внесли существенные коррективы в картину преступности среди молодежи. Сегодня основными направлениями преступной деятельности несовершеннолетних являются:

– дистанционные преступления. Интернет стал мощным и доступным инструментом для их совершения. Несовершеннолетние активно используют цифровые технологии для мошенничества, вымогательства, хакерских атак, распространения вредоносного ПО и кибертравли. Часто несовершеннолетние становятся участниками онлайн-мошенничеств, когда взрослые лица вовлекают подростков в схемы финансовой махинации;

– сбыт наркотических средств посредством «закладок». Распространение наркотических веществ стало намного проще благодаря развитию технологий. Молодежь активно участвует в схемах продажи наркотиков через «закладочные сети». Наркотики размещаются в тайниках («закладках»), координаты которых передаются покупателям через мессенджеры или специальные приложения. Этот вид деятельности привлекателен для подростков своей кажущейся легкостью заработка денег;

– совершение противоправных действий (поджоги, уничтожение или повреждение чужого имущества и т.д.). Для несовершеннолетних характерны импульсивность, а также склонность к подражанию взрослым или популярным в их среде моделям поведения. Они редко планируют свои преступления детально, их действия чаще носят ситуативный характер — используются возможности, возникшие «здесь и сейчас». Однако, если ранее в решении совершить преступление несовершеннолетние, как правило, руководствовались сиюминутными эмоциями: обидой, зави-

стью, желанием «отомстить» или произвести впечатление на сверстников. То в настоящее время, мотивом совершения ряда преступлений является корысть, желание быстрого обогащения.

Даже несмотря на техническую подкованность многих подростков, большинство из них не обладают необходимыми навыками для успешного планирования и исполнения сложных преступлений. Поэтому более квалифицированные способы совершения преступления, как показывает практика, используются несовершеннолетними при совершении преступлений совместно либо под руководством взрослого соучастника. В этом случае способы преступлений становятся продуманными (есть план, распределение ролей); технически сложными (использование инструментов, маскировка); целенаправленными (выбор объектов с высокой ценностью).

Несмотря на значительный технологический прогресс, многие подростки продолжают оставаться психологически неразвитыми и подвержены принятию поспешных, импульсивных решений. Они плохо оценивают долгосрочные последствия своих поступков, зачастую действуют спонтанно, редко предпринимают эффективные меры по сокрытию преступления: оставляют орудия совершения преступления на месте; не уничтожают следы преступления; обсуждают преступление в соцсетях или при друзьях, что становится доказательством; выставляют видео с событием преступления в «Интернет». Подростки обычно не имеют необходимых навыков и опыта, позволяющим им эффективно скрывать следы преступления. Они могут оставлять на месте преступления следы пальцев рук, следы обуви, биологические следы (пот, слюну, волосы). Многие несовершеннолетние даже не осознают необходимость уничтожения следовой картины преступления. При расследовании преступлений, совершённых несовершеннолетними, важно учитывать специфику как материальных, так и идеальных следов. Эти следы отражают особенности личности подростков, их поведения и обстоятельств совершения преступления.

Следует отметить, что несмотря на появление новых технологий, классические формы подростковой преступности сохраняют свою актуальность и характеризуются следующими особенностями:

- использование подручных предметов. В отличие от взрослых, которые часто применяют специализированные инструменты (отмычки, ломы), несовершеннолетними используют случайные предметы, найденные на месте (палки, металлические прутки, камни). Это связано с отсутствием опыта, недостатком ресурсов и нежеланием привлекать лишнее внимание покупкой специализированных инструментов;
- спонтанность действий. Многие преступления совершаются импульсивно, без тщательной подготовки, не имея заранее продуманного плана. Отсутствие продуманного плана увеличивает вероятность ошибок и обнаружения преступников полицией. К таким преступлениям можно отнести хищения, совершаемые несовершеннолетними, у своих одноклассников в образовательных организациях, в магазинах, в раздевалке в общественных местах;
- совершение преступлений в группе сверстников. Преступления зачастую совершаются коллективно, поскольку группа снижает чувство ответственности каждого отдельного участника и повышает ощущение защищенности. Этот фактор важно учитывать при профилактике и расследовании дел.

Подростки зачастую совершают противоправные деяния в привычных для них местах, таких как жилые помещения, учебные заведения и зоны отдыха, где они чувствуют себя комфортно и уверенно. Эти географически ограниченные пространства облегчают процесс расследования, позволяя сосредоточить внимание на определенных районах города или поселка. Преступления, совершаемые несовершеннолетними, чаще совершаются именно тогда, когда подростки предоставлены сами себе, вне учебного процесса и контроля со стороны родителей или педагогов. Это связано с отсутствием должного надзора и возможностью бесконтрольного взаимодействия подростков друг с другом, а также с влиянием сверстников, провоцирующих на рискованные поступки.

Таким образом, криминалистическая характеристика преступлений, совершенных несовершеннолетними — это система данных, которая позволяет адаптировать традиционные методы расследования к специфике данной категории дел. Её изучение позволяет более эффективно планировать и осуществлять расследование, а также разрабатывать меры профилактики и предупреждения таких преступлений.

Список литературы:

1. Шмонин А.В. Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика : учебник для бакалавров / под ред. Л.В. Бертовского. М. : РГ-Пресс, 2018. С. 730–749
2. Бессонов А.А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений: дис... д-ра юрид. наук. Элиста, 2017. 456 с.
3. Князьков А.С. Криминалистическая характеристика преступления в контексте его способа и механизма // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2011. №1. С. 51-64

References:

1. Shmonin A.V. Criminalistics Characteristics of Crimes // Criminalistics: Textbook for Bachelors / edited by L.V. Bertovsky. M.: RG-Press, 2018. Pp. 730–749
2. Bessonov A.A. Private Theory of Criminalistics Characteristics of Crimes: Dissertation of Doctor of Law. Elista, 2017. 456 p.
3. Knyazkov A.S. Criminalistic characteristics of crime in the context of its method and mechanism // Vestn. Volume of the State University. Right. 2011. No. 1. pp. 51-

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_730

УДК 343.5

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА CRIMINAL PROTECTION OF THE SPIRITUAL AND MORAL FOUNDATIONS OF RUSSIAN SOCIETY

КАЧМАЗОВ Олег Хазбиевич,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права
ЧОУ ВО Владикавказский институт управления,
362025, Россия, Республика Северная Осетия — Алания, Владикавказ, Бородинская ул., 14.
mirag.8184@ya.ru

МАГКОЕВА Лана Алановна,

обучающаяся магистратуры «Теория и практика применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства»
ЧОУ ВО Владикавказский институт управления
362025, Россия, Республика Северная Осетия — Алания, Владикавказ, Бородинская ул., 14.
mirag.8184@ya.ru

КАЧМАЗОВ Руслан Олегович,

студент юридического факультета ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
117418, Россия, г. Москва, улица Новочерёмушкинская, дом 69.
mirag.8184@ya.ru

KACHMAZOV Oleg Khazbiyevich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law,
Vladikavkaz Institute of Management,
Borodinskaya str., 14, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia — Alania, 362025, Russia.
mirag.8184@ya.ru

MAGKOEVA Lana Alanovna,

master's student of the Department of Theory and Practice of Criminal and Criminal Procedure Legislation
at the Vladikavkaz Institute of Management,
Borodinskaya str., 14, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia — Alania, 362025, Russia.
mirag.8184@ya.ru

KACHMAZOV Ruslan Olegovich,

law student at the Russian State University of Justice
69 Novocheremushkinskaya Street, Moscow, 117418, Russia.
mirag.8184@ya.ru

Краткая аннотация. Данная статья посвящена исследованию уголовно-правовой защиты духовно-нравственных основ российского общества. Сегодня, в условиях постоянных угроз для нравственных ориентиров, защита духовных ценностей выходит на первый план. Уголовное право, являясь существенным компонентом государственного управления, обеспечивает надёжную защиту этих ценностных ориентиров. Особое внимание уделяется интеграции традиционных ценностей в современную правовую систему и способам повышения эффективности борьбы с преступлениями, направленными против духовного единства нации. В статье осуществляется исследование составов преступлений, угрожающих нравственным основам общества, а также анализируются механизмы уголовного права, разработанные для защиты и укрепления этих ценностей. Кроме того, оценивается эффективность текущей уголовно-правовой политики в данной сфере, рассматриваются перспективы криминализации новых общественно опасных деяний и альтернативные подходы к уголовно-правовому регулированию.

Abstract. This article focuses on the criminal law protection of the spiritual and moral foundations of Russian society. In today's world, where moral values are constantly under threat, the protection of spiritual values has become a top priority. Criminal law, as an essential component of public administration, plays a crucial role in safeguarding these values. The article explores the integration of traditional values into the modern legal system and the ways to enhance the effectiveness of combating crimes that undermine the spiritual unity of the nation. The article examines the composition of crimes that threaten the moral foundations of society, and analyzes the criminal law mechanisms developed to protect and strengthen these values. It also evaluates the effectiveness of current criminal law policies in this area, considers the prospects for criminalizing new socially dangerous acts, and explores alternative approaches to criminal law regulation.

Ключевые слова: духовно-нравственные основы, уголовное право, моральные норы, религиозные нормы, уголовно-правовая политика, состав преступления, цели наказания.

Keywords: spiritual and moral foundations, criminal law, moral norms, religious norms, criminal law policy, elements of a crime, and the goals of punishment.

Для цитирования: Качмазов О.Х., Магкоева Л.А., Качмазов Р.О. Уголовно-правовая защита духовно-нравственных основ российского общества // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 730-733. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_730.

For citation: Kachmazov O.H., Magkoeva L.A., Kachmazov R.O. Criminal protection of the spiritual and moral foundations of Russian society // Law and state: theory and practice. 2025. № 12. pp. 730-733. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_730.

Статья поступила в редакцию: 30.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Актуальность темы исследования обусловлена происходящими в современном мире трансформациями, которые затрагивают фундаментальные основы общества. Глобализация, цифровизация, мультикультурализм ставят новые вызовы перед национальными правовыми системами, призванными сохранять свою культурную и идентификационную самобытность. В этой связи уголовно-правовая охрана духовно-нравственных ценностей становится не только инструментом защиты общественной морали, но и фактором обеспечения национальной безопасности и суверенитета.

Понятие «духовно-нравственные основы» является оценочным и межотраслевым. В правовом поле оно не имеет универсального легаль-

ного определения. В целом духовно-нравственные основы общества — это система ценностных ориентиров, сформировавшаяся в России под влиянием восточнославянского наследия, христианской этики, государственных устоев и народной культуры. Она включает четыре компонента: духовный (идеалы и стремление к совершенству), нравственный (нормы поведения и долг), культурно-исторический (память, традиции, символы) и социально-практический (семья, образование, религия). Понятия «традиционные ценности» (семья, патриотизм, милосердие), «общественная нравственность» (нормы и запреты) и «моральные устои» (повседневные практики, например, уважение к старшим) взаимосвязаны, но не тождественны. Система выполняет идентификационную, регулятивную, воспитательную, интегративную и стабилизирующую функции, обеспечивая культурную преемственность и социальную стабильность, что требует её комплексной охраны — через правовые и культурно-воспитательные меры [8].

Духовно-нравственные основы общества - это система традиционно сложившихся ценностных ориентиров, этических норм и культурных установок, определяющих идентичность нации и обеспечивающих преемственность поколений. В российском контексте они опираются на:

- многовековые религиозные традиции (прежде всего православного христианства, а также ислама, буддизма, иудаизма);
- историко-культурное наследие народов России;
- принципы гуманизма, милосердия, патриотизма;
- институт семьи и брака как союза мужчины и женщины;
- уважение к старшим, заботу о детях;
- трудолюбие, коллективизм, взаимопомощь.

Эти ценности закреплёны в стратегических документах:

- Стратегии национальной безопасности РФ (Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400); [1].
- Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809) [2].

В Российской Федерации защита этих основ закреплена на конституционном уровне (статья 67.1 Конституции РФ). Конституция РФ, обладая высшей юридической силой, закладывает фундаментальные правовые принципы, на которых строится вся система российского законодательства, — и уголовное право не исключение [3]. Согласно ч. 2 ст. 1 УК РФ, Уголовный кодекс основан на Конституции и международных правовых нормах, определяя тем самым ориентиры для уголовного права и правоприменения [4]. В уголовном праве России защита духовно-нравственных основ осуществляется через несколько ключевых механизмов:

- установление уголовной ответственности за деяния, непосредственно угрожающие нравственным устоям общества (к таким деяниям можно отнести преступления против личности, такие как причинение вреда здоровью и убийство, а также преступления против общественной нравственности, например, пропаганда ненависти).
- формирование общественного сознания (роль уголовного права в этом процессе невозможно переоценить. Каждое уголовное дело, каждое вынесенное решение суда становятся важными маркерами общественных отношений и норм, показывающими, какие ценности являются приоритетными для общества).

На заседании Совета безопасности РФ, посвящённое защите традиционных духовно-нравственных ценностей, состоявшегося 10 июня 2025 года, В.В.Путин, обратил внимание на следующие основные моменты:

1. Традиционные ценности — это нравственные ориентиры, которые закладывались нашими предками в течение столетий». Они лежат в основе цивилизации и идентичности, служат опорой в жизни человека и семьи, формируют культуру и суверенное мировоззрение.
2. В разрабатываемые стратегические документы надо включить разделы по сохранению и защите традиционных ценностей».
3. Эти ценности служат опорой и ориентиром для российских детей, которые должны понимать, что быть гражданином — значит знать и уважать историю страны и брать на себя ответственность за её будущее [7].

Уголовное право — важнейший инструмент защиты духовно-нравственных устоев общества. Оно реализует три взаимосвязанные функции:

- охранительную — обеспечивает прямую защиту ценностей через уголовно-правовые запреты и санкции (в том числе в сферах семьи, исторической памяти, религии и культурного наследия);
- воспитательную — формирует в обществе представление о недопустимости деструктивного поведения и важности следования традиционным нормам;
- превентивную — предупреждает преступления благодаря угрозе наказания и информированию о правовых последствиях.

В основе применения уголовного закона лежат ключевые принципы:

- законность (чёткость формулировок, запрет аналогии);
- справедливость (соответствие наказания тяжести преступления и личности виновного);
- гуманизм (недопустимость унижения достоинства, учёт смягчающих обстоятельств);
- соразмерность (баланс между опасностью деяния и строгостью санкции).

При этом уголовное право не существует изолированно: оно взаимодействует с другими отраслями права. Для охраны традиционных ценностей государство использует комплексный подход, объединяя уголовно-правовые, административно-правовые и гражданско-правовые механизмы. Такой подход закреплён в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2].

В контексте уголовного права эти ценности выступают в качестве дополнительного или факультативного объекта преступления. Основным непосредственным объектом, как правило, является общественная безопасность, общественный порядок, личность (ее честь, достоинство, религиозные чувства).

Уголовное законодательство защищает традиционные ценности, устанавливая ответственность за угрожающие им деяния. Система соответствующих норм включает как специализированные положения, так и те, что косвенно охраняют моральные устои. Ключевое значение имеет глава 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», а также иные статьи УК РФ, защищающие духовно-нравственную сферу [4].

Глава 25 УК РФ объединяет две группы преступлений:

1. Против здоровья населения (ст. 228–239 УК РФ):

- незаконный оборот наркотиков (ст. 228–234 УК РФ);
- незаконная медицинская деятельность (ст. 235–235.1 УК РФ);
- нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ);
- сокрытие информации об угрозах здоровью (ст. 237 УК РФ);
- производство небезопасных товаров (ст. 238–238.1 УК РФ);
- создание организаций, посягающих на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ).

2. Против общественной нравственности (ст. 240–245 УК РФ):

- преступления, связанные с проституцией (ст. 240–241 УК РФ);
- незаконный оборот порнографических материалов (ст. 242–242.2 УК РФ);
- уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (ст. 243 УК РФ);
- нарушение требований сохранения объектов культурного наследия (ст. 243.1 УК РФ);
- незаконные поиск и изъятие археологических предметов (ст. 243.2 УК РФ);
- надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 УК РФ);
- жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ).

Иные релевантные статьи УК РФ:

- Ст. 134, 135 УК РФ - половое сношение и развратные действия с несовершеннолетними, что защищает нравственные основы семьи и детства.
- Ст. 148 УК РФ — нарушение права на свободу совести и вероисповеданий, охраняет религиозные устои общества.
- Ст. 282 УК РФ — возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства, направлена на поддержание межнационального и межрелигиозного согласия.

- Ст. 354.1 УК РФ — реабилитация нацизма, защищает историческую память и нравственные основы патриотизма.

Таким образом, уголовное законодательство формирует комплексную систему защиты духовно-нравственных ценностей через прямое регулирование (глава 25 УК РФ) и косвенное воздействие других норм, направленных на охрану морали, религии, исторической памяти и семейных устоев [5].

Глобализация и цифровизация подрывают защиту нравственности: в интернете распространяется опасный контент (призывы к суициду, наркотикам, насилию), а киберпреступники вовлекают молодёжь через игровые механики. Уголовное законодательство пока недостаточно эффективно против вредоносного контента в соцсетях.

В разных странах защита духовно-нравственных основ включает охрану ценностей, противодействие идеологии и регулирование цифрового пространства. Например, в ОАЭ применяют комплексный подход:

- удаляют противоречащий нормам контент (как в случае с Netflix в 2022 году);
- опираются на законы (Федеральный указ-закон № 34 от 2021 года);
- используют систему фильтрации IAM;
- вводят возрастную рейтинговую систему;
- с 2025 года действуют новые требования к СМИ, ИИ и видеоиграм — контент должен уважать исламские верования, суверенитет и национальную самобытность ОАЭ.

Сравнивая опыт ОАЭ с российской практикой, видно: в РФ духовно-нравственные основы защищают не цензурой, а постфактумным правоприменением на основе законов и судебных решений. Однако система сталкивается с проблемами: размытостью понятий, сложностями в доказывании умысла, конкуренцией норм и разграничением уголовных и административных правонарушений. Это требует совершенствования законодательства. Например, при квалификации экстремизма важно отличать ненависть к социальной группе от личной неприязни — для этого анализируют обстоятельства конфликта и поведение виновного.

Анализ российского законодательства и судебной практики позволил выявить ряд серьезных проблем:

1. Конкуренция норм и отграничение уголовных преступлений в этой сфере от административных правонарушений.

Сложность разграничения уголовных и административных правонарушений против общественной нравственности обусловлена схожестью их составов — разница лишь в степени общественной опасности. Например, мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ) и пропаганда наркотиков (ст. 6.13 КоАП РФ) по признакам приближаются к уголовным деяниям. Взаимосвязь норм УК РФ и КоАП РФ порождает трудности при квалификации: наличие или отсутствие определенных признаков может перевести правонарушение из одной категории в другую.

2. Неопределенность диспозиций норм УК РФ. Понятия «оскорбление чувств верующих», «общественная нравственность» носят оценочный характер, что создает риск широкого и неоднозначного толкования.

3. Коллизия со свободой слова (ч.1 ст. 29 Конституции РФ). Сложно провести грань между уголовно-наказуемым «оскорблением» и допустимой «критикой», «сатирой» или «провокацией в искусстве».

4. Сложность доказывания по субъективной стороне. Требуется установить, что действия виновного были направлены именно на оскорбление чувств, а не являлись выражением личного мнения.

5. Риск избирательного применения. Нормы могут использоваться для подавления инакомыслия и преследования оппозиционных деятелей под предлогом защиты нравственности.

Для защиты духовно-нравственных основ в России можно предложить комплекс мер, сочетающих законодательные инициативы, образовательные программы, просветительскую деятельность и международное сотрудничество. Эти меры должны быть направлены на укрепление традиционных ценностей, противодействие деструктивной идеологии и формирование общероссийской гражданской идентичности. Для повышения эффективности защиты духовно-нравственных ценностей необходимо:

1. Разработать и закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ разъяснения по вопросам квалификации преступлений против духовно-нравственных ценностей, конкретизировав оценочные понятия.

2. Совершенствование законодательной базы: Разработка и принятие федерального закона "О защите духовно-нравственных ценностей", определяющего основные понятия, принципы и механизмы защиты. Закон должен устанавливать ответственность за пропаганду и распространение информации, наносящей вред нравственному здоровью граждан, особенно несовершеннолетних (Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию").

3. Развитие образовательных программ: внедрить в образовательные программы элементы, способствующие формированию у молодежи уважения к истории и культуре России, традиционным семейным ценностям и патриотизму. Необходимо развивать критическое мышление, чтобы молодые люди могли отличать достоверную информацию от дезинформации и противостоять манипуляциям.

4. Международное сотрудничество: активизировать международное сотрудничество для обмена опытом и совместной борьбы с деструктивными идеологиями и тенденциями, подрывающими духовно-нравственные основы государства. Поддерживать международные инициативы, направленные на защиту традиционных ценностей и суверенитета.

5. В дополнение к утверждённому перечню традиционных духовно-нравственных ценностей целесообразно включить такие ориентиры, как трудовая этика, честность, сохранение народного творчества, уважение к образованию, благочестие и религиозная терпимость, чувство долга, эстетическое воспитание, социальная солидарность, — что позволит полнее отразить культурно-исторический опыт России и адаптировать ценностную систему к современным вызовам.

Таким образом, сохранение духовно-нравственных основ в эпоху глобализации и цифровизации требует системного подхода, сочетающего государственные инициативы, образовательные реформы и активное участие общества. Ключевым фактором успеха является баланс между инновациями и сохранением культурных традиций, а также формирование у граждан критического мышления и ответственности за свои действия в цифровом пространстве.

Список литературы:

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" 9 // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
2. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9 нояб. 2022 г. № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
3. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) : офиц. текст // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31. — Ст. 4398 (дата обращения: 23.11.2025)
4. Российская Федерация. Законы и кодексы. Уголовный кодекс Российской Федерации : текст с изменениями и дополнениями на 1 февраля 2024 года. - Москва : Эксмо, 2024. - 319, [1] с.; 20 см. - (Законы и кодексы); ISBN 978-5-04-195983-8 : 10000 экз. (дата обращения: 23.11.2025)
5. Кашкина Е.В. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как объект уголовно-правовой охраны // Российский судья. — 2024. — № 9.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (с изменениями и дополнениями) // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsr.ru/documents/own/8117/?ysclid=mic1mqvamw33622591> (дата обращения: 23.11.2025).
7. Сетевое издание РИА Новости зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 08 апреля 2014 года. URL: <https://ria.ru/docs/about/copyright.html> (дата обращения: 23.11.2025).
8. Чирков Ф.В. Уголовно-правовая охрана традиционных российских духовно-нравственных ценностей: состояние, проблемы, перспективы. — М.: ИД «Юрлитинформ», 2025. — 312 с. ISBN: 978-5-6053176-3-0— Текст: непосредственный (дата обращения: 23.11.2025).

References:

1. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" 9 // SZ RF. 2022. No. 46. Art. 7977.
2. On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 No. 809 // SZ RF. 2022. No. 46. Art. 7977.
3. The Russian Federation. The Constitution (1993). The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (as amended by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 12/30/2008 No. 6-FKZ, dated 12/30/2008 No. 7-FKZ, dated 02/05/2014 No. 2-FKZ, dated 07/01/2020 No. 11-FKZ) : official. text // Collection of legislation of the Russian Federation. — 2020. — No. 31. — Article 4398 (accessed: 11/23/2025)
4. The Russian Federation. Laws and codes. The Criminal Code of the Russian Federation: text with amendments and additions as of February 1, 2024. - Moscow : Eksmo, 2024. - 319, [1] p.; 20 cm. - (Laws and codes); ISBN 978-5-04-195983-8 : 10000 copies. (date of request: 11/23/2025)
5. Kashkina E.V. Traditional Russian spiritual and moral values as an object of criminal law protection // Russian judge. — 2024. — № 9.
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/28/2011 No. 11 "On judicial practice in criminal cases of extremist crimes" (with amendments and additions) // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://www.vsr.ru/documents/own/8117/?ysclid=mic1mqvamw33622591> (accessed: 11/23/2025).
7. The online publication RIA Novosti was registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) on April 08, 2014. URL: <https://ria.ru/docs/about/copyright.html> (date of request: 11/23/2025).
8. Chirkov F.V. Criminal and legal protection of traditional Russian spiritual and moral values: status, problems, prospects. Moscow: Publishing house "Yurilitinform", 2025. 312 p. ISBN: 978-5-6053176-3-0— Text: direct (accessed: 11/23/2025).

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_734

УДК 343.244, 343.846

ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ПОДХОДА К ИСПОЛНЕНИЮ НАКАЗАНИЙ И УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМУ ОСВОБОЖДЕНИЮ ЖЕНЩИН-ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ CHALLENGES OF THE DIFFERENTIATED APPROACH TO THE ENFORCEMENT OF SENTENCES AND CONDITIONAL EARLY RELEASE OF INCARCERATED WOMEN IN CORRECTIONAL FACILITIES

СЫЧ Константин Антонович,

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Академии ФСИН России.

ул. Сенная, 1, г. Рязань, Рязанская обл., 390000, Россия.

E-mail: vladimir_1@inbox.ru

КИСАРОВА Валерия Олеговна,

адъюнкт кафедры уголовного права Академии ФСИН России.

390000, Российская Федерация, Рязанская обл., г. Рязань, ул. Сенная, 1.

E-mail: valeria.kisarova@yandex.ru

SYCH Konstantin Antonovich,

Doctor of Legal Sciences, Professor at the Department of Criminal Law

at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

390000, Russian Federation, Ryazan Region, Ryazan, Sennaya Street, 1.

Email: vladimir_1@inbox.ru

KISAROVA Valeriya Olegovna,

adjunct lecturer at the Department of Criminal Law, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

390000, Russian Federation, Ryazan Region, Ryazan, Sennaya Street, 1.

E-mail: valeria.kisarova@yandex.ru

Краткая аннотация. Настоящая статья посвящена изучению двух ключевых проблем, возникающих при исполнении уголовных наказаний и применении условно-досрочного освобождения (УДО) в отношении осужденных женщин: пробелы в реализации процедур условно-досрочного освобождения и неоптимальные условия содержания женщин в исправительных учреждениях. В рамках исследования нами предложено собственное понимание дифференцированного подхода как содержательной, научно обоснованной и практико-ориентированной стратегии персонализированного правоприменения, направленной на учет гендерных, биологических, социальных, психологических и правовых особенностей женщин-осужденных с целью обеспечения реальной гуманизации наказания, справедливой оценки степени их исправления и эффективной социальной реинтеграции.

Abstract. This article examines two key issues arising in the enforcement of criminal sentences and the application of conditional early release (CER) for convicted women: gaps in the implementation of CER procedures and suboptimal conditions of confinement for women in correctional institutions. Within the framework of this study, we propose our own conceptual understanding of the differentiated approach as a substantive, scientifically grounded, and practice-oriented strategy for personalized law enforcement. This approach emphasizes the gender-specific, biological, social, psychological, and legal characteristics of incarcerated women, aiming to ensure genuine humanization of punishment, fair assessment of their rehabilitation, and effective social reintegration.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, осужденные женщины, гуманизм, дифференцированный подход, реинтеграция.

Keywords: conditional early release, imprisoned women, humanism, differentiated approach, reintegration.

Для цитирования: Сич К.А., Кисарова В.О. Проблемы дифференцированного подхода к исполнению наказаний и условно-досрочному освобождению женщин-заключенных в исправительных учреждениях // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 734-736. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_734.

For citation: Sych K.A., Kisarova V.O. Challenges of the differentiated approach to the enforcement of sentences and conditional early release of incarcerated women in correctional facilities // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 734-736. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_734.

Статья поступила в редакцию: 27.11.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Правовая практика уголовно-исполнительного законодательства должна соответствовать принципам гуманизма и справедливости, обеспечивая эффективное исполнение наказания и одновременно способствуя исправлению и возвращению осужденных в общество. Особое внимание в последнее время уделяется проблемам исполнения наказаний в отношении женщин, чьи физические и психосоциальные потребности значительно отличаются от потребностей осужденных мужского пола [1]. Осужденные женщины нуждаются в особом подходе к назначению и исполнению наказаний, учитывая характерные черты женской преступности и условия пребывания в местах лишения свободы.

Институт УДО позволяет государству стимулировать положительное поведение осужденных и способствует скорейшему возврату в общество тех, кто доказал свое исправление. Вместе с тем, особенности женской преступности, условия содержания женщин в исправительных учреждениях и статус многодетных матерей создают дополнительные трудности в процедуре условно-досрочного освобождения [2]. Поэтому важно исследовать данную проблему с точки зрения теории и практики, выявить существующие недостатки и предложить способы их преодоления.

Дифференцированный подход — это принцип уголовно-исполнительного права, предполагающий индивидуализацию применения

наказания и условно-досрочного освобождения (УДО) с учётом специфических социальных, психологических, биологических и правовых особенностей личности осуждённого, в частности - женщин, как представительницы уязвимой группы, чьи мотивы преступлений, условия содержания, потребности в медицинской и социальной поддержке, а также семейные обстоятельства (например, материнство) существенно отличаются от таковых у мужчин. Этот подход требует отказа от стандартизированных, формальных критериев оценки исправления и предполагает комплексный анализ всех обстоятельств дела: характер преступления, мотивацию (включая влияние насилия, бедности, психоэмоционального стресса), состояние здоровья, наличие детей, поведение в исправительном учреждении, участие в реабилитационных программах и социальные связи. Его цель — обеспечить гуманность, справедливость и эффективность наказания, способствуя не только наказанию, но и реальной социальной реинтеграции, особенно для женщин, чьи потребности в условиях лишения свободы требуют специализированного и адаптированного подхода.

Таким образом, дифференцированный подход — это не просто формальное различие в применении норм, а содержательная, научно обоснованная и практико-ориентированная стратегия персонализированного воздействия, направленная на преодоление системных неравенств и реализацию конституционных принципов равенства перед законом и гуманизма.

Несмотря на законодательное закрепление принципа дифференцированного подхода, его реализация в судебной практике нередко сводится к формальному применению единых критериев для всех осуждённых, игнорируя гендерные, социальные и психологические особенности женщин-заключённых, что превращает индивидуализацию наказания в декларацию и подрывает саму суть справедливости как равенства не в формальном, а в субстанциональном смысле[3]. Одним из ярких примеров противоречивости дифференцированного подхода является проблема различия в мотивации совершения преступлений мужчинами и женщинами. Женские преступления часто имеют эмоциональную основу, возникают на почве сложных жизненных ситуаций, семейного насилия или иных неблагоприятных обстоятельств. Соответственно, такие мотивы требуют иного подхода к назначению наказания и оценке исправности, нежели преступления, совершенные мужчинами. Между тем, судебная практика не всегда принимает во внимание эти нюансы, ориентируясь преимущественно на формальное соблюдение общих требований закона.

Исполнение наказаний в отношении женщин имеет ярко выраженную специфику, связанную с особыми потребностями представительниц слабого пола, такими как медицинское обслуживание, поддержка в кризисных ситуациях, защита репродуктивных прав и поддержание социальных связей. Именно поэтому исправительные колонии для женщин оснащены специализированными отделениями для беременных и кормящих матерей, что накладывает повышенные обязательства на персонал и организацию внутреннего распорядка.

Одной из острых проблем является неудовлетворительный уровень медицинской помощи, оказываемой осуждённым женщинам. Женские колонии испытывают дефицит профессиональных врачей, оборудования и медикаментов. Помимо этого, сами женщины редко обращаются за помощью своевременно, опасаясь негативного влияния диагноза на судьбу своего ребёнка или собственную репутацию. Такая ситуация ведет к ухудшению здоровья значительной части женщин, находящейся в заключении, и повышает риск смертельных исходов и осложнений родов.

Другая важная проблема касается условий проживания и питания. Хотя санитарные нормы и правила внутреннего распорядка в женских колониях схожи с мужскими аналогичными учреждениями, женщины предъявляют больше требований к комфорту, гигиене и качеству пищи. Известно, что стресс, связанный с пребыванием в исправительном учреждении, усиливает чувствительность организма к неблагоприятным факторам среды обитания, вызывая развитие хронических заболеваний и психологических нарушений. Этот феномен усугубляет общую картину здоровья и психологического самочувствия осуждённых женщин.

Процесс условно-досрочного освобождения представляет собой сложную многоуровневую процедуру, включающую сбор доказательств исправления осуждённого, оценку материалов администрацией учреждения и судебное рассмотрение ходатайства. Значительная доля отклоняемых заявок объясняется недостаточностью представленной документации либо несоответствием заявленных требований нормам закона.

Особенно острой проблемой является отсутствие единообразного подхода к оценке результатов исправительного воздействия на осуждённую. Поскольку каждый случай уникален, решение суда должно основываться на всестороннем анализе всей совокупности обстоятельств дела, включая медицинскую историю, семейные обстоятельства, социальную активность и нравственное воспитание. В реальности, однако, решение принимается преимущественно на основании стандартных показателей дисциплины и количества взысканий.

Ещё одной значимой проблемой является субъективное влияние администрации исправительного учреждения на оценку степени исправления осуждённой женщины. Часто сотрудники колонии, опираясь на стереотипные представления или личные предубеждения, классифицируют заключённых как «неисправимых», даже при наличии явных и документально подтверждённых достижений в рамках реабилитационных программ — включая участие в образовательных и трудовых инициативах, отсутствие дисциплинарных взысканий и проявление позитивной социальной адаптации. Такая практика, основанная не на объективных критериях, а на субъективных оценках, нарушает принципы объективности и беспристрастности, предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством, и системно ущемляет право женщин на справедливое и своевременное рассмотрение ходатайства об условно-досрочном освобождении, лишая их реальных шансов на социальную реинтеграцию.

Совершенствование института УДО требует последовательных шагов, затрагивающих все этапы процесса — от стадии сбора доказательственной базы до момента принятия итогового решения судом. Среди первоочередных мер выделяем:

- повышение доступности информации о праве на УДО и упрощение процедуры подачи ходатайства;
- укрепление сотрудничества между государственными органами и представителями гражданского общества в мониторинге соблюдения прав осужденных женщин;
- модернизацию внутренних стандартов оценки пригодности кандидатуры к условно-досрочному освобождению;
- обеспечение транспарентности и публичности принимаемых решений, исключение проявлений коррупции и произвола.

Такие мероприятия помогут преодолеть разрыв между законодательно установленными нормами и реальной практикой, создадут равные условия для получения УДО всеми категориями осужденных и восстановят доверие общества к функционированию уголовно-исполнительной системы.

Проведённый анализ показал, что проблемы исполнения наказаний и применения условно-досрочного освобождения в отношении осужденных женщин носят сложный и многослойный характер. Они касаются как общего статуса женских колоний, так и индивидуальной судьбы каждой отдельной осужденной. Действующее законодательство допускает существенные пробелы и неопределенности, ведущие к нарушениям прав женщин и снижению эффективности самого института УДО. Решение обозначенных проблем возможно лишь при условии комплексного подхода, разработку инструкций и методических рекомендаций, обучение персонала и усиление общественного контроля. Создание эффективной модели профилактики рецидива и успешной социализации женщин после освобождения потребует значительных усилий и ресурсов, но обеспечит обществу значительный выигрыш в плане снижения уровня преступности и укрепления стабильности. Только действуя последовательно и целенаправленно, мы сможем сделать российскую уголовно-гуманности и справедливости, гарантирующей каждому человеку равный доступ к закону и достойные условия существования в обществе.

Список литературы:

1. Иванова, Е. В. Гендерные аспекты уголовно-исполнительной политики в отношении женщин / Е. В. Иванова // Уголовное право. – 2022. – № 4. – С. 56–63.
2. Козлова М.А. Условно-досрочное освобождение женщин: правовые и социальные вызовы / М.А. Козлова // Российский юридический журнал. – 2023. – № 2. – С. 88–97.
3. Петрухин, И. Л. Принципы уголовно-исполнительного права: гуманизм, дифференциация и индивидуализация / И. Л. Петрухин // Государство и право. – 2021. – № 9. – С. 34–42.

References:

1. Ivanova, E. V. (2022). Gender Aspects of Criminal Executive Policy Regarding Women. Criminal Law, (4), 56–63.
2. Kozlova, M. A. (2023). Conditional Early Release of Women: Legal and Social Challenges. Russian Law Journal, (2), 88–97.
3. Petrukhin, I.L. (2021). Principles of Criminal Executive Law: Humanism, Differentiation, and Individualization. State and Law, (9), 34–42.

ШАЛФЕЙ ПРЕДСКАЗАТЕЛЕЙ (SALVIA DIVINORUM) – РАСТЕНИЕ, СОДЕРЖАЩЕЕ НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК, МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ DIVINER'S SAGE (SALVIA DIVINORUM) - A PLANT CONTAINING NARCOTIC DRUGS: A HISTORICAL SKETCH, MATERIALS FOR FORENSIC IDENTIFICATION

МУНГАЛОВ Евгений Александрович,

кандидат биологических наук, доцент кафедры криминалистики,
ФГКОУ ВО «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации».
656038, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49
E-mail: mung@mail.ru

КУЗЬМИНА Ольга Леонидовна,

доцент, кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного процесса,
Калининградский филиал ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации».
236006, Россия, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30
E-mail: kfspbu@mvd.ru

MUNGALOV Eugenyi Aleksandrovich.

Candidate of Biological Sciences, Associate professor of Criminalistics sub-faculty, Barnaul Law Institute of the MIA of Russia.
656038, Barnaul, Chkalov Str. 49.
E-mail: kfspbu@mvd.ru

KUZMINA Olga Leonidovna,

associate Professor, Candidate in Law, Head Of Criminal Procedure sub-faculty,
Kaliningrad branch of Saint-Petersburg University of the MIA of Russia.
236006, g. Kaliningrad, General Galitsky Str. 30
E-mail: kfspbu@mvd.ru

Краткая аннотация: В статье приводятся сведения о растении содержащем наркотические средства – Шалфей предсказателей (*Salvia divinorum*). В статье приводится исторический очерк возникновения наркотического употребления данного растения. Впервые на русском языке приводится полноценное ботаническое описание шалфея предсказателей, также рассмотрены проблемы его экспертной идентификации.

Abstract: The article provides information about a plant containing narcotic drugs - Diviner's sage (*Salvia divinorum*). The article provides a historical outline of the emergence of the drug use of this plant. For the first time in Russian, a comprehensive botanical description of diviner's sage is presented, and the problems of its forensic identification are also examined.

Ключевые слова: шалфей предсказателей, *Salvia divinorum*, наркотик, растения содержащие наркотические средства, судебная экспертиза.

Keywords: diviner's sage, *Salvia divinorum*, narcotic, narcotic plants, forensic examination.

Для цитирования: Мунгалов Е.А., Кузьмина О.Л. Шалфей предсказателей (*salvia divinorum*) – растение содержащее наркотические средства: исторический очерк, материалы для криминалистической идентификации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 737-739. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_737.

For citation: Mungalov E.A., Kuzmina O.L. Diviner's sage (*salvia divinorum*) - a plant containing narcotic drugs: a historical sketch, materials for forensic identification // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 737-739. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_737.

Статья поступила в редакцию: 12.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, в качестве одной из мер по совершенствованию антинаркотической деятельности и государственного контроля за оборотом наркотиков предусматривает совершенствование научного сопровождения антинаркотической деятельности [1]. Реализация указанной меры подразумевает получение новых научных данных об контролируемых растениях, содержащих наркотические средства, для целей их экспертной идентификации. Целью настоящей статьи является исследование истории возникновения наркотического употребления растения Шалфей предсказателей (*Salvia divinorum*), получение полноценной научной информации о самом растении, то есть данные о его номенклатурном статусе, ботаническое описание растения, сведения о химическом составе. Необходимость данного исследования обусловлено малым количеством данных по этому вопросу в русскоязычной научной литературе.

В конце «нулевых» годов нового столетия Россию захлестнула волна употребления новых наркотических средств относящихся к категории «спайсов», а также частей растений содержащих наркотические средства, таких как шалфей предсказателей (*Salvia divinorum*), гавайская роза (*Argyrea nervosa*), голубой лотос (*Nymphaea caerulea*). Естественно государство отреагировало, на данную ситуацию введением ограничительных мер направленных на пресечение распространения указанной категории наркотиков. Так ограничительные меры коснулись такого растения как Шалфей предсказателей (*Salvia divinorum*).

Первым шагом по выведению из легального оборота на территории Российской Федерации частей растения шалфей предсказателей (*Salvia divinorum*) стало постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 09.04.2009 № 23 "Об усилении надзора за реализацией курительных смесей". Данное постановление установило запрет на реализацию на территории Российской Федерации курительных смесей,

содержащих в составе шалфей предсказателей (*Salvia divinorum*). Далее Постановление Правительства РФ от 31.12.2009 № 1186 внесло позицию "Лист шалфея предсказателей (лист растения вида (*Salvia divinorum*)" в перечень наркотических средств (список 1) оборот которых в Российской Федерации запрещен в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации. Затем Постановление Правительства РФ от 27.11.2010 N 934 исключило эту позицию из перечня наркотических средств. Это было обусловлено тем, что, вышло Постановление Правительства РФ от 27.11.2010 N 934 утвердившее "Перечень растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации», одной из позиций которого является Шалфей предсказателей (растение вида *Salvia divinorum*). К сожалению после отнесения Шалфея предсказателей к наркосодержащему растению, и по настоящее время отсутствует какая-либо внятная информация, позволяющая произвести его экспертную идентификацию, отсутствует полноценное ботаническое описание данного растения на русском языке.

До середины XX века сведения о растении шалфей предсказателей в науке отсутствовали. Предполагается, что данное растение использовалось как лекарственное с доколумбовских времен масатеками, коренной мексиканской группой, проживающей на северо-востоке Оахаки (южный штат Мексики). Масатеки используют шалфей предсказателей в основном во время церемоний исцеления и гадания, а также при обучении целителей.

Все зарегистрированные природные места произрастания Шалфея предсказателей находятся в Оахаке, на юге Мексики. Популяции этого растения встречаются вблизи водотоков в частичной или полной тени, растения растут на влажной, богатой питательными веществами почве. В этих условиях шалфей предсказателей растет и размножается в основном вегетативно, цветы спорадически, когда достаточно солнца проникает под полог леса. Лабораторные эксперименты подтверждают, что *Salvia divinorum* может давать семена, но жизнеспособность этих семян очень низкая [7].

Первые научные сведения об использовании масатеками листьев шалфея провидцев (под именем *Hierba María*) приводятся Джонсоном в 1939 году [4]. В 1961 году, во время экспедиции в Мексику, Уоссон и Хоффман стали первыми западными учеными, принявшими участие в церемонии употребления листьев шалфея предсказателей масатеками и описавшими её. В 1962 году Уоссон и Хоффман, собрали образцы цветущего растения *Salvia divinorum*, по которым был описан новый вид шалфея. Первый живой образец шалфея предсказателей был собран психиатром и экологом Стерлингом Баннеллом, привезен в 1962 году в Калифорнийский университет и успешно интродуцирован.

Было высказано предположение, что большинство растений *Salvia divinorum*, по крайней мере в США, были размножены с этого единственного растения. За последние 50 лет было зарегистрировано мало живых коллекций растений из Оахаки, и, по-видимому, исходное растение из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе может быть прародителем большинства размноженных *Salvia divinorum* за пределами Мексики [8].

Основным веществом, ответственным за психоактивное действие шалфея предсказателей, является дитерпеноид сальвинорин А, который впервые был выделен Ортегой и соавторами в 1982 году [6]. Сальвинорин А, обнаруженный в *Salvia divinorum*, остаётся единственным описанным дитерпеном неоклеродана с психоактивными свойствами.

В работе Сиберта [9], указывается что накопление сальвинорина А, а также его синтез, происходит в клетках пельтатных желез, которые обильно встречаются на нижних поверхностях листьев, стеблей, прицветников, цветоножек и чашечек растения шалфей предсказателей. Они полностью отсутствуют на верхних поверхностях листьев. Пельтатные железы – это железистые образования растений, которые образуются не только из клеток эпидермы, но и из субэпидермальных слоев. Они имеют вид "бородавок" и состоят из короткой ножки и дисковидной головки, выделяющей эфирные масла и другие секреты. В молодом возрасте растения эти железы кажутся бесцветными или молочно-белыми. С возрастом они часто становятся медового цвета. На нижней поверхности листа эти железы иногда слегка утоплены в эпидермисе. Они выделяют богатую терпенами (включая сальвинорин А) смолу, которая накапливается в относительно большом субкутикулярном пространстве. Секретция заставляя кутикулу железы подниматься и расширяться, придавая ей опухший, несколько шаровидный вид.

В настоящее время сальвинорин А употребляется наркозависимыми лицами путем жевания свежих и курения, а также заваривания высушенных листьев шалфея предсказателей. Сальвинорин А относится к серотонинергическим галлюциногенам, вызывающим при приеме обильные зрительные галлюцинации с появлением ярких, как правило двухмерных объектов, дереализацию и деперсонализацию, неконтролируемый истерический смех [2].

Проблемой криминалистической идентификации, то есть отнесения представленных на исследование растений (их частей) к виду Шалфей предсказателей (*Salvia divinorum*) при производстве судебной экспертизы, является отсутствие полноценного ботанического описания этого вида на русском языке. На основе первоначального описания данного Эплингом и Хативой [3], а также данных из «*Flora del Valle de Tehuacán-Cuicatlán*» [5] нами составлено ботаническое описание растения гавайская роза на русском языке.

Salvia divinorum Epling et Jativa – Шалфей предсказателей. Многолетнее травянистое растение, высотой до 2 метров. Стебли прямые у основания стелющиеся, разветвленные, крылатые, членистые, в поперечном сечении 4-гранные, полые, опушенные, лиственностное. Листовые пластинки яйцевидно-эллиптической формы с заостренной верхушкой, основание длинное избегающее, 12-15 см длиной, 3,5-4,5 см шириной. Черешки 2-8 см длиной. Край листовых пластинок городчато-пильчатые (край листа имеет двойные зубцы: округлые (городчатые) с вкраплениями острых (пильчатых)), обе стороны листа гладкие, на нижней стороне листа имеется множество железисто-точечных вкраплений, жилки на нижней стороне коротковолосистые.

Соцветие верхушечное, 15-40 см длиной, цветки собраны в расставленных ложных мутовках (2-8 цветков в каждой), то есть цветки ка-

жуются собранными в кольцо, но на самом деле это супротивно расположенные сложные дихазии, которые формируют колосовидное соцветие. Прицветники 1,1-2,3 см длиной, широкояйцевидные с заостренным кончиком, редко опушены; цветоножки 6,0-7,2 мм длинные, коротко щетинистые с простыми трихомами.

Цветки белые. Чашечка колокольчатая светло-фиолетовая, снаружи опушенная или голая с простыми трихомами и сидячими шаровидными железами, верхняя губа 0,5-1 см длиной, цельная, заостренная с 3 жилками, нижняя губа 0,4 см длиной, с 2-зубчатыми краями, зубцы длинно-заостренные. Венчик длиной 1,9-2,9 см, трубка длиной 2,1-2,2 см., вздутая, изогнутая, без сосочков внутри, верхняя губа 5,6-8,1 мм длиной шлемовидная, густо опушенная, нижняя губа длиной 4,4-6,2 мм, прямая, 3-лопастная. Андроцей с прикрепленными не выступающими тычинками, тычиночные нити с косой вершиной, голые, связник голый, без зубов, стаминодии не наблюдаются. Гинецей с лопастью нектароносного диска, длиннее завязи, с включенным столбиком (не выступает за пределы венчика), в дистальной части опушенный; рыльце со слегка изогнутой верхней ветвью, более крупной чем нижняя ветвь, последняя почти прямая. Плод ценобий (дробный плод) распадающийся на 4 односемянных эрема (мерикарпия) около 2,0 мм длиной; эремы яйцевидные, остроконечные, светло-коричневые с темными пятнами, голые.

Приведенные в статье описание самого растения шалфей предсказателей (*Salvia divinorum*) достаточны для определения вида растений в рамках проведения судебной ботанической экспертизы, при условии что будут представлены целые растения. В случае предоставления на исследование сильно измельченных частей растения шалфей предсказателей (*Salvia divinorum*), решение вопроса об их отнесении к конкретному виду становится неразрешимой задачей. Поэтому на настоящий момент актуальной проблемой становится необходимость разработки экспертной методики для решения этого вопроса.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 23.11.2020 N 733 "Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года" [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368501 (дата обращения 30.10.2025).
2. Винникова, М. А., Мохначев С.О. Психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением галлюциногенов // Наркология : Национальное руководство. – Москва : Издательская группа "ГЭОТАР-Медиа", 2016. С. 386-402.
3. Epling C., Jativa C.D. A New Species of *Salvia* from Mexico // Botanical Museum Leaflets, Harvard University. Vol. 20. 1962. P. 297-299.
4. Johnson J. B. The Elements of Mazatec Witchcraft // Göteborgs Etnografiska Museum Etnologiska Studier. 1939. Vol. 9. P. 119-149.
5. Martínez-Gordillo M., Martínez-Ambríz E., García-Peña M.R., Cantú-Morón E.A., Fragoso-Martínez I. Flora del Valle de Tehuacán-Cuicatlán Lamiaceae. Instituto de Biología, Universidad Nacional Autónoma de México, 2019. P. 1-233.
6. Ortega A., Blount J. F., Manchand P. S. Salvinorin, anewtrans-neoclerodane diterpene from *Salvia divinorum* (Labiatae) // J.Chem.Soc.PerkinsTrans.,1. 1982. P. 2505-2508.
7. Reisfield F. S. The botany of *Salvia divinorum* (Labiatae) // SIDA, Contributions to Botany, 15 (3). 1993. P. 349-366.
8. Siebert D.J. The History of the first *Salvia divinorum* plants cultivated outside of Mexico // Etheogen Rev. XII. 2003. P. 117-118.
9. Siebert D.J. Localization of salvinorin A and related compounds in glandular trichomes of the psychoactive sage, *Salvia divinorum* // Ann Bot., 93(6). 2004. P. 763-771.

References:

1. Ukaz Prezidenta RF ot 23.11.2020 N 733 "Ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoj antinarkoticheskoy politiki Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda" [Elektronnyj resurs] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368501 (data obrashcheniya 30.10.2025).
2. Vinnikova. M. A., Mokhnachev S.O. Psikhicheskiye i povedencheskiye rasstroystva. vyzvannyye upotrebleniyem gallyutsinogenov // Narkologiya : Natsionalnoye rukovodstvo. – Moskva : Izdatelskaya gruppа "GEOTAR-Media". 2016. S. 386-402.
3. Epling C., Jativa C.D. A New Species of *Salvia* from Mexico // Botanical Museum Leaflets, Harvard University. Vol. 20. 1962. P. 297-299.
4. Johnson J. B. The Elements of Mazatec Witchcraft // Göteborgs Etnografiska Museum Etnologiska Studier. 1939. Vol. 9. P. 119-149.
5. Martínez-Gordillo M., Martínez-Ambríz E., García-Peña M.R., Cantú-Morón E.A., Fragoso-Martínez I. Flora del Valle de Tehuacán-Cuicatlán Lamiaceae. Instituto de Biología, Universidad Nacional Autónoma de México, 2019. P. 1-233.
6. Ortega A., Blount J. F., Manchand P. S. Salvinorin, anewtrans-neoclerodane diterpene from *Salvia divinorum* (Labiatae) // J.Chem.Soc.PerkinsTrans.,1. 1982. P. 2505-2508.
7. Reisfield F. S. The botany of *Salvia divinorum* (Labiatae) // SIDA, Contributions to Botany, 15 (3). 1993. P. 349-366.
8. Siebert D.J. The History of the first *Salvia divinorum* plants cultivated outside of Mexico // Etheogen Rev. XII. 2003. P. 117-118.
9. Siebert D.J. Localization of salvinorin A and related compounds in glandular trichomes of the psychoactive sage, *Salvia divinorum* // Ann Bot., 93(6). 2004. P. 763-771.

DOI 10.47643/1815-1337_2025_12_740

УДК 343.82

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ ИНВАЛИДАМИ I ИЛИ II ГРУППЫ FEATURES OF SERVING A SENTENCE OF IMPRISONMENT FOR CONVICTS WHO ARE DISABLED IN GROUPS I OR II

НИСТРАТОВА Ирина Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права
и организации воспитательной работы с осужденными, Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия,
390000, Россия, г. Рязань, Сенная ул., 1.
e-mail: nistratova_is@mail.ru

NISTRATOVA Irina Sergeyevna,

associate professor of the Department of criminal executive law and organization of educational work with convicts,
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia,
1 Sennaya St., Ryazan, 390000, Russia.
e-mail: nistratova_is@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются актуальные аспекты исполнения наказания в виде лишения свободы в направлении гуманизации, которая тесно связана с обеспечением и защитой прав осужденных, являющихся инвалидами I или II группы. Автором аргументирована необходимость введения в исправительных учреждениях должности по уходу за осужденными, являющимися инвалидами, которые нуждаются временно или постоянно в посторонней помощи. В этом случае инвалиды будут более защищены в плане самообслуживания, а также появятся дополнительные рабочие места для здоровых осужденных, где они будут трудиться и получать заработную плату.

Abstract: The article discusses the current aspects of the implementation of imprisonment in the direction of humanization, which is closely related to ensuring and protecting the rights of convicts who are disabled in groups I or II. The author substantiates the need to introduce a position in correctional facilities for the care of disabled convicts who require temporary or permanent assistance. In this case, disabled convicts will be better protected in terms of self-care, and there will be additional jobs for healthy convicts, where they can work and earn a salary.

Ключевые слова: осужденные, являющиеся инвалидами I или II группы, исполнение наказания в виде лишения свободы, исправительные учреждения, исправление осужденных, трудовое устройство осужденных.

Keywords: convicts who are disabled in groups I or II, execution of sentences of imprisonment, correctional facilities, correction of convicts, and employment of convicts.

Для цитирования: Нистратова И.С. Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, являющихся инвалидами I или II группы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 740-742. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_740.

For citation: Nistratova I.S. Features of serving a sentence of imprisonment for convicts who are disabled in groups I or II // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 740-742. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_740.

Статья поступила в редакцию: 22.10.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В современных условиях целью государственной политики Российской Федерации является обеспечение и защиты инвалидам, равных с другими гражданами, прав и свобод. Об этом, в частности, свидетельствует Федеральный закон Российской Федерации от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» и внесенные в него изменения.

В соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2024 г. № 2401-р «Об утверждении Концепции по повышению уровня занятости инвалидов в Российской Федерации на период до 2030 г. и плана мероприятий по реализации Концепции по повышению уровня занятости инвалидов в Российской Федерации на период до 2030 г.»

общая численность инвалидов в Российской Федерации по состоянию на 31 декабря 2023 г. составила 11 млн. человек, из них 4,2 млн. человек находились в трудоспособном возрасте.

Осужденные к лишению свободы, являющиеся инвалидами I или II группы – это особая категория лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях (далее – ИУ), которая нуждается в определении индивидуальных средств исправления с учетом степени инвалидности, отношения самого осужденного к ограничению физических возможностей, реакции здоровых осужденных на указанного осужденного и др.

Как справедливо отмечает Барышева А. В. и Куренкова О. Е. специального нормативно-правового документа, определяющего исполнение наказаний в отношении осужденных, являющихся инвалидами, нет. Отдельные разъяснения содержатся в ряде нормативных актов [4, с. 6].

Меры, которые сегодня иницируются ФСИН России, и часть которых уже реализована, направлены, прежде всего, на исполнение наказаний в соответствии с российским законодательством и соблюдением прав и интересов осужденных, в том числе инвалидов. Так, например, для отбывания наказания в виде лишения свободы осужденным, являющимся инвалидами I или II группы, создаются улучшенные жилищно-бытовые условия и устанавливаются повышенные нормы питания, при этом питание, одежда, коммунально-бытовые услуги и индивидуальные средства гигиены предоставляются бесплатно (ч. 5, 6 ст. 99 УИК РФ). В отличие от здоровых осужденных на лицевой счет инвалидов I или II группы зачисляется независимо от всех удержаний не менее 50% начисленных им заработной платы, пенсии и иных доходов (ч. 3 ст. 107 УИК РФ).

Обеспечение осужденных, являющихся инвалидами I или II группы, надлежащими жилищными и бытовыми условиями в соответствии с медицинскими требованиями играет значительную роль в процессе их исправления, выступает материальным условием уголовно-исполнительного процесса. Хорошо налаженный быт способствует привитию осужденным положительных привычек и навыков, приучает их к порядку и дисциплине [1, с. 36].

В соответствии с Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (далее – ПВР ИУ) администрация ИУ размещает осужденных, являющихся инвалидами I или II группы, в общежитиях для проживания осужденных к лишению свободы, расположенных на первых этажах зданий, а также оказывает помощь в организации для них реабилитационных мероприятий. Данные лица размещаются на нижнем ярусе кровати, а при наличии возможности помещения оснащаются одноярусными кроватями.

В ИУ сооружаются пандусы, инвалиды пользуются всеми правами, в том числе, и на пользование креслами-колясками, протезно-ортопедическими изделиями, печатными изданиями со специальным шрифтом, звукоусиливающей аппаратурой и другими аналогичными средствами. Данным лицам обеспечивается доступ в места общего пребывания осужденных к лишению свободы в установленное их распорядком дня время.

Однако многие осужденные, являющиеся инвалидами, не справляются с самообслуживанием, для этого им часто помогают другие осужденные и нередко с целью получения определенной выгоды. Например, в соответствии с ч. 6 ст. 88 УИК РФ осужденные, являющиеся инвалидами I или II группы, вправе расходовать денежные средства, полученные в качестве пенсии или социального пособия, без ограничения по безналичному расчету для покупки в магазине учреждения продуктов питания и предметов первой необходимости, а также на иные нужды, и здоровые осужденные, помогающие инвалидам, часто вынуждают данного осужденного потратить денежные средства на их собственные нужды.

В соответствии с ч. 2 ст. 90 УИК РФ осужденные, являющиеся инвалидами I или II группы, могут получать дополнительные посылки и передачи в количестве и ассортименте, определяемых в соответствии с медицинским заключением. При этом нередко осужденные инвалиды отдают посылки другим осужденным, которые им оказывают помощь в уходе.

В п. 471 ПВР ИУ указано, что осужденным, являющимся инвалидами I или II группы, в том числе нуждающимся в постоянном уходе, разрешается передвигаться по территории ИУ вне строя. Однако данное положение не указывает, кто должен осуществлять постоянный уход за указанными осужденными.

Для решения этого вопроса мы предлагаем ввести в ИУ должности для осужденных по уходу за инвалидами и теми осужденными, которым временно или постоянно нужна помощь по уходу, что поможет решить несколько проблем: во-первых, инвалиды и те, кто нуждаются в посторонней помощи, будут более защищены в плане самообслуживания; во-вторых, появятся дополнительные рабочие места для осужденных, где они будут трудиться и получать заработную плату; в-третьих, в воспитательном плане у здоровых осужденных, которые будут здесь работать, будут вырабатываться чувства милосердия и сострадания по отношению к лицам с ограниченными возможностями [3, с. 158].

В соответствии с ч. 2 ст. 108 УИК РФ при отсутствии медицинских противопоказаний осужденные, являющиеся инвалидами I или II группы, могут по их желанию пройти соответствующее профессиональное обучение или получить среднее профессиональное образование по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих с учетом соблюдения требований законодательства РФ.

По состоянию на 1 января 2023 г. при исправительных учреждениях имеется 285 общеобразовательных организаций и 442 учебно-консультационных пункта, 254 профессиональных образовательных учреждения ФСИН России и 179 их филиалов [2]. Несмотря на официальную статистику, остается множество трудностей для получения образования осужденными, являющимися инвалидами I или II группы, связанных прежде всего с особенностями их физического состояния.

В соответствии со ст. 103 УИК РФ осужденные, являющиеся инвалидами I или II группы, привлекаются к труду по их желанию. При этом каждого осужденного необходимо вовлекать в трудовую деятельность и привлекать к общественно полезному труду с учетом состояния здоровья. Организация новых производств создает условия для дополнительного трудоустройства осужденных и создает целую систему положительных факторов для их исправления. Во-первых, уменьшает конфликтные ситуации в ИУ, во-вторых, осужденные, в том числе и инвалиды, имеют возможность получить новую профессию и погасить судебные иски. Нельзя также не учитывать воспитательные, оздоровительные возможности труда, способствующие лучшей социальной адаптации после освобождения.

Особо стоит отметить меры по трудоустройству осужденных, являющихся инвалидами, в УИС. Количество специально оборудованных рабочих мест, соответствующих трудовым рекомендациям и функциональным возможностям инвалидов в ИУ каждый год увеличивается.

УИС планирует и в дальнейшем разрабатывать и осуществлять дополнительные организационные и практические меры, направленные на создание рабочих мест для осужденных, являющихся инвалидами, модернизацию и обновление основных производственных средств УИС.

Обращает на себя внимание сложность применения одинаковых исправительных средств в местах лишения свободы в отношении здоровых осужденных и инвалидов. В условиях изоляции от общества, осужденные, являющиеся инвалидами, не могут должным образом выполнять функции лечебно-профилактического характера совместно со средствами исправления, а также адекватно адаптироваться в ИУ наравне со здоровыми осужденными [3, с. 67].

Особое место в исправлении осужденных к лишению свободы отводится воспитательной работе с ними. Однако воспитательная ра-

бота с осужденными, являющимися инвалидами, имеет существенные отличия. Наряду с учетом их социально-демографических признаков, возраст, образование, семейное положение, трудовая занятость во время отбывания наказания и до освобождения необходимо учитывать наличие инвалидности, которое оказывает воздействие на физическое и психологическое состояние осужденного.

Таким образом, у осужденных, являющихся инвалидами I или II группы, возникает ряд дополнительных затруднений в реализации своих прав и законных интересов по сравнению со здоровыми осужденными, а наличие инвалидности также порождает проблемы в оказании помощи при уходе за данной категорией лиц. В связи с чем обоснована необходимость введения в ИУ должности по уходу за осужденными, являющимися инвалидами, при отбывании лишения свободы, которые нуждаются временно или постоянно в посторонней помощи. В этом случае инвалиды будут более защищены в плане самообслуживания, а также появятся дополнительные рабочие места для здоровых осужденных, где они будут трудиться и получать заработную плату.

Список литературы:

1. Ермолаева Т. В. Важнейшие современные проблемы организации медико-санитарного обеспечения осужденных // Организационно-правовое, психолого-педагогическое и социально-экономическое обеспечение Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: современное состояние и перспективы: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 27–28 окт. 2011 г.): Т. 2. Ч. 2. Рязань, 2011. С. 34–37.
2. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/?ref=tjournal.ru> (Дата обращения: 20.08.2025)
2. Нистратова И. С. Исполнение наказаний в отношении осужденных, больных социально значимыми заболеваниями 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Нистратова Ирина Сергеевна. г. Грозный. 311 с.
3. Социальная и психологическая работа по созданию доступной среды для осужденных инвалидов в исправительных учреждениях: уч. пособие под общ. ред. О. Е. Куренковой. Вологда. 2021. 76 с.

References:

1. Ermolaeva T. V. The most important modern problems of the organization of medical and sanitary provision of convicts // Organizational, legal, psychological, pedagogical and socio-economic support of the Concept of development of the penal system of the Russian Federation until 2020: current state and prospects: collection of materials of the international scientific and practical conference (Ryazan, October 27-28, 2011) : Vol. 2. Part 2. Ryazan, 2011. pp. 34-37.
2. Brief description of the penal enforcement system of the Russian Federation // Access mode: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/?ref=tjournal.ru> (Date of request: 08/20/2025)
2. Nistratova I. S. Execution of punishments against convicts with socially significant diseases 12.00.08 "Criminal law and criminology; penal enforcement law": dissertation for the degree of Candidate of Law / Nistratova Irina Sergeevna. the city of Grozny. 311 pages .
3. Social and psychological work to create an accessible environment for convicted persons with disabilities in correctional institutions: a textbook under the general editorship of O. E. Kurenkova. Vologda. 2021. 76 p.

ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ: НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ EXECUTION OF PUNISHMENT IN THE FORM OF FORCED LABOR: NOVELTIES OF LEGISLATION AND PROBLEMS OF APPLICATION

ЛЯДОВ Эдуард Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент
заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными
Академии ФСИН России.

390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.

E-mail: leve2000@yandex.ru

НИСТРАТОВА Ирина Сергеевна,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными
Академии ФСИН России.

390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.

E-mail: nistratova_is@mail.ru

LYADOV Eduard Vladimirovich,

Candidate of Law, Associate Professor,
Deputy Head of the Department of Penal Enforcement Law and Organization of Educational Work with Convicts
at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

390000, Russia, Ryazan, Sennaya St., 1

E-mail: leve2000@yandex.ru

NISTRATOVA Irina Sergeevna,

Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Penal Enforcement Law and Organization of Educational Work with Convicts
at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.

390000, Russia, Ryazan, Sennaya St., 1

E-mail: nistratova_is@mail.ru

Краткая аннотация. В данной статье рассматривается практика замены уголовного наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания – принудительными работами. Предлагается алгоритм действий сотрудников ИЦ (УФИЦ) для получения характеризующего материала на осужденного, к которому применен институт, предусмотренный ст. 80 УК РФ. Анализируются новеллы законодательства, затрагивающие применение уголовного наказания в виде принудительных работ.

Abstract. This article examines the practice of replacing criminal punishment in the form of imprisonment with a milder type of punishment – forced labor. The algorithm of actions of the staff of the Information Center (UFIC) is proposed to obtain characterizing material on a convict to whom the institute provided for in Article 80 of the Criminal Code of the Russian Federation has been applied. The novelties of legislation affecting the use of criminal punishment in the form of forced labor are analyzed.

Ключевые слова: уголовное наказание, лишение свободы, принудительные работы, назначение наказания, исполнение наказания, осужденный, приговор, замена более мягким видом наказания.

Keywords: criminal punishment, imprisonment, forced labor, sentencing, execution of punishment, convicted person, sentence, substitution of a milder type of punishment.

Для цитирования: Лядов Э.В., Нистратова И.С. Исполнение наказания в виде принудительных работ: новеллы законодательства и проблемы применения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 743-745. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_743.

For citation: Lyadov E.V., Nistratova I.S. Execution of punishment in the form of forced labor: novelties of legislation and problems of application // Law and state: theory and practice. 2025. No. 12. pp. 743-745. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_12_743.

Статья поступила в редакцию: 04.12.2025

Дата публикации: 30.12.2025

В действующей редакции УК РФ принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы за совершение преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые (ст. 53.1 УК РФ) и только когда данный вид наказания наряду с лишением свободы прямо предусмотрен санкциями соответствующих статей Особенной части УК РФ [1]. При этом «в силу положений п. 7.1 ч. 1 ст. 299 УПК РФ при постановлении обвинительного приговора суд обязан разрешить вопрос о том, имеются ли основания для замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами в случаях и порядке, установленных статьей 53.1 УК РФ» [2].

Стоит отметить, что в соответствии с положениями ч. 3 ст. 53.1 УК РФ принудительные работы заключаются в привлечении осужденного к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы. Согласно ч. 7.1 ст. 16, ст. 60.1 УИК РФ осужденные к принудительным работам отбывают наказание в специальных учреждениях – исправительных центрах (далее – ИЦ). Обязательным условием применения принудительных работ является установление в приговоре суда размера удержаний из заработной платы осужденного в пределах от 5% до 20 %. В противном случае наказание считается не назначенным [3].

Применительно же к вопросу о замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами в соответствии со ст. 80 УК РФ последние применяются судом независимо от того, предусмотрено ли данное наказание санкцией статьи Особенной части

УК РФ, по которой было назначено заменяемое наказание, при условии соблюдения требований ч. 7 ст. 53.1 УК РФ [1]. Указанная норма накладывает ограничение на возможность замены лицам, которым данный вид наказания не может быть назначен, а именно, несовершеннолетним, лицам, признанным инвалидами первой или второй группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, лицам, достигшим возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости и признанным полностью неспособными к трудовой деятельности в соответствии с медицинским заключением, а также военнослужащим.

Следует отметить, наличие более коротких сроков в возможности замены лишения свободы принудительными работами в ч. 2 ст. 80 УК РФ в отношении лиц, совершивших преступления небольшой, средней тяжести и тяжкое преступление.

Если проанализировать данные Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации о замене наказания в виде лишения свободы принудительными работами, то можно увидеть положительную динамику по данному вопросу. Так, если в 2017 г. удельный вес удовлетворенных из рассмотренных представлений, ходатайств о такой замене было всего 9,26%, то в 2020 г. уже 23,46% (+ 153,35%), а в 2024 г. 37,80% (+ 61,13%).

Указанные статистические данные подтверждают востребованность замены неотбытой части лишения свободы на принудительные работы и расширения как практики применения, так и количества лиц, ежегодно состоявших на учете в ИЦ (УФИЦ) [4, с. 321-323].

Исходя из Положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 года № 1138-р) в 2021 году сформирована сеть исправительных центров в 76 субъектах Российской Федерации, состоящая из 111 учреждений, с возможностью размещения в них 8 200 осужденных, но уже 182 000 осужденных имели право на замену лишения свободы принудительными работами, к 2024 году планировалось кратно увеличить число мест, к 2030 году – обеспечить 100% потребности.

При опросе практических работников ИУ, ими отмечается, что наименьшее количество лиц, нарушающих режим, именно при замене на принудительные работы, в отличие от тех, кому изначально было назначено данное наказание.

Несмотря на широкое применение замены неотбытой части наказания в виде лишения свободы на принудительные работы остается ряд нерешенных вопросов.

Зачастую при поступлении в ИЦ(УФИЦ) осужденного к принудительным работам, которому неотбытая часть наказания в виде лишения свободы заменена более мягким видом наказания, у администрации ИЦ(УФИЦ) отсутствует характеризующая информация на осужденного из ИУ, что значительно затрудняет работу по исправлению указанного лица.

В соответствии с п. 26 приложения № 2 «Порядок осуществления социальной и воспитательной работы с осужденными к наказаниям в виде принудительных работ или лишения свободы, оказания им психологической помощи» к приказу Минюста России от 29.11.2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ „О пробации в Российской Федерации»» при поступлении в исправительный центр осужденного к принудительным работам, которому неотбытая часть наказания в виде лишения свободы заменена более мягким видом наказания, администрация исправительного центра осуществляет сбор и анализ характеризующей информации, полученной из исправительного учреждения (характеристика, справка о поощрениях и взысканиях, планы индивидуально-воспитательной работы), а в случае непоступления информации в исправительный центр к моменту прибытия осужденного к принудительным работам – делает соответствующий запрос в исправительное учреждение, где данный осужденный отбывал наказание в виде лишения свободы.

Однако порядок обращения с запросом до сих пор не урегулирован. В связи с этим нами предлагается следующий алгоритм действий при поступлении в исправительный центр осужденного к принудительным работам, которому неотбытая часть наказания в виде лишения свободы заменена более мягким видом наказания.

При получении исправительным учреждением, в котором отбывает наказание осужденный, постановления (определения) суда о замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами не позднее четырех дней характеризующая информация (характеристика, справка о поощрениях и взысканиях, копии планов индивидуально-воспитательной работы, сведения о постановке (снятии) в исправительных учреждениях УИС на профилактический учет) направляется данным исправительным учреждением, в территориальный орган УИС по месту его дислокации.

Перевод осуществляется:

- при направлении осужденного в ИЦ, УФИЦ, УИЦ, расположенные в пределах одного субъекта Российской Федерации – по заключению территориального органа УИС;
- при направлении осужденного в ИЦ, УФИЦ, УИЦ, расположенные на территории других субъектов Российской Федерации – по решению ФСИН России на основании мотивированного заключения территориального органа УИС.

Заключение о направлении осужденного в ИЦ, УФИЦ, УИЦ утверждается начальником территориального органа УИС либо лицом, его замещающим.

К заключению, утвержденному территориальным органом УИС, должна прилагаться характеризующая осужденного информация (характеристика, справка о поощрениях и взысканиях, копии планов индивидуально-воспитательной работы, сведения о постановке (снятии) в исправительных учреждениях УИС на профилактический учет).

При направлении осужденного в ИЦ, УФИЦ, УИЦ, расположенные в пределах одного субъекта Российской Федерации, не позднее дня

вручения осужденному предписания о направлении к месту отбывания наказания, характеризующая информация направляется территориальным органом УИС по месту нахождения ИЦ, УФИЦ, УИЦ.

При направлении осужденного в ИЦ, УФИЦ, УИЦ, расположенные на территории других субъектов Российской Федерации, характеризующая осужденного информация, направляется территориальным органом УИС не позднее дня вручения осужденному предписания о направлении к месту отбывания наказания, после принятия решения о переводе ФСИН России.

Направление характеризующей осужденного информации возможно посредством фельдъегерской связи (заказного почтового отправления с уведомлением о вручении), системы электронного документооборота с учетом соблюдения требований Федерального закона от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [5] и Федерального закона от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [6].

Федеральным Законом Российской Федерации от 23.07.2025 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 7.1 части первой статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [7] существенно изменяется юридическая природа и порядок назначения, исполнения принудительных работ.

Так, если ранее уголовное наказание в виде принудительных работ выступало альтернативой лишению свободы и фактически не имело статуса самостоятельного вида наказания, то теперь оно определено именно как самостоятельный вид наказания, не требующий предварительного назначения лишения свободы. Ч. 1 ст. 53.1 УК РФ определяет, что «принудительные работы заключаются в содержании осужденного в учреждении уголовно-исполнительной системы и привлечении его к труду в местах, определяемых учреждением уголовно-исполнительной системы». Расширился перечень санкций ряда статей Особенной части УК РФ, содержащих наказание в виде принудительных работ. В ч.5 ст. 53.1 УК РФ закреплена новая категория лиц, которым принудительные работы не могут быть назначены, а именно, мужчины, имеющие детей в возрасте до трех лет и являющимся единственным родителем. Указанные изменения вступают в силу 20.01.2026 г.

Данная законодательная новелла серьезно упростит порядок назначения принудительных работ, позволяя судам применять последний без предварительного назначения лишения свободы, с последующим принятием решения о замене лишения свободы на принудительные работы.

Таким образом, законодательные изменения, касающиеся порядка назначения принудительных работ и расширение перечня санкций ряда статей Особенной части УК РФ, содержащих наказание в виде принудительных работ, а также разработанный авторами алгоритм передачи характеризующей осужденного информации из ИУ в ИЦ, УФИЦ, УИЦ будет способствовать расширенной практики применения принудительных работ и уменьшению, возникающих проблем при их реализации.

Список литературы:

1. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2016. № 2.
2. Обзор практики Верховного суда Российской Федерации по применению норм уголовного закона о назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера (по материалам уголовных дел, рассмотренных в кассационном порядке) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.12.2024).
3. Прокурор разъясняет - Прокуратура Республики Коми // Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_11/activity/legal-education/explain?item=23970083 (Дата обращения: 10.11.2025).
4. Лядов Э.В. Замена уголовного наказания в виде лишения свободы принудительными работами как более мягким видом наказания // Евразийский юридический журнал. 2022. № 8 (171). С. 321–323.
5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
6. О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 7.1 части первой статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 23 июля 2025 г. № 218-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 30 (Часть I). Ст. 4367.1.

References:

1. On the practice of assigning criminal penalties by the courts of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 22, 2015 No. 58 (as amended on December 18, 2018) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. Federation. 2016. No. 2.
2. Review of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of the norms of the criminal law on sentencing and other criminal law measures (based on the materials of criminal cases considered in cassation) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 12/18/2024).
3. The prosecutor explains - The Prosecutor's Office of the Komi Republic // Access mode: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_11/activity/legal-education/explain?item=23970083 (Date of request: 11/10/2025).
4. Lyadov E.V. Substitution of criminal punishment in the form of imprisonment by forced labor as a milder type of punishment // Eurasian Law Journal. 2022. No. 8 (171). pp. 321-323.
5. On information, information technologies and information protection: feder. The law of July 27, 2006, No. 149-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. Federation. 2006. No. 31 (1 part). Article 3448.
6. About personal data: feder. The law of July 27, 2006 No. 152-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. Federation. 2006. No. 31 (1 part). Art. 3451.
7. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Invalidation of Paragraph 7.1 of the First Part of Article 299 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: feder. The law of July 23, 2025, No. 218-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. Federation. 2025. No. 30 (Part I). Article 4367.1.